

Лора
Гаммельтон

Королева
Тьмы

ПОСЛЕДНИЙ ТЕНЬ

Перед вами — новая сага знаменитой Л.К.Гамильтон и новая героиня — Мередит Джентри, бежавшая принцесса темных фейри, которая стала в нашем мире частным детективом по расследованию паранормальных и магических преступлений.

Но теперь прошлое вернулось.

Посланцы из королевства фейри наконец отыскали Мередит.

Чего они хотят?

Примирения с "блудной феей" — или ее смерти?!

Мередит понимает — время страха закончилось.

Настало время сражаться!

Лорел Гамильтон
Поцелуй теней

Глава 1

Даже из окон двадцать третьего этажа виден был только серый смог. Если это — Город Ангелов, то летают они тут вслепую.

Лос-Анджелес — такое место, где отлично прятаться, будь ты хоть с крыльями, хоть без. От других, от себя. Я сюда приехала спрятаться, и это получилось, но сейчас, пытаюсь пробить взглядом густой грязный воздух, я хотела домой. Домой, где воздух почти всегда голубой, где не надо поливать землю, чтобы трава росла. Домой — это в Кахокию, штат Иллинойс, но туда мне нельзя — убьют меня родственники и их союзники. Каждой девушке хочется вырасти принцессой фей — но поверьте мне, это совсем не так заманчиво, как кажется.

В дверь офиса постучали. Я открыла, не спрашивая. В проеме стоял мой босс, Джереми Грей. Седой коротышка ростом в четыре фута одиннадцать дюймов — на дюйм меня ниже. Весь серый, от темного костюма от Армани и до застегнутой рубашки с шелковым галстуком. Только начищенные туфли блестели черным. И даже кожа равномерно бледно-серая. Не от болезни или старости — он был трау во цвете лет, чуть за четыреста. Имелись, конечно, легкие морщинки вокруг глаз и около тонких губ, придававшие ему зрелый вид, но старым он никогда не будет. Джереми может жить вечно, без воздействия смертной крови и действительно неплохого заклинания. Теоретически вечно. Ученые говорят, что где-то через пять миллиардов лет Солнце раздуется и поглотит Землю, и феи этого тоже не переживут. Погибнут. Можно ли пять миллиардов лет считать вечностью? Я так не думаю. Хотя это довольно близкие понятия, так что остальные могут завидовать.

Я прислонилась спиной к окну, к густому нависшему смогу. День был сер, как мой шеф, только шеф был серым отчетливо, прохладно, как весенние тучи перед дождем. А то, что за окном, ощущалось тяжелым и густым, как что-то такое, что стараешься проглотить и давишься. То ли этим днем я давилась, то ли собственным настроением.

— Что-то ты сегодня хмурая, Мерри, — заметил Джереми. — Что случилось?

Он закрыл за собой дверь. Проверил, плотно ли закрыл. Хотел, значит, разговора наедине. Может, ради моей же пользы, только я почему-то так не думала. Какое-то напряжение в его глазах, в положении узких плеч хорошо сшитого костюма, говорили мне, что не только я сегодня в мрачном настроении. Может, дело в погоде, точнее, в ее отсутствии. Хороший ливень или даже приличный ветер унес бы смог, и город задышал бы снова.

— Тоска по дому, — ответила я. — А у тебя что?

Он слегка улыбнулся:

— Тебя не проведешь, Мерри.

— И не надо.

— Отличный наряд.

Когда Джереми хвалил мою одежду, я знала, что действительно отлично выгляжу. Сам он выглядел элегантно даже в джинсах и футболке, которые надевал лишь при крайней необходимости маскировки. Однажды я видела как он пробежал милю за три минуты в туфлях от Гуччи, преследуя подозреваемого. Ну, надо сказать, его сверхчеловеческая ловкость и быстрота ему в этом помогли. Сама же я, когда предполагала, что придется гоняться за кем-нибудь, что бывало редко, меняла туфли на кроссовки.

Джереми посмотрел на меня, как смотрит мужчина, когда одобряет то, что видит. Ничего личного в этом не было — у фейри считается оскорблением не заметить, когда кто-то хочет выглядеть привлекательно, — это пощечина, объявляющая, что попытка провалилась. У меня она, очевидно, удалась. В хмурое от смога утро я оделась ярче обычного, чтобы как-то себя развеселить. Ярко-синий двубортный жакет с серебряными пуговицами, к нему синяя плиссированная юбка. Настолько короткая, что, если не так скрестить ноги, будет виден край чулка на резинке. И еще — двухдюймовые каблуки. При моем росте что-то надо делать, чтобы ноги казались длиннее. Обычно у меня каблуки трехдюймовые.

Волосы в зеркалах отсвечивали темно-красным. Цвет ближе к рыжему, чем к каштановому, но с черным отливом, а не коричневым, как у большинства рыжих. Темные рубины — очень модный в этом году цвет. Кроваво-золотистым называют его при королевском дворе фей. Фейский алый — «*сидхе скарлет*», если пойти в хороший салон. И еще это мой натуральный цвет. Пока он не вошел в этом году в моду с нужным оттенком, мне приходилось его скрывать. Я красилась в черный, потому что он естественнее смотрится с моей кожей, чем человеческий рыжий. Многие, кто красит волосы, ошибочно думают, что *сидхе скарлет* дополняет натуральный цвет рыжих. Это не так. Это единственный цвет, который, насколько мне известно, подходит к бледному, чисто-белому тону кожи. Это рыжина для того, кто отлично выглядит в черном, в чисто-красном, в темно-синем.

Единственное, что приходилось скрывать и теперь, — живую зелень и золото глаз и свечение кожи. На глаза я надевала темно-карие линзы. Кожа — тут уж приходилось ее приглушать гламором, магией. Постоянной концентрацией, будто слышишь в голове музыку, чтобы никогда не потерять бдительность и не начать светиться. Люди ведь никогда не светятся. Не светиться — вот для чего я накрывала глаза линзами. И еще я сплела вокруг себя заклинание, как длинное привычное пальто-иллюзию, будто я — человек с примесью крови низших фей, обладающий некоторыми парапсихическими и мистическими способностями, превращающими меня в превосходного детектива, но ничего уж такого выдающегося.

Джереми не знал, кто я. Никто в нашем агентстве не знал. Я была одной из слабейших придворных королевского двора, но сидхе, даже слабейший, — это много. Это значило, что я с успехом скрывала свою истинную суть, свои истинные способности от горстки лучших магов и экстрасенсов города. Может быть, и страны. Тоже немало, но тот гламор, в котором я искусна, не отвратит нож от моей кожи и не отобьет заклинание, дробящее сердце. Для этого нужны умения, которыми я не владею, и это — одна из причин, почему я скрываюсь. Сразиться с сидхе и выжить у меня не получится, так что скрываться — лучшее решение. Джереми и ребятам я верила, они были моими друзьями. Но я знала, что могут с ними сделать сидхе, если найдут меня и обнаружат, что ребята знали мою тайну. Если они ничего не будут знать, их отпустят и займутся только мною. Тот случай, когда неведение — благо. Хотя я понимала, что некоторые из моих друзей сочтут это своего рода предательством. Но если выбирать — быть им живыми и невредимыми, но злиться на меня, или умереть под пыткой, но не злиться, — я выбираю первое. Их злость я переживу. А их смерть — не уверена.

Знаю, знаю! Почему не пойти в Бюро по делам людей и фей и не попросить убежища? А вот почему: может быть, мои родственники меня убьют, если найдут. Может быть. Если же я выступлю публично и выставлю наше грязное белье на мировые телеканалы и прессу, они

меня убьют непременно. И намного медленнее. Так что ни полиции, ни посольств — только игра в кошки-мышки. Смертельная игра.

Я улыбнулась Джереми и сделала то, что он хотел: посмотрела так, будто оценила изящный потенциал его тела под безупречным костюмом. Для людей это выглядело бы как заигрывание, но для феи или фейри — любого рода — это даже близко не было к флирту.

— Спасибо, Джереми. Но ты ведь сюда пришел не хвалить мой наряд.

Он отошел от двери, ухоженными пальцами провел по краю моего стола.

— У меня там две женщины в офисе, — сказал он. — Хотят быть клиентками.

— Хотят? — переспросила я.

Он повернулся, оперся на стол, скрестив руки на груди. Точно так встал, как я у окна, — бессознательно или намеренно, хотя я не знаю, зачем бы.

— Обычно мы разводами не занимаемся, — сказал Джереми.

Я сделала большие глаза и отодвинулась от окна:

— Вводная лекция для нового работника, Джереми: "Детективное агентство Грея никогда, ни за что, *ни при каких обстоятельствах* не занимается разводами".

— Да знаю, знаю, — отозвался он.

Отойдя от стола, он подошел ко мне и тоже уставился за окно, в туман. И выглядел тоже не слишком радостным.

Я прислонилась спиной к стеклу, чтобы лучше видеть его лицо.

— Так зачем ты нарушаешь свое главное правило, Джереми? Он мотнул головой, не глядя на меня.

— Пойди посмотри на них, Мерри. Доверяю тебе судить. Если ты скажешь, что мы этим заниматься не будем, то мы не будем. Только я думаю, у тебя будет то же чувство, что у меня.

Я взяла его за плечо:

— И какое же у тебя чувство, начальник? Кроме тревоги?

Я провела ладонью вниз по его руке, и он посмотрел на меня.

Глаза его стали темно-серыми от злости, как сгоревшие угли.

— Пойди посмотри на них, Мерри. Если ты разозлишься, как я, то мы этого гада прищучим.

Я сжала пальцы на его руке:

— Джереми, спокойнее. Обычное разводное дело.

— А если я тебе скажу, что это покушение на убийство?

Голос звучал очень спокойно, по-деловому и никак не гармонировал с пристальностью взгляда, с напряженной дрожью руки.

Я отодвинулась:

— Покушение на убийство? Что ты имеешь в виду?

— Мерзейшее из всех смертельных заклинаний, что бывали в моем кабинете.

— Муж пытается ее убить?

— Кто-то пытается, и жена говорит, что это муж. Любовница с ней согласна.

Я заморгала:

— То есть ты хочешь сказать, что у тебя в кабинете сидят и жена, и любовница?

Он кивнул и даже, несмотря на обуревавший его гнев, не мог не улыбнуться.

Я улыбнулась в ответ:

— М-да, нечто совсем новое.

Он взял меня за руку:

— Это было бы новое, даже если бы мы *занимались* разводами.

Большим пальцем он поглаживал мои пальцы. Нервничал, иначе бы так надолго мою руку не задержал. Успокоительная гимнастика, вроде как что-то вертеть в руках. Потом поднес мою руку к губам и обозначил на ней поцелуй. Наверное, заметил, что проявляет нервозность. Он полыхнул белой улыбкой — лучшие коронки, которые можно купить за деньги, — и повернулся к двери.

— Сперва ответь мне на один вопрос, Джереми.

Он оправил костюм — чуть одернул пиджак, будто тот и так не сидел безупречно.

— Всегда готов.

— Почему ты так этого испугался?

Улыбка медленно погасла, лицо стало серьезным.

— Какое-то нехорошее чувство насчет всего этого, Мерри. Пророчество — не мой дар, но тут пахнет паленым.

— Так не берись. Мы не копы. Мы работаем за очень хорошие деньги, а не ради клятвы служить и защищать.

— Ты их сейчас увидишь. Если ты после этого честно скажешь, что мы остаемся в стороне, так тому и быть.

— А откуда вдруг у меня президентское вето? На вывеске у нас написано "Грей", а не "Джентри".

— Тереза — настолько эмпат, что никому не может отказать. Роан слишком мягкосердечен, чтобы прогнать плачущих женщин. — Он оправил сизовато-серый галстук, погладил бриллиантовую булавку. — Остальные — отличные работники, но решения принимать им не по зубам. Остаешься ты.

Я всмотрелась в его глаза, стараясь проникнуть за пелену гнева и тревоги, прочесть, что там у него в голове.

— Ты — не эмпат, не мягкосердечный и отлично умеешь принимать решения. Что мешает тебе принять и это?

— То, что, если мы их отправим, им идти больше некуда. Не получают помощи в нашем офисе — обе они покойницы.

Я смотрела на него, наконец-то поняв.

— Ты знаешь, что нам надо держаться в стороне, но не можешь заставить себя сказать это им. Не можешь заставить себя осудить их на смерть.

— Да, — кивнул он.

— И почему ты думаешь, что смогу я, если не можешь ты?

— Надеюсь, что хоть у одного из нас хватит здравого смысла не быть таким дураком.

— Я не допущу, чтобы вы все погибли ради чужих, Джереми, так что будь готов оставаться в стороне.

Даже я сама услышала, как холодно и жестко звучит мой голос.

Он снова улыбнулся:

— Узнаю нашу маленькую хладнокровную стерву.

Я пошла к двери, покачав головой.

— Вот поэтому ты меня и любишь, Джереми. За то, что можешь рассчитывать: я не дрогну.

И я вышла в коридор в полной уверенности, что сейчас этих баб сплавлю. Послужу

стеной, защищающей нас от благих намерений Джереми. Видит Богиня, случалось мне ошибаться, но редко когда так крупно, как предстояло сейчас.

Почему-то я думала, что сразу пойму, кто из них жена, а кто — любовница, с первого взгляда. Но с этого самого первого взгляда я увидела двух симпатичных женщин, одетых неформально, как две подружки, собравшиеся пошляться по магазинам и позавтракать в ресторане. Одна была маленькая, хотя на несколько дюймов выше меня или Джереми. Светлые волосы до плеч, небрежные кудряшки явно натуральные — она ничего особенного с ними сегодня не делала. Обыкновенная симпатичная девица, только большую часть лица занимали необычайно синие глаза. Густые черные брови дугой, бахрома темных ресниц очень эффектно обрамляет глаза, хотя цвет бровей вызывает сомнение в натуральности цвета волос. Косметики на ней не было, но как-то ей удавалось выглядеть очень хорошенькой — эфирно и притом весьма естественно. Чуть косметики и трудов — будет сногшибательная женщина. Да нет, косметики и более подходящей одежды будет мало.

Она сжалась в кресле для клиентов, ссутулила плечи, будто ждала удара. Прекрасные глаза смотрели на меня, не мигая, как у оленя в свете фар, будто ей было не под силу предотвратить то, что сейчас случится, а случится что-то очень плохое.

Вторая была высокой, пять футов восемь дюймов или даже больше, стройная, с длинными блестящими светло-каштановыми волосами, свисавшими до талии. На первый взгляд ей было чуть за двадцать. Потом я встретила с ней взглядом и по выражению этой карей глубины добавила еще лет десять. Так смотреть до тридцати не получается. Она выглядела уверенней блондинки, но какая-то дрожь была в ее глазах, напряжение в плечах, будто она подавляла какую-то глубокую боль. И казалось, что кости у нее под кожей сделаны из чего-то более хрупкого, чем обычная кость. Только одно может придать столь высокой, повелительной женщине хрупкий вид: кровь сидхе. Ну конечно, это было много поколений назад, совсем не то что мое родство с двором, но наверняка какая-то прапрапрабабушка полежала не с человеком и понесла дитя. Кровь фейри любого рода отмечает семью, но кровь сидхе остается навсегда. Если она есть, она уже не уйдет.

Я решила, что блондинка — жена, а шатенка — любовница. Из них двоих блондинка казалась более забитой, что и бывает при бурных мужьях. Они гнобят всех женщин, попадающих на жизненном пути, но обычно хуже всего приходится близким родственникам. Так было, во всяком случае, у моего деда.

Я вошла с улыбкой, протянув руку для пожатия, как с любым другим клиентом. Джереми нас представил. Маленькая блондинка оказалась женой, Фрэнсис Нортон, высокая шатенка — любовницей, Наоми Фелпс.

Рукопожатие Наоми было твердым, рука прохладной на ощупь, эти необычные косточки ходили под кожей. Я самую чуточку задержала ее руку, наслаждаясь ощущением. За три года я впервые общалась с другим сидхе. Даже прикосновение других фейри с этим не сравнится. Что-то есть в этой королевской крови, подобное наркотику. Если раз попробуешь, тебе всегда будет его не хватать.

Она посмотрела на меня озадаченно, и недоумение было очень человеческое. Я отпустила ее руку и постаралась притвориться человеком. Иногда это у меня получается лучше, иногда хуже. Я могла бы попытаться оценить ее парапсихически, посмотреть, нет ли в ней чего-то еще, кроме костной структуры, но невежливо пытаться читать чужие магические способности при первом знакомстве. Среди сидхе это считается прямым

вызовом, оскорблением — ты даешь понять, что не веришь в способность собеседника защитить себя от твоей назойливой магии. Наоми вряд ли восприняла бы это как оскорбление, но ее неведение не было бы оправданием моей грубости.

Фрэнсис Нортона протянула руку, будто боясь прикосновения, и отдернула сразу, как только я ее отпустила. Я с ней поздоровалась так же вежливо, как с ее подругой, но концами пальцев ощутила заклинание. Та тоненькая оболочка энергии, которая окружает всех нас, ее аура, уперлась мне в кожу, будто стараясь не дать дотронуться до женщины. Чья-то магия настолько сильно пропитала ее тело, что заполнила ауру, как грязная вода заполняет прозрачный стакан. В некотором смысле эта женщина уже не была самой собой. Не одержимость, но нечто похожее. Определенно имелось нарушение нескольких человеческих законов, причем серьезное.

Я пробила руку сквозь эту клубящуюся энергию, сжала ей руку. Заклинание попыталось взмыть вверх по моей руке. Глазами здесь ничего не увидеть, но как, бывает, видишь во сне, так я могла ощутить, что по моей руке пытается вползти неясный мрак. Я его остановила чуть ниже локтя и сосредоточилась, сдирая это со своей руки, как перчатку. Эта штука пробила все мои щиты, будто их и не было. Мало что на это способно. И ничто человеческое — точно.

Она посмотрела на меня большими-большими глазами:

— Что... что вы делаете?

— Я ничего с вами не делаю, миссис Нортона.

Мой голос прозвучал несколько отстраненно, потому что я сосредоточилась на том, чтобы содрать с себя заклинание. Надеюсь, когда я отпущу ее руку, оно ко мне не прилипнет.

Она попыталась забрать руку — я не выпустила. Она стала дергать руку — слабо, но отчаянно. Ее подруга сказала:

— Отпустите Фрэнсис! Немедленно!

Я уже почти освободилась, почти готова была отпустить ее руку, как вторая схватила меня за плечо. У меня волосы на шее встали дыбом, я потеряла концентрацию на собственной руке, потому что теперь я ощущала Наоми Фелпс. Заклинание снова залило мне руку и прошло полпути до плеча, пока я сумела сосредоточиться и остановить его. Но и только. Отодвинуть его обратно я не могла, потому что слишком много моего внимания заняла другая женщина.

Нельзя трогать того, кто выполняет что-нибудь магическое или парапсихическое, — если не хочешь, чтобы что-нибудьстряслось. Их поведение яснее прочего сказало мне, что ни одна из этих женщин не занимается ничем паранормальным. Никто, хоть чуть-чуть обученный, такого не сделает. Я ощущала остатки какого-то обряда, липнущие к телу Наоми. Чего-то сложного. Эгоистичного. Пришло незваное слово "прозорливость". Кто-то жрал ее энергию, оставляя парапсихические шрамы.

Она отдернулась от меня, прижимая руку к груди. Ощутила мою энергию — значит дар у нее есть. Это неудивительно, удивительно другое — она не обучена. Может быть, совсем не обучена. Сейчас по начальным классам ходят инспекторы и тестируют детей на парапсихическую одаренность, мистический дар, но в шестидесятые эта программа была новинкой. Наоми умудрилась остаться незамеченной, и сейчас ей за тридцать, а со своими способностями она не разобралась. К тридцати годам необученные парапсихики становятся сумасшедшими, уголовниками или самоубийцами. Но эта весьма сильная женщина стояла и

смотрела на меня глазами, где дрожали слезы.

— Мы сюда пришли не затем, чтобы нас тут... унижали.

Джереми подошел поближе, но ни к кому из нас не прикоснулся: уж он-то знал, что этого делать нельзя.

— Вас никто не хотел унижить, мисс Фелпс. Заклинание, наложенное на миссис Нортон, попыталось... присосаться к моей коллеге. Мисс Джентри только пыталась оттолкнуть его, когда вы до нее дотронулись. Никогда нельзя касаться того, кто выполняет что-то магическое, мисс Фелпс. Результат может быть непредсказуем.

Женщина посмотрела на меня, на него, и по лицу было видно, что ни на грош она нам не верит.

— Пошли, Фрэнсис. Сваливаем к той самой матери.

— Не могу.

Голос Фрэнсис прозвучал тихо и приниженно. Она смотрела на меня, в глазах ясно читался страх — передо мной.

Она ощущала обернувшуюся вокруг наших рук энергию, связавшую нас вместе, но думала, что это моя работа.

— Я вам клянусь, миссис Нортон, что я этого не делаю. Та магия, которую кто-то против вас использовал, сочла меня съедобной. Мне необходимо отодрать ее от себя и дать вернуться в вас.

— Я хочу, чтобы ее не было, — сказала она, и в голосе ее зазвенели нотки истерики.

— Если я ее с себя не сниму, тот, кто вложил ее в вас, сможет меня выследить. Сможет найти. Узнает, что я работаю в детективном агентстве: сверхъестественные проблемы — волшебные решения. — Такой у нас был слоган. — И узнает, что вы приходили сюда за помощью. Вряд ли вы хотите этого, миссис Нортон.

Слабая дрожь зародилась в ее пальцах, пошла вверх по рукам, и она затряслась вся, будто ей стало холодно. Может, и стало, только это был не тот холод, от которого спасет лишний свитер. Никакое внешнее тепло такого внутреннего холода не прогонит. Ее надо было согреть от самой разбитой сердцевины души и до кончиков пальцев. Кто-то должен был бы влить в нее силу, магию, по капле, как оттаивают ископаемое тело, найденное во льду. Если оттаять его слишком быстро, только еще сильнее повредишь. Такое тонкое использование силы — за пределами моих способностей. Все, что могла сделать я, — это отмерить ей немножко спокойствия, уменьшить ее страх; но тот, кто наложил заклятие, учует и это. Он не сможет проследить меня, но будет знать, что она ходила к кому-то, кто пытался ее лечить на парапсихическом уровне. Интуиция мне подсказывала, что автору заклятия это не понравится. И он может, скажем так, поспешить — ускорить процесс.

Я ощущала засасывающую энергию заклинания, как она пытается пробить мою защиту, сожрать и меня тоже. Как рак магического свойства, только заразнее гриппа. Скольких она уже заразила? Сколько людей ходит сейчас вокруг, а эта штука высасывает капли их энергии? Человек, обладающий небольшими парапсихическими способностями, понял бы, что случилось что-то, но что — не мог бы узнать. Такие люди избегали бы Фрэнсис Нортон, потому что при ней им было бы плохо, но могли бы неделями не понимать, что эта слабость, усталость, неопределенное чувство безнадежности, депрессия вызваны заклятием.

Я хотела было сказать ей, что собираюсь сделать, но, глядя в эти расширенные глаза, не стала. Она бы лишь напряглась сильнее, испугалась больше. Лучшее, что я могла, — это сделать заклинание для нее как можно менее заметным. Я постараюсь, чтобы она не

почувствовала, как заклинание вернется в нее, — но это и все, что было в моих силах.

Заклинание загустело, почернело, стало реальнее за те несколько мгновений, что липло к моей коже. Я стала его отдирать с руки. Оно липло как смола, скатывалось, как толстая ткань. Каждый дюйм кожи, который мне удавалось освободить, ощущался легче, чище. Невозможно было себе представить, каково это — жить полностью в такой скорлупе. Это как если всю жизнь провести без кислорода в темной комнате, куда не проникают ни свет, ни воздух.

Я освободила предплечье, кисть, медленно вытащила пальцы из ее ладони. Она стояла тихо-тихо, как спрятавшийся в траве кролик, в отчаянной надежде, что лиса пройдет мимо, только лежать надо очень тихо. Чего не понимала Фрэнсис Нортон — что лиса уже ее наполовину проглотила, и только задние ножки бьют по воздуху.

Когда я вытащила пальцы, заклинание прилипло к ним, потом отлипло и шлепнулось назад с почти слышимым звуком. Я вытерла руку о жакет. От заклинания я очистилась, но страшно хотелось вымыть руку горячей водой, не жалея мыла. Обычная вода и мыло не помогли бы, а вот от соли или святой воды толк мог бы быть.

Фрэнсис рухнула в кресло, спрятав лицо в ладонях, плечи ее тряслись. Сначала я подумала, что она плачет беззвучно, но когда Наоми обняла ее, она подняла сухое лицо. Фрэнсис тряслась, просто тряслась, словно уже не может плакать, не то чтобы не хочет, а именно не может, потому что слезы кончились. Она сидела, и любовница мужа обнимала ее, укачивала. Ее так трясло, что зубы стучали, но она не плакала. И это было хуже всего.

— Леди, прошу прощения — мы только выйдем на минутку.

Я глянула на Джереми и пошла к двери, зная, что он идет за мной. В коридоре он закрыл дверь и сразу начал:

— Мерри, прости меня. Я жал ей руку, и ничего такого не было. Это заклинание на меня не среагировало.

Я кивнула — я ему верила.

— Может, я на вкус получше.

Он усмехнулся:

— По опыту не знаю, конечно, но я был бы готов за это поручиться.

Я улыбнулась.

— Физически — быть может, но мистически ты по-своему не слабее меня. Господом и Госпожой клянусь, ты куда лучше маг, чем я могу стать в этой жизни, а оно на тебя не среагировало.

Он кивнул:

— Как видишь. Может, ты и права, Мерри. Может, для тебя это слишком опасно.

— Теперь он осторожничает, — сказала я в пространство.

Он посмотрел на меня, стараясь не улыбнуться:

— Почему-то мне кажется, что ты не окажешься той стервой с каменным сердцем, о ком я так мечтал.

Я прислонилась к стене и взглянула сердито:

— Эта штука такая злобная, что нам и полиция может помочь.

— Обратиться в полицию — это их не спасет. У нас нет доказательств, что это сделал ее муж. Если мы не докажем это в суде, он не получит срок, а значит, сможет и дальше долбать их магией. Чтобы он их не тронул, нам надо засадить его в защищенную камеру.

— А пока он не окажется в тюрьме, им нужна будет магическая защита. Это работа не

детектива, а няньки.

— Утер и Ринго — отличные няньки, — сказал он.

— Могу себе представить.

— И все равно ты недовольна. В чем дело?

— Нам надо от этого дела устраниться, — сказала я.

— Но ты не можешь.

Теперь он улыбался.

— Да, не могу.

В Соединенных Штатах тьма детективных агентств, которые говорят, что специализируются на сверхъестественном. Это хороший бизнес, но большинство таких агентств свою рекламу подтвердить не могут. А мы можем. Мы — одно из немногих агентств, которые могут похвастаться персоналом, где все, кроме двоих, — фейри. Мало есть чистокровных фейри, которые выдержат жизнь в большом людном городе. Л-А лучше, конечно, Нью-Йорка или Чикаго, но все равно это выматывает — когда тебя окружает столько металла, машин, людей. Мне это не мешает — моя человеческая кровь дает мне умение по-человечески терпеть тюрьму из стекла и стали. Культурные и личные мои предпочтения — сельская местность, но это не обязательно. Хорошо бы, но без нее я не стану чахнуть и вянуть. А есть фейри, которые станут.

— Хотела бы я им отказать, Джереми.

— У тебя тоже дурное предчувствие?

Я кивнула:

— Ага.

Но если я их выгоню, это дрожащее, бесслезное лицо будет преследовать меня во сне. Насколько мне известно, она может ко мне явиться после того, как их убийца закончит свою работу. И явятся они как праведные привидения и будут изводить меня стонами за то, что я заведомо лишила их последнего шанса выжить. Принято думать, что призраки являются к тому, кто их фактически убил, но это не совсем так. У привидений своеобразное чувство справедливости, и мне вполне может выпасть жребий таскать их за собой повсюду, пока не найду кого-нибудь, кто их упокоит. Если их вообще можно будет упокоить. Бывают духи, которых так просто не возьмешь. Тогда у вас может появиться фамильное привидение, воющее как баньши при каждой смерти. Не знаю, хватит ли на это силы характера у кого-нибудь из этих двоих, но мне это уже было все равно. Меня заставило вернуться в кабинет мое собственное чувство вины, а не страх перед упреками привидений. Говорят, что у фейри нет души, нет чувства личной ответственности. У некоторых — да, но не у Джереми и не у меня. Тем хуже для нас. Тем хуже.

Говорила в основном Наоми Фелпс, пока Фрэнсис сидела и дрожала. Наша секретарша принесла ей горячего кофе и шерстяной плед. Руки у бедняжки так тряслись, что она пролила кофе на плед, но все же что-то проглотила. То ли от тепла, то ли от кофеина, но вид у нее стал чуть получше.

Джеремии позвал Терезу послушать этих женщин. Тереза — наш штатный парапсихик. Ей двух дюймов не хватает до шести футов, она стройная, с широкими лепными скулами, длинными шелковистыми черными волосами и кожей цвета кофе с молоком. С первого взгляда я знала, что в ней есть кровь сидхе, а также афроамериканцев и еще каких-то фейри не из высшего круга. Оттого-то у нее ушки слегка остроконечные. Многие, косящие под фейри, делают себе пластику хряща для этой цели.

Отрачивают волосы до лодыжек и изображают из себя сидхе. Но у чистокровных сидхе не бывает остроконечных ушей — это признак смешанной крови, а не чистой. Однако фольклорные мифы живучи, и подавляющее большинство людей считает, что у истинного сидхе уши должны быть с остриями.

В Терезе ощущалась та же хрупкость скелета, что и в Наоми, но меня никогда не подмывало взять ее за руку. Она была редкой силы ясновидцем — я таких в жизни не видела. Я приличное количество энергии трачу, чтобы она до меня не дотронулась: тогда она могла бы узнать мои тайны и подвергнуть опасности всех нас. Сейчас она сидела в сторонке, темными глазами глядя на двух женщин. Рукопожатия она им не предлагала. Она даже обошла их по широкому кругу, чтобы не коснуться случайно. Лицо ее ничего не выдало, но она ощутила заклинание, опасность, как только вошла в комнату.

— Не знаю, сколько у него любовниц, — говорила Наоми, — дюжина, две дюжины, несколько сотен. — Она пожала плечами. — Знаю только, что я последняя в этом длинном ряду.

— Миссис Нортон! — окликнул Джереми блондинку.

Фрэнсис повернулась к нему, вздрогнув, будто не ожидала, что ее будут спрашивать.

— У вас есть доказательства насчет всех этих женщин?

Она сглотнула слюну и ответила почти шепотом:

— Поляроидные снимки. Он их хранит. — Уставившись на колени, она еле слышно пробормотала: — Называет их трофеями.

Я не могла не спросить:

— Он вам их показывал, или вы их сами нашли?

Она подняла глаза — пустые. Ни гнева, ни стыда — ничего.

— Он показывал. Он любит... любит мне рассказывать, что с ними делал. В чем каждая из них лучше меня.

Я открыла рот, закрыла, потому что ничего полезного придумать не могла. Я негодовала от ее имени, но сердиться от имени Фрэнсис Нортон должна была Фрэнсис Нортон. Моя злость может нам помочь решить непосредственные проблемы, но силу эта злость ей не вернет. Если убрать из картины мужа, причиненное зло этим не исправишь. Она была поражена не только заклинанием.

Наоми погладила ее по руке, успокаивая.

— Вот так она со мной познакомилась. Она увидела мою фотографию, а потом мы как-

то столкнулись случайно. Я увидела, что она на меня пристально смотрит в ресторане. Он ее разбудил, когда пришел домой, и рассказал, что со мной делал. — Пришел черед Наоми смотреть на свои колени, на пустые ладони. — У меня были видны синяки. — Она подняла взгляд, посмотрела мне в глаза. — Фрэнсис подошла к моему столу. Она закатила рукав и показала мне свои. А потом сказала просто: "Я его жена". Вот так мы познакомились.

Она застенчиво улыбнулась наконец — так, как будто рассказывала, как встретила с возлюбленным. Нежная история, излагаемая другим.

А нет ли между ними большего, чем физическое насилие и этот муж? Если они в любовной связи, то это может изменить способ лечения. В мистике часто приходится учитывать эмоции. Дело в том, что у любви и ненависти энергия разная, и работать с ними надо по-разному. Нам надо было знать точно, что связывает этих женщин, до того, как приниматься всерьез за исцеление, но это будет не сегодня. Сегодня мы будем слушать, что они нам расскажут.

— Это было очень смело с вашей стороны, — сказала Тереза.

В голосе, как и во всем ее облике, было что-то мягкое и женственное, но под этим чем-то угадывалась сила, сталь, скрытая шелком. Я всегда думала, что из Терезы, хотя она никогда не бывала южнее Мексики, вышла бы отличная южная красавица.

Фрэнсис бросила на нее быстрый взгляд, снова устала на свои колени, потом подняла глаза, и губы ее шевельнулись. Почти что в улыбке. От этого жеста мое впечатление от этой женщины стало чуть лучше. Если она начнет улыбаться, начнет гордиться выказанной ею силой, то, быть может, со временем оправится.

Наоми стиснула ее руку и улыбнулась с гордостью и нежностью. И снова у меня возникло впечатление, что они очень близки.

— Это было мое спасение. После встречи с Фрэнсис я стала пытаться с ним порвать. Не понимаю, как я разрешила ему меня бить. Мне это не нравится. Понимаете, я никогда, никогда не позволяла мужчине делать мне больно.

На ее лице отразился стыд, будто это был позор — то, что она такое допустила.

Фрэнсис положила ладонь ей на руку, утешая и успокаиваясь сама.

Наоми улыбнулась ей, потом посмотрела на нас — и во взгляде было недоумение.

— Он как наркотик. После его прикосновения ты жаждешь еще. Не обязательно от него. Он будто тебя пробуждает сексуально, и тело до боли ждет прикосновений. — Она снова опустила глаза. — Я никогда так отчетливо не ощущала других — сексуально. Поначалу это было как-то неловко, но и интересно тоже — заводило. А потом он стал делать мне больно. Сначала всякие мелочи — связывал, а потом... шлепал. — Она заставила себя поднять взгляд, посмотреть нам в глаза. С такой злостью, будто вызывала нас подумать о ней худшее. Силы в ней было немерено. Как этот человек мог ее укротить? — Он сделал боль элементом наслаждения, а потом стал делать вещи похуже. Такие, которые оставляли травмы. Просто боль. Я пыталась прекратить эти извращения, и тогда он стал меня бить по-настоящему, уже не притворяясь, что это элемент секса. — Губы ее задрожали, но глаза смотрели так же вызывающе. — Но он возбуждался, когда меня бил. То, что это меня не возбуждало, а пугало, ему тоже нравилось.

— Фантазии насильника, — сказала я.

Она кивнула. Глаза ее устали сдерживать слезы. Она из последних сил старалась не сорваться.

— Потом — не только фантазии.

— Он любит брать женщину силой.

Это сказала его жена.

Я смотрела на них и подавляла желание помотать головой. С шестнадцати до тридцати — годы моего сексуального пробуждения — я прожила при Неблагодворе, так что я знала о сочетании наслаждения с болью. Но боль бывала совместной и никогда не причинялась против воли. Если партнеру боль неприятна, это уже не секс. Это пытка. А между пыткой и несколько жестким сексом разница огромная. Да, но только не для сексуальных садистов — для них ее просто нет. Дойдя до крайности, они вообще становятся не способны на секс без насилия или хотя бы без ужаса жертвы. Но большинство садистов способны на более нормальный секс. Они это используют, чтобы заманить жертву, хотя долго сохранять нормальные отношения не могут. В конце концов истинные их желания выходят наружу, и им становится необходима боль.

Откуда я все это так хорошо знаю? Я же уже сказала, что годы своего сексуального пробуждения провела при Неблагодворе. Вы не поймите меня неправильно — и у Благодвора есть свои фирменные закидоны, но там принят более обычный, человеческий взгляд на господство и подчинение. А при Неблагодворе такие вещи куда сильнее приветствуются — или, быть может, делаются более открыто. А может быть, дело в том, что Королева Воздуха и Тьмы, моя тетушка, которая правит этим Двором последнюю тысячу лет плюс-минус век, очень увлекается господством — и почти на грани сексуального садизма. И свой Двор она сформировала по своему вкусу, так же как мой дядя, Король Света и Иллюзий Благодвора, вылепил свой двор по своему образу. Странно, но при Благодворе интриговать и лгать легче. Они погружены в иллюзии. Если с виду все выглядит хорошо, то и должно быть хорошим. Неблагодвор честнее — почти всегда.

— Наоми, это были первые ваши насильственные отношения? — спросила Тереза.

Женщина кивнула.

— Сама не понимаю, как я это допустила.

Я посмотрела на Терезу — она едва заметно кивнула. Это значило: она прислушалась к ответу, и женщина говорит правду. Я уже говорила, что Тереза — один из самых сильных парапсихиков страны. Следить надо не только за ее руками. Она почти всегда может сказать, врешь ты или нет. Все три года, что мы вместе работаем, мне приходилось быть очень внимательной.

— Как вы с ним познакомились? — спросила я. Я не назвала его имени, не сказала "мистер Нортон", потому что обе женщины тщательно избегали этого и говорили только "он", будто других мужчин в мире нет и понятно, о ком они говорят. Мы понимали.

— Ответила на объявление.

— И что там говорилось? — спросила я.

Она пожала плечами:

— Все как обычно, кроме конца. В конце объявления было сказано, что автор ищет магических отношений. Не знаю, что такое в этом объявлении было, но я, когда прочла, поняла, что должна видеть этого человека.

— Заклинание принуждения, — заметил Джереми.

— Что...

— У кого достаточно силы, тот может наложить на объявление заклинание, такое, что объявление приведет к нему того, кого он действительно хочет, что бы ни было сказано в тексте. Я так давал объявление, на которое откликнулась мисс Джентри. Только обладатель

магических способностей мог заметить на объявлении заклинание, и лишь обладатель необычайных магических способностей мог бы увидеть сквозь него истинный текст. В нем был другой телефон, не тот, что в объявлении. И я знал, что тот, кто позвонит по этому номеру, годится для нашей работы.

— А я не знала, что такое можно сделать с газетой, — удивилась Наоми. — Ведь она же напечатана, и он не мог потрогать каждый экземпляр.

Она знала, что без физического прикосновения к газете заклинание наложить труднее. Одно это уже значило, что Наоми знает о теории магии больше, чем я думала. Но она была права.

— Тут нужно достаточно силы, чтобы сами слова, вложенные в объявление, несли на себе заклинание. Это очень трудно, и то, что он на это способен, говорит нам о классе нашего противника.

— Значит, это объявление потянуло меня к нему? — спросила она.

— Может быть, не именно вас, — ответил Джереми, — но что-то в вас было именно такое, что ему было нужно.

— Почти все эти женщины выглядят как феири, — вдруг произнесла Фрэнсис.

Мы все обернулись к ней. Она моргнула.

— Остроконечные уши. У одной были зеленые глаза, которые будто светились. И цвет кожи у них не такой, как бывает у людей, — светло-зеленый, голубой. У троих было больше... деталей, чем есть в человеческом теле, но не уродство. Просто они так выглядят.

На меня это произвело впечатление. Она все это смогла заметить и сопоставить. Если мы ее сможем спасти, вырвать из его лап, она оправится.

— А что он говорил о Наоми?

— Что она отчасти сидхе. Это его просто заводило, когда женщина была с сидхейской кровью. Королевскими шляхами он их называл.

— Но почему феири? — спросил Джереми.

— Он не говорил.

— Я думаю, это как-то связано с ритуалом, — сказала Наоми.

Мы все повернулись к ней. Джереми и я спросили в один голос:

— Каким ритуалом?

— В первую ночь он отвез меня на квартиру, которую снимал. В спальне были зеркальные стены и такая огромная круглая кровать. Пол — из сверкающего паркета, под кроватью — персидский ковер. И все будто светилось. Когда я забралась на кровать, то что-то почувствовала, будто прошла сквозь привидение. В ту первую ночь я не знала, что это, но потом я однажды приподняла ковер, а под ним в дереве пола по кругу шла вереница символов. А кровать была в центре круга. Символы я не узнала, но мне хватило знаний понять, что это — круг силы. Место, чтобы творить магию.

— Он когда-нибудь что-нибудь делал в этой кровати, что казалось магическим ритуалом? — спросила я.

— Если да, то я этого не поняла. Мы просто занимались там сексом, и много.

— Было что-нибудь, что было всегда одинаково? — спросил Джереми.

Она покачала головой:

— Нет.

— Секс всегда был на этой квартире? — спросил Джереми.

— Нет, иногда мы встречались в отеле.

Это меня удивило.

— А было что-нибудь, что он делал только на квартире, в кругу, и никогда в других местах?

Она густо покраснела:

— Только туда он приводил других мужчин.

— Других мужчин, чтобы заниматься с ними сексом? — уточнила я.

Она мотнула головой.

— Нет, чтобы я с ними... — Она подняла на нас глаза, будто ожидая воплей ужаса или возмущения.

То, что она увидела, ее успокоило. Мы все умели делать непроницаемые лица, когда нужно. Кроме того, небольшой группенсекс казался игрушкой теперь, когда мы знали, что он показывал жене фотографии любовниц со всеми деталями. Это действительно ново, а групповой секс существует в мире куда дольше "Поляроида".

— Мужчины были всегда одни и те же? — спросил Джереми.

Она снова покачала головой:

— Нет, но они друг друга знали. То есть он не приводил первого встречного с улицы.

Это звучало как попытка оправдания, будто куда хуже было бы приводить незнакомцев.

Будто и так не было достаточно плохо.

— Повторения бывали? — спросил Джереми.

— Были трое мужчин, которых я встречала больше одного раза.

— Имена их вы знаете?

— Только имена, без фамилий. Лиам, Дональд и Брендан.

Имена эти, кажется, ей были хорошо знакомы.

— Сколько раз вы встречались с ними?

Она не смотрела нам в глаза.

— Не знаю. Много.

— Пять раз? — спросил Джереми. — Шесть? Двадцать шесть?

Она резко взметнула глаза:

— Ну, не двадцать. Не столько.

— А сколько? — спросила я.

— Может быть, восемь или десять, но не больше.

Казалось, для нее важно, что не больше десяти раз. Какой-то магический предел? Более десяти раз — и ты становишься куда хуже, чем если просто восемь?

— А сколько раз был групповой секс?

Она снова покраснела.

— А вам зачем?

— Вы это называли ритуалом, а не мы, — пояснил Джереми. — Пока что ничего похожего на ритуал не видно, но числа могут иметь мистическое значение. Число мужчин внутри круга. Число повторений, когда вы были в кругу более чем с одним мужчиной. Поверьте мне, мисс Фелпс, я спрашиваю не из грязного любопытства.

Она отвернулась:

— Я не имела в виду...

— Имели, — перебил Джереми, — но я понимаю, почему у вас вызывает подозрения любой мужчина, человек он или нет. — Тут у него на лице промелькнула мысль. — Это все были люди?

— У Дональда и Лиам уши заостренные, но в остальном — вроде бы люди.

— Дональд и Лиам были обрезаны? — спросила я.

Снова щеки ее залила краска, и она выпалила:

— А это вам зачем?

— Дело в том, что мужчина-фейри может быть нескольких сотен лет от роду. Я никогда не слыхала о фейри-иудеях, так что если они фейри, они бы не были обрезаны.

Она посмотрела мне в глаза.

— А! — Потом она вспомнила о первоначальном вопросе. — Лиам обрезан, Дональд — нет.

— Как выглядел Дональд?

— Высокий, мускулистый, как штангист, светлые волосы до пояса.

— Симпатичный?

Здесь она тоже задумалась.

— Красивый. Не смазливый, а красивый.

— Какого цвета у него глаза?

— Не помню.

Если бы там были те переливы цветных теней, на которые способны фейри, она бы запомнила. Если бы не острые уши, это мог бы быть один из многих десятков мужчин Благого Двора. При Неблагом Дворе есть лишь трое блондинов, и никто из троих моих дядей штангой не занимается. Им приходится осторожно действовать руками, чтобы не порвались хирургические перчатки, которых они не снимают никогда. Перчатки изолируют яд, который естественным образом продуцируют их руки при трении о любой предмет. Они родились в проклятии.

— Вы бы узнали этого Дональда, если бы встретили?

— Да.

— Что-нибудь было общее у всех этих мужчин? — спросил Джереми.

— У всех длинные волосы, как у него, — до плеч или длиннее.

Длинные волосы, возможно, хрящевые вставки в ушах, кельтские имена — очень похоже на тех, кто косит под фейри. Я никогда не слыхала о сексуальном культе у этой публики, но нельзя недооценивать всеобщее умение опошлить любой идеал.

— Хорошо, мисс Фелпс, — сказал Джереми. — А татуировки, символы, написанные на телах, украшения, общие для всех?

— "Нет" на все три вопроса.

— Вы встречались только по ночам?

— Нет, иногда днем, иногда ночью.

— В какие-то конкретные числа месяца или в кануны праздников?

Она наморщила лоб:

— Мы встречались всего месяца два. Праздников не было, и особых каких-то дней тоже.

— У вас был секс с ним и с другими определенное число раз в неделю?

Она снова задумалась, потом покачала головой:

— По-разному.

— Они что-нибудь приговаривали или пели?

— Нет.

Мне это не казалось ритуалом.

— А почему вы употребили слово "ритуал", мисс Фелпс? Почему не сказали "чары",

"заклинание"?

— Не знаю.

— Знаете, — возразила я. — Вы магией не занимаетесь. И вряд ли употребили бы слов "ритуал" без причины. Подумайте минутку: почему именно это слово?

Она задумалась, глядя в пространство, ничего не видя, и тоненькая морщинка залегла между бровями. Заморгав, Наоми посмотрела на меня.

— Как-то раз я слышала его телефонный разговор. — Она опустила глаза, потом подняла их, снова с вызовом, и я уже знала: ей не понравится то, что она сейчас скажет. — Он меня привязал к кровати, но дверь оставил приоткрытой. И я слышала его разговор. Он сказал: "Сегодня ритуал выйдет хороший". Потом он заговорил тише, и мне не было слышно. Потом до меня донеслись слова: "Необученные так легко сдаются". — Она глянула на меня: — Я не была девственницей, когда мы встретились. Была... опытной. До него я думала, что хороша в постели.

— А что заставляет вас думать, будто это не так? — спросила я.

— Он мне сказал, что я недостаточно хороша, чтобы его удовлетворил простой секс, что нужно насилие для пряности, а то ему станет скучно.

Она пыталась сохранить вызывающий вид — не получалось. В глазах ее видно было страдание.

— Вы в него были влюблены? — спросила я, стараясь, чтобы вопрос звучал помягче.

— А какая разница?

Фрэнсис взяла ее за руку, положила к себе на колени.

— Наоми, все хорошо. Они нам помогут.

— Если вы его любите, то труднее будет освободить вас от его влияния, вот и все.

Она не обратила внимания, что я изменила время на настоящее. И ответила на вопрос:

— Я думала, что люблю.

— И сейчас любите?

Очень мне было неприятно спрашивать, но нам надо было знать.

Она двумя руками стиснула маленькую ладошку подруга, да так, что у нее костяшки побелели. Наконец-то на лице ее показались слезы.

— Я его не люблю, но... — Она несколько раз судорожно вдохнула, потом смогла договорить: — Но если я его увижу и он попросит секса, я не смогу сказать "нет". Даже когда это ужасно и мне больно, секс все равно лучше, чем у меня в жизни бывало. Я могла бы сказать "нет" по телефону, но если он появится, я ему позволю... То есть я буду отбиваться, если он станет меня бить, но если в момент секса... все это очень запутанно.

Фрэнсис встала, подошла сзади к креслу Наоми, накрыла пледом себя и ее, обняла со спины. Она мурлыкала что-то утешительное, целуя подругу в макушку, как ребенка.

— Вы от него прячетесь? — спросила я.

Она кивнула:

— Я — да, но Фрэнсис... он ее может найти, где бы она ни была.

— По заклинанию, — сказала я.

Обе женщины кивнули, будто это они и сами сообразили.

— Но я от него скрылась. Я съехала с квартиры.

— Странно, что он не стал вас преследовать.

— Здание под защитой, — объяснила она.

Вот это да! Чтобы установить защиту на дом — не на квартиру, а на целый дом, —

нужно защитные заклęcia вложить в фундамент дома. Защиту требуется влить в бетон, закрепить стальными брусьями. Тут нужен ковен колдуний, может, несколько ковен. Один практикующий маг не справится. И процесс этот не дешев. Только самые дорогие небоскребы и частные дома могут похвастаться такой защитой.

— А чем вы зарабатываете на жизнь, мисс Фелпс? — поинтересовался Джереми, потому что он наверняка, как и я, не ожидал, что эти две женщины смогут уплатить наш гонорар. У нас достаточно денег в банке, чтобы мы иногда работали из благотворительности. Мы не превращаем это в привычку, но есть случаи, когда мы работаем не ради денег, а просто потому, что отказать нельзя. И мы оба думали, что имеем дело именно с таким случаем.

— У меня был трастовый фонд, которому как раз недавно вышел срок. Теперь я могу распоряжаться им полностью. Поверьте мне, мистер Грей, я могу уплатить по вашим расценкам.

— Это приятно знать, мисс Фелпс, но я, честно говоря, не об этом. Не для широкого распространения, но если кто-то попадает в большую беду, мы не отказываем ему только потому, что он не может заплатить наш гонорар.

Она вспыхнула.

— Я не имела в виду, будто вы... простите, ради бога. Она прикусила губу.

— Наоми не хотела вас оскорбить, — объяснила Фрэнсис. — Она всю жизнь богата, и многие пытались этим воспользоваться.

— Мы не обижены, — отозвался Джереми. Хотя я знала, что он несколько обижен. Но Джереми — настоящий бизнесмен. На клиента не обижаются, если берутся за дело. Хотя бы до тех пор, пока клиент не выкинет что-нибудь уж совершенно ужасающее.

— Он пытался заполучить ваши деньги? — спросила Тереза.

Наоми посмотрела на нее с явным удивлением.

— Нет, нет.

— А он знал, что они у вас есть? — спросила я.

— Да, знал, но никогда не давал мне ни за что платить. Он говорил, что в этом очень старомоден. Его вообще деньги не интересовали. Одна из вещей, которые мне в нем поначалу понравились.

— Значит, он охотился не за деньгами, — заключила я.

— Деньги его не интересуют, — согласилась Фрэнсис.

Я взглянула в ее огромные синие глаза — в них уже не было испуга. Она стояла за спиной у Наоми, все еще утешая ее, и будто набиралась сил.

— А что его интересует?

— Власть.

Я кивнула. Она была права. Целью насилия всегда является власть того или иного рода.

— Когда он назвал вас необученной, что легко сдается, я не думаю, что он говорил о вашем сексуальном умении.

Наоми держалась за руки Фрэнсис, прижимая их к своим плечам.

— А о чем тогда?

— Вы не обучены мистическим искусствам.

Она нахмурилась:

— Так что же я так легко отдала, если не секс?

— Силу, — ответила Фрэнсис.

— Да, миссис Нортон. Силу.

Наоми оглядела нас всех непонимающе:

— В каком смысле — силу? У меня никакой такой силы нет.

— Магию, мисс Фелпс. Он брал у вас магию.

Губы ее удивленно приоткрылись.

— Не знаю я никакой магии. У меня бывают всякие ощущения на разные темы, но магии в них нет.

Конечно, именно поэтому он смог все это проделать. Интересно, не все ли его женщины — необученные мистики? Если они все не обучены, тогда у нас будут трудности с проникновением в его маленький мирок. Но если все, что надо, — это капля фейрийской крови и магический дар... что ж, мне случилось работать под легендой.

Через три дня я стояла посреди кабинета Джереми, одетая только в поддерживающий черный лифчик, трусики под цвет ему и черные сапоги до бедер. Совершенно незнакомый мужчина шарил у меня за пазухой. Обычно, чтобы позволить мужчине тискать мне грудь, я должна сначала решить с ним переспать но тут не было ничего личного — чисто деловой момент. Мори Клейн был эксперт по звуку и сейчас пытался приладить проводочек с микрофончиком на мою правую грудь, туда, где нижняя скоба лифчика не даст Алистеру Нортону их нащупать, если он проведет рукой мне по груди или по ребрам. Мори возился с проводком уже минут тридцать, из которых пятнадцать старался найти лучшее место для укрытия провода у меня в ложбине между грудями.

Он стоял передо мной на коленях, высунув кончик языка между зубами. Глаза из-под очков в металлической оправе не отрываясь смотрели на его руки. Одна из них почти скрылась за чашкой лифчика, а другая отодвигала ткань лифчика от груди, чтобы удобнее было работать. Оттянув ткань, он открыл мой сосок и почти всю правую грудь взглядам собравшихся в комнате.

Если бы Мори не был так явно безразличен к моему обаянию и собравшемуся народу, я бы сказала, что он специально тянет, потому что ему это нравится, но он куда-то таращился внутренним взором, и было ясно, что он замечает только то, что делает, а не с кем и на каком предмете. Я поняла, почему на него жаловались работающие под прикрытием агенты-женщины. Жаловались они на его требование — не делать все это наедине. Он хотел, чтобы были свидетели, подтверждающие: границ он не переступает. Хотя, честно говоря, если бы все свидетели были люди, они могли бы и усомниться. Он мял, вертел, поднимал и повсюду возился с моей грудью, будто она вообще ни к чему не приделана. Получалось очень интимно, хотя это в его намерения не входило. Он был как бесчувственный болван — или рассеянный ученый. У него была только одна любовь — скрытые микрофоны, скрытые камеры. И если нужен лучший в Лос-Анджелесе специалист по этим делам, то обращайтесь к Мори Клейну. Он ставил системы безопасности голливудским звездам, но истинная его страсть — работа под легендой. Как сделать приборы еще меньше, спрятать еще лучше.

В какой-то момент он даже предложил спрятать микрофон внутри моего тела. Я не застенчива, но эту идею отвергла. Мори помотал головой, бурча про себя: "Не знаю, какое было бы качество звука, но если бы хоть кто-то разрешил попытаться!" У него был помощник, то есть "держатель инструментов", а также, наверное, дипломат в случае необходимости.

Крис (если у него и есть фамилия, я ее ни разу не слышала) предупредил Мори, чтобы тот не был слишком уж не деликатен или неосторожен. Он нависал над нами, пока я не заверила его, что все в порядке. Сейчас он стоял рядом с Мори, как хирургическая сестра, готовая подать любой требуемый диковинный инструмент.

Джереми сидел за своим столом, глядя на зрелище, переплетя пальцы, с добродушной улыбкой на лице. В глазах его выразился вежливый жар, когда я сняла платье и осталась в белье, но потом он лишь старался удержаться от смеха при виде полного отсутствия жара у Мори Клейна. Джереми сделал мне комплимент по поводу изумительного контраста между белизной моей кожи и чернотой белья. Полагается сказать что-нибудь приятное тому, кто в первый раз при вас раздевается.

Роан Финн сидел на углу стола Джереми, болтая ногами в воздухе и, сам того не замечая, тоже наслаждаясь представлением. Ему не надо было говорить мне комплименты — он меня видел голой сегодня ночью и много еще ночей до того. У него прежде всего заметны были глаза — огромные, живые карие сферы; они притягивали взгляд, как луна на ночном небе. Потом уже можно было обратить внимание на темно-каштановые волосы, как они обрамляют лицо, скатываются волной сзади; потом на губы — совершенный выгнутый лук. Кажется, что для такого цвета он использует помаду, но это только кажется. Кожа его с виду белая, но на самом деле не совсем, не чисто-белая. Как будто кто-то взял мою бледность и добавил чуть-чуть темно-красного от его волос. Когда он одевается в коричневый или другие осенние цвета, кожа его будто темнеет.

Он точно моего роста, и потому кажется с первого взгляда хрупким, но тело, выглядывающее из-под черной одежды, которую он сегодня натянул, смотрится твердым и мускулистым. Он гибок, подвижен. И еще я знаю, что на спине и плечах у него ожоговые рубцы, как белые мозоли на шелке кожи. Они появились когда один рыбак сжег его тюленью шкуру, Роан был из шелки — тюленьего народа. Когда-то он мог натянуть тюленью шкуру и стать тюленем, потом скинуть ее и снова стать человеком — то есть принять облик человека. Но однажды один рыбак нашел его шкуру и сжег. Эта шкура не была просто магическим приспособлением для превращений. Она даже не была частью Роана, она была им самим, — как его глаза или волосы. Я никогда не слышала, чтобы человек-тюлень мог выжить после разрушения своей второй личности, но Роану повезло. Выжить-то он выжил, но облик менять уже не мог. Он был обречен навеки оставаться на суше, никогда не видеть второй половины своего мира.

Иногда ночью я обнаруживала, что кровать пуста. Если это бывало у меня, он смотрел в пустоту через окно. Если у него, он глядел на океан. Роан никогда не будил меня, не просил пойти с ним. Это была его личная боль, которой не делятся. Я считаю, что это справедливо, потому что за два года нашей связи я ни разу не снимала гламор полностью. Роан не видел шрамов от дуэли — эти раны ясно сказали бы, что я близка к сидхе. Пусть я безнадежна в боевых заклинаниях, но вряд ли кто при обоих Дворах лучше меня владеет гламором. Это мне помогает скрываться, но и только. Роан не мог бы пробить мои щиты, но он знал, что они есть. Он знал, что даже в миг освобождения я что-то сдерживаю. Будь он человеком, он спросил бы, почему так, но он человеком не был и не спрашивал. Как и я не спрашивала его о зове волн.

Человек не смог бы не попытаться сунуть нос, но человек не мог бы и сидеть спокойно, пока другой мужчина возится с грудью его любовницы. В Роане не было ревности. Он знал, что для меня это ничего не значит, а потому для него тоже не значило ничего.

Единственной, кроме меня, женщиной в комнате была детектив Люсинда (называйте меня просто Люси) Тейт. Мы с ней работали над некоторыми делами, где преступник не был человеком и обычных подставных агентов из полиции околдовывал, сводил с ума или просто убивал. Привлекать Джереми и нас всех в качестве временных сотрудников полиция начала сразу после распространения действия Закона о разрешении магии на полицейскую работу. Дело в том, что все мы обладали нужными умениями и были идеальны для работы, на которую копов-немагов пришлось бы натаскивать долго и дорого. Нечто вроде чрезвычайных помощников, которых привлекают в чрезвычайных обстоятельствах. Закон о разрешении магии — только из-за него я оказалась детективом, так сказать, прямо с колес, не тратя долгих часов на обучение, без которого в Калифорнии лицензию не получить.

Детектив Тейт стояла, прислонившись к стене, и качала головой.

— Ну и ну, Клейн! Неудивительно, что против тебя выдвигают обвинения в сексуальных приставаниях.

Мори заморгал, будто возвращаясь мысленно откуда-то издалека. Так выглядит человек после снятия мощного заклятия, будто только что проснулся и сон еще не кончился. Трудно переоценить способность Мори концентрироваться. Наконец он повернулся к Люси, не вынимая рук из моего лифчика.

— Я вас не понял, детектив Тейт.

Я посмотрела на нее поверх стоящего на коленях Мори.

— Он действительно не понимает.

Она улыбнулась.

— Извини за долгую возню, Мерри. Не будь он лучшим в своем деле, никто бы его не вытерпел.

— Мы редко используем подслушивание и скрытые камеры, — сказал Джереми, — но когда используем, я предпочитаю платить за высший сорт.

Тейт посмотрела на него:

— А как департамент может себе это позволить?

Мори высказался, не отрывая глаз и рук от моей груди:

— Мне случалось работать на полицию бесплатно, детектив Тейт.

— И мы это ценим, мистер Клейн.

Только выражение лица не соответствовало этим словам — лукавое подмигивание и циничная улыбка. Цинизм — профессиональное заболевание полицейских. А подмигивание — лично от Люси Тейт. Кажется, она всегда над чем-нибудь посмеивалась. Я не сомневалась, что это — защитный механизм, за которым она прячет свою истинную суть, но понятия не имела, от кого она прячется. Не мое, конечно, дело, но я должна признать за собой совершенно не фейское любопытство относительно детектива Люси Тейт. Само совершенство этого камуфляжа, сам факт, что никогда ничего не было видно за этой слегка веселой маской, вызывал желание за нее проникнуть. Я видела страдание Роана и потому могла его не трогать. Но в Люси я не видела ничего, и даже Тереза не видела, а это значило, разумеется, что детектив Тейт — парапсихик серьезной силы. Но что-то случилось в ее юные годы, что заставило ее спрятать свою силу очень далеко и даже не иметь о ней понятия. Никто из нас, впрочем, не пытался открыть ей глаза. Жизнь детектива Тейт шла как хорошо отлаженная машина, вид у Люси был вполне довольный. Если она разбередит рану, которая заставила ее спрятать силу в подполье, это все может перемениться. Прозрение может оказаться такой травмой, от которой Люси уже не оправится. Так что мы ее не трогали, но гадали, что с ней, и иногда это бывало чертовски трудно — не лезть к ней с магическими или парапсихическими штучками — просто чтобы увидеть, что получится.

Мори отодвинулся назад, убрав наконец руки.

— Вот тут, я думаю, годится. Я только чуть ленты приклею, чтобы он не сдвинулся, и готово.

Крис тут же подал ему кусочки ленты, которая уже была наготове. Мори взял их, ничего не сказав.

— Вы видели, что мне пришлось проделать, чтобы спрятать микрофон. Так вот тому типу придется проделать то же самое, чтобы его найти.

Он дал мне самой подержать лифчик, чтобы действовать обеими руками. Честно говоря,

это было очень мило с его стороны — самое приятное из всего, что он делал последние сорок пять минут.

Он встал и отодвинулся назад.

— Поправьте лифчик, как вы его обычно носите.

Я сдвинула брови:

— Вот так и ношу.

Он пошевелил руками на уровне груди.

— Ну, расправьте вот эту, чтобы она была как другая.

— Расправить?

Но я тут же улыбнулась, поняв, о чем он говорит.

Он вздохнул и сделал шаг вперед:

— Дайте я покажу.

Я остановила его протянутой рукой:

— Сама справлюсь.

Наклонившись, я встряхнула правой грудью, вправляя ее в чашку, рукой ставя все на место. Лифчик был достаточно поддерживающим, чтобы моя и без того хорошая грудь выглядела положительно непристойно, но когда я провела рукой над местом, где должна была нащупать микрофон, ощутила только ткань и проволоку скобы.

— Безупречно, — сказал Мори. — Можете раздеться вот так, только оставьте на себе лифчик, и он даже не догадается. — Он склонил голову набок, будто ему в голову пришла мысль. — Микрофон я закрепил на лифчике, так что, если придется, можете его снять, только оставьте в пределах радиуса пяти футов. Лучше ближе. Если сделать микрофон чувствительнее, он начнет передавать биение вашего сердца и шелест одежды. Я могу их отфильтровать, но это легче сделать уже по записи на ленте. А я полагаю, что вы хотите, чтобы вас сегодня было слышно — на случай, если ваш плохой парень выйдет за пределы дозволенного.

— Да, — сказал Джереми, — полезно было бы знать, не нужна ли Мерри помощь.

Ирония была для Мори слишком тонкой, он ее не заметил.

— Можно было бы приклеить микрофон к эластичному верху чулка, но я не могу ручаться, что чулок не закатается вниз и не сбросит микрофон. Если будете снимать лифчик, обязательно сверните ткань, чтобы микрофон не был замечен.

— Я не собираюсь его снимать.

Мори пожал плечами.

— Я просто постарался учесть все варианты.

— Я оценила, Мори.

Он кивнул. Крис уже собирал мелочи, разбросанные на полу.

Роан спрыгнул со стола, взял со столешницы мое свернутое платье и протянул мне этот квадрат черной ткани. Мне пришлось купить черное платье из соображений, что в черном легче что-то спрятать, чем в более светлых цветах. Я не ношу чисто черного, когда этого можно избежать, пусть даже этот цвет мне идет. Он в моде при Неблагом Дворе, потому что его любит королева.

Роан развернул в руках шелковое платье, держа за плечи, потом очень медленно, отчетливо стал собирать его вверх, не сводя глаз с моего лица. Когда платье превратилось в узкую черную полоску, свисающую из его сильных небольших рук, он наклонился передо мной, раскрыв платье, чтобы я могла шагнуть внутрь.

Я положила руку ему на плечо для опоры и шагнула в тканевой круг. Роан стал выпускать платье из пальцев, поднимая руки, и оно падало вокруг меня, как театральный занавес. Когда его руки поднялись так высоко, как мог он их поднять, стоя на коленях, платье упало до талии. Роан встал, положив мне руки на бедра. Этим движением он приблизился на расстояние поцелуя. Глаза его были точно на одном уровне с моими. Это придавало взгляду в глаза такую интимность, какой не бывало ни с кем другим. Я никогда до него не была с кем-то настолько же низкорослым, как я. От этого поза миссионера становилась невероятно интимной.

Роан поднял платье так, чтобы я могла сунуть руки в рукава, потом надвинул его мне на плечи, обходя вокруг. При этом он оказался сзади и обдернул шелк, надевая платье окончательно. Потом начал застегивать молнию у меня на спине. Платье натягивалось постепенно, будто сжимая мне талию, ребра, груди. Вырез был очень смелым, что было еще одной причиной для приподнимающего лифчика. Только такой я нашла, чтобы его можно было надеть под это платье и не светить им. Платье было без рукавов и сидело как блестящая вторая кожа, а первая ярко белела на фоне черной ткани. Я намеренно выбрала обтягивающее. Лиф выглядел так, будто едва присутствовал, и оставались только выставленные напоказ груди, но если попытаться запустить руку в вырез, был сильный риск порвать платье. Если Алистер Нортон захочет поиграть с моими грудями, ему придется ограничиться их обнаженным верхом, если мы не планируем сценарий с изнасилованием, а как сказала Наоми, фантазии на, эту тему появились только по прошествии двух месяцев. Первый месяц роман шел идеально. Поскольку свидание сегодня первое, Алистер Нортон будет, вероятно, вести себя наилучшим образом. Чтобы у него был шанс найти микрофон, мне надо будет снять платье, а это в мои планы на сегодня не входило.

Роан застегнул молнию, потом крючок навверху. Большими пальцами он провел по голой коже спины — легчайшее движение — и отступил. На самом деле он погладил пальцами шрамы у меня на спине, шрамы, которые не видел и не ощущал. Я достаточно была уверена в своих силах, чтобы шрамы не были прикрыты платьем, а только моим гламором. Они были как рябь на коже, вмерзли навеки. Один сидхе попытался на дуэли изменить мой облик. Многие фейри обладают способностью перекидываться, но только сидхе умеют менять чужой облик против воли владельца. Я не умею менять ни свой образ, ни чужой — еще один аргумент против меня при Дворах.

— Как вы это делаете? — спросила детектив Тейт.

Вопрос отвлек меня от размышлений. Я повернулась к ней:

— Что именно?

Крис собирал аппаратуру. Мори уже возился с передатчиком, крутя маленькой отверткой. Все остальные с тем же успехом могли бы отсутствовать.

— Ты стоишь почти час в одном белье, и мужчина вертит тебе груди, но ничего сексуального в этом нет. Как дешевая комедия для взрослых. А потом Роан помогает тебе надеть платье не касаясь тебя, только застегивает молнию, и в комнате возникает такое сексуальное напряжение — хоть топор вешай. Как вы, черт побери, такое делаете?

— Мы — это Роан и я, или мы — это... — Я не договорила.

— Вы, фейри, — пояснила она. — Я видела, как Джереми делал это с человеческой женщиной. Вы, ребята, можете ходить голые, как кочерга, и никакой неловкости в вашем присутствии я не испытываю, а потом, полностью одетые, делаете какую-нибудь мелочь, и у меня такое чувство, что надо выйти из комнаты. — Она покачала головой. — Как у вас это

получается?

Мы с Роаном переглянулись, и в его глазах я прочла тот же вопрос, который, знала, он прочел в моих: как объяснить тому, кто не фейри, что значит быть фейри? Ответ, конечно, простой: никак. Попытаться можно, но обычно без успеха.

Джереми попытался. Он же все-таки начальник.

— Это вроде как часть сущности фейри — быть созданием чувств. — Он поднялся с кресла и подошел к ней — лицо и тело нейтральны. Взяв ее руку, он поднес ее к губам, целомудренно приложился к тыльной стороне ладони. — Быть фейри — это и есть разница между этим и вот этим.

Он снова взял ту же руку, поднес ее к губам заметно медленнее, глаза наполнены вежливым огнем, с которым мужчина-фейри должен смотреть на любую высокую красивую женщину. От одного этого взгляда Люси поежилась.

Он снова поцеловал ей руку — медленным касанием губ, верхней губой чуть прихватив кожу, и отодвинулся. Все было вежливо — ни открытого рта, ни языка, ничего такого грубого, но краска бросилась Люси в лицо, и даже в другом конце комнаты я услышала, как быстрее забилось ее сердце.

— Отвечает ли это на ваш вопрос, детектив? — спросил Джереми.

Она нервно засмеялась, прижимая поцелованную руку к груди.

— Нет, но я боюсь спрашивать снова. Вряд ли я смогу выслушать ответ и потом сегодня еще работать.

Джереми слегка поклонился. Непонятно, знала об этом Тейт или нет, но только что она выдала очень фейрийский комплимент. Каждому приятна высокая оценка.

— Вы радуете сердце старика.

Она снова засмеялась, звонко и радостно:

— Уж кем-кем, а стариком вы не будете никогда, Джереми.

Он еще раз поклонился, и я поняла то, чего раньше не замечала. Джереми нравилась детектив Люси Тейт, нравилась, как женщина нравится мужчине. Мы чаще дотрагиваемся до людей, чем они друг до друга, — по крайней мере чаще, чем американцы. Но он мог бы выбрать и другой способ "объяснения" для Тейт. А он выбрал такой, чтобы коснуться ее так как раньше, позволить себе вольность, потому что она дала ему повод так поступить. Вот так флиртуют фейри в ответ на аванс. Иногда это просто взгляд, но фейри не полезет туда, куда его не звали. Хотя иногда наши мужчины допускают те же ошибки, что и люди, принимая легкое заигрывание за серьезный аванс, грубое изнасилование в нашей среде почти неизвестно. С другой стороны, наш вариант изнасилования на свидании уже столетия не выходит из моды.

Кстати, изнасилование на свидании мне напомнило о сегодняшней работе. Подойдя к столу, я влезла в туфли, добавив три дюйма роста.

— Можешь сказать своему новому напарнику, чтобы вернулся, — обратилась я к Люси.

Оскорбление — проявлять стеснительность в несексуальной ситуации. Так считается почти среди всех фейри, и уж точно — среди сидхе. Выслать кого-то из комнаты — значит проявить недостаток доверия либо же откровенную неприязнь. Есть только два исключения. Первое — когда этот кто-то не может вести себя прилично. Детектив Джон Уилкс никогда раньше не работал с нелюдьми. Он не моргнул глазом, когда Мори попросил меня раздеться, но когда я сняла платье без предупреждения и без просьб выйти, он себе кофе пролил на рубашку. А когда Мори запустил мне руку за пазуху, Уилкс недоуменно спросил: "Какого

черта он делает?" И я попросила его подождать за дверью.

Люси тихо засмеялась.

— Бедный мальчик! Боюсь, у него волдыри будут на пузе от горячего кофе.

Я пожала плечами:

— Наверное, он мало видел голых женщин.

Она улыбнулась, покачала головой:

— Я имела дело с фейри, даже с некоторыми сидхе, когда они тут бывали, но только ты среди них такая скромница.

Я нахмурилась:

— И вовсе нет. Я просто думаю, что если от того только, что я разделась, твой напарник чуть собственным языком не подавился, значит, у него не слишком большой опыт.

Люси посмотрела на Роана и Джереми:

— Она действительно не знает, как выглядит?

— Не знает, — ответил Роан.

— Мне кажется, хотя я точно не знаю, что наша Мерри выросла где-то, где ее считали гадким утенком, — сказал Джереми.

Я посмотрела ему в глаза, отчетливо ощущая биение пульса у меня на шее. Слишком этот комментарий был близок к истине.

— Не понимаю, о чем вы все толкуете.

— Верю, что не понимаешь, — согласился Джереми.

В его темных глазах читалось знание, догадка, слишком близкая к уверенности. В этот миг я поняла: он догадывается, кто я и что я. Но никогда не спросит. Он будет ждать, пока я сама захочу рассказать, иначе этот вопрос так и останется без ответа.

Я посмотрела на Роана. Единственный любовник из фейри, о котором я точно знала: он пришел в мою постель не ради политических амбиций. Для него я всего лишь Мерри Джентри — человеческая женщина с фейрийской кровью, а не принцесса Мередит Ник-Эссус. Я смотрела в знакомое лицо и пыталась понять, о чем он думает. Но он лишь улыбался непроницаемо. Либо ему и в голову не приходило, что я могу оказаться пропавшей принцессой сидхе, либо он уже давно догадался, но не был настолько бесцеремонен, чтобы об этом говорить. А не знал ли Роан с самого начала? Не потому ли он пришел ко мне? Вдруг весь надежный щит, который я построила от этих людей, моих друзей, стал рассыпаться на части?

Что-то из этих мыслей отразилось, наверное, на моем лице, потому что Роан коснулся меня рукой. Я отодвинулась. На его лице — обида, недоумение. Нет, он не знал. Я внезапно обняла его, спрятав от него лицо, но Джереми был мне виден.

Насколько успокоило меня выражение лица Роана, настолько же встревожило выражение лица Джереми. Достаточно только после наступления темноты произнести мое настоящее имя, и оно полетит к моей тетке. Она — Королева Воздуха и Тьмы, а это значит, что все, произнесенное в темноте, дойдет в конце концов до ее ушей. Но здесь может помочь мода. Пропавшую эльфийскую принцессу Америки видел теперь каждый кому не лень даже чаще, чем Элвиса. Поэтому теткина магия все время устремляется по ложным следам. Принцесса Мередит катается на лыжах в штате Юта. Принцесса Мередит танцует в Париже. Принцесса Мередит играет в Лас-Вегасе. Прошло три года, а я все еще не схожу с первых полос таблоидов, хотя последние заголовки предполагают, что я так же мертва, как Король рок-н-ролла.

Если бы Джереми произнес мое имя вслух мне в лицо и эти слова до нее дошли бы, она бы узнала, что я жива, и узнала бы, что мое имя произнес Джереми. Даже если я скроюсь, она его допросит, а когда мягкие способы не дадут результата, она применит пытку. В любви она изобретательна — так мне говорили. В пытке она гениальна — это я знаю точно.

Отодвинувшись от Роана, я сообщила ему половину правды:

— Красавицей была моя мать.

— Откуда ты знаешь? — спросил Джереми.

Я посмотрела на него:

— Она так мне говорила.

— То есть твоя мать говорила тебе, что ты некрасива? — уточнила Люси с человеческой прямоотой.

Я кивнула.

— Со всем уважением, но так может сказать только стерва.

На это я могла ответить только одно:

— Согласна, а теперь давайте заканчивать.

— Не надо заставлять мистера Нортон ждать, — сказал Джереми.

— А все-таки лучше было бы поискать улики по обвинению в покушении на убийство, — вздохнула Люси.

— Нам не найти такого доказательства насчет смертельного заклęcia, которое с гарантией выстояло бы в суде, — напомнила я.

— Но, — добавил Джереми, — мы можем сегодня доказать, что он использует магию для соблазнения женщин. По законам штата Калифорния соблазнение с применением магии есть изнасилование. По обвинению в применении магии под залог не выпустят.

Люси кивнула:

— Согласна, для миссис Нортон этот план хорош, а как насчет Мерри? Если вдруг этот тип вытащит магический афродизиак, который использовал на своих любовницах? После которого им всегда нужен был именно он, как Наоми Фелпс?

— Мы на это и рассчитываем, — ответила я.

Она посмотрела на меня:

— А если он подействует? Если ты вдруг начнешь томно дышать в микрофон?

— Тогда ворвется Роан, как ревнивый любовник, и вытащит меня отсюда.

— А если это окажется трудно, придет Утер в качестве моего друга и поможет мне забрать мою женщину.

Люси закатила глаза:

— Ну, что Утер хочет забрать, то Утер заберет.

Утер — он ростом тринадцать футов, голова у него скорее кабанья, чем человеческая, и с двумя кривыми бивнями по обе стороны пасти. На самом деле он призрак-в-цепях, но у него есть имя — Утер Большая Нога. Для работы под прикрытием он не очень подходит, но идеален при силовых контактах.

Утер вышел, извинившись, из комнаты, когда понял, что сейчас я сниму платье.

— Ничего личного, Мерри, ты не думай, но видеть привлекательную женщину почти голой — не слишком хорошо для мужчины, у которого нет надежды реализовать мысли, приходящие незваными.

Только когда он уже выходил, пригнувшись, чтобы протиснуться в дверь, до меня дошло то, чего я раньше не понимала. Рост у Утера — тринадцать футов, как у приличного огра или

низкорослого великана, а в Лос-Анджелесе избытка женщин такого размера не наблюдается. Он здесь уже десять лет. Слишком долгое время без прикосновения к чужому нагому телу. И чертовски одинокое время.

Если никто не догадается, кто я такая, и Алистер Нортон не заморозит меня до безумия, я для Утера что-нибудь организую. Он же не единственный фейри гигантского размера, странствующий вдали от Дворов, — он единственный только в ближайшей округе. Если никого не найдем, можно придумать другие решения. Секс — не обязательно половой акт. На улице найдутся женщины, готовые почти на все за пару сотен долларов, тем более что их обычная такса — двадцатка. Если бы я была чистопородной фейри до мозга костей, я бы сама его обслужила — так поступают настоящие друзья. Но меня воспитывали вне Двора, среди людей, от шести до шестнадцати лет. Поэтому, сколько бы ни было во мне фейрийской крови, кое-какие правила остались от людей.

Человеком я быть не могу, потому что я не человек. Но быть полностью фейри я тоже не могу. Наполовину я фейри Неблагого Двора, но к этому Двору не принадлежу. Отчасти я от Благого Двора, но в его сиянии мне тоже нет места. Отчасти я темная сидхе, отчасти светлая сидхе, но ни одна из этих частей не владеет мной сполна. Я всегда снаружи, с прижатым к стеклу носом заглядываю внутрь, куда меня не зовут. Я знаю, что такое отчуждение и одиночество. Поэтому, наверное, я сострадаю Утеру. Сожалею, что не могу облегчить ему жизнь небрежным и дружеским сексом. Но чего не могу, того не могу. Как всегда: я достаточно фейри, чтобы увидеть проблему, но слишком человек, чтобы ее решить. Конечно, если бы я была только светлой сидхе, я бы до Утера ни за что не дотронулась. Он был бы ниже моего внимания. Сидхе Благого Двора с монстрами не трахаются. Сидхе Неблагого Двора... давайте сперва уточним, что такое монстр.

Утер по меркам Неблагого Двора — не монстр, а вот Алистер Нортон — быть может Либо монстр, либо родственник монстрам дух Тьмы.

Алистер Нортон совершенно не был похож на монстра. То, что он будет красив, я ожидала, но все-таки была разочарована. В каждом из нас есть искорка веры, что зло как-то проявляется внешне, что плохого человека можно распознать с виду, но так не всегда бывает. Я достаточно времени провела при обоих Дворах, чтобы знать: красивый и хороший — не синонимы. Уж кто-кто, а я знала, что красота бывает отличным камуфляжем для самых темных сердец, — и все же ожидала, что на лице Алистера Нортон как-то отразится его внутренняя суть. Какую-то Каинову печать искала. Но он вошел в ресторан с улыбкой, высокий, широкоплечий, с резкими чертами лица, до того мужественный, что даже сердце защемило. Губы чуть тонковаты на мой вкус, лицо слишком мужественное, глаза слишком обыкновенно карие. Волосы, затянутые в аккуратный хвост на затылке, странного каштанового оттенка, ни темного, ни светлого. Но недостатки приходилось выискивать, поскольку их просто не было.

Улыбка живая, смягчающая лицо до чего-то более житейского, без такого модельного совершенства. Смех глубокий, подкупающий. На крупных руках — серебряное кольцо с бриллиантом размером с мой большой палец, но обручального кольца не было. Даже не было предательской белой полоски от снятого кольца. Кожа достаточно темная, чтобы такая полоска осталась. Значит, кольца он вообще не носит. Я всегда считала, что мужчина, который не носит обручального кольца, замышляет обман. Исключения, конечно, есть, но немного.

Он явно был доволен, увидев меня.

— У тебя глаза светятся как изумруды.

Карие контактные линзы я оставила в офисе, а так у меня глаза действительно сияют. Я сказала спасибо за комплимент, изображая смущение, и уставилась в свой бокал. Но это не было смущение: я не хотела, чтобы он увидел презрение в моих глазах. Культура людей, как и культура сидхе, с отвращением относится к супружеской измене. Сидхе ничего не имеют против блуда, но если ты вступаешь в брак, даешь слово, что будешь верен, — значит будь верен. Фейри не выносят нарушителей обетов. Если твое слово ничего не стоит, столько же стоишь и ты.

Он коснулся моего плеча.

— Какая прекрасная белизна кожи!

Когда я не возразила против прикосновения, он наклонился и нежно поцеловал меня в плечо. Когда он отводил голову, я погладила его по щеке, и это было воспринято как знак. Он поцеловал меня в шею сбоку, глядя рукой волосы.

— У тебя волосы как алый шелк, — шепнул он прямо мне в шею. — Это натуральный цвет?

Я повернулась к нему и ответила почти губами в губы:

— Да.

Он поцеловал меня — нежным, отличным первым поцелуем. Мне противно было, что у него такой искренний вид. И что хуже всего — он действительно мог быть искренен, в начале сеанса соблазнения мог каждое слово произносить от души. Мне приходилось встречать таких мужчин. Они будто сами верят в свою ложь, в то, что наконец-то это любовь. Но это ненадолго, потому что ни одна женщина не достаточно для них совершенна.

На самом деле несовершенна не женщина, а сам мужчина. Он пытается женщинами и сексом заполнить в себе какую-то пустоту. Если любовь будет хороша, если будет хорош секс, то на этот раз пустота заполнится. В одном отношении серийные бабники похожи на серийных убийц: и те, и другие верят, что именно на этот раз все будет как надо и утихнет эта неистребимая жажда.

Этого никогда не происходит.

— Пойдем отсюда, — шепнул он.

Я кивнула, не доверяя своему голосу. Мне придется много дать поцелуев с закрытыми глазами, потому что иногда я умею глазами лгать, а иногда не получается. Очень трудно будет сдержать нехотение своего тела, когда он будет ко мне прикасаться. А если еще глазами надо будет изображать любовь и желание, то это слишком.

Машина была под стать владельцу: дорогая, блестящая, быстрая. Черный "ягуар" с черными кожаными сиденьями, так что будто погружаешься в озерцо тьмы. Я пристегнулась, он — нет. Ехал он быстро, виляя в потоке машин. Это произвело бы впечатление, если бы я сама не ездила по Лос-Анджелесу уже три года. Здесь приходится так водить хотя бы в порядке самозащиты.

Дом оказался небольшой и аккуратный — самый маленький в окрестности, но зато с самым большим двором. Настолько много было земли по обе стороны от дома, что даже житель Среднего Запада признал бы размеры участка приличными. В таком доме детки могли бы играть в ожидании прихода папы с работы, а мамочка в фартуке хлопотала бы на кухне, собирая на стол после трудового дня.

На миг я подумала, не привез ли он меня и в самом деле к себе домой, где жил с Фрэнсис. Если да, то он изменил привычной рутине, а мне это не нравится. Зачем ему менять метод? Я знала, что "жучок" он не нашел, и сумочку он тоже не трогал, то есть о скрытой камере не знает. Я ее решила не включать, пока не прибудем в его приют любви. Он не может о ней знать.

Ринго стоял на посту возле дома Нортонов, приглядывая за миссис Нортон. Если Алистер слишком разойдется раньше, чем мы сможем посадить его в тюрьму, Ринго сам решит, вмешиваться ему или нет. Я не стала искать его глазами. Если он здесь, нет смысла привлекать к нему внимание.

Алистер открыл передо мной дверцу, помог выйти из машины. Я позволила ему это, потому что пыталась собраться с мыслями. Потом решила попробовать нечто вроде игры на честность.

— Ты точно не женат?

— А что такое?

— Дом выглядит как семейный.

Он рассмеялся:

— Никакой семьи, только один я. Недавно сюда въехал.

Я посмотрела на него:

— Покупал с прицелом на будущее? С двором для деточек?

Он рассмеялся, притянул меня в круг своих рук.

— С подходящей женщиной все возможно.

М-да. Он знал, какую морковку повесить под носом у женщины — почти у любой. Намекни, что ищешь такую, которая тебе приручит, заставит остепениться. Почти все женщины на это клюют. Только я лучше понимаю ситуацию. Мужчина успокаивается не

потому, что находит ту самую женщину. А потому, что для этого созревает. Какая женщина встретится в момент, когда он будет готов, с той он и осядет на землю. И не обязательно это будет самая лучшая или самая красивая — просто та, которая оказалась в нужный момент под рукой. Неромантично? Зато правда.

Значит, он выехал из своей квартиры. Зачем? Это как-то связано с тем, что Наоми Фелпс резко его оставила? Или он давно уже планировал переезд? Не спросив, не узнаешь, а спросить я не могла.

Входя в дом, я боролась с желанием оглянуться поискать взглядом Джереми и остальных. Я знала, что мои ребята там. Знала, потому что доверяла им. Алистер не настолько быстро ехал, чтобы оторваться от обеих машин — фургона, где разместилась система подслушивания и в котором мог поместиться Утер, и легковушки с Джереми за рулем, чтобы следить за Нортонем в случае неожиданных маневров или просто чтобы подменять друг друга и не мозолить ему глаза слишком долго. Они здесь, они нас слушают. Зная все это, я все же хотела убедиться собственными глазами — нервозность, только и всего.

Я ощутила охрану еще до того, как открылась дверь. Когда я перешагнула порог, сила пробежала по моей коже. Он заметил и спросил:

— Ты знаешь, что ты сейчас чувствуешь?

Я могла бы соврать, но не стала. Хотелось бы мне сказать, будто интуиция мне подсказала: Алистеру будет приятно, что я — обученный мистик, однако дело было не в этом. На самом деле я хотела, чтобы он знал: я не беспомощна.

— У тебя дверь под охраной, — сказала я.

Воздух в комнате навалился на меня так, что невозможно стало глубоко вдохнуть, будто этого самого воздуха здесь мало. Я перешагнула выложенный плиткой порог, надеясь, что в комнате станет лучше. Не стало. Скорее даже атмосфера сгустилась, будто идешь по грудь в воде. Горячей, липкой воде, от которой мурашки по коже.

Я уже знала, что он силен: по заклятиям, наложенным им на жену и любовницу. Но количество силы, заполняющее эту комнату, было более чем человеческим. Для колдуна-человека есть один способ получить столько силы: договориться не с человеком. Я такую возможность не предусмотрела. И никто из нас не предусмотрел.

Он что-то говорил, но я не слышала. В мозгу кричала мысль: "Уходи! Уходи сейчас же!" Но если я уйду, Алистер сможет спокойно убить свою жену и мучить других женщин. Если я уйду, это убережет меня, но никак не поможет нашим клиентам. Одна из тех минут, когда приходится решать, буду я отрабатывать свою зарплату или нет.

Одно я знала: ребятам в фургоне надо знать то, что уже знала я.

— Алистер, ведь эта охрана не от внешних сил? Хотя она удержит снаружи другие силы. Ты поставил охрану, чтобы никто не почувствовал, как много силы ты здесь накопил.

Я говорила с придыханием — дышать было трудновато.

Тут он посмотрел на меня, и впервые в его глазах мелькнуло что-то не галантное и не смеющееся. На миг из карих глаз показался монстр.

— Как я не понял, что ты это ощутишь! — сказал он. — Малышка Мерри с сидхейскими глазами, волосами и кожей. Будь ты высокой и худой, тебя можно было бы принять за сидхе.

— Да, мне говорили.

Он протянул ко мне руку. Я подняла руку ему навстречу, но пришлось пробиваться через сгустившуюся в комнате силу — как сквозь невидимую пузырящуюся толщу. Его

пальцы коснулись моих, и электрической искрой проскочила между нами энергия. Он засмеялся, охватил мою руку ладонью. Я заставила себя не отдернуть руку, но улыбку выдать не смогла. Слишком трудно было дышать сквозь толщу силы. Мне случалось жить в местах, настолько полных силой, что стены от нее стонали, но здесь силе было позволено заполнять все доступное место, как воде, не оставляя воздуха. Алистер, наверное, считал себя большим и сильным колдуном, раз смог вызвать столько силы, но на самом деле он не колдун, а щенок, раз не может ее контролировать. Силу вызывать могут многие — это не мера мощи колдуна. Важно то, что ты умеешь делать с вызванной силой. Он осторожно влек меня сквозь волны нависшей энергии, а я подумала: что он вообще со всей этой магией делает? Пусть он теряет ее понапрасну бочками, позволяя вот так клубиться, но никто не станет вызывать столько энергии, не имея представления о том, что делает, и плана, что собирается делать.

Я сама услышала, как странно, напряженно, с придыханием звучит мой голос:

— У тебя гостиная полна магией, Алистер. Что ты с таким количеством делаешь?

Я надеялась, что в фургоне эти слова слышали.

— Давай покажу, — ответил он.

Мы стояли у закрытой двери в левой стене.

— Что там за дверь? — спросила я.

Только эта дверь и была видна от входа. Еще уходил коридор из дальнего конца гостиной в глубь дома, и открытый холл вел в кухню. Это была единственная закрытая дверь, и если ребятам придется бежать ко мне на выручку, то не надо им плутать. Пусть идут прямо ко мне вытаскивать.

— Давай не будем притворяться, Мерри. Мы знаем, зачем ты здесь — зачем мы оба здесь. Там спальня.

Он открыл дверь, и действительно — это была спальня. Вся красная, от двуспальной кровати и ковра на полу до драпировки, полностью скрывающей стены. Будто стоишь в ящике, обитом алым бархатом. Между тяжелыми драпри сверкали как хрусталь зеркала, повешенные, чтобы привораживать взор. Окон не было. Закрытая коробка в центре всей магии, что он сюда вызвал.

Сила накатила на меня удушающим мехом — теплая, тесная, не дающая дышать. И говорить тоже. Ноги у меня отказали но Алистер, не замечая этого, влек меня вперед, втаскивал в комнату, и я споткнулась. Только его руки помешали мне упасть на натертый паркет. Он попытался подхватить меня на руки, но я рухнула на пол, чтобы он меня не мог поднять. Это не был обморок — просто я не хотела, чтобы меня подняли, потому что знала, куда он меня отнесет: на кровать. А она стояла в центре всей этой силы, и мне туда не хотелось — пока что.

— Погоди, — сказала я, — погоди! Дай девушке перевести дух.

Сразу за дверь стоял комод с выдвигаемыми ящиками — невысокий, примерно мне до пояса. Я оперлась на него, чтобы встать на ноги, хотя Алистер очень любезно старался мне помочь. Поставив сумочку на комод, я дважды сжала ручку, включая камеру. Отсюда ей открывался отличный вид на кровать.

Он подошел сзади, охватил меня руками, прижимая мне локти к бокам, но не сильно. Это должно было означать объятие. То, что меня при этом охватил страх, — не его вина на самом-то деле. Я попыталась расслабиться, прислонившись к его телу, в круге его рук, но не смогла. Слишком густой была сила в комнате, и напряжение не отпускало меня. Лучшее, на

что я была способна, — не вырваться.

Он ткнулся лицом мне в щеку, провел губами по коже.

— Ты не кладешь тон?

— Мне не нужно.

Я повернула голову, как бы поощряя его спуститься губами ниже по шее. Дважды повторять ему не пришлось. Губы его остановились у моего плеча, но руки скользнули вперед, обхватив за талию.

— Боже мой, какая ты тоненькая! Я тебя пальцами могу охватить.

Я осторожно отодвинулась от него в сторону кровати. Чувства начали привыкать к магии. Годы практики научили меня, как не замечать приличные количества силы. Если у тебя есть чувствительность к таким вещам, а сходить с ума ты не хочешь, научись приспособливаться. Магию можно свести на уровень белого шума, звуков большого города и замечать ее лишь тогда, когда сама захочешь.

Я встала на яркий персидский ковер, окружавший кровать, — точь-в-точь как описывала Наоми. Но не могла заставить себя пройти несколько последних шагов к кровати, потому что ощущала круг, лежащий под ковром, — он отталкивал меня, как гигантская рука. Это был круг силы, в котором надо стоять, когда колдуешь, чтобы то, что ты вызвал, не могло тебя съесть, или наоборот — вызываешь что-то внутрь круга, а сам остаешься в безопасности за его пределами. Не видя рун, я не могла сказать, что это за круг — щит или тюрьма. И даже если бы я видела руны и их строение, могла бы тоже не догадаться. Я знаю сидхейское колдовство, но есть и другие виды силы, другие мистические языки для вызова магии. Они могли быть мне не знакомы, и единственный способ узнать, что это за круг, — войти в него.

Тут беда в том, что некоторые круги строятся для удержания фейри в плену, и, попав внутрь, я могла оказаться пойманной. Если это действительно компашка косящих под фейри, они вряд ли будут пытаться нас ловить, но никогда не скажешь заранее. Если ты что-то очень любишь, но не можешь потрогать или удержать, любовь может превратиться в ревность разрушительнее любой ненависти.

Алистер распустил галстук, идя ко мне, и на губах его появилась улыбка предвкушения. Очень он был самодоволен, уверен в себе — и во мне. Так и подмывало просто уйти, увидеть, как эту самоуверенность смоеет у него с физиономии. Пока что он не сделал еще ничего мистического, не говоря уже о незаконном. Я такая легкая добыча? А всю мистику он экономит для более неуступчивых? Может, мне надо быть поупрямее? Или поагрессивнее? Что заставит Алистера Нортон сделать что-нибудь незаконное перед камерой? Я еще не решила, быть мне холодной девственницей или распаленной шлюхой, как он уже оказался передо мной, и время на размышление истекло.

Он наклонился меня поцеловать, и я подняла голову ему навстречу, встав на цыпочки, держась за его согнутые руки. Бицепсы его напряглись у меня под пальцами, разбухли под пиджаком. Вряд ли он это делал нарочно — просто привычка. Он меня поцеловал, как все делал — с легкостью, добытой практикой, с небрежным искусством. Руки его сомкнулись вокруг моей талии, прижали меня к нему, оторвали от пола. Он двинулся внутрь круга. Я оторвалась, успела только сказать: "Подожди!" — но мы были уже на той стороне, внутри. Как в глазу урагана. Внутри было тихо — самое спокойное место во всем доме. Тугое напряжение, которого я не осознавала сама, отпустило мне плечи и спину.

Алистер подхватил меня на руки и понес по кровати, передвигаясь на коленях. Когда

мы оказались в середине, он опустил меня и остался стоять на коленях, возвышаясь надо мной. Но я уже три года работала с Утером, и шесть футов — ерунда для того, кто завтракает иногда с тринадцатью.

Очевидно, у меня не был особенно потрясенный вид, потому что он снял галстук, бросил его на кровать, и взялся за пуговицы рубашки. Это меня удивило. Помешанные на доминантности обычно хотят, чтобы жертва разделась первой. Он уже снял пиджак и рубашку и взялся за ремень, когда я сообразила, что делать. Хорошо бы несколько замедлить темп.

Я села, тронула его за руки:

— Не торопись. Дай мне насладиться процессом обнажения. А то ты мчишься, будто у тебя сегодня еще одно свидание.

Я подержала его за руки, погладила, подняла ладони к его голым плечам. Я сосредоточилась на ощущении волосков на его предплечьях, как они скользят под моим прикосновением. Если я сфокусируюсь только на физических ощущениях, то смогу заставить собственные глаза солгать, выразить неподдельный интерес. Тут главное — не думать о том, кого я касаюсь.

— Сегодня нет никого, кроме тебя, Мерри. — Он поднял меня на колени, погладил мне волосы, пропуская их сквозь пальцы, взял мое лицо в свои большие ладони. — И никого не будет ни для одного из нас после этой ночи, Мерри.

Мне это не слишком понравилось, но сейчас он впервые произнес что-то такое, что можно назвать не совсем нормальным, так что я делаю все правильно.

— Ты о чем, Алистер? Мы собираемся рвануть в Вегас?

Он улыбнулся, все еще держа мое лицо в ладонях, глядя в глаза, будто стараясь запомнить их.

— Брак — всего лишь церемония; а сегодня я тебе покажу, что это значит — быть по-настоящему одной у мужчины.

Я приподняла брови, не успев подумать. Зная, что на моем лице эта мысль уже выразилась, я сказала:

— Ну и ну! Ты о себе очень высокого мнения.

— Обоснованно, Мерри.

Он поцеловал меня нежно, потом мимо меня продвинулся к спинке кровати. Нажал — и распахнулась дверца. Потайной ящичек — как изысканно! Алистер повернулся ко мне, держа в руках флакончик. Стекланный флакончик с изгибами и завитушками, в которых полагается хранить дорогие духи, хотя никто этого не делает.

— Сними платье, — сказал он.

— Зачем?

— Это массажное масло.

Он протянул мне бутылочку, чтобы я увидела густое масло в рубиновом стекле.

Я улыбнулась, постаравшись вложить в эту улыбку все, что ему хотелось: секс, поддразнивание, чуть-чуть цинизма.

— Сначала штаны.

Он улыбнулся широко, с удовольствием:

— Кажется, кто-то просил не торопиться?

— Если мы раздеваемся, то ты первый.

Он повернулся поставить бутылочку обратно в ящичек.

— Я ее подержу, — предложила я.

Он остановился, повернулся ко мне, и в глазах его горел жар почти осязаемый.

— Только если пару капель мазнешь себе на грудь, пока я раздеваюсь.

— А платье не измажу?

Он будто всерьез задумался:

— Не уверен, но если что, я тебе куплю новое.

— Мужчины всегда в такой момент готовы обещать луну с неба.

— Я хочу видеть, как течет масло по этой белейшей коже. Пусть они для меня заблестят.

Он дал мне флакончик, сложил на нем мои пальцы. И снова поцеловал меня, трогая слегка языком, чуть раздвигая губы, чтобы поцелуй мог перейти в страстный, — и медленно отодвинулся.

— Пожалуйста, Мерри, прошу тебя.

Он еще отодвинулся, недалеко, снова взялся за ремень. Медленно вытащил кожаный язычок из позолоченной пряжки, не спуская с меня глаз. Я улыбнулась, потому что он делал то, что я просила, — раздевался первый, медленно.

Раз так, то и я могу сделать, что он просит. Открытый сверху лифчик оставлял достаточную часть груди обнаженной, чтобы мне не вытаскивать их из платья. Я вынула пробку из флакона — с длинным стеклянным стерженьком, которым мазать кожу. Масло пахло корицей и ванилью. Что-то знакомое было в этом запахе, но трудно было его узнать. И масло было почти прозрачное.

— Разве его не надо сперва согреть? — спросила я.

— Оно реагирует на тепло тела. — Вытащив ремень из последней петли, он бросил его между нами на кровать. — Твоя очередь.

Я вытащила пробку из флакона. Масло тянулось за ней тяжелой нитью. Кончиком стеклянного стержня я коснулась сверху своей груди — масло было теплым, температуры тела. Я провела стержнем по выпуклостям груди, и остались тоненькие полосочки, как густые слезы. Аромат корицы и ванили впитывался в кожу теплым потоком.

Алистер расстегнул крючок брюк и медленно потянул вниз молнию. Под брюками оказались красные плавки, будто он одевался под цвет комнаты. Алое ярко выделялось у него на коже, облегая тело спереди. Он лег на кровать, чтобы стянуть брюки, глядя на меня, а я нависала над ним, стоя на коленях, как раньше он надо мной.

Он поднял руки, не вставая, коснулся пальцами масла, размазывая его по моей коже. Потом встал на колени, глядя мне в грудь сверху, пытаясь пальцами залезть под платье и захватить побольше, но платье было слишком тугим. Тщательное планирование предотвращает ненужное лапанье. Он обтер измазанные маслом руки о собственную грудь, потом взял у меня из рук флакон и стеклянной пробочкой провел мне по губам, будто накладывая глинец. Я ощутила сладость на губах, густоту и сладость. Он поцеловал меня, не выпуская из рук флакон, и мы касались только губами. Он меня целовал так, будто хотел выпить все масло с моих губ. Я растаяла от этого поцелуя, глядя руками его измазанную маслом грудь, ощущая, как шевелятся мускулы его пресса у меня под пальцами. Руки скользнули ниже, спереди, обнаружили уже твердый и готовый. Это ощущение затрепетало у меня в теле, как удар энергии. Тут только я поняла, что наслаждаюсь и забыла, зачем сюда пришла.

Я отпрянула от поцелуя и попыталась сосредоточиться, подумать. И не хотела думать —

хотела трогать его, и чтобы он меня трогал. Грудь аж ныли, жажда прикосновения. Рот горел, требуя поцелуя. Алистер наклонился, и я поползла назад, упала на спину, стараясь оставить между нами дистанцию.

Алистер пополз ко мне на коленях, опираясь на руку. В другой руке он держал флакон. Он встал надо мной, как лошадь встает над жеребенком. Я не могла оторвать глаз от середины его тела, от вздувшейся твердости. Не могла глядеть ему в лицо — это меня смущало и пугало.

— Глупо, — произнесла я. — До чего глупо! Заклятие в масле.

Он почти прошептал в ответ:

— Масло — это закливание.

Сперва я не поняла, что он имеет в виду, но знала только одно: больше этого масла я не хочу. Он начал открывать флакон, и я села, схватив его за руки, чтобы удержать на месте эту чертову пробку.

И как только коснулась его рук — пропала. Мы снова целовались, хотя я не собиралась этого делать. И чем больше мы целовались, тем больше мне хотелось поцелуя, будто он только разогревал эту жажду.

Я снова бросилась назад на кровать, закрыла лицо руками.

— Нет!

Теперь я уже знала, что это: Слезы Бранвэйн, Радость Авейли, Пот Фергюса. На одну ночь эта штука может заставить человека полюбить сидхе. Она даже из сидхе может сделать сексуального раба или рабыню, если у этого сидхе не будет доступа к другому сидхе. А ни один фейри, как бы ни был одарен и силен, не может сравниться с сидхе — так говорят. И никогда не забудешь прикосновения сидхе. Можешь пытаться прогнать мечты о сияющей коже и глазах как расплавленные драгоценности, о волосах до лодыжек, упавших на твоё тело. Но всегда в тебе будет желание, как у алкоголика, который не может выпить рюмку, чтобы не пробудить жажду, неутолимую уже никогда.

Я завопила — громко, протяжно, без слов. Есть такой побочный эффект у Слез Бранвэйн: никакой гламур против них не устоит, потому что не устоит против них сосредоточенность. И я ощутила, как утекает мой гламур, ощутила собственную кожу так, будто всё тело сделало глубокий вдох.

Опустила руки и посмотрела в зеркало на потолке. Глаза горели трехцветными драгоценными камнями. Внешние края радужек стали расплавленным золотом, дальше круг нефритовой зелени и наконец изумрудный огонь вокруг зрачка. Рот стал переливами алого: остатки помады и естественный цвет губ. Кожа так побелела, что переливалась как лучшая из жемчужин. И снова из нее исходил свет, как от занавеса, за которым горит свеча. Красно-черная масса волос переливалась разливом темной крови. Если бы они были просто черными, я стала бы похожей на Белоснежку, вырезанную из самоцветов.

Это была не просто я без гламора. Это была я, когда надо мной была моя сила, когда магия парила в воздухе.

— Бог мой, ты — сидхе! — ахнул он.

Я повернулась к нему своими пылающими глазами, ожидая увидеть страх, но увидела лишь приятное удивление.

— Он говорил, что ты придешь, если мы будем верны, если будем истинно верить, и вот она — ты!

— Кто сказал, что я приду?

— Принцесса сидхе для пира наслаждений!

В его голосе было благоговение, но руки уже залезли мне под платье, пальцы просунулись под резинку трусиков. Я схватила его за руку и другой дала ему пощечину. Да такую, что пятерня осталась у него на лице. Все необходимые доказательства мы уже получили, чтобы засадить его за решетку. Больше играть мне не надо было. Энергию Слез Бранвэйн можно перенаправить с секса на насилие — так по крайней мере говорят при Неблагом Дворе. И я постараюсь. Очень постараюсь.

Если бы он дал мне сдачи, это могло бы помочь, но он этого не сделал. Он рухнул на меня, придавив мое тело к кровати. Лежал он так низко, что лицо его пришлось вровень с моим. На миг я заглянула в его глаза и там прочла то же мучительное, желание, которое ощущала в своих. Слезы Бранвэйн — штука обоюдоострая. Нельзя применять их для соблазна и не соблазниться самому.

Он тихо пискнул горлом и поцеловал меня. Я впилась в его рот, одной рукой схватившись за резинку собранных в хвост волос, и сдернула ее прочь, рассыпав эти волосы вокруг себя шелковой вуалью. Я погрузила в его волосы руки, захватила две горсти волос и держала крепко, исследуя его рот.

Его свободная рука полезла к моей груди через вырез платья, но рука не пролезала, и тогда он рванул ткань, и я дернулась от силы, с которой разорвалось платье, и его рука оказалась у меня в лифчике.

От этого прикосновения у меня судорожно дернулась голова, рот освободился от его губ. Вдруг передо мной оказалось одно из зеркал на дальней стене. Только через несколько секунд я сообразила, что что-то тут не так. Отчасти это было отвлечение — Алистер целовал меня в шею, опускаясь ниже. А отчасти это была чья-то чужая магия. Кто-то сильный не хотел, чтобы я знала, что за мной наблюдают: зеркала были пусты, как бельма слепого. Я посмотрела вверх, на зеркало в потолке, — и там было пусто, будто ни меня, ни Алистера здесь не было.

И тут я ощутила чары — как большую сосущую рану, вызывающую мою силу на поверхность, пока она не стала сочиться из пор моей кожи, вверх, вверх, к зеркальной поверхности. Что бы это ни было, оно питалось моей силой, как парасихическая пиявка. Сосало силу медленно, будто через соломинку. И я сделала единственное, что мне пришло в голову: я ударила силой в горло этих чар, пропихнула, как при насильственном кормлении. Этого там не ждали, и магия содрогнулась. В зеркале появился силуэт, но это не был ни Алистер, ни я. Силуэт был высок, худ, одет в серый плащ с капюшоном, полностью скрывающий тело. Но плащ был иллюзией, за которой прятался колдун на той стороне заклинания. А каждую иллюзию можно сорвать.

Губы Алистера нежно сомкнулись на моей груди, и концентрация моя разлетелась. Я смотрела, как он всасывает ртом мой сосок. Будто этот рот прочертил горячую линию точно от соска к паху. У меня из горла вырвался стон, я стала извиваться под его прикосновением. Еще какому-то кусочку сознания отвратительно было, что этот человек может вызвать такую реакцию моего тела, но все мое остальное существо превратилось в нервные окончания и жаждущую плоть. Я погружалась в Слезы Бранвэйн, тонула в них. Скоро не останется мыслей, одни только ощущения. Я не могла думать, чтобы зачерпнуть силы. Могла только обонять, ощущать вкус корицы, ванили и секса. Этот секс, это мучительное желание я обернула разумом и толкнула навстречу заклинанию. Плащ взметнулся, и на миг я почти увидела, кто за ним, но Алистер встал на колени и закрыл мне вид.

Он стянул с себя трусы, у меня перехватило дыхание — не потому, что так это было красиво, а просто от чистого желания. Будто мое тело увидело средство от всех бед. Не знаю, было тут дело в том, что я увидела его голым, или в силе, которую я бросила навстречу заклинанию, но я почувствовала, что я — это снова я. Трепещущая от нимфомании я, но так все же лучше.

Я села. Платье спереди было разорвано, лифчик стянут вниз, груди обнажились.

— Нет, Алистер, нет. Этого мы делать не будем.

Пузырьки энергии пролились над кроватью, покрыв мое тело гусиной кожей. Алистер глянул вверх, будто увидел что-то, чего не видела я, и сказал:

— Но ты говорил: использовать только немножко. Избыток сведет ее с ума.

Он внимательно прислушался. Я ничего не услышала.

То, что было в зеркале, пряталось только от меня, не от Алистера.

Он открыл флакон. Я успела только сказать "Нет!" и поднять руку, будто закрываясь от удара. Он плеснул на меня маслом. Как будто огромная жидкая рука меня коснулась. Я не могла шевельнуться, ничего не могла, только кричать. Он полил маслом мое тело спереди, сверху вниз. Оно пропитало платье, намочило кожу. Алистер поднял мне юбку, и я не могла его остановить — я застыла, ошеломленная. Он полил маслом атлас моих трусиков, и я свалилась назад, выгибая спину, впиваясь руками в простыни. Кожа будто набухала, растягиваясь изнутри желанием, которое сузило мир, и в нем осталось только желание, чтобы меня трогали, держали, имели. И не важно кто. Заклинанию было все равно, и мне тоже. Я раскрыла объятия склонившемуся надо мной голому мужчине. Он свалился на меня; я чувствовала, как напряженная тяжесть уперлась в атлас трусиков. И этот кусок материи был совершенно лишним. Я хотела, чтобы он вошел в меня, хотела так, как никогда ничего не хотела.

Но тут что-то выплыло из зеркала. Черная точка, но она привлекла мое внимание, сосредоточила на себе. Она спустилась ниже, и стало видно, что это паучок на шелковой нити. На моих глазах он медленно спустился к плечу Алистера. Он был маленький, черный и сиял, как лакированная кожа. Тело чуть остыло, голова прояснилась. Джереми сумел что-то мне передать. Я уже знала, что маг на том конце заклинания закрыл дом от моих друзей.

— Алистер, перестань!

Я завопилась, стараясь вылезти из-под него, но он был слишком велик, слишком тяжел. Я попалась. Он стал проталкиваться в меня. Тогда я просунула руку между его пахом и собой. Он схватил мою руку, стараясь ее убрать, чтобы закончить свое дело.

— Джереми! — завопила я.

Мы с Алистером боролись там, где были мои руки, и я краем глаза увидела зеркало. Оно наполнилось серым клубящимся туманом, дрожало, рябило, как вода, выгибалось пузырем. Только теперь я поняла, что этот маг — сидхе. Он или она скрывается от меня, но зеркала — это сидхейская магия.

Алистер явно выигрывал битву. Я вскрикнула — наполовину протест, наполовину наслаждение. Ум мой этого не хотел, но тело все еще было под властью масла.

— Нет! — кричала я, но бедра извивались под ним, пытаюсь помочь ему войти. Я хотела, яростно хотела, чтобы он был внутри, рвалась ощутить его нагое тело в себе. И все же кричала "Нет!".

Алистер внезапно вздрогнул и отодвинулся, теряя выигранную дистанцию, поднялся на колени, хватаясь за спину. И в руке у него оказался паучок. Алистер его раздавил. Еще один

полз у него по руке — Алистер смахнул его. Еще два поползли по плечам. Алистер попытался схватиться за спину между лопаток, завертелся, как собака, ловящая свой хвост, и я увидела его со спины. Кожа лопнула, и оттуда хлынула волна черных паучков. Они залили его, как черная вода, как шевелящаяся, кусачая вторая кожа. Он завопил, царапая себе спину, некоторых раздавил, но их все прибывало — черной шевелящейся массы. Он завизжал, и они хлынули в открытый рот, он захлебнулся, но все же вопил.

Все зеркала пульсировали, дышали, стекло выпячивалось и опадало как живое, как упругое. У меня в голове рывкнул мужской голос: "Под кровать, быстро!" Я не стала спорить — скатилась с кровати и заползла под нее. Красные простыни, свисающие до пола, оставили только полосочку света.

Раздался звук разбитого стекла, будто лопнула сразу тысяча окон. Крики Алистера заглушил звон падающих осколков. Стекло ударило по ковру острым градом — звенящий резкий звук.

И постепенно комнату охватила тишина — осколки перестали прыгать и звенеть. Тогда раздался треск дерева — я не видела, но решила, что это дверь.

— Мерри, Мерри!

Голос Джереми.

— Боже мой, Мерри!

Это вопил Роан.

Я подползла к краю кровати и приподняла простыню. Пол сверкал битым стеклом.

— Я здесь, здесь! — крикнула я. И, высунув руку, помахала ею, но дальше двинуться не могла из-за острых осколков.

Чья-то рука ухватила мою руку, кто-то бросил на стекло пиджак, и Роан вытащил меня из-под кровати. Только когда он схватил меня на руки, до меня дошло, что я все еще покрыта слезами Бранвэйн и какие это может иметь последствия. Но тут я увидела, что лежит на кровати, и у меня слова застряли в глотке. Наверное, я на пару секунд даже перестала дышать.

Роан понес меня к двери. А я через его плечо смотрела на то, что было на простынях. Я знала, что это был мужчина. Даже знала, что это был Алистер Нортон, но если бы не знала, на что смотрю, вряд ли бы поняла, что это был человек. Оно было алым, как простыни под ним. Стекло превратило тело просто в сырое мясо. Под всей этой кровью пауков не было видно. Знала я сейчас только две вещи, ну, три. Во-первых, маг на том конце заклинания был сидхе. Во-вторых, он или она пытались меня убить. В-третьих, если бы Джереми не сумел протолкнуть свое заклинание через защиту, я бы сейчас лежала чуть меньшим красным куском на пропитанной кровью кровати. Я у Джереми в большом долгу.

Полицейские не разрешили мне принять душ, даже руки помыть не позволили. Прошло четыре часа, как Роан вынес меня из той спальни, а я все еще пыталась объяснить полиции, что именно произошло с Алистером Нортоном. И без особого успеха. Моей версии событий никто не верил. Все они видели видеозапись и все равно не верили. Единственной, я думаю, причиной, по которой мне не предъявили обвинение в убийстве Алистера, была та, что рухнуло инкогнито принцессы Мередит Ник-Эссус. Они знали, и я знала, что мне достаточно только заявить о своем дипломатическом иммунитете, и я могу спокойно выйти. Так что с обвинениями они не спешили.

Чего они не знали — так это того, что мне здесь дипломаты нужны еще меньше, чем им. Как только я потребую иммунитета, они тут же свяжутся с Бюро по делам людей и фейри. Те тут же обратятся к послу сидхейских Дворов. Посол свяжется с Королевой Воздуха и Тьмы. Он ей сообщит, где именно я сейчас. Зная тетушку, можно не сомневаться, что она распорядится "обеспечить мою безопасность", пока не явится ее стража, чтобы доставить меня домой. Я буду сидеть, как кролик в силке, пока не придет кто-то сломать мне шею и отнести домой как трофеей.

Я сидела за столиком, на котором стоял стакан с водой. Одеяло — его дали мне санитары, — висело на спинке стула. Одеяло мне дали, чтобы согреться и чтобы прикрыть разорванный перед платья. Иногда мне бывало холодно, и одеяло было очень кстати, но остальное время кровь будто закипала. Меня то кидало в дрожь озноба, то в жар и в пот — сочетание шока и Слез Бранвэйн. От этих крайностей голова разболелась до изумления. Никто мне ничего от головы не дал, потому что меня скоро повезут в больницу. Скоро, скоро, только не сейчас пока еще.

Когда приехала полиция, я все еще тихо светила. Гламор я наводить не смогу до тех пор, пока масло окончательно не выветрится, и потому мне было не скрыться. Первые же прибывшие меня узнали, один из них сказал: "Вы принцесса Мередит!" Ласковая ночь Калифорнии дышала вокруг, и я знала, что до Королевы Воздуха и Тьмы дойдет этот шепот, вопрос только во времени. И к этому времени мне надо уже замести следы. У меня оставалась одна ночь в запасе, максимум — две, а потом прибудет тетушкина стража. Время сидеть и отвечать на вопросы у меня пока есть. Но мне уже стало надоедать отвечать на одни и те же вопросы.

Так почему же я все еще сидела на стуле с твердой спинкой напротив детектива, которого никогда раньше не видала? Во-первых: если бы я отсюда вышла без обвинений или сославшись на дипломатический иммунитет, они бы обратились к политикам — задницу-то прикрыть надо. Во-вторых: я хотела, чтобы детектив Алвера поверил мне насчет Слез Бранвэйн и проникся, насколько серьезен вопрос о том, не осталось ли там еще такого масла. Наверное, это был дар от того сидхе, который поставил заклинание-пиявку. Может быть, один флакон — это и все, что может быть у того, кто не принадлежит к Дворам. Наилучший сценарий. Но если есть хоть малейший шанс, что люди, с помощью сидхе или без нее, сообразили, как изготовить Слезы Бранвэйн, и выбросили их на рынок, то этому надо положить конец.

Разумеется, была и иная возможность. Тот сидхе, который устроил Нортону этот фокус с изнасилованием магией, вполне мог раздать Слезы Бранвэйн и куче другого народу. Это

был наиболее вероятный из двух наихудших сценариев, но я не могла сказать полиции, что какой-то сидхе был в сговоре с Алистером Нортон. О сидхейских делах в полицию людей не заявляют — если хотят сохранить на месте все части тела.

Копы отлично чувствуют ложь, или, быть может, они для экономии времени полагают, что врут все. Какова бы ни была причина, детективу Алвере мой рассказ не понравился. Он сидел напротив — высокий, темноволосый, худой, — руки у него казались слишком большими для таких узких плеч. Глаза темно-карие с бахромой темных ресниц, такие, что сразу обращаешь внимание, — а может, только для меня сегодня они такие. Джереми поставил надо мной охранное заклинание, чтобы помочь мне взять Слезы под контроль. Пальцем и силой он начертил у меня на лбу руны. Ничего такого, что полиция могла бы заметить, но если сосредоточиться, они ощущались как холодный огонь. Кабы не эти чары, Богиня только знает, что бы я сегодня могла учудить. Что-нибудь весьма неприличное. Даже под рунами я ощущала присутствие в комнате каждого мужчины.

Алвера смотрел на меня красивыми недоверчивыми глазами. Я видела, как его губы формируют слова — такие щедрые, зовущие к поцелуям губы.

— Вы слышали, что я сейчас сказал, мисс Ник-Эссус?

Я моргнула и поняла, что не слышала.

— Простите, детектив. Не могли бы вы повторить?

— Я думаю, допрос окончен, детектив Алвера, — сказала моя адвокатесса. — Очевидно, что моя клиентка устала и находится в состоянии шока.

Она — партнер фирмы Джеймс, Браунинг и Галан. Она и есть Галан. Обычно деле детективного агентства Грея ведет Браунинг. Наверное, Эйлин Галан оказалась сегодня здесь, поскольку Джереми сообщил насчет изнасилования. Женщина более подвержена сочувствию в таких случаях — по крайней мере так считается.

Она сидела возле меня в темном юбочном костюме, такая аккуратная и отглаженная, будто ее только что вынули из упаковки. Седеющие светлые волосы идеально уложены, косметика безупречна. И даже начищенные туфли сияют. Было два часа ночи, а у Эйлин такой вид, будто она только что позавтракала и с энтузиазмом приветствует рабочий день.

Алвера оглядел меня — от поддерживающего лифчика, выставлявшего мои груди на всеобщее обозрение, до глаз.

— Мне не кажется, что она в шоке, советник.

— Моя клиентка подверглась грубому изнасилованию, детектив Алвера. И при этом ее не доставили в больницу, ее не осмотрел врач. Единственная причина, по которой я этого не потребовала, — решимость моей клиентки ответить на ваши вопросы и помочь расследованию. Откровенно говоря, я склоняюсь к мысли, что моя клиентка не в состоянии сегодня защитить свои интересы. Я видела видеозапись того, чему она подверглась. И должна вступить за права Мередит, даже если она этого не хочет.

Мы с Алверой переглянулись над столом. Следующие слова он произнес, не отрывая от меня пристального взгляда.

— Я тоже видел эту запись, советник. Создается впечатление, что вашей клиентке это весьма и весьма понравилось. Она говорила "нет", но тело ее постоянно требовало "да".

Если Алвера думал, что я взорвусь под давлением его стального взгляда и оскорблений, он просто меня не знал. Даже в нормальном состоянии это бы на меня не подействовало, а сегодня я слишком отупела, чтобы клюнуть на такую хилую наживку.

— Это оскорбление не только моей клиентки, но и женщин вообще, детектив Алвера.

Допрос окончен. Я ожидаю полицейского сопровождения в госпиталь для моей клиентки.

Он только глянул на нее прекрасными устало-пресыщенными глазами.

— Женщина может твердить "нет, прекрати", но если она при этом играет с членом мужчины, его трудно обвинить в том, что он неправильно ее понял.

Я улыбнулась, качая головой.

— Вам это кажется забавным, мисс Ник-Эссус? Пусть на ленте есть материал для обвинения в изнасиловании, но там также видно, как вы превратили Алистера Нортон в кусок мяса.

— Еще раз говорю: я не убивала Алистера Нортон. Что касается изнасилования, то вы либо нарочно пытаетесь оскорблениями вывести меня из себя, чтобы я что-нибудь сказала опрометчивое, либо вы — мужская шовинистическая свинья. В первом случае вы зря тратите свое время. Во втором случае — мое.

— Прошу прощения, если отвечать на вопросы о человеке, которого вы оставили истекать кровью на его собственной кровати в его собственном доме, — значит тратить ваше время.

— Что это за человек, у которого есть дом, и жена об этом не знает? — спросила я.

— Он обманывал жену, а потому заслужил смерти — вы это хотите сказать? Я знаю, что у вас, фейри, пунктик насчет брака и моногамии, но казнь выглядит несколько излишне суровой.

— Моя клиентка неоднократно уже заявляла, что это не она создала заклинание, вызвавшее взрыв зеркал.

— Но она жива, советник. Если не она создала заклинание, откуда она знала, что надо спрятаться в укрытие?

— Я уже сказала, что распознала это заклинание, детектив Алвера.

— Почему же его не распознал Нортон? У него репутация сильного мага. Он тоже должен был учуять, что происходит.

— Я вам сказала, что Слезы Бранвэйн на людей действуют сильнее, чем на сидхе. Он не так хорошо осознавал окружающую обстановку, как я.

— Откуда появились пауки?

— Этого я не знаю.

Я не стала говорить, что пауков наслал Джереми, потому что они бы тут же обвинили его во взрыве зеркал или нас обоих в сговоре.

Он покачал головой.

— Да скажите вы просто, что вы это сделали. Это же самозащита.

— Единственная причина, по которой я еще здесь, вот какая: я хочу, чтобы вы, сотрудники полиции, осознали, какую опасность может представлять заговоренное масло. Если где-то еще есть Слезы Бранвэйн, вы должны найти их и уничтожить.

— Заклинаний похоти не бывает, мисс Ник-Эссус. Афродизиаков не бывает. Магические зелья, заставляющие женщину снять трусы перед мужчиной, которого она не хочет, — чушь. Такого не бывает.

— Вы будете мечтать, чтобы ваши слова стали правдой, если это средство выйдет на поверхность. Может быть, у Нортон был единственный флакон, но на всякий случай, если где-то есть еще, поищите его друзей.

Он пролистал блокнот, который до того даже не трогал.

— Ага. Лиам, Дональд и Брендан, фамилий нет. У двоих фейрийские уши, у всех

длинные волосы. Мы их без проблем найдем. Правда, их могут не очень тщательно искать, поскольку их не обвиняют в убийстве.

Эйлин снова встала.

— Пойдем, Мередит. Допрос окончен. Я говорю всерьез.

Она посмотрела на нас как учительница на расшалившихся первоклассников, самым взглядом пресекая возможность не послушаться. Я уже устала, а они все никак не хотят мне поверить насчет Слез Бранвэйн. Я встала.

Алвера тоже встал:

— Сядьте, Мередит!

— Мы перешли на имена, Алвера? Я вашего не знаю.

— Раймундо. Сядьте, пожалуйста.

— Если, — сказала я, — я сейчас заявлю о дипломатическом иммунитете, то выйду прямо из этой двери, и не важно будет, кто прав, кто виноват.

Я посмотрела на него — спасибо рунам Джереми, я могла просто смотреть ему в глаза. Если сосредоточиться, то можно почти не замечать контур верхней губы.

Он долго смотрел на меня, потом сказал:

— И что же вам мешает потребовать дипломатического иммунитета и выйти из дверей, принцесса?

— Вы мне не верите насчет этого зелья похоти, Раймундо.

— Еще как верю, — осклабился он.

Я покачала головой:

— Не надо веселиться, детектив. Ложь меня в этой комнате не удержит.

Я блефовала — отчасти. И надеялась, что он не станет проверять.

— А что удержит?

У меня возникла мысль. Мне надо показать полиции, насколько серьезную проблему могут представлять Слезы Бранвэйн. Воспоминания о сексе с сидхе будут преследовать человека вечно, но если дать только попробовать вкус этого, последствия не причинят пожизненного вреда. Сны, мечты, избыточный энтузиазм в спальне на какое-то время, но ничего серьезного. Чтобы перейти порог безопасности, нужно единение плоти и магии самым интимным образом. А если мы только совместно попробуем это на вкус, все переживут.

— Что, если я смогу вам показать, как действует масло похоти?

Он скрестил руки на груди и принял еще более циничный вид, что мне казалось невозможным.

— Слушаю.

— Вы верите, что ни одно заклинание не заставит вас тут же возжелать к какой-нибудь незнакомке?

— Именно так, — кивнул он.

— Вы дадите мне разрешение дотронуться до вас, детектив?

Он улыбнулся; глаза его бродили по разорванному лифу моего платья. Хотелось думать, что это было намеренное оскорбление — иначе он не слишком умен, а мне нужно, чтобы он разбирался в своем деле. Поскольку дело имело политическое значение, то Алвера либо лучший, кто у них есть, либо худший. То ли полиция надеется, что супердетектив во всем разберется, либо подставили его как будущего козла отпущения к моменту, когда поднимется хай. Я надеялась, что он супердетектив, но склонялась к тому, что он — козел

отпущения. Конечно, раз я кое о чем соврала, то, быть может, не хотела, чтобы он знал свое дело. Но я врала не о том, о чем он думал. Честно.

— Минуту назад я был Раймундо. Теперь вы просите разрешения до меня дотронуться, и я снова детектив.

— Называется "техника дистанцирования", детектив Алвера, — пояснила я.

— А я думал, что вы хотите некоторого сближения и приязни, а не дистанции.

Эйлин Галан набрала воздуха, собираясь высказаться, и я остановила ее, подняв руку.

— Все в порядке, Эйлин. Если бы он был так глуп, то не стал бы детективом, значит, он меня провоцирует. Не знаю, что он хочет от этого получить.

Веселье исчезло из его глаз, холодных и темных, каменно-непроницаемых.

— Хорошо бы правду.

— Вы вели себя сдержанно несколько часов подряд. Потом вдруг за последние тридцать минут вы несколько раз меня оскорбили и таращились на мои груди. Откуда такая перемена?

Холодные глаза остановились на мне на пару секунд.

— Деловое и профессиональное поведение ни хрена мне не дали.

— В исходном рапорте я фигурирую как жертва изнасилования, верите вы тому или нет. Ваше поведение в последние полчаса может обеспечить вам роль ответчика в иске за сексуальные домогательства.

Он посмотрел на мою молчаливую адвокатессу, потом на меня.

Мне случалось видеть жертв изнасилования, принцесса. Я их возил в больницу, держал их за руку, когда они кричали.

Была среди них девочка двенадцати лет. Ее так отделали, что она даже говорить не могла. Девять дней работы с психотерапевтом понадобилось, чтобы она назвала насильников. Вы ведете себя не так, как жертвы изнасилования.

Я покачала головой:

— Ах ты, наглый... мужчина! — Последнее слово прозвучало у меня как страшное оскорбление. — Тебя когда-нибудь насиловали, Раймундо?

Он моргнул, но сохранил безразличный взгляд.

— Нет.

— Так не смей мне толковать, как я должна себя вести, что чувствовать и вообще. Да, сегодня меня не сломали. Отчасти дело в том проклятом заклинании, но отчасти, детектив, в том, что из всех изнасилований это не самое худшее. Эйлин сказала, что меня грубо изнасиловали. Ну, она юрист. Я могу простить ей выбор слов, но она не может знать, что они значат. Она не видела, что может сделать мужчина с женщиной, когда действительно хочет сделать ей больно. Я видела грубые изнасилования, детектив, и то, что было сегодня ночью, грубым не было. Но если я не истекаю кровью и лицо мое не стало неузнаваемым под слоем синяков, это еще не значит, что изнасилования не было.

Что-то мелькнуло у него в глазах — я не смогла понять что, — и тут же они стали опять ничего не выражающими.

— Это было с вами не в первый раз? — тихо и сочувственно спросил он.

Я смотрела в пол, боясь встретиться взглядом с Алверой.

— Не со мной, детектив, — ответила я.

— С подругой, — сказал он все так же тихо и понимающе.

Я подняла глаза, и вдруг это сочувствие в глазах почти заставило меня ему поверить.

Почти. Я вспомнила кровавую маску, в которую превратилось лицо Кеелин, глаз, повисший на щеке. Если бы у нее был нос, он был бы сломан, но мать ее была брауни, а у них человеческих носов нет. Три из ее четырех рук торчали под неестественным углом, как сломанные ножки паука. Ни один целитель-сидхе не решился бы возложить на нее руки, потому что она была на пороге смерти, а сидхе не стану рисковать жизнью ради брауни-гоблинской полукровки. Мой отец отвез ее в человеческую больницу и сообщил властям о нападении. Мой отец был Принцем Пламени и Плоты, и даже его сестра-королева его побаивалась, поэтому его не наказали за привлечение людей к делам фейри. Это было зарегистрировано и я могла об этом говорить, не страшась наказания. Как приятно было в эту ночь наконец-то сказать полную правду.

— Расскажите, — сказал он еще мягче.

— Когда нам было по семнадцать, мою лучшую подругу Кеелин Ник-Браун изнасиловали. — Голос мой был пуст и безжизнен, как недавно глаза Алверы. — Ей выбили глаз, и он повис на щеке. — Я перевела дыхание и оттолкнула всплывший образ, заметив, что оттолкнула его руками, будто это могло помочь, только когда закончила движение. — Я видела избитых, но не так, никогда так. Ее хотели забить до смерти, и это почти удалось. — Я снова взяла себя в руки. Терпеть не могу плакать — я при этом чувствую себя такой слабой.

— Простите, — сказал он.

— Не за что, детектив Алвера. Увидев Кеелин, я обрела меру того, что такое насилие. Если это не так, как было с Кеелин, то уже не так плохо. Это помогло мне пережить некоторые очень суровые испытания без истерики.

— Сегодня, например, — сказал он тем же голосом.

Я кивнула:

— Например, сегодня, хотя должна признать, что убитый Алистер Нортон — одно из худших зрелищ, которые я видела, а я кое-что повидала, детектив. Я не убивала его. Не хочу сказать, что не убила бы его, если бы он завершил изнасилование. Оправившись от похоти, наведенной чарами, я могла бы его найти и убить. Не знаю. Кто-то другой за меня это сделал.

— Кто?

Мой голос упал до шепота:

— Хотела бы я знать, детектив. Очень хотела бы.

— Вам надо до меня дотронуться, чтобы доказать, что это ваше масло похоти на самом деле есть?

Я кивнула.

— Даю вам разрешение, — сказал Алвера.

— Если я докажу, что заклинание похоти действует, вы привлечете отдел борьбы с наркотиками?

— Да.

— Вы клянетесь? — сказала я. — Ваше слово чести.

Глаза его стали серьезными. Кажется, он понимал, что значит слово чести для нелюдей. Наконец он кивнул:

— Мое слово чести.

Я посмотрела на Эйлин Галан, потом на прозрачное с одной стороны стекло в дальней стене.

— Сказано при свидетелях. Сами Боги будут знать, если вы нарушите обещание.

Он кивнул:

— И тогда меня поразит молния?

Я мотнула головой:

— Нет, не молния.

Он начал было улыбаться, но по моему лицу понял, что ничего смешного нет, и перестал.

— Я держу свое слово, принцесса.

— Надеюсь на это, детектив, ради нас всех надеюсь.

Эйлин отвела меня в сторонку на несколько шагов.

— Что ты хочешь сделать, Мередит?

— Ты владеешь мистическими искусствами?

— Я адвокат, а не колдунья.

— Тогда просто смотри. Все будет ясно само собой.

Я отстранилась от нее и подошла к Алвере. Остановилась чуть дальше, чем остановилась бы в обычных обстоятельствах, — всего на расстоянии вытянутой руки, чтобы дотронуться. У меня оставалось масло на пальцах, но отчасти оно уже стерлось. Я хотела, чтобы получилось, и потому провела пальцами по груди, где еще масло лежало блестящим слоем. Слезы Бранвэйн долго сохраняют силу. Я протянула руку к лицу Алверы.

Он отстранился.

Я приподняла брови:

— Вы сказали, что мне можно до вас дотронуться.

Он кивнул:

— Извините, привычка.

И придвинулся на шаг, но встал так, чтобы нас хорошо видели из-за стекла с односторонней прозрачностью. Потом явно собрался, чтобы не отдернуться. Не знаю, отчего он так не хотел, чтобы я его трогала, — то ли оттого, что я фея, то ли потому, что считал меня убийцей, который пользуется магией, то ли это какие-то эзотерические копские штучки.

Я провела пальцами по этим полным губам, и они заблестели, как глянец. Он вытаращил глаза, будто его слегка оглушило. Я шагнула прочь, и он потянулся ко мне, но тут же овладел собой и сложил руки на груди. Попытался что-то сказать, но только покачал головой.

Я вернулась к своему стулу и села. Положила ногу на ногу, и из-под задравшейся короткой юбки сверкнул кружевной край чулка. Алвера заметил. Он следил за каждым движением рук, которыми я оправила юбку. У него на шее забился пульс. Смотреть на расширенные глаза и полураскрытые губы, пока он пытался взять себя в руки, было очень интересно. И большое самообладание требовалось, чтобы не сократить между нами расстояние, не сделать самой первый шаг. Меня все еще защищали руны Джереми, но не шагнуть к Алвере было актом воли.

Эйлин Галан переводила озадаченный взгляд с меня на него и обратно.

— Я чего-то не заметила?

Алвера продолжал таращиться на меня, обхватив себя руками, будто боясь двинуться или заговорить, боясь, что любое движение вперед бросит его через стол в мои объятия.

— Да, не заметила, — ответила я.

— Чего?

— Слез Бранвэйн.

Алвера закрыл глаза, тело его стало слегка покачиваться.

— Вам нехорошо, детектив? — спросила его Эйлин.

Он открыл глаза и ответил:

— Нет, все... — он снова посмотрел на меня, — ...в порядке.

Но последнее слово еле было слышно. На его лице отразился страх, будто он не мог сам поверить, какие мысли у него сейчас в голове.

Не знаю, сколько бы мы еще выстояли так, но мое терпение на сегодня закончилось. Я пальцами коснулась белых поблескивающих выпуклостей груди, и этого вполне хватило.

Он метнулся через комнату, схватил меня за руки, поднял со стула. Он был на целый фут меня выше, и ему пришлось неловко согнуться, но он справился. Свои желанные губы он приложил к моим, и этот вкус сорвал к чертям наложенную Джереми защиту. Вдруг я превратилась в пульсирующее, жгучее желание. Тело все еще требовало того, в чем я ему раньше отказала. И я впилась в губы Алверы, будто изголодавшись до смерти, язык впихнула куда-то ему в глубину. Измазанные маслом руки гладили его лицо. И чем больше масла на него попадало, тем сильнее становились чары. Он поднял меня, обхватив за талию, поднял на уровень глаз, чтобы не сгибаться.

Я охватила его ногами за талию и ощутила его через слои разделявшей нас материи. Тело мое задергалось от прикосновения, и я прервала поцелуй — не вздохнуть, а вскрикнуть.

Он прижал меня к столешнице, пах его врубался в меня. Лежа на столе, он из-за разницы роста уже не мог продолжать поцелуй и держать вместе нижние части тел, поэтому он поднялся на руках, будто отжимаясь, вдавливая себя в меня.

Я подняла глаза и наконец встретила его взгляд. В глазах его была та темнота, которая обычно не появляется у мужчин до тех пор, пока не сброшена одежда и нет возврата назад. Двумя руками вцепившись в его рубашку, я дернула, пуговицы разлетелись брызгами, обнажились грудь и живот. Я приподнялась, напрягая пресс, лизнула его в грудь, в живот, стала водить руками по плоскому животу. Попыталась пропихнуть руки в штаны, но ремень помешал.

Вдруг комната наполнилась полицейскими в мундирах и в штатском. Они оторвали от меня Алверу, и он стал отбиваться. Им пришлось повалить его и навалиться кучей сверху, а он вопил без слов.

Я лежала на столе с задравшейся до пояса юбкой, и столько было в теле крови и жажды, что я не могла шевельнуться. Я из себя выходила, что нам помешали. Я знала, что это глупо. Знала, что не хочу заниматься сексом в допросной на глазах всего участка, и все же... я была вне себя от желания.

Рядом со столом стоял молодой полицейский в форме. Он пытался не глазеть, но у него не получалось. Очень легко было схватиться за его руку, прижать Слезы к пульсу на запястье. Кровь его ударила мне в руку, и он наклонился ко мне в поцелуе раньше, чем кто-нибудь заметил, что случилось.

— Господи, Райли, не трогай ее!

Чьи-то руки схватили его, оторвали от моих рук, от губ. Я потянулась за ним, садясь, закричала: "Нет!", стала слезать со стола, чтобы кого-нибудь из них схватить, но тут другой детектив поймал меня за руку и удержал на столе. И уставился на свои ладони, будто обжег их о мои голые руки.

— Боже мой! — тихо сказал он.

И перед тем, как наклониться и меня поцеловать, он успел крикнуть:

— Женщин-сотрудниц сюда!

Потом я узнала, что этот среднего роста и телосложения, слегка лысеющий человек — лейтенант Петерсон. Его пришлось заковать в наручники, чтобы вынести из комнаты.

Меня накрыла куча женщин-полицейских и держала так, что не двинуться. У пары из них оказались те же проблемы, что у мужчин, а у одного мужчины не было никаких трудностей, когда он меня держал. Ничего себе разоблачение на работе!

Позвали Джереми, чтобы восстановил охрану. Я наконец успокоилась, но была не в том виде, чтобы с кем-нибудь говорить. Джереми обещал мне связаться с отделом наркотиков, хотя был вполне уверен, что побывавшие в комнате полицейские куда убедительнее расскажут об опасности Слез Бранвэйн.

Роан меня ждал, надев хирургические перчатки, чтобы безопасно меня трогать, и держал жакет — набросить мне на голову, чтобы меня не узнали. Полицейские отвезли нас домой. Пока что репортеры еще не пронюхали, что я появилась и при каких обстоятельствах. Но кто-нибудь из полиции или из "скорой" расскажет. За деньги или случайно, но журналисты узнают, это только вопрос времени. Будет гонка, какие псы раньше возьмут мой след: таблоиды или стража королевы. Будь я в форме, села бы в машину и уехала из штата сегодня же ночью или улетела бы на первом самолете в любую сторону. Но Роан отвез меня к себе, потому что это было ближе, чем ко мне. Мне все равно было куда, лишь бы там был душ. Если я в ближайшее время не избавлю свое тело от Слез или не займусь сексом, я с ума сойду. Я предпочла бы душ. Что до меня не дошло вовремя — это что Роан предпочел бы секс.

Умом я понимала, что мне надо было бы велеть Роану отвезти меня к моей машине. Там под водительским сиденьем лежал заклеенный пакет с деньгами и новыми документами, в том числе водительскими правами и кредитными карточками. Я всегда готова была просто уехать из города или прибыть в аэропорт и улететь на первом самолете, который мне понравится. Это был хороший план. Полиция уже сейчас свяжется с посольством, и еще до рассвета тетушка будет знать, где я, кто я и что делала последние три года.

Примитивный тыл мозга требовал немедленно наброситься на Роана, гонящего по фрифвею со скоростью восемьдесят миль в час. Кожа у меня разбухла от желания. Мне пришлось засунуть руки под себя, чтобы не трогать Роана. Меньше всего нам надо было и его вымазать Слезами. Хоть один из нас должен быть сегодня в здравом рассудке, а пока я не залезу в душ, это буду не я.

Обхватив себя руками и впившись пальцами в плечи так, что остались следы ногтей, я поднялась по ступеням в квартиру Роана. Только это помешало мне за него ухватиться, пока он шел на ступеньку впереди.

Он оставил дверь за собой открытой, и я вошла вслед за ним. Он стоял в середине большого открытого пространства. Даже в темноте комната была какой-то необычно светлой, белые стены блестели в лунном свете. Роан стоял в этом серебряном сиянии темным силуэтом. Он стал глядеть на море, как бывало всегда, когда мы сюда входили, — остановился и смотрел из окон в южной и западной стене. Море уходило от окон прочь блестящим шевелящимся разливом серебристого сияния и мрака, и оторочка белой пены кружевом отделяла его от берега.

Я всегда буду в сердце Роана второй, потому что любовь его принадлежит первой возлюбленной — морю. Он будет оплакивать ее потерю, когда я превращусь в прах могильный. И это знание несло одиночество. То же одиночество, что ощущала я при дворе, глядя, как сидхе ссорятся из-за оскорблений, нанесенных за сто лет до моего рождения и за которые они будут браниться еще сто лет после моей смерти. Это, конечно, горьковато, но главное — четкое чувство, что я всюду чужая. Я — сидхе и поэтому не могу быть человеком, и я смертная, а потому не могу быть сидхе. Ни рыба ни мясо.

Но даже в этом чувстве одиночества, оставленности, мой взгляд скользнул к кровати. Гора белых простынь и подушек — Роан кое-как ее прибрал. Лишь бы простыни чистые, а глаженные — это уже излишество.

Я вдруг представила его себе обнаженным на фоне простыней. От этого зрелища у меня свело живот, стало трудно дышать. Привалившись к двери, я подождала, пока смогу снова двигаться, и выпрямилась. Я не буду подчиняться химии и магии. Я сидхе — слабая, низшая сидхе, но это не меняет того, что я — на вершине всего, что мы и люди называем магией. Я не крестьянка какая-нибудь, впервые попробовавшая вкус фейри. Я — принцесса сидхе, и видит Богиня, буду вести себя соответственно.

Я заперла дверь, и даже щелчок замка не заставил Роана обернуться. Он всегда общался с морем в окне, пока не был готов заняться мною. Только сегодня у меня не было на это терпения. Я включила свет в ванной и заморгала, ослепленная. Ванная была тесной — едва хватало места для стульчака, умывальника и ванны. Ванна, быть может, была здесь с постройки дома, потому что была глубокой, на четырех лапах, весьма древнего вида.

Занавеска душа висела над ней на палке. На занавеске были изображения тюленей со всего мира, и под каждым его название. Я ее заказала по каталогу, который всегда попадает на глаза, если у тебя есть биологическое образование; нашла среди футболок с анималистическими рисунками, книг о путешествиях в Арктику и летних месяцах, проведенных за наблюдением за волками в глухих местах. Роану она понравилась, и я была рада ему ее подарить. Мне очень нравится заниматься сексом в душе в окружении моего подарка.

Вдруг мне представилось его тело, голое и мокрое, ощущение его кожи, скользкой от мыла. Тихо выругавшись, я отодвинула занавеску, включила воду, чтобы она стала теплой. Мне надо было смыть Слезы раньше, чем я сделаю что-нибудь, о чем потом пожалею. Сегодня мне ничего не грозит. Никто не появится у меня в дверях по крайней мере до завтрашнего утра. Я возьму Роана, наполню ладони шелком его кожи, завернусь в сладкий аромат его тела. Кому от этого будет плохо?

Но это говорили Слезы, а не я. Сегодня мне надо заставить голову работать, если я собираюсь убраться из города. Полиции это не понравится, но копы меня не убьют, а родственники убьют. И вообще в Калифорнии даже смертной казни нет.

Платье разорвалось настолько, что я попыталась стянуть рукава с плеч, как у жакета, но молния держала их на месте. Спереди платье густо и склизко пропиталось маслом. Никогда не видела, чтобы кто-то так безрассудно тратил вещество, которое даже сидхе считают драгоценным. Но если бы я погибла с Алистером Нортоном, то сидхейский колдун мог бы считать, что никто не знает, что такое Слезы Бранвэйн. Сидхе весьма снобистски думают о том, что знают и чего не знают низшие фейри. Колдун или колдунья полагали, что, если я погибну, им ничего грозить не будет.

Эти сидхе, кто бы они ни были, передали Слезы Бранвэйн смертному для использования против феи. Это наказуемо вечной мукой. У бессмертия есть свои теневые стороны, и одна из них — что наказание может длиться очень, очень долго.

Конечно, как и наслаждение. Я закрыла глаза, будто это могло отогнать приплывающие ко мне образы. Но я думала не о Роане — о Гриффине. Он был моим женихом несколько лет. Если бы мы смогли сделать ребенка, мы стали бы мужем и женой. Но ребенка не было, а потом осталось только страдание. Он изменил мне с другой женщиной-сидхе, а когда мне хватило дурного вкуса упрекнуть его, он мне сказал, что надоело ему быть с полукровкой-смертной. Ему нужна настоящая вещь, а не бледное подражание. Эти слова до сих пор звенели у меня в ушах, но перед глазами стояли его золотистая кожа, медные волосы, упавшие поперек моего тела. Я уже много лет о нем не думала — и вот ощущаю его вкус на губах.

На одну эту ночь, пока действует масло, оно может превратить низшего фейри или даже человека в сидхе. Они будут светиться силой давать и получать наслаждение, как любой из нас. Это великий дар, но, как и другие фейрийские дары, обоюдоострый. Потому что потом этот человек или фейри всю жизнь будет тосковать по этой силе или этому прикосновению. Роан — фейри, лишенный своей магии, своей тюленьей кожи. Ему нечем защититься от того, что могут сделать с ним Слезы.

Я знала, что мне не хватает прикосновения другого сидхе, но до сих пор не осознавала насколько. Если бы Гриффин был здесь, я бы ушла к нему. Наутро я могла бы вогнать ему нож в сердце, но ночью я бы ушла к нему.

Я услышала в двери шаги Роана, но не повернулась. Не хотела смотреть, как он там

стоит. Не была уверена, что моя избитая сила воли это выдержит. Спереди платье было разорвано, но все равно я не могла сама расстегнуть молнию.

— Ты не мог бы меня расстегнуть?

Голос мой прозвучал придушенно, будто слова приходилось вытаскивать из губ клещами. Наверное, потому, что я хотела крикнуть: "Возьми меня, буйный зверь!", но это было бы лишено достоинства, а Роан заслуживал лучшего, чем остаться жаждать того, чего ему никогда больше не получить. Я могла бы отбросить гламор и переспать с ним после этой ночи, но каждый раз, когда он касался бы меня в истинном виде, только увеличивал бы зависимость.

Он расстегнул мне молнию и потянулся помочь снять платье с плеч. Я отдернулась.

— Я вся в Слезах, не прикасайся ко мне.

— Даже в перчатках? — спросил он.

О них-то я и забыла.

— Нет, в перчатках, я думаю, безопасно.

Он медленно, осторожно поднял ткань с моих плеч, будто боялся до меня дотронуться. Я выпростала руки, но платье так пропиталось маслом, что липло и не хотело соскальзывать. Оно липло как толстая и тяжелая рука, присасываясь, пока я его отдирала от тела. Роан помог мне стащить ткань через бедра, наклонившись, чтобы я могла выйти из него. На каблуках я держалась неустойчиво и тихо ругнулась, что не сняла их раньше. Я закрыла глаза, чтобы не видеть, как он помогает мне раздеваться. Оперлась на его плечо, чтобы не упасть, и чуть не хлопнулась, когда моя рука коснулась голой кожи.

Я открыла глаза и увидела, что он стоит передо мной на коленях, голый, если не считать перчаток. Я шагнула прочь от него так резко, что оказалась в ванне, сев на задницу, вытянув перед собой руку, чтобы отстранить его. Я сидела в воде на дюйм и на шаривала краны, чтобы ее отключить.

Роан смеялся.

— Я думал, что раздену тебя раньше, чем ты заметишь, но не знал, что ты будешь закрывать глаза.

Он содрал перчатки зубами, все еще держа в руках мое платье. Потом сунул голые руки в пропитанную маслом ткань, прижал ее к своей голой груди.

Я все мотала головой.

— Ты сам не знаешь, что делаешь, Роан.

Он посмотрел на меня через край ванны, и ничего не было невинного в этих карих глазах.

— В эту ночь я буду для тебя сидхе.

Я села в ванне, будто собиралась купаться прямо в белье, и попыталась заговорить разумно. Только кровь будто отхлынула от мозга и собралась в других местах. Трудно было думать.

— Я сегодня не могу ставить гламор, Роан.

— Я не хочу, чтобы ты ставила гламор. Хочу быть сегодня с тобой, Мерри. Без масок, без иллюзий.

— Без собственной магии ты будешь как человек. Ты не сможешь защитить себя от чар. Будешь поражен эльфом.

— Я не зачахну и не умру от жажды сидхейской плоти, Мерри. Пусть я без магии, но я бессмертен.

— Пусть ты не умрешь, Роан, но вечность — долгий срок хотеть того, чего больше не получишь.

— Я знаю, чего я хочу, — сказал он.

Я открыла рот, чтобы сказать ему хоть часть правды, часть причин, по которым мне надо отмыться и мотать из города. Но он встал, и голос у меня застрял в глотке. Я не могла дышать, не то что говорить. Могла только смотреть.

Он сжал платье в руках так сильно, что мышцы вздулись. Масло потекло из материи, медленно скользя по его груди, по гладкой плоскости живота, струйками спускаясь еще ниже. Он уже был гладок и тверд, но масло скользило по нему, и дыхание Роана вырывалось резким шипящим звуком. Он провел рукой по животу, размазывая масло блестящим слоем по бледному совершенству кожи. Я должна была приказать ему прекратить, закричать, позвать на помощь, но я только смотрела, как его рука спускается ниже, как он накрывает себя ладонью, распуская масло по этой твердости. Рука его отдернулась, глаза закрылись, и из горла вырвался хриплый возглас:

— О Боги!

Я помнила, что было что-то такое, что я должна была сказать или сделать, но ради спасения жизни я не могла бы вспомнить что. Слова меня покинули, остались только чувства: зрение, осязание, аромат и наконец — вкус.

Кожа Роана одуряюще отдавала корицей и ванилью, но под этим вкусом было еще что-то — травяное, легкий чистый вкус, будто пьешь ключевую воду прямо из сердца Земли. А еще глубже был вкус его кожи, сладкой, гладкой, чуть солоноватой от пота.

Мы оказались на кровати. Одежды на мне уже не было, хотя я не помнила как. Ощущение его тела, скользящего по моему, заставило меня судорожно вздохнуть сквозь полуоткрытые губы. Он целовал меня, ошупывая языком, и я открылась ему, поднялась с постели, втягивая его язык глубже в рот. Бедра мои задергались от поцелуя, и он это воспринял как зов, скользя внутрь меня, медленно, пока я не стала влажной и готовой, тогда он вбил себя внутрь, так быстро, так глубоко, как только позволили наши тела. Я вскрикнула под ним, тело взметнулось вверх с кровати и упало вновь на простыни. Я смотрела на него.

Лицо его было от моего в нескольких дюймах, глаза так близко, что я видела только эти глаза. Он смотрел мне в лицо, двигаясь во мне, полуприподнявшись на руках так, чтобы ему было видно мое тело, извивающееся под ним. Я не могла лежать тихо. Я должна была шевелиться, подниматься ему навстречу, пока между нами не возник ритм, ритм стучащей плоти, грохот наших сердец, скользких соков наших тел и дрожи каждого нерва. Как будто бы одно касание было многими ласками, один поцелуй — тысячью поцелуев. Каждое движение его тела наполняло меня разливом теплой воды, наполняло кожу, мышцы, кровь, кости, и все это превращалось в один прилив тепла, нарастающий и нарастающий, как давление света, когда бледнеет ночь. И все мое тело пело с этим приливом. Пальцы закололи мурашки, и когда я уже не могла терпеть, тепло превратилось в жар и заревело, перекатываясь волной через меня и сквозь меня. Издали я слышала шум и крики, и это был Роан, и это была я.

Он свалился на меня, вдруг потяжелел, и шея его оказалась у моего лица, так что я ощутила колотящийся пульс, прыгающий у меня по коже. Мы лежали, переплетаясь так тесно, как только могут переплестись мужчина с женщиной, держали друг друга, пока успокаивались наши сердца.

Роан поднял голову, приподнялся на руках взглянуть на меня. Это был взгляд удивления,

как у ребенка, который узнал новую радость, о существовании которой он до сих пор не догадывался. Роан ничего не говорил, просто смотрел на меня, улыбаясь.

И я тоже улыбалась, но была во мне чуть заметная нотка грусти. Я вспомнила, что я забыла. Я должна была принять душ и покинуть город. Я не должна была ни за что касаться Роана, когда на наших телах Слезы Бранвэйн. Но что сделано, то сделано.

Мой голос оказался тихим, странным даже для моих ушей, будто я давным-давно не говорила.

— Посмотри на свою кожу.

Роан глянул на собственное тело и зашипел, как вспугнутый кот. Он скатился с меня и сел, разглядывая руки, плечи, всего себя. Он светился легким, почти янтарным светом, как огонь, отраженный в драгоценности, и этой драгоценностью было его тело.

— Что это? — спросил он тихим и чуть ли не испуганным голосом.

— Ты на эту ночь — сидхе.

Он посмотрел на меня:

— Я не понял.

— Знаю, — вздохнула я.

Он поднес руку поближе ко мне. Я светилась белым, холодным светом, как луна через стекло. Янтарное сияние его руки отражалось в этом белом сиянии, превращая его в бледно-желтое, пока его рука двигалась надо мной.

— И что я могу с этим сделать?

Я смотрела, как он ведет надо мной рукой, тщательно стараясь не коснуться моей кожи.

— Не знаю. Все сидхе разные. У всех у нас разные способности. Разные вариации темы.

Он положил руку на шрам у меня на ребрах, сразу под левой грудью. Рубец болел, как артрит в холодную погоду, только холодно не было. Я отодвинула его руку от этой отметины. Она была четким отпечатком руки большей, чем рука Роана, более длинной, с более тонкими пальцами. Коричневого цвета и чуть приподнята над уровнем кожи. Шрам становился черным, когда кожа у меня светилась, будто свет не мог ее коснуться — слепого пятна.

— Откуда это? — спросил он.

— От дуэли.

Он снова попытался потрогать шрам, и я схватила его за руку, прижалась, заталкивая это янтарное сияние в свое белое. Ощущение было будто наши руки слились вместе, плоть раздается, распухает. Он отдернулся, потирая руку о грудь, но от этого масло размазалось по руке, и лучше не стало. Роан еще не понял, что это лишь первая проба того, что значит быть сидхе.

— У каждого сидхе есть рука силы. Некоторые умеют исцелять прикосновением. Некоторые умеют убивать. Та сидхе, с которой я дралась, приложила руку мне к ребрам. Она сломала мне ребра, разорвала мышцы и пыталась раздавить сердце — все это даже не пробив кожи.

— Ты проиграла дуэль, — сказал он.

— Я проиграла дуэль, но осталась жить, а для меня это всегда был достаточный выигрыш.

Роан нахмурился.

— Ты погрустнела. Я знаю, что тебе понравилось, откуда же такая мрачность?

Он провел пальцем по моему лицу, и на пути его прикосновения кожа засветилась ярче.

Я отвернулась.

— Слишком поздно спасать тебя, Роан, но еще не поздно мне спасти себя.

Я почувствовала, что он лег рядом, и сдвинулась чуть-чуть, чтобы не соприкасаться с ним всей длиной тел. И посмотрела на него с расстояния в пару дюймов.

— От чего тебя спасать, Мерри?

— Не могу объяснить тебе причину, но я должна уехать. Не из этой квартиры — из города.

Он удивился:

— Зачем?

Я покачала головой:

— Если я тебе расскажу, ты окажешься еще в большей опасности, чем сейчас.

Он это принял и не стал расспрашивать дальше.

— Чем я могу тебе помочь?

Я улыбнулась, потом засмеялась.

— Я не могу ехать в машине, не говоря уже — в аэропорт, пока сияю как восходящая луна, а гламор я не могу ставить, пока не выдохнется масло.

— И долго это? — спросил он.

— Не знаю.

Я посмотрела вдоль его тела и увидела, что он обмяк, хотя, как правило, он быстро восстанавливался. Но я знала то, чего не знал он. Сегодня я сидхе, нравится мне это или нет.

— А какова твоя рука силы? — спросил он, хотя много времени ушло у него на этот вопрос. Наверное, он очень хотел знать, раз спросил без приглашения.

Я села:

— У меня ее нет.

Он сдвинул брови:

— Ты говорила, что у всех сидхе она есть.

Я кивнула:

— Это один из многих предлогов, на основании которых другие мне многие годы отказывают.

— Отказывают в чем?

— Во всем. — Я подняла руку чуть над его телом, и янтарное свечение стало ярче, идя за моим прикосновением, как раздуваемый дыханием уголь. — Когда наши руки слились, это был один из побочных эффектов силы. Наши тела способны на то же самое.

Он приподнял брови.

Я накрыла его ладонью, и он ответил, но я влила в него силу, и он тут же встал твердо, готовый. От этого у Роана сжался живот, заставил его сесть, отодвинуть от себя мою руку.

— Почти что слишком хорошо. Почти что больно.

— Да, — кивнула я.

Он слегка нервозно засмеялся:

— Вроде бы ты говорила, что у тебя нет руки силы.

— Нет, но я происхожу от пяти различных божеств плодородия. Я могу возвращать тебе силу всю ночь, так часто и так быстро, как мы захотим. — Я склонилась к нему. — Ты сегодня как дитя, Роан. Ты не умеешь управлять силой, а я умею. Я могу тебя заводить снова и снова, пока ты не сотрешь кожу до мяса и не будешь умолять меня перестать.

Он лежал на кровати, а я двигалась над ним, и теперь он смотрел на меня снизу вверх

расширенными глазами, и каштановые волосы рассыпались вокруг его лица. Сегодня у них был почти тот же оттенок, что у моих, — почти. Роан выговорил с придыханием:

— Если так, то и ты сотрешься до мяса.

— Подумай, что было бы, будь я не единственной сидхе в комнате. Подумай, что мы могли бы заставить тебя делать, и ты не мог бы нам помешать.

Последние слова я произнесла в его полуоткрытые губы. Когда я его поцеловала, он вздрогнул, как от боли, хотя я знаю, что больно не было.

Я отодвинулась взглянуть ему в лицо.

— Ты меня боишься.

Он сглотнул слюну:

— Да.

— Это хорошо. Теперь ты начинаешь понимать, что вызвал к жизни в этой комнате. За силу приходится платить, Роан, как и за удовольствие. Ты вызвал и то, и другое, и если бы я была другой сидхе, ты заплатил бы очень дорого.

Я видела, как страх заполняет его глаза, расходится по лицу. И мне это было приятно. Мне нравится острота, которую страх умеет придавать сексу. Не тот сильный страх, когда не знаешь, останетесь ли вы оба в живых, но страх поменьше, когда рискуешь кровью, болью, но ничем неисцелимым, ничем из того, чего не хочешь. Есть огромная разница между легкой игрой и жестокостью. Вторая — не моя стихия.

Я смотрела на Роана, на эту сладкую кожу, прекрасные глаза, и хотела ногтями оставить царапины на красивом теле, погрузить зубы в плоть, пустить чуть-чуть крови из разных мест. От этого мое тело задергалось в тех местах, которые у большинства не откликаются на насилие, каким бы мягким оно ни было. Может, у меня не так провода проведены, но наступает момент, когда либо принимаешь себя такой, как ты есть, либо обречешь себя быть несчастной до конца дней своих. И без того другие стараются сделать тебя несчастной, не надо им в этом помогать. Я хотела чуть-чуть боли, чуть крови, чуть страха, но Роану все это было чуждо. Боль не принесет ему удовольствия, а пытки — это не мое. Я не садистка, и Роан никогда не узнает, как ему повезло, что этот вывих среди моих потребностей не числится. Конечно, всегда есть другие потребности.

Я его хотела, хотела так, что сама себе не верила, что буду осторожной. Роан до могилы пронесет желание повторить сегодняшние переживания, где бы эта могила ни была, но от этой ночи у него могут остаться не только психологические шрамы — если я не сдержусь. Даже сейчас, когда он стал сидхе на эту одну ночь, я не могла отбросить весь свой контроль. В этой ситуации мне надлежало управлять, мне надлежало решать, что мы будем делать и что не будем. Мне уже до ужаса надоела роль того, кто проводит черту. Дело тут даже не в тоске по магии, которой мне недоставало. Мне просто хотелось, чтобы другой командовал или был хотя бы мне равен. Я не хотела тревожиться, как бы не сделать больно любовнику. Я хотела, чтобы мой любовник мог сам себя защитить, и я, когда мне захочется, могла бы делать именно то, что захочется, без страха за него. Неужто я слишком много прошу?

Я снова глянула на Роана. Он лежал на спине, забросив руку за голову, другую положив поперек живота, согнув ногу в колене и показывая себя во всей красе. Страх исчез с его лица, оставив только желание. Он понятия не имел, что может произойти в ближайшие часы, если я хоть чуть-чуть ослаблю осторожность.

Я спрятала лицо в ладони. Мне не хотелось быть осторожной. Мне хотелось всего, что может дать сегодня магия, и к черту последствия. Может, если я ему сделаю достаточно

больно, Роан не будет вспоминать это как что-то чудесное? Может, он не будет жаждать этого снова, как золотого сна, будет страшиться, как кошмара? Тихий голосок у меня в сознании шептал, что так будет лучше для него. Пусть он боится нас, боится нашего прикосновения, нашей магии и никогда не захочет снова ощутить прикосновение рук сидхе к своему телу. Небольшая боль сейчас избавит его от вечного страдания в будущем.

Я знала, что это ложь, но все равно не могла на него смотреть.

Его пальцы коснулись моей спины, и я вздрогнула, как от удара. И продолжала держать руки у лица.

— Это ведь у тебя не ожоги на плечах?

Я опустила руки, но глаз не открыла.

— Нет, не ожоги.

— А что?

— Другая дуэль. Он пытался магией заставить меня превратиться посреди схватки.

Я услышала, ощутила, как Роан придвигается ко мне, но он не трогал меня больше. Я была благодарна за это.

— Но смена облика — это не больно. Это чудесно.

— Может быть, для вас, для шелки, но не для нас. Это больно, будто все кости у тебя ломаются одновременно и переставляются. Я совершенно не умею менять облик по своей воле, но видела это у других. Пока идет изменение, ты беспомощен.

— Тот другой сидхе хотел тебя отвлечь.

— Да.

Я открыла глаза и уставилась в черноту окон. Они работали как черные зеркала, показывая сидящего за мной Роана, и он светился как солнце позади луны моего тела. Три цветных кольца моих глаз сияли настолько ярко, что даже с расстояния их можно было различить отчетливо: изумруд, нефрит, жидкое золото. Даже у Роана глаза светились коричневым медом, как раскаленная бронза. Магия сидхе была ему к лицу.

Он потянулся ко мне, и я напряглась. Роан провел рукой по ряби моих шрамов.

— Как ты помешала ему тебя превратить во что-то?

— Я его убила.

Глаза отражения Роана в окне расширились, тело его напряглось.

— Ты убила сидхе королевской крови?

— Да.

— Но они же бессмертны.

— Я истинно смертная, Роан. Какой есть единственный способ умереть для всех вечных фейри?

Я видела, как мелькнула мысль у него на лице, потом в глазах появилось понимание.

— Вызвать смертную кровь. Смертные разделяют наше бессмертие, а мы — их смертность.

— Вот именно.

Он сел поближе, встал на колени, но обращался к моему отражению, не ко мне.

— Но это же очень специальный ритуал. Вызвать смертность случайно нельзя.

— Ритуал дуэли связывает двух участников в смертном бою. Среди темных сидхе принято делиться кровью перед схваткой.

У него еще сильнее расширились глаза — два больших озера темноты.

— А когда они пьют твою кровь, они делят с тобой твою смертность.

— Да.

— Они это знали?

Я улыбнулась — не могла сдержаться.

— Узнали, лишь когда Арзул умер с моим кинжалом в груди.

— Наверное, ему была трудна битва, раз он решил попытаться изменить твою форму. Это для сидхе серьезное заклинание. Если он не боялся смерти, значит, ты его серьезно ранила.

Я покачала головой:

— Он рисовался. Ему было мало меня убить. Он хотел сперва меня унижить. Если один сидхе заставит другого изменить форму, он докажет, что как маг он сильнее.

— Значит, он рисовался, — сказал Роан. Это было наиболее близко к вопросу о том, что случилось дальше.

— Я его ударила, надеясь просто отвлечь, но мой отец меня учил никогда не бить впустую. Даже если ты знаешь, что противник бессмертен, бей так, будто он смертен, потому что смертельные удары болят сильнее, даже если не убивают.

— И того, кто оставил тебе эти шрамы, ты тоже убила? — Его рука сзади погладила мои ребра.

Я задрожала от этого прикосновения, и не от боли.

— Нет, Розенвин жива.

— Почему же она не раздавила тебе сердце?

Рука его скользнула по моей талии, приобняла, прижала к нему. Я оказалась в гнезде из его руки и теплой твердости тела.

— Потому что эта дуэль была после Арзула, и когда я поразила ее кинжалом, она, я думаю, запаниковала. Она объявила дуэль выигранной без смертельного исхода.

Он потерся щекой о мою щеку, и мы оба смотрели, как сливаются цвета при соприкосновении нашей кожи.

— Значит, это была последняя дуэль.

— Нет.

Он очень нежно поцеловал меня в щеку.

— Нет?

— Нет, была еще одна.

Я повернулась к нему лицом. Его губы вскользь коснулись моих, не совсем в поцелуе.

— Как это было? — Слова его теплым дыханием согревали мне губы.

— Бледдин когда-то был при Благом Дворе, пока не сделал что-то такое ужасное, что никто даже не говорил об этом, и был изгнан. Но он был настолько силен, что Неблагодой Двор его принял. Настоящее его имя было забыто, и он стал Бледдин. Это слово означает "волк", или "отверженный", или когда-то давным-давно означало. Надо было понимать так, что он вне закона даже среди Неблагого Двора.

Роан поцеловал меня в шею, туда, где бился пульс под кожей. Пульс участился от этого прикосновения. Роан поднял лицо, чтобы спросить:

— Как это — вне закона?

И стал целовать мне шею все ниже и ниже.

— Он был подвержен страшным беспричинным приступам ярости. Если бы его не окружали бессмертные, он бы убивал и друзей, и врагов.

Поцелуи Роана спустились ниже по плечу, по руке. Он только чуть остановился

спросить:

— Только припадки ярости?

Потом он опустил голову и целовал, пока не дошел до локтевого сгиба, приподнял руку так, чтобы сомкнуть губы на тонкой коже. Вдруг он резко присосался к руке, прижался зубами так, что стало больно, я ахнула. Роан не стремился к боли, но он был внимательный любовник и знал, что нравится мне, как и я знала, что нравится ему. Только я вдруг не могла вспомнить, что говорю.

Он оторвался от моей руки, оставив почти идеально круглый отпечаток своих мелких острых зубов. Кожу он не прокусил. Мне никогда не удавалось его уговорить это сделать, но след на коже мне был приятен, заставил нагнуться к Роану.

Он остановил меня вопросом:

— Только припадки ярости, или было еще что-то, что делало Бледдина опасным?

Секунда у меня ушла на то, чтобы вспомнить. Мне пришлось отодвинуться от него.

— Если хочешь услышать рассказ, веди себя прилично.

Он лег на бок, подложив себе руку под голову вместо подушки. Вытянулся, так что стали заметны движения мышц под сияющей кожей.

— Я думал, что веду себя прилично.

Я покачала головой:

— Ты меня заставляешь забываться, Роан. Лучше для тебя этого не делать.

— Я хочу тебя сегодня, Мерри. Хочу тебя всю, без гламо-ра, без скрытности, без сдерживания. — Он резко сел, всматриваясь мне в лицо так пристально, что я отпрянула, но он поймал меня за руку. — Я хочу быть всем, что тебе нужно сегодня, Мерри.

Я замотала головой:

— Ты сам не понимаешь, чего просишь.

— Пусть так, но если ты хочешь иметь все, то сегодня как раз это и нужно. — Он поймал мою вторую руку, поставил нас обоих на колени, так впился пальцами, что завтра должны быть синяки. От этого властного движения сердце у меня заколотилось быстрее. — Я живу на свете много веков, Мерри. Если кто-то из нас ребенок, то это ты, а не я.

Слова его были суровы, и я никогда его таким не видела — таким суровым, требовательным.

Я могла бы сказать: "Ты мне делаешь больно, Роан", — но мне это нравилось, и потому я сказала другое:

— Ты никогда так не говорил.

— Я знал, что ты держишь гламор, когда мы лежим с тобой, но мне даже не снилось, сколько ты скрываешь. — Он встряхнул меня дважды, так сильно, что я чуть не сказала ему, что это больно. — Не прячься, Мерри.

И он поцеловал меня, вдавливая в меня губы, прижавшись ко мне ртом, пока не вынудил меня раскрыть рот, иначе бы он или себе, или мне губы порвал о зубы. Он уложил меня опять на кровать, и мне это не понравилось. Я люблю боль, а не изнасилование.

Я остановила его, упершись рукой ему в грудь, оттолкнув от себя. Он был надо мной по-прежнему, глаза его были свирепы, но он слушал.

— Что ты хочешь сделать, Роан?

— Что случилось на последней дуэли?

Слишком быстрая смена темы, я не сразу среагировала.

— Что?

— На твоей последней дуэли — что произошло?

Очень серьезны были его лицо и голос, хотя тело прижималось ко мне.

— Я его убила.

— Как?

Я почему-то поняла, что он спрашивает не о технике.

— Он меня недооценил.

— Я тебя никогда не недооценивал, Мерри. Отплати мне тем же. Не трактуй меня как низшего за то, что я не сидхе. Я — фейри без капли смертной крови в жилах. Не бойся за меня.

Голос его снова стал обычным, но в нем угадывалась ушедшая в глубину злость.

Я смотрела вверх, на его лицо, и видела в нем гордость — не мужскую гордость, но фейрийскую. Я действительно обращалась с ним как с существом ниже фейри, и он заслуживал лучшего, но...

— А если я тебе причиню вред, сама того не желая?

— Я исцелюсь.

Это вызвало у меня улыбку, потому что в этот момент я его любила — не той любовью, о которой поют барды, но все же любовью.

— Хорошо, но давай выберем позицию, где ты будешь доминировать, а не я.

Глаза его наполнились некоторой мыслью.

— Ты себе не доверяешь?

— Да.

— Тогда доверься мне. Я не сломаюсь.

— Обещаешь?

Он улыбнулся и поцеловал меня в лоб — нежно, как ребенка.

— Обещаю.

Я поверила его слову.

Я лежала, сжимая металлические прутья спинки кровати. Тело Роана прижало меня к постели, пах вдавился мне в ягодицы. В этой позе весь контроль принадлежал ему, а мое тело от него отвернулось. Я не могла тронуть его руками. Очень многого не могла я делать в этой позе, потому-то я ее и выбрала. Если не считать связывания, ничего более безопасного я не придумала, а Роан не любит связывания. Кроме того, истинная опасность была не в том, что я могла бы сделать руками, зубами или вообще физически. Веревки на самом деле не помогли бы, только служили бы мне напоминанием о том, что надо быть осторожной. Я очень боялась, что где-то посреди бури силы и плоти я позабуду обо всем, кроме удовольствия, и Роан пострадает, а этого мне никак не хотелось.

Как только он вошел в меня, я поняла, что тревожиться мне надо было о себе. Он был страшен, приподнявшись на руках, так что вбил себя в меня изо всей силы спины и бедер. Когда-то я видела, как Роан пробил кулаком дверцу машины, чтобы произвести впечатление на уличного грабителя и дать ему понять, что с нами связываться не стоит. Сейчас он будто старался пробиться в мое тело и выйти с другой стороны. Тут до меня дошло то, чего я раньше не понимала. Роан считал, что я — человек с примесью фейрийской крови, но все же человек. Он был так же осторожен со мной, как я с ним. Разница в том, что я боялась повредить ему своей магией, а он мне — физической силой. Сегодня сдерживания не будет, не будет страховочной сетки ни для одного из нас. Впервые я поняла, что это мне могут достаться травмы, а не Роану. Секс на грани настоящей опасности — ничего лучше не

бывает. Добавьте сюда магию, которая может расплавить кожу, и получится великолепная ночь.

Этого, этого я так давно и долго хотела. Он взял меня, и на меня накатила первая волна наслаждения. Вдруг я испугалась, что он заставит меня кончить раньше, чем успеет нарасти магия.

Я открыла свою метафизическую кожу, как раздвинула ноги, но вместо того, чтобы дать ему войти в себя, я протянулась к нему. Я открыла его ауру, его магию, как он до того расстегнул мне платье. Его тело стало тонуть в моем — не физически, но на удивление похоже. Он застыл в нерешительности в моем теле как в ножнах. Я ощутила, как чаще, чаще бьется у него пульс — не от физической нагрузки, но от страха. Он совсем вышел из меня, и на один миг я с замиранием сердца испугалась, что он не будет продолжать, что все сейчас прекратится. Но он снова вошел в меня, будто отдавая себя до конца мне, нам, ночи.

Янтарное и лунное сияние нашей кожи расширилось, и мы двигались в коконе света, тепла, силы. Каждый удар его тела поднимал силу. Каждая моя судорога под ним вызывала вокруг нас магию удушающим щитом, плотным и обволакивающим. Я знала, что пытаюсь затащить в себя его — его самого, будто моя магия пыталась выпить его до дна. Я вонзила пальцы в металлические стержни спинки так, что металл впился в кожу и заставил меня снова думать. Магия пылала между нами, когда мы соприкасались почти всей кожей. Наши тела сплавились, как раньше руки, и он тонул в моей спине, пока наши сердца не соприкоснулись, затрепетали вместе в танце интимнее всего, что бывало у нас раньше.

Сердца забились в унисон, ближе и ближе, пока не слились в едином ритме, в одном теле, в одном существе, и я уже не знала, где кончаюсь я и начинается Роан. И в этот момент совершенного унисона я впервые услышала море. Тихий, лепечущий плеск волн о берег. Я парила бестелесно, бесформенно в сияющем свете, и только биение наших сердец еще говорило мне, что я все же плоть, а не чистая магия. И в этом бесформенном сиянии, где не было тел, заключающих нас, слышался шум спешащей, текущей, разливающейся воды. Шум океана шел за биением наших сердец, заполняя свет. Сердцебиение тонуло в волнах. Мы погружались глубже и глубже в ослепительном круге света, под водой, и страха не было. Мы вернулись домой. Нас окружала со всех сторон вода, и я ощущала давление глубины на наших сердцах, будто она собиралась раздавить нас, но я знала, что не раздавит. Роан знал. Мысль, отдельная мысль послала нас вверх и вверх к поверхности невидимого океана, который нас держал. Я знала, как он страшно холоден, и боялась, а Роан — нет. Он радовался. Мы вынырнули, и хотя я знала, что мы по-прежнему на кровати у него дома, на лице я ощутила воздух. Я вдохнула его жадно и тут внезапно поняла, что море теплое. Вода была теплее крови, почти горячая, а не просто теплая.

Вдруг я снова осознала собственное тело. И ощущала внутри себя тело Роана. Но через нас перекатывался, клубясь, теплый океан. Глаза говорили мне, что я по-прежнему в кровати, держусь руками за спинку, но я ощущала эту теплую-теплую волну. Невидимый океан наполнил сияние наших слитых тел, как вода — аквариум с золотыми рыбками, и океан содержал нашу силу, как метафизическое стекло. Наши тела были как фитили какой-то плавающей свечи, заключенной в воду и стекло, — огонь, вода и плоть. Они начали становиться более реальными, более сплошными. Ощущение невидимого океана стало спадать. Свет нашей кожи стал уходить обратно в нее. Тут наслаждение достигло нас, и на нас обрушились теплота воды, света. Мы вскрикнули. Тепло стало жаром, и он наполнил меня, хлынул из кожи, из ладоней. Изо рта рвались звуки слишком примитивные, чтобы

назвать их воплями. Тело Роана билось о мое, и магия держала нас обоих, извлекая оргазм, пока я не почувствовала, как тает металл у меня под руками. Роан вскрикнул — и это не был вопль наслаждения. Наконец-то, наконец стали мы свободными. Он скатился с меня, и я услышала, как он упал на пол. И повернулась, все еще лежа на животе.

Он лежал на боку, протягивая ко мне руку. Я глянула на его лицо с вытаращенными в ужасе глазами, и тут лицо залил мех, и Роан свалился клубом блестящей шерсти.

Я села в кровати, протянув к нему руку, но зная, что сделать ничего не могу. На полу лежал тюлень. Большой, с рыжеватым мехом, он смотрел на меня карими глазами Роана. Я только могла смотреть — слов не было.

Тюлень неуклюже пододвинулся к кровати, потом открылся спереди шов, которого не было, и выполз Роан. Он встал, держа в руках новую свою шкуру. Роан смотрел на меня в упор с удивленным лицом. Он плакал, но вряд ли осознавал это.

Я подошла к нему, коснулась шкуры, коснулась его, будто ни та, ни другой не были настоящими. Я обняла его и руками нащупала, что спина его целая, невредимая, кожа гладкая и безупречная, как он сам. Ожоговые шрамы исчезли.

Он снова натянул шкуру раньше, чем я успела найти слова. Тюлень смотрел на меня, обходя комнату неуклюжими, почти змеиными движениями, потом Роан снова вышел из шкуры. Повернулся ко мне и стал смеяться.

Он обхватил меня за бедра и поднял над головой, обернув шкурой нас обоих. Он танцевал со мной по комнате, смеясь, хотя слезы еще не высохли у него на лице. Я тоже плакала и тоже смеялась.

Роан свалился на кровать, положив меня поперек, сам лег на собственную тюленью шкуру. Вдруг я ощутила усталость, страшную усталость. Мне нужно было под душ — и уходить. Я уже не светила. И была почти уверена, что снова могу создавать гламор. Но держать глаза открытыми я не могла. Только один раз в жизни я напилась так, что отключилась. Вот именно это сейчас и происходило. Я готова была отключиться из-за Слез Бранвэйн или избытка магии.

Мы заснули, свернувшись в объятиях друг друга, завернувшись в шкуру. Последней мыслью у меня перед тем, как заснуть сном глубже любого естественного, была мысль о безопасности. Шкура была теплой, как руки Роана, обнимающие меня, и я знала, что она такая же живая, такая же часть его самого. Я провалилась в темноту, окруженная теплотой Роана, его магией, его любовью.

Чей-то голос повторял: "Мерри, Мерри!" Чья-то рука гладила по щеке, отводя волосы с лица. Я повернулась, потерлась об эту руку, открывая глаза. Но горел верхний свет, и я на секунду ослепла. Взметнув руку к глазам, я повернулась на бок и сунулась лицом в подушку.

— Выключи свет, — сумела сказать я.

Кровать шевельнулась, и через секунду светлая щель между подушкой и лицом погасла. Я подняла голову — в комнате было почти совершенно темно. Мы с Роаном уснули перед самым рассветом. На улице должно быть светло. Я села и огляделась. Почему-то я не удивилась, что возле выключателя стоит Джереми. Роана я не искала. Я знала, где он: в океане в своей новой шкуре. Он не бросил меня без защиты, но покинул меня. Наверное, это должно было ранить мои чувства, однако не ранило. Я вернула Роану его первую любовь — море.

Есть старая пословица: не становись между фейри и его магией. Роан был в объятиях возлюбленной, и это была не я. Может быть, мы никогда не свидимся, а он не попрощался. Если бы мне было нужно что-то, что он мог бы дать, мне достаточно было бы пойти к морю и позвать его — он придет. Но любви он дать мне не сможет. Я любила Роана, но не была в него влюблена. Тем лучше для меня.

Я лежала одна на смятых простынях, глядя в черные окна.

— Сколько мы спали?

— Сейчас восемь вечера, пятница.

Я соскочила с кровати:

— Боже мой!

— Я так понял, это нехорошо — тебе оставаться п городе после темноты.

Я посмотрела на него.

Он стоял у двери, возле выключателя. В темноте не очень было видно, но, кажется, он был в одном из обычных своих костюмов — безупречно сшитом, изящно сидящем и элегантном. Но ощущалось в нем какое-то напряжение, будто он хотел сказать что-то другое, более прямо, или, быть может, он что-то знал. Что-то не слишком хорошее.

— Что случилось?

— Пока ничего, — ответил он.

Я уставилась на него:

— А почему ты думаешь, будто что-то должно случиться?

Вопреки моим усилиям голос мой прозвучал подозрительно.

Джереми рассмеялся:

— Ты не волнуйся, я никому не звонил, но полиция уже наверняка всем позвонила. Не знаю, от кого ты скрывалась все это время, но если от слуга — Воинства, — то ты в серьезной беде.

Слуга — грубое название низших фейри Неблагого Двора. Вежливое название — Воинство. Грубое название первым пришло на ум. Ну ладно. Только другой неблагодой может сказать "слуга", чтобы это не прозвучало смертельным оскорблением.

— Я — принцесса Неблагого Двора. Чего бы мне от них прятаться?

Он прислонился спиной к стене:

— Да, в этом и весь вопрос, не правда ли?

Даже сквозь темноту комнаты я ощущала тяжесть его взгляда, его напряженность. Среди фейри невежливо задавать прямые вопросы, но он — он очень хотел задать. Этот произнесенный вопрос завис между нами в воздухе, как нечто осязаемое.

— Беги-ка в душ, как хорошая девочка. — Он поднял с пола сумку. — Я тебе одежду принес. Фургон ждет внизу, там Утер и Ринго. Отвезем тебя в аэропорт.

— Помогать мне может оказаться опасно, Джереми.

— Тогда поторопись.

— У меня нет с собой паспорта.

Он бросил на кровать завернутый в бумагу пакет. Тот самый, который лежит у меня в машине под сиденьем. Мои новые документы, новая личность.

— Как ты догадался?

— Ты прячешься от человеческих властей, своих... родичей и их прислужников уже три года. Ты не дура. Ты знаешь, что тебя найдут, но у тебя есть план, как скрыться. Я бы посоветовал в следующий раз хранить тайные бумаги где-нибудь в другом месте. Под сиденье я заглянул почти сразу.

Я посмотрела на пакет, потом на Джереми.

— Это не все, что там было.

Он распахнул пиджак, как манекенщик на подиуме, демонстрируя безупречную плавную линию рубашки и галстука. Но на самом деле он показал пистолет, заткнутый за пояс. Просто темный контур на фоне светлой рубашки, но я знала, что это девятимиллиметровый "Леди Смит", потому что пистолет был мой. Из кармана Джереми достал запасную обойму.

— Еще одна коробка обойм есть среди твоих вещей.

Он положил пистолет на заклеенный пакет и обошел кровать, так что теперь она стояла между нами.

— Кажется, ты нервничаешь, Джереми.

— Разве у меня нет для того оснований?

— Ты нервничаешь из-за меня. И я не думаю, что на тебя произвела впечатление королевская кровь.

Он поднял левую руку.

— Скажем так: Слезы Бранвэйн очень медленно выветриваются. Прими душ.

— Я больше не чувствую силы этих чар.

— Рад за тебя, но поверь мне насчет душа.

Я посмотрела на него:

— Тебя волнует, что ты видишь меня голой.

Он кивнул.

— Приношу за это свои извинения, но именно поэтому Ринго и Утер остались в фургоне. Чистая предосторожность.

Я улыбнулась ему и поймала себя на том, что хочу подойти к нему ближе, сократить эту тщательно соблюдаемую дистанцию. В этом смысле я не хотела Джереми, но позыв увидеть, насколько я его могу очаровать, присутствовал темной мыслью. Это не похоже на меня — искать край с друзьями. С врагом — может быть, но не с другом. Было это остаточным побуждением от прошедшей ночи, или Слезы подействовали на меня сильнее, чем я думала?

Я не стала размышлять на эту тему, а повернулась и пошла в ванную. Быстрый душ — и ехать в аэропорт.

Через двадцать минут я была готова, хотя волосы еще не до конца просохли. Я оделась в темно-синие слаксы, изумрудно-зеленую кофточку и темно-синий жакет под цвет штанов. Джереми еще выбрал черные чулки и туфли на низком каблуке. Так как никаких других туфель у меня не было, то и не важно. Но все остальное...

— В следующий раз, когда будешь собирать мне вещи для бегства от смерти, прихвати пару кроссовок. Туфли, даже йа низком каблуке, для этого не созданы.

— У меня никогда не было с ними проблем, — возразил он, сидя на кухонном стуле с высокой спинкой.

Он сидел свободно откинувшись, и даже этот стул казался удобным, когда на нем сидел Джереми. Какое-то было в нем излишнее самообладание, такая напряженность, что трудно было бы говорить о кошачьей грации. И все же чем-то он напоминал кота, свернувшегося на стуле. Только коты не позируют. Они такие, как есть. А Джереми явно позировал, стараясь изобразить непринужденность и легкость.

— Извини, что забыл твои карие контактные линзы. Хотя это и не проблема, мне нравятся глаза нефритово-зеленые, поражающие. Подходят под цвет кофточки, хотя слишком по-человечески. Я бы еще больше добавил рыжего в волосы, сделал их менее темными.

— Рыжие волосы заметны даже в толпе. Гламор предназначен, чтобы скрываться, а не выделяться.

— Я много знаю фейри, которые используют гламор именно чтобы привлечь внимание, выглядеть красивее, экзотичнее.

— Их трудности. — Я пожалала плечами. — Мне о себе объявлять не надо.

Он встал.

— Все это время я даже не догадывался, что ты — сидхе. Я думал, что ты — фейри, истинная фейри, и почему-то скрываешься, но не догадывался о правде.

Он встал и отошел от стола, держа руки по швам. Напряжение, которое ощущалось в нем с той минуты, как он меня разбудил, звенело.

— Именно это тебя беспокоит? — спросила я.

Он кивнул.

— Я же такой великий маг. Я должен был увидеть иллюзию насквозь. Или это тоже иллюзия? Ты лучший маг, чем я, Мерри? Свою магию ты тоже скрыла?

Впервые я почувствовала, как нарастает вокруг него сила. Это мог быть всего лишь щит. Но опять-таки могло быть и нечто большее.

Я встала лицом к нему, расставив ноги, опустив руки, точно как он. И вызвала собственную силу — медленно и тщательно. Если бы мы были стрелками с пистолетами, то он уже вытащил пистолет, но не наставил. Я все еще старалась удержать оружие в кобуре. Можно бы сказать, что после всего я не должна была бы никому доверять, но я просто не могла поверить, что Джереми мне враг.

— Джереми, у нас на это нет времени.

— Я думал, что смогу относиться к тебе так, будто ничего не изменилось, но не получается. Я должен знать.

— Что знать, Джереми?

— Я хочу знать, что за эти три года было ложью.

Его сила задышала вокруг него, наполнила то небольшое пространство, что было его личной аурой. Он много силы накачивал в собственные шиты. Очень много.

Мои щиты всегда на месте, взведенные и заряженные на медведя. Это у меня автоматизм. Такой автоматизм, что многие, даже очень чувствительные, принимают щиты за мой нормальный уровень. То есть я встретила щиты Джереми в полную силу. Мне не надо было ничего к ней добавлять. Просто мои щиты сильнее его — таков факт. С другой стороны, наступательные заклинания у меня — ну, я видела, как действует магией Джереми. Он никогда не прошел бы сквозь мои щиты, но и я не могла бы магически ему повредить. Тут пришлось бы перейти к ударам или оружию. Я надеялась, что ни до того, ни до другого не дойдет.

— Поездка в аэропорт все еще ждет меня, или ты передумал, пока я была в душе?

— Все еще тебя ждет.

Большинство сидхе умеют видеть магию в цветах или формах, но я никогда не была на это способна. Зато я умею ее ощущать, и Джереми завалил комнату всей энергией, которую накачал в щиты.

— Тогда зачем наливать столько силы?

— Ты — сидхе. Неблагая сидхе. Это всего на ступень выше слуга.

Горский акцент послышался в его фразах. Я никогда не слышала, чтобы он терял свое сугубо американское произношение. И это меня нервировало, потому что многие сидхе гордятся тем, что сохраняют свой оригинальный акцент, каков бы он ни был.

— И к чему ты клонишь?

Но у меня было сосущее чувство, будто я знаю, к чему он клонит. И я почти предпочла бы этому драку.

— Неблагие питаются обманом. Им нельзя доверять.

— И мне нельзя доверять, Джереми? Три года дружбы значат для тебя меньше, чем старые басни?

Что-то горькое мелькнуло у него на лице.

— Это не басни, — сказал он, и акцент стал сильнее. — Меня мальчишкой изгнали из Земли трау. Благой Двор не снизошел заметить мальчишку-трау, но Неблагой Двор — эти всех принимают.

— Не всех, — улыбнулась я, не успев сдержаться. Но вряд ли сарказм дошел до Джереми.

— Да, не всех.

Он был так зол, что у него мелко задрожали руки. Кажется, мне придется оплачивать счет за вековые страдания. Это было бы не в первый раз и вряд ли в последний, но все равно это меня из себя выводит. У нас нет времени на вспышки темперамента, тем более моего.

— Прости, что мои предки обидели тебя, Джереми, но это было до моего рождения. Почти всю мою жизнь у Неблагого Двора был свой пресс-атташе.

— Чтобы распускать ложь, — сказал он с грубым акцентом, почти горловым.

— Хочешь сравнить шрамы? — Я вытащила рубашку из штанов и показала шрам в виде ладони у себя на ребрах.

— Иллюзия, — сказал он, но неуверенно.

— Можешь потрогать, если хочешь. Гламор обманывает зрение, но не осязание, по крайней мере осязание фейри.

Это была в лучшем случае полуправда, потому что я умею гламором обмануть любое чувство даже у фейри, но такая способность не часта даже среди сидхе, и я могла бы ручаться, что Джереми мне поверит. Иногда правдоподобная ложь действует быстрее

ненужной правды.

Он медленно подошел ко мне, и в лице его ясно читалось недоверие. У меня грудь стиснуло, когда я увидела такое его лицо.

Он уставился на шрам, но стоял дальше вытянутой руки. Он знал, что самая сильная личная магия сидхе приводится в действие прикосновением, то есть знал сидхе куда ближе, чем я думала.

Я вздохнула и сложила руки за головой. Рубашка упала, закрыв шрам, но я решила, что Джереми может сам ее отодвинуть. Он продолжал смотреть на меня, приближаясь так, чтобы дотронуться рукой. Коснулся зеленого шелка, но поглядел мне в глаза долгим взглядом перед тем, как его поднять, будто хотел прочесть мои мысли. Но у меня на лице было то непроницаемое, чуть скучающее, вежливое и пустое выражение, которое я отточила при Дворе. Я с этим же выражением лица могла бы смотреть, как пытаются моего друга или кому-то запускают нож в кишки. Если лицо выдает твои чувства, при Дворе тебе не выжить.

Джереми медленно поднял ткань, не отрывая глаз от моего лица. Наконец-то ему пришлось взглянуть вниз, и я тщательно следила, чтобы не спугнуть его ни одним движением, как угодно малозаметным. Мне было отвратительно, что Джереми Грей, мой друг и шеф, обращается со мной как с очень опасной личностью. Знал бы он только, насколько я не опасна.

Он провел пальцами по приподнятой, слегка шероховатой коже.

— Еще есть шрамы на спине, но я уже оделась, так что ограничимся этим, если ты не против.

— Почему я их не видел, когда ты раздевалась у меня в офисе, когда на тебя ставили микрофон?

— Я не хотела, чтобы ты их видел, но я не стараюсь их прятать, когда они под одеждой.

— Никогда не трать магии зря, — сказал он будто самому себе. Он покачал головой, будто услышав что-то, чего не слышала я. Потом посмотрел на меня, и в глазах его было недоумение. — У нас же нет времени стоять и ругаться, правда?

— Разве я этого не говорила?

— Черт побери, — скривился он. — Это же заклинание раздора, неверия, несогласия. Оно означает, что они уже близко.

Страх отразился у него на лице.

— Они могут быть за много миль отсюда, Джереми.

— Или прямо за дверью, — возразил он.

В его словах был смысл. Если они за дверью, нам безопаснее будет вызвать полицию и подождать, пока придет помощь. Я не могла бы утверждать, что неблагие прячутся в ближайших кустах, но точно знала, что, если я позвоню детективу Алвере и сообщу, что принцессу Мередит могут убить на его территории, помощь придет.

Но если удастся, я предпочла бы тихо смыться. Надо было узнать, что там снаружи.

Джереми посмотрел на меня странно:

— Ты о чем-то задумалась. О чем?

— Воинство состоит не из сидхе, с ними посылают разве что одного-двух загонщиков. Потому-то стать жертвой Ночной Охоты столь ужасно. Я, быть может, не смогу обнаружить сидхе, если они этого не хотят, но остальное Воинство я обнаружить могу.

Он пожал плечами:

— Тогда ради Бога.

Он не стал спорить. Не стал спрашивать, смогу ли я и безопасно ли это, — просто согласился. Он уже поступал не как мой начальник. Я была принцессой Мередит Ник-Эссус, и если я сказала, что могу искать в ночи Воинство, он мне верит. Мерри Джентри он бы не поверил — без доказательства.

Я высунулась наружу, держа щиты на месте, но широко раскинув силу. Это было опасно, потому что если они рядом, то эта открытость вполне могла дать им возможность меня оглушить, но только так можно было узнать, насколько они близко. Я ощутила снаружи Утера и Ринго, ощутила их существа, их магию. Еще ощущалась сила моря и гудение земли, магия всех живых тварей, ко ничего сверх этого. Я высунулась дальше, еще дальше. Миля за милей — и ничего, а потом, почти на пределе моих возможностей, что-то давило воздух, как буря, идущая в нашу сторону, но это не была буря — по крайней мере не буря ветра и дождя. Слишком это было далеко, чтобы ощутить явственно, что за создания фейрийского рода неслись вместе с сидхе, но мне хватило. Время у нас еще есть.

Я втянулась обратно в щиты, закрыла их туго.

— Они за много миль отсюда.

— Тогда как они навели заклинание раздора?

— Моя тетка умеет шептать ночному ветру, и он уже находит цель.

— Из Иллинойса?

— На это может уйти день или три, но даже из Иллинойса. Только не гляди так встревоженно. Она никогда лично не марает рук черной работой. Если она хочет моей смерти, то не на расстоянии. Она хочет сделать меня примером, а для этого меня требуется доставить домой.

— Сколько у нас времени?

Я покачала головой:

— Час, быть может, два.

— Тогда мы можем вовремя доставить тебя в аэропорт. Убрать тебя из города — другого я предложить не могу. Один сидхейский маг, который даже не присутствовал на месте событий, не дал мне проникнуть в дом Алистера Нортон. Пробыть магию сидхе я не могу, а это значит, что не смогу тебе помочь.

— Ты послал пауков сквозь охрану дома Нортон. Ты меня предупредил, чтобы спряталась под кровать. Это был класс.

Он посмотрел на меня странным взглядом:

— Я думал, что пауки — твоя работа.

Мы уставились друг на друга.

— Это не я, — сказала я.

— И не я, — отозвался он.

— Пусть это клише, но если это был не ты и не я...

Я не договорила.

— Утер на такое не способен.

— Роан не создает активной магии. — Вдруг мне стало холодно, и температура воздуха была тут ни при чем. — Тогда кто это был? Кто меня спас?

Джереми покачал головой:

— Не знаю. Иногда неблагодой может стать твоим другом перед тем, как тебя раздавить.

— Не всем слухам верь, Джереми.

— Это не слухи.

Злость придала его словам горячую и неприятную интонацию. Я вдруг поняла, насколько он напуган. Злость служила прикрытием страха. Что-то личное было в этой его реакции. Он боялся не вообще, боялся чего-то конкретного, основанного не только на слухах и легендах.

— Ты был в близких отношениях с кем-то из Воинства?

Он кивнул и отпер дверь.

— У нас может быть всего час. Давай уходить.

Я положила руки на дверь, не дала ему ее открыть.

— Это важно, Джереми. Если ты был в рабстве у одного из них, то сидхе будут иметь... власть над тобой. Я должна знать, что это было.

Тогда он сделал то, чего я не ожидала. Он стал расстегивать рубашку.

Я приподняла брови:

— Надеюсь, это не действие Слез Бранвэйн, Джереми?

Он улыбнулся — не обычной своей улыбкой, но так все равно было лучше.

— Я был однажды в дружбе с одним из Воинства. — Он не тронул галстука и ворота, но остальное расстегнул, распахнул пиджак, завернув его на руку, и повернулся ко мне спиной. — Подними рубашку.

Я не хотела ее поднимать. Я видела, что могут сделать мои родственники, когда бывают изобретательны. Очень многое могло отпечататься на теле Джереми, чего я не хотела бы видеть. Но я подняла накрахмаленную серую ткань, потому что должна была знать. Не ахнула, потому что подготовилась. Вопить было бы излишне.

Спина его была покрыта шрамами ожогов, будто кто-то снова и снова прижимал к ней раскаленное тавро. Только это тавро имело форму руки. Я тронула эти шрамы, как он трогал мои слегка проследила их пальцами. Хотела приложить ладонь к одному из них, потом остановилась и предупредила его:

— Я приложу ладонь к шраму, чтобы оценить размер.

Он кивнул.

Рука была намного больше моей, больше чем след у меня на теле. Мужская рука, и пальцы толще, чем обычно у сидхе.

— Ты знаешь имя того, кто это сделал?

— Тамлин, — ответил он. Смущаясь, как и следовало ожидать.

Тамлин у фейри — псевдоним вроде Джона Смита. Тамлин вместе с Робинотом Хорошим Парнем и еще несколькими именами — излюбленные ложные имена, когда настоящее надо, скрыть.

— Ты, наверное, был очень молод, раз ничего не заподозрил, когда он назвался этим именем.

— Так и было, — кивнул он.

— Можно мне проверить твою ауру?

Он улыбнулся мне через плечо. Шрамы на его спине сморщились, образуя контуры.

— Аура — это нью-эйджевский термин. Фейри его не употребляют.

— Ладно, личную силу, — сказала я, не сводя глаз с его спины. Рубашку я задрала ему на плечи. — Ты был связан, когда он это сделал?

— Да, а что?

— Не можешь сложить руки так же, как они были связаны?

Он вдохнул, будто собираясь спросить зачем, но потом просто поднял руки над головой

и распластался по двери. Руки он поднял как можно выше, чуть расставив в стороны в виде буквы Y.

Рубашка свалилась, и мне пришлось снова ее задрать. Но я нашла, что искала. Ожоги в виде ладоней сложились в картину.

Это было изображение дракона или, точнее, верма, длинного и змееподобного. Несколько восточного облика, потому что сложен из ладоней, но определенно это был дракон. Однако ожоги складывались в картину, только когда Джереми стоял в той позе, в которой его пытали. Когда он опустит руки, шрамы разъедутся и превратятся просто в шрамы.

— Можешь опустить руки, — сказала я.

Он так и сделал, повернувшись лицом ко мне, и начал заправлять рубашку в штаны.

— У тебя мрачный вид. Ты увидела в ожогах что-то, чего никто другой не видел?

— погоди заправлять рубашку, Джереми. Мне надо наложить защиту на твою спину.

— Что ты увидела, Мерри?

Он перестал возиться с рубашкой, но заправленное обратно не вытащил.

Я покачала головой. Джереми носил эти шрамы веками и не знал, что тот сидхе сыграл в игру с его кожей. Это показывало такое презрение к жертве, такую черствость, что трудно было охватить разумом. Конечно, это могло быть очень практично — жестокость не без цели, как и было. Тот сидхе, кто бы он ни был, мог наложить на ожоги заклятие. Он вполне может тогда вызвать дракона из тела Джереми или превратить Джереми в дракона. Может быть, и нет, но береженого бог бережет.

— Дай мне защитить твою спину, а потом пошли в фургон.

— А время у нас есть?

— Конечно. Отведи рубашку, чтобы открыть ожоги.

Он поглядел так, будто не верит мне, но когда я повернула его лицом к двери, он не стал спорить и отвел шелк рубашки в сторону, позволяя мне работать.

Я пролила силу себе в руки, будто что-то теплое взяла в ладони. Потом медленно открыла руки, ладонями к голой спине Джереми. Почти приложила руки к его коже. Дрожащее тепло стало гладить ему спину, и Джереми поежился от его прикосновения.

— Какие ты руны используешь? — спросил он с едва заметным придыханием.

— Никаких.

Я разливала тепло поперек его шрамов, вниз по спине.

Он стал поворачиваться.

— Не двигайся!

— Что значит — никакие, Мерри? Что еще можно использовать?

Мне пришлось встать на колени, чтобы сила наверняка покрыла каждый шрам. Когда я уверилась, что все закрыто, я запечатала все, визуализуя силу как слой желтого света над кожей. Запечатала края этого света, прилепляя его к коже как щит.

Джереми дышал коротко и шумно.

— Что ты используешь, Мерри?

— Магию, — ответила я, вставая.

— Могу я опустить рубашку?

— Да.

Серый шелк скользнул на место, и защита была у меня перед глазами такой плотной, что на миг показалось: материя должна об нее запнуться, но так не случилось. Шелк

прикрыл спину, будто я ничего с ней не делала. Но я не сомневалась, что свою работу сделала отлично.

Он начал заправлять рубашку, еще не повернувшись ко мне.

— Ты использовала для этого свою личную магию?

— Да.

— А почему без рун? Они помогают усилить магию.

— Многие руны на самом деле — символы древних давно забытых божеств или созданий. Почем знать? Я могла случайно вызвать именно того сидхе, который это сделал. Нельзя было рисковать.

Он натянул пиджак, поправил галстук.

— Теперь скажи мне, что тебя так испугало в шрамах у меня на спине?

— По дороге, — ответила я, открывая дверь.

Я вышла в холл, пока он не успел возразить. Слишком много мы потратили времени, но не защитить его спину было бы слишком беспечно, чтобы даже выразить это словами.

Каблуки наших туфель застучали по ступенькам.

— Мерри, что там было?

— Дракон. Точнее, верм, потому что безногий.

— Ты это увидела в шрамах?

Он раньше меня подошел к двери и держал ее открытой по старой привычке. Я вытащила из-за спины пистолет и щелкнула предохранителем.

— Я думал, что Воинство за много миль, — сказал Джереми.

— Одиночный сидхе мог бы от меня скрыться. — Руку с пистолетом я опустила вдоль тела, чтобы его не сразу было заметно. — Меня не увезут домой, Джереми. Чего бы мне это ни стоило.

Я вышла в калифорнийскую ночь раньше, чем он успел что-нибудь сказать. Многие фейри, особенно сидхе, считают современное оружие нечестным. Нет писанного закона против использования огнестрельного оружия, но это считается дурным тоном, если только ты не в элитной страже королевы или принца. Им полагается носить пистолеты при охране особ королевской крови. Ладно я — особа королевской крови, крошечная затерянная особа королевской крови, но все равно королевской крови, нравится это им всем или нет. Стражи для защиты у меня нет, так что я сама себя охраняю. Любой ценой.

Ночь здесь никогда не бывает по-настоящему темной — слишком много электрического света, слишком много народа. Я эту полутьму исследовала, разыскивая одинокую фигуру. Искала глазами, энергией, расширяя ее тугим кругом, пока мы торопились к ждущему фургону. Были люди в других домах — я ощущала их движения, вибрации. На одной крыше недовольно зашевелилась вереница чаек в полусне, ощутив прикосновение моей энергии. На берегу веселилась компания. Я ощутила, как вздымается энергия, возбуждение, страх, но обычный страх. Стоит мне с ним считаться или не стоит, безопасно ли это? Ничего другого я не обнаружила, если не считать шевелящуюся энергию моря, которая всегда есть у берега. Она как белый шум, то, чего не замечаешь, но она есть. Где-то там, в клубах ее, Роан. Я надеялась, что ему сейчас хорошо. И знала, что мне — нет.

Дверь фургона отошла назад, и я увидела Утера, сжавшегося в полумраке. Он протянул мне руку, и я дала ему левую. Моя рука утонула в его ладони, он втянул меня в фургон и закрыл за мной дверцу.

Ринго обернулся ко мне с водительского места. Он едва уместился там — все эти

мышцы, эти нечеловечески длинные руки, эта грудная клетка, втиснутая в сиденье, рассчитанное на человека Он улыбнулся, показав полную пасть острейших зубов, которые разве что у волка увидишь. Лицо у него было слегка удлинненное, чтобы можно было разместить эти зубы, и потому это лицо, в остальном человеческое, казалось диспропорциональным. Когда-то давным-давно Ринго был полностью человеком и членом банды. Случилось так, что группа приезжих сидхе Благого Двора заблудилась в глубоких и темных джунглях Лос-Анджелеса. Их нашли парни из банды. Взаимодействие культур в лучшем виде. Сидхе проигрывали драку. Кто знает, как это случилось? Может быть, они были слишком надменны, чтобы драться с шайкой городских подростков. Или эти подростки были куда как злее, чем ожидали царственные гости. В общем, им пришлось плохо. Но у одного из членов банды возникла светлая мысль, и он перешел на сторону противника на условии, что ему будет гарантировано исполнение желания.

Сидхе согласились, и Ринго перестрелял своих товарищей по банде. А желание у него было — стать фейри. Сидхе дали ему слово выполнить желание, и взять свое слово назад они не могли. Чтобы чистокровного человека превратить в фейри, нужно влить в него дикую силу, чистую магию, и воля или желание человека выбирает, что это будет за магия. Ринго было лет тринадцать-пятнадцать, когда это произошло. Наверное, он хотел выглядеть свирепо, страшно, самым крутым гадом в околотке, и магия дала ему то, что он хотел. По людским меркам он стал монстром. По меркам сидхе — тоже. По меркам фейри — обычным членом банды.

Не знаю, почему он бросил банду. Может быть, она на него ополчилась. Может быть, он сам поумнел. Когда мы встретились, он уже много лет был добропорядочным гражданином, женился на возлюбленной своего детства и завел троих детей. Он специализировался на работе телохранителя и был нарасхват у знаменитостей, желавших, чтобы рядом с ними был такой экзотический телохранитель. Легкая работа без настоящей опасности — только и дела, что светиться рядом со звездой. Неплохо для парнишки, у которого мать была пятнадцатилетней наркоманкой, отец неизвестен. Ринго держит у себя на столе мамину фотокарточку. Там ей тринадцать, живые глаза, аккуратная прическа, миловидное лицо, весь мир впереди. В следующем году она села на иглу. Умерла она в семнадцать от передоза. Ни в офисе, ни дома у Ринго нет фотографий матери после тринадцати лет. Как будто для Ринго все, что было потом, — не взаправду, не с его матерью было.

Его старшая дочь Амира смутно напоминает этот улыбающийся портрет. Не знаю, выживет ли она, если Ринго поймает ее на наркотике. Он говорит, что наркоман — хуже мертвого, и я думаю, что он в это верит.

Никто ничего не сказал насчет пистолета, когда я сунула его за спину за ремень штанов. Наверное, они были вместе с Джереми, когда он нашел пистолет и документы.

Джереми сел на пассажирское сиденье.

— Давай в аэропорт, — только и сказал он.

Ринго врубил скорость, и мы поехали.

В фургоне сзади сиденья были сняты, там лежал коврик, а еще там были привязные ремни, которые Джереми установил с одной стороны — там, где обычно сидел Утер. Я стала переползать в средний ряд сидений, но Утер тронул меня за руку.

— Джереми предложил, чтобы ты села со мной и моя аура перекрыла твою — это собьет преследователей с толку.

Каждое слово было тщательно выговорено, потому что бивни, вроде бы торчащие из его кожи, из лица, на самом деле были видоизмененными зубами, закрепленными внутри рта. Поэтому, если он забывался, речь его бывала неразборчивой. Он обучался у одного из ведущих преподавателей речи в Голливуде, чтобы перенять произношение университетского профессора со Среднего Запада. Этот акцент не очень соответствовал лицу, более напоминающему кабанье рыло с двойными бивнями. У нас одна клиентка упала в обморок когда он первый раз с ней заговорил. Потрясать людей — это всегда забавно.

Я посмотрела на Джереми. Он кивнул.

— Пусть как маг я лучше, но у Утера энергия, которая старше самого Бога, и она вокруг него клубится. Я думаю, что он сможет тебя от них скрыть.

Отличная идея и простая.

— Молодец, Джереми! Я же понимала, что есть причина, почему ты начальник.

Он усмехнулся мне и повернулся к Ринго:

— Есть прямой путь по Сепульведе к аэропорту.

— Хотя бы не час пик сейчас, — заметил Ринго.

Я устроилась позади, рядом с Утером. Фургон слишком резко выехал на Сепульведу, и Утер подхватил меня раньше, чем я упала. Его большие руки притянули меня, как младенца, к его груди, почти такой же большой, как все мое тело. Даже хотя у меня щиты крепко стояли на месте, он ощущался как что-то большое, теплое, вибрирующее. Я видала фейри, у которых не было магии, стоящей упоминания, только самый примитивный гламор, но они были так стары и столько магии повидали в жизни, что будто бы впитали силу в самые поры своей кожи. Даже сидхе не найдут меня, спрятанную в руках Утера. Они ощутят его, а не меня. Наверное. Поначалу.

Я успокоилась на широкой груди Утера, в теплой надежности его рук. Не знаю, что в нем такое, но при нем мне всегда надежно. Не просто из-за его размеров, а потому, что это Утер. Он — центр спокойствия, как огонь, у которого можно жаться во тьме.

Джереми повернулся ко мне, насколько позволял ремень, сменяя костюм, а это значило, что он собирается сказать что-то серьезное.

— Почему ты защитила мою спину, Мерри?

— Чего? — спросил Утер.

Джереми отмахнулся от вопроса:

— У меня старая рана от сидхе на спине. Мерри наложила на нее защиту. Я хочу знать почему.

— Ты назойлив, — сказала я.

— Расскажи.

Я вздохнула, закутываясь в руки Утера, как в одеяло.

— Возможно, что сидхе, который нанес тебе раны, может вызвать из твоей спины

дракона или заставить тебя перекинуться в него.

У Джереми глаза полезли на лоб.

— Ты можешь это сделать?

— Я — нет, но я не чистокровная сидхе. Я видела, как делают такие вещи.

— И защита будет держаться?

Мне бы хотелось просто сказать "да", но это было бы слишком близко к лжи.

— Какое-то время продержится, но если сидхе, наложивший заклятие, будет здесь, у него может оказаться достаточно сил пробить мою магию, или он может постоянными ударами расшатать защиту, чтобы она упала. Шансы, что именно этот сидхе охотится за нами, ничтожны, Джереми, но я не могла позволить тебе помогать мне и не защитить тебя.

— На всякий случай, — сказал он.

— На всякий случай, — кивнула я.

— Когда это случилось, я был очень юн, Мерри. Сейчас я могу себя защитить.

— Ты сильный маг, но ты не сидхе.

— Это такая серьезная разница?

— Может оказаться.

Джереми замолчал и повернулся вперед, помогая Ринго найти самый быстрый путь в аэропорт.

— Ты напряглась, — заметил Утер.

Я улыбнулась:

— Тебя это удивляет?

Он улыбнулся — вполне человеческим ртом под костной дугой бивней, кабаньим рылом. Как будто часть его лица была маской, а под ней — человек. Большой, но человек.

Он толстыми пальцами погладил мои все еще мокрые волосы.

— Я так понял, что Слезы Бранвэйн еще действовали, когда пришел Джереми?

Я бы иначе ни за что не стала тратить время на душ, и Утер это знал.

— Так мне сказал Джереми. — Я села так, чтобы не намочить ему рубашку волосами. — Не хотела тебя пачкать, извини, просто забыла, что волосы мокрые.

Он мягко прижал мою голову обратно к своей груди — ладонью больше всей моей головы.

— Я же не жалуясь, просто заметил.

Я устроилась поудобнее, положив щеку ему на руку возле плеча.

— Роан ушел сразу, как мы приехали. За помощью?

Я объяснила насчет Роана и его новой шкуры.

— Ты не знала, что можешь его исцелить? — спросил Утер.

— Не знала.

— Интересно, — протянул он. — Очень интересно.

Я подняла на него глаза:

— Ты что-то об этом знаешь, чего не знаю я?

Он посмотрел на меня сверху вниз.

— Я знаю, что Роан — дурак.

Это заставило меня посмотреть на него, попытаться понять, что за взглядом этих непроницаемых глаз.

— Он — шелки, и я вернула ему океан. Это его призвание, сердце его сердца.

— Ты на него не злишься?

Я нахмурилась, неловко пожав плечами у него на руках.

— Роан таков, каков он есть. Я не могу это поставить ему в вину. Это как сердиться на дождь за то, что он мокрый. Такой он.

— Так что тебя это совсем не трогает?

Я снова пожала плечами, и его руки обернули меня, почти как младенца, так что мне стало удобнее на него глядеть.

— Я разочарована, но не удивлена.

— Ты очень понимающая.

— Можно быть понимающей, Утер, если все равно не можешь ничего изменить.

Я потерлась щекой о теплоту его руки и поняла, в чем секрет его обаяния. Он такой большой, а я такая маленькая, будто я снова стала ребенком. Это чувство, когда тебя кто-то может взять на руки и защитить от всего на свете. Это не было правдой, когда я была ребенком, и тем более не стало правдой сейчас, но все равно приятно. Иногда ложный уют лучше, чем никакого.

— Черт! — выругался Джереми погромче, чтобы нам было слышно. — Там впереди авария — похоже, Сепульведа полностью забита. Попробуем боковыми улицами.

Я задрала голову на руку Утера, чтобы увидеть Джереми.

— И все остальные тоже пытаются туда съехать. Я угадала?

— Разумеется, — ответил он. — Устраивайся поудобнее, на это уйдет какое-то время.

Я повернула голову, чтобы снова видеть Утера.

— Новых анекдотов не слыхал?

Он слегка улыбнулся:

— Нет, только у меня ноги немеют, если мне придется так их поджимать слишком долго.

— Ой, прости.

Я завозилась, чтобы он мог изменить позу.

— Нет, сиди спокойно.

Он подложил руку мне под бедра, приподнял меня и держал, как ребенка, без усилий, пока вытягивал перед собой ноги. Потом усадил меня к себе на колени, держа одной рукой за спину, а другая спокойно легла на колени.

Я засмеялась:

— Иногда я думаю, каково это — быть таким... большим.

— А я гадаю, каково это — быть маленьким.

— Но ты же был когда-то ребенком. Ты же помнишь, как это было.

Он уставился вдаль.

— Детство для меня было очень давно, но я действительно помню. Но я не в этом смысле говорю насчет быть маленьким.

Он посмотрел на меня, и было что-то в его глазах, что-то одинокое, неудовлетворенное. Это "что-то" пробивало то его спокойствие, которое я так ценила.

— В чем дело, Утер? — спросила я тихо. Какое-то было уединение в том, что мы были одни сзади и никого на средних сиденьях.

Его рука легко лежала у меня на бедре, и мне удалось наконец прочитать выражение его глаз. Я такого на лице у него еще не видела. Мне вспомнились его слова, когда я раздевалась для установления микрофона, — что он подождет в соседней комнате, потому что уже очень давно не видел обнаженной женщины.

Очевидно, я как-то выразила это на лице, потому что он отвернулся.

— Извини, Мерри. Если тебе неприятно это, только скажи, и я никогда об этом не заикнусь.

Я не знала, что на это ответить, но попыталась.

— Не в том дело, Утер. Я сейчас сяду в самолет и улечу. Богиня знает куда. Мы можем уже никогда не увидеться.

Это отчасти было правдой. То есть я действительно покидала город и не могла придумать, как выпутаться из этого положения, не ранив его чувств и не наврав ему. Мне не хотелось ни того, ни другого.

Он заговорил, не глядя на меня:

— Я думал, ты — человек с примесью крови фейри. И никогда бы не предложил этого тому, кто был воспитан людьми. Но твоя реакция на уход Роана доказала мне, что ты думаешь не так, как люди. — Он почти застенчиво снова повернулся ко мне. В глазах его читалось открытое доверие. Не то чтобы он полагал, что я скажу "да", но он верил, что я не буду плохо реагировать.

Будь это вчера, я бы первым делом подумала, как ужасно одинок Утер на нашем берегу. Сколько раз я вот так свертывалась рядом с ним в клубочек, думая о нем как о старшем брате, как о замене отца? Слишком много раз. Это было нечестно, но он всегда вел себя как настоящий джентльмен, полагая, что я — человек. Теперь он знал правду, и это меняло положение вещей. Если даже я скажу "нет" и он примет это как должное, уже не будет прежней легкости в отношениях. Я никогда не смогу так невинно свернуться у него на руках — это в прошлом. Пусть это меня огорчает, но прежнего не вернуть. Единственное, что я могу сделать, — это постараться не ранить Утера. Беда была в том, что я понятия не имела, как это сделать, потому что совершенно не знала, что сказать.

Я задумалась слишком надолго. Он закрыл глаза и убрал руку с моего бедра.

— Извини, Мерри.

Я подняла руку и тронула его за подбородок.

— Да нет, Утер, я польщена.

Он открыл глаза и посмотрел на меня, но в них читалась явная боль. Он протянул мне сердце на ладони, а я проткнула его ножом. Черт, я же скоро сяду в самолет и никого из них никогда не увижу. Оставлять его так я не желала. Слишком он хорошим был мне другом для этого.

— Во мне есть человеческая кровь, Утер. Я не могу... — Нет, этого никак было не сказать намеком. — Я не смогу вынести повреждения, которые вынесет чистокровная фейри.

— Повреждения?

Вот она, цена обиняков.

— Ты слишком велик для моего тела, Утер. Если бы ты был... меньше, я бы могла с тобой запросто переспать, но как-то не могу себе представить, что мы друг за другом ухаживаем. Ты — мой друг.

Он посмотрел на меня — всмотрелся пристально.

— Ты действительно могла бы спать со мной без отвращения?

— Отвращения? Утер, ты слишком долго прожил среди людей. Ты — призрак-в-цепях и выглядишь именно так, как тебе полагается. Есть и другие фейри той же породы. Ты не урод.

Он покачал головой:

— Я изгнан, Мерри. Мне никогда не стать фейри, а среди людей я урод.

У меня сердце сжалось от этих слов.

— Утер, не надо, чтобы чужие взгляды заставили тебя себя ненавидеть.

— А как иначе? — спросил он.

Я положила руку ему на грудь, ощутила уверенное сильное биение сердца.

— Вот там, внутри, — Утер, мой друг, и я люблю тебя как друга.

— Слишком долго я жил среди людей, чтобы не знать, что значат эти разговоры о дружбе, — ответил он.

И снова отвернулся от меня, тело его напряглось и стало неудобным, будто он не мог вынести моего прикосновения.

Я встала на колени. Я бы сказала, что села на него верхом, но лучшее, что у меня вышло, — поставить колени на каждое его бедро. Руками я стала трогать его лицо, проводя по крутизне лба, густым бровям. Мне пришлось опустить руки, чтобы снизу потрогать его щеки. Большими пальцами я погладила его рот, потерлась о гладкую кость бивней.

— Ты — красивый призрак-в-цепях. Такие двойные бивни высоко ценятся. А закругление в конце — среди призраков оно считается признаком мужественности.

— Откуда ты это знаешь? — удивленно шепнул он.

— Когда я была подростком, королева взяла себе любовника-призрака по имени Янник. Она говорила, побывав с ним, что ни один сидхе не мог так ее наполнить, как Призрак Сердец.

Кончилось тем, что она обозвала его Призраком Дураков, и он выпал из фавора. Но он остался жив, что редко случалось среди несидхейских любовников королевы. Люди обычно кончали жизнь самоубийством.

Утер уставился на меня. Когда я стояла на нем на коленях, наши глаза были почти на одном уровне.

— И что ты думаешь о Яннике? — спросил он тихим, замирающим голосом, так что мне пришлось наклониться к нему, чтобы расслышать.

— Я думаю, что он был дурак. — Я потянулась поцеловать Утера, и он отвернулся. Я взяла его ладонями за лицо и повернула к себе. — Но я всех любовников королевы считала дураками.

Мне пришлось сесть на колени к Утеру, пропустив ноги по обе стороны от его тела, чтобы его поцеловать. Бивни, конечно, мешали, но если это уберет выражение страдания из его глаз, то стоит усилий.

Я целовала его как друга. Я целовала его, потому что не считала его уродом. Я выросла среди таких фейри, что Утер рядом с ними по людским меркам — мальчик с глянцевого обложки. Одна из вещей, которым учит Неблагой Двор, — это любовь к любому виду фейри. Слов "уродливый" при этом Дворе просто не употребляется. А при Благом Дворе я сама считалась уродкой — недостаточно высокая, недостаточно стройная, и волосы кроваво-каштанового цвета, как при Неблагом Дворе, не рыжие по-человечески, как принято при Благом. При Неблагом Дворе у меня тоже было немного "кавалеров". Не потому, что меня там не находили привлекательной, а потому что я смертная. Наверное, их пугала сидхе, которая была смертной. Они к этому относились как к заразной болезни. Только Гриффин решил попытаться, но для него я тоже оказалась недостаточно сидхе.

Я знала, что мне вовеки придется быть чужаком, уродом. И все это я вложила в поцелуй, закрыв глаза, взяв Утера ладонями за подбородок.

Утер целовал так же, как говорил, — осторожно, когда каждый звук и каждое движение тщательно продуманы. Руки его сплелись у меня на поясице, и я ощутила их поразительную силу, потенциал его тела сломать меня, как фарфоровую куколку. Одно резкое движение — и он бы оказался во мне и насквозь без повреждений. Но я доверялась Утеру, и я хотела, чтобы он снова в себя поверил.

— Очень не хочется вас прерывать, — вдруг сказал Джереми, — но впереди еще одна авария. И авария на каждой боковой улице, куда мы пытались свернуть.

Я оторвалась от поцелуя:

— Что?

— Две аварии на двух боковых дорогах.

— Для случайности слишком много, — сказал Утер.

Он нежно поцеловал меня в щеку и дал мне выскользнуть из его объятий и сесть рядом, все еще оставаясь в тени его энергии. Боль в его глазах исчезла, оставив что-то более солидное, более уверенное в себе. Это стоило поцелуя.

— Они знают, что я была в квартире Роана, но не знают, где я теперь. Пытаются отрезать все пути бегства.

Джереми кивнул.

— Почему ты их не почуяла?

— Была слишком занята, — объяснил Ринго.

— Не в этом дело, — возразила я. — Как аура Утера скрывает меня от них, точно так же не дает и мне их ощутить.

— Если ты от него отодвинешься, сможешь их обнаружить, — сказал Джереми.

— А они меня, — ответила я.

— Что мне теперь делать? — спросил Ринго.

— Кажется, мы застряли в пробке. Не думаю, что ты можешь что-нибудь сделать, — ответила я.

— Они перекрыли все дороги, — сказал Джереми. — И сейчас начнут обыскивать автомобили. В конце концов они нас найдут. Нужен какой-то план.

— Если Утер меня подержит, я могу попытаться выглянуть, не обнаружат ли мои глаза того, чего не ощущают другие чувства.

— С удовольствием, — улыбнулся Утер.

Мы оба улыбались, когда я переползла на второй ряд сидений. Утер наклонился ко мне через спинки, держа ручищу на моем плече. У одной стороны улицы стояли припаркованные автомобили, и две полосы движения уходили от светофора. Стояли мы потому, что на светофоре столкнулись три машины. Одна из них лежала на мостовой, перевернутая. Вторая в нее врезалась, а третья влетела в обе, так что они все три представляли собой кучу битого стекла и искореженного металла. Я могла себе представить, как вторая и третья машина врезались в первую, а вот чего я никак не видела — это как первая перевернулась набок и вверх колесами посреди дороги. Ни один сценарий, который приходил мне в голову, такого результата не дал бы. Перевернуть машину так, чтобы она как можно лучше перегородила улицу. Ручаться можно было, что эту машину перевернул кто-то — или что-то, — чтобы остальные две в нее врезались. Они создали плотину из автомобилей и истекающих кровью людей. Пока они могут использовать гламор, чтобы прикрыть себя и избежать обвинения, им наплевать на случайных раненых. До чего же я иногда ненавижу своих родичей!

На тротуарах собрались люди, они выходили из машин, стояли в открытых дверях.

Посреди перекрестка остановились две полицейские машины, остановив тех, кто пытался еще проехать перекресток поперек. Огни этих машин полосовали ночь цветными мигалками, соперничая с уличными фонарями и освещенными окнами офисов и клубов по обе стороны улицы. Слышен был приближающийся вой "скорой помощи" — вот зачем, наверное, полиция остановила движение.

Я стала изучать толпу зрением и ничего необычного не увидела. Тогда я потянулась наружу другими чувствами. Обтекающая меня энергия Утера ограничивала мои возможности, но не до полной беспомощности. Может быть, я засеку их до того, как они обнаружат меня.

Воздух заколебался на две машины впереди нас, как рябь над горячим асфальтом, но было не жарко, и вообще после заката такой эффект уже не наблюдается. Я потянулась дальше и обнаружила еще три таких ряби.

— Четверо в нашу сторону, каждый больше человека. Ближайший за две машины от нас.

— Ты видишь их форму? — спросил Джереми.

— Нет, только рябь.

— Способность сохранить гламор на месте, когда переворачиваешь машины, — это выше способностей большинства фей, — сказал Джереми.

Явно никто из нас не верил, что первая машина сама встала на крышу.

— Даже большинство сидхе этого не может, кроме некоторых.

— Значит, четверо, больше человека, и не менее одного сидхе рядом, — подытожил Утер.

— Да.

— Какой у нас план? — спросил Ринго.

Хороший вопрос. К сожалению, у меня не было хорошего ответа.

— На перекрестке — четыре полисмена. Они нам будут помощью или помехой?

— Если мы сможем сломать гламор противника, сделать так, чтобы полиция их видела, а они этого сразу не поймут... — начал Джереми.

— Если они что-нибудь нехорошее сделают на глазах у полиции... — продолжила я.

— Мерри, девочка моя, ты просекла мой план.

Ринго обернулся ко мне:

— Я мало что знаю насчет магии сидхе, но Мерри не чистокровная; хватит ли у нее сил сломать их гламор?

Все обернулись ко мне.

— Так как? — спросил Джереми.

— Нам не надо пробивать заклинание. Надо только его перегрузить, — объяснила я.

— Мы слушаем, — сказал Джереми.

— Первый автомобиль перевернули, но остальные просто разбиты. Они заглядывают в машины, ища меня, но ни к кому не прикасаются. Если мы выйдем и начнем с ними драку, сидхе не смогут удержать их невидимыми.

— Я думал, мы хотим избегать прямой схватки как можно дольше, — сказал Ринго.

Рябь почти уже дошла до нас.

— Если кто-то придумал лучший план, у него есть шестьдесят секунд на его изложение. Сейчас нас обыщут.

— Спрятаться, — сказал Утер.

— Что?

— Мерри спрячется, — пояснил он.

Это была хорошая мысль. Я свернулась за спинкой средних сидений, и Утер отодвинулся от стенки так, чтобы я оказалась за ним. Я не думала, что это получится, но лучше, чем ничего. Драться можно и потом, если они меня найдут, но если я спрячусь...

Я втиснулась между холодным металлом стенки и теплой спиной Утера и пыталась не особо напрягать мысли. Некоторые сидхе умеют слышать процесс мысли, если мозг достаточно возбужден. От взглядов я была прикрыта полностью. Даже если откроют большую скользящую дверцу, на что, я считала, они не рискнут пойти, меня они не увидят. Но я тревожилась не из-за их глаз. Есть самые разные виды фейри, и далеко не все полагаются на зрение подобно людям. Это даже не считая тех сидхе, которые наводили сейчас гламор. Если мы — единственная машина, в которой сидят фейри, то сидхе обследуют ее раньше, чем уйдут отсюда. Наверняка придут посмотреть лично.

Мне страшно хотелось посмотреть, как это завихрение в воздухе заглядывает во все окна. Но это противоречило бы самой цели игры в прятки, поэтому я свернулась за Утером и постаралась быть потише. Я услышала, ощутила какое-то поскребывание по металлической стене у меня за спиной. Что-то большое прижалось к металлу. Потом я услышала — кто-то шумно приняхивался, как огромная собака.

Миг у меня был подумать: "Оно меня чует", и тут же что-то пробило металл в дюйме от меня. Я вскрикнула, выбралась из-за спины Утера раньше, чем сознание зарегистрировало кулак размером с мою голову, пробивший борт фургона.

Резкий звук разлетевшегося стекла заставил меня обернуться. Рука размером с древесный ствол и грудь шире окна автомобиля протискивались через окно водительской дверцы. Ринго ударил по руке, но она схватила его за рубашку и потащила в разбитое окно.

Пистолет был у меня в руке, но я боялась попасть в Ринго. Джереми метнулся по сиденью, и я увидела лезвие, полыхнувшее в его руке.

Металл взвизгнул, когда гигантский кулак вырвал бок фургона, и здоровенная ухмыляющаяся рожа показалась в дыре. Ее обладатель смотрел мимо Утера, будто его здесь и не было, желтые глаза уставились на меня.

— Принцесса! — прошипел огр. — А мы тебя ищем.

Утер врезал по морде кулаком. Из носа огра хлынула кровь, и морда убралась. Снаружи закричали — закричали люди. Гламор не устоял перед насилием — огры появились среди людей как по волшебству. Послышался ревущий мужской голос:

— Полиция! Никто ни с места!

Ага, полиция постилась. Хорошо. Я сунула пистолет за пояс — не хотелось давать объяснения по этому поводу.

Я обернулась к переднему сиденью. Ринго остался на месте водителя. Джереми наклонился над ним, и руки его были в крови. Я поползла к ним через передние сиденья. Хотела было спросить, не ранен ли Ринго, но увидела его грудь, и вопрос отпал. Перед его рубашки пропитался кровью, из груди торчал кусок стекла шириной с мою ладонь.

— Ринго! — тихо позвала я.

— Извини, — сказал он, — кажется, от меня будет мало толку.

Он закашлялся, и видно было, что это больно.

— Не разговаривай, — сказала я, трогая его лицо.

Снаружи копы орали на огров всякие вещи вроде: "Руки на голову!", "На колени!", "Не двигаться, мать твою!" Потом послышался голос — уверенный мужской голос с едва

заметным акцентом. Знакомый мне голос.

Я полезла к дверце, а Джереми все еще спрашивал:

— Что? Что там такое?

— Шолто, — ответила я.

Недоумение не исчезло с лица Джереми. Имя ему ничего не говорило. Я попыталась объяснить:

— Шолто, Властелин Всего, Что Проходит Между, Властитель Теней, Царь Слуа.

От этого титула глаза Джереми полезли на лоб, лицо исказилось страхом.

— Боже мой!

— Отродье Теней здесь? — спросил Утер.

Я глянула на него:

— Только не назови его так в глаза.

Сквозь разбитое окно голоса были слышны совершенно явственно. Все происходило как в замедленной съемке. То ли дверца не хотела открываться, то ли я стала неуклюжей от страха.

Голос говорил:

— Большое вам спасибо, джентльмены.

— Мы подождем транспорта для огров, — сказал один из полисменов.

Дверца открылась, и на миг я застыла, оглядывая это зрелище. Три огра на коленях на тротуаре, сцепив руки на головах. Двое полисменов с пистолетами в руках. Один на тротуаре, перед ограми, другой был отделен от них полосой припаркованных автомобилей. Высокий мужчина — но не выше человека — стоял рядом с этим полисменом и машинами. Он был одет в серое кожаное пальто, и его белокурые волосы струились по спине. В последний раз, когда я видела Шолто, он был одет в серый плащ, но эффект был на удивление тот же, когда он повернулся, ощутив, что я здесь стою. Даже за несколько ярдов в этой смягченной электрическим светом темноте я видела три оттенка золотого в его глазах: металлическое золото вокруг зрачков, потом янтарь и внешний круг цвета желтых осенних листьев. Я боялась Шолто, всегда боялась, но когда увидела эти глаза, вдруг поняла, как я тосковала по сидхе: на миг я обрадовалась, увидев тройной цвет глаз у кого-то, кроме себя. Но потом взгляд этих знакомых глаз обдал мне шею холодом, и миг ощущения единства миновал.

Он повернулся к полицейским, улыбаясь:

— Я буду сопровождать принцессу.

И он пошел к фургону — они его не остановили. Почему — я поняла, когда он подошел ближе. У него на шее висела эмблема королевы, бляха, которую носит ее стража. Эмблема на удивление походила на полицейский жетон, и Двор постарался сделать широко известным, что тот, кто наденет эту эмблему, не имея на то права, будет проклят. Таким проклятием, что даже сидхе не рискнет на себя его навлечь.

Не знаю, что он им сказал, но могу догадаться. Его послали защитить меня от нападения. Он доставит меня домой под охраной. Все весьма разумно.

Шолто двигался ко мне грациозной поступью. Он был красив — не щемящей красотой некоторых сидхе, но все равно эффектен. Я знала, что люди провожают его взглядами, потому что не могут удержаться. Серое пальто развевалось позади, и была едва заметна выпуклость посередине тела. У Шолто было все как надо — волосы, глаза, кожа, плечи, ну, все вообще, — да только прямо под сосками, уходя в штаны, располагалось гнездо

щупальцев, живых тварей с пастями. Мать его была сидхе, а отец — нет.

Кто-то тронул меня за плечо, и я с криком отдернулась. Это был Джереми.

— Утер, закрой дверь.

Утер закрыл дверь — почти перед носом Шолто. И привалился к двери, так что снаружи ее не открыть без некоторого усилия.

— Беги, — сказал Утер.

— Беги, — повторил Джереми.

Я поняла. Только на войне слуга охотятся более чем за одной дичью. Шолто не причинит вреда моим друзьям, если меня здесь не будет.

Я вылезла через рваную дыру в металле с другой стороны, сумев не пораниться. Слышно было, как Шолто исключительно вежливо постукивает в дверцу фургона.

— Принцесса Мередит, я прибыл доставить вас домой.

Я пригнулась к земле, прячась за припаркованными машинами, добралась до тротуара и собравшейся толпы. Набросила на себя еще один покров гламора. Неопределенного цвета темные волосы, загорелая смуглая кожа. Я шла через толпу, меняя облик постепенно, чтобы никто не заметил и не привлек ко мне внимания. Когда я вылезла на той стороне и пошла в боковой переулок, только одежда была на мне та же самая. Я сбросила жакет, взяла пистолет в руку и свернула жакет вокруг него. Шолто видел темно-рыжую женщину с бледной кожей в синем жакете. Сейчас я была каштановая, загорелая и в зеленой кофточке. Я спокойно шла по улице, хотя между лопатками у меня свербило, будто кто-то взглядом сверлил во мне дыру.

Мне хотелось обернуться и посмотреть, но я заставила себя идти дальше. До угла я добралась, и никто не завопил: "Вот она!" О Богиня, как мне хотелось оглянуться через плечо! Но я подавила это желание и свернула за угол дома. Оказавшись вне взглядов толпы, я шумно вздохнула — задержала дыхание, сама того не заметив. Опасность не миновала — пока Шолто на этих берегах, — но это было начало.

Сверху послышался шум. Высокий тонкий звук, почти неслышимый, такой высокий, но он прорезал обычные городские звуки как стрела в сердце. Я осмотрела ночное небо, но оно было пусто, если не считать далекого следа самолета, светящегося в темноте. Звук донесся снова, высокий почти до болезненности, как писк летучей мыши. Но ничего в небе не было.

Я снова пошла, медленно, все так же осматривая небо, когда мой взгляд привлекло какое-то движение. Я проследила это мерцание до верхушки ближайшего дома. Вереница черных теней повисла на краю крыши. Как полоса чернильно-черных капюшенов размером с небольшого человечка. Один из "капюшенов" встряхнулся, как птица, охорашивающая перья. Чернота подняла голову, и блеснула бледная плоская физиономия. Раскрылась щель рта, и раздался тот высокий крик.

Они летают быстрее, чем я бегаю. Я это знала, но повернулась и бросилась бежать. С резким звуком развернулись их крылья — так хлопает толстая выстиранная простыня на ветру. Я побежала. Резкие высокие крики погнали меня в ночь. Я побежала быстрее.

Они ветром налетали сзади, звук их крыльев слился в свист настигающей бури. Именно это слышали бы люди — ветер, бурю, полет птиц. Если бы были люди, чтобы слышать. До конца квартала улица была пустыня. Восемь вечера в субботу, в районе самых популярных магазинов, и ни одного человека. Будто это кто-то организовал; возможно, так оно и было. Если я успею выбежать из зачарованной зоны, люди будут.

Ветром меня ударило в спину, и я бросилась на тротуар, покотившись от удара. Я катилась дальше и дальше, голова кружилась от мелькающих ночных летунов, пролетающих надо мной в ярде от тротуара, как взлетевшие в воздух рыбы, слишком быстро летящие за вожаком, чтобы сразу сменить направление.

Я закатилась в ближайшую дверь, окруженную крышей и стеклом с трех сторон. Летуны остались сверху — на землю за мной они не бросятся. Несколько секунд я полежала, слушая стук крови в ушах, и тут поняла, что я не одна.

Я села, прислонившись к книжной витрине, пытаюсь придумать для человека объяснение, что это я такое делаю. Он стоял ко мне спиной. Невысокий, моего примерно роста, одетый в кричащую гавайку и кепочку, надвинутую на глаза. Нечасто встречающееся по вечерам зрелище.

Я кое-как встала, опираясь на стекло витрины. Зачем ему ночью козырек, защищающий от солнца?

— Ну и ветер, — заметил он.

Я обошла окно, не выходя из-под навеса лавки. Пистолет все еще был у меня в руке. Жакет размотался, висел, как плащ матадора, но пистолет пока что прикрывал.

Человек обернулся, и свет из лавки упал на его лицо. Кожа черная, глаза темные, блестящие. Он усмехнулся, полыхнув полной пастью бритвенно-острых зубов.

— Наш хозяин хочет говорить с тобой, принцесса.

Я ощутила за спиной движение и обернулась посмотреть, но боялась повернуться совсем, подставив спину этому с ухмылкой. Три фигуры вышли из соседней лавки. Было темно, от света прятаться не приходилось. Все трое были выше меня, в плащах с надвинутыми капюшонами.

— Мы тебя ждали, отребье, — сказала одна фигура в плаще. Голос был женский.

— Отребье?

— Потаскуха. — Другой женский голос.

— Завидуете? — спросила я.

Они бросились на меня, и я отпустила жакет на землю, направив на них обеими руками пистолет. Либо они не знали, что такое пистолет, либо не боялись. Я выстрелила в одну из них. Она свалилась кучей тряпья. Две остальные подались назад, выставив клешни рук, будто защищаясь от удара.

Я прижалась спиной к окну, бросила взгляд на ухмыляющуюся физиономию позади, но чернокожий стоял в дверях, сложив руки на голове, будто ему это было привычно. Пистолет и почти все внимание я направила на женщин, хотя... женщинами их можно назвать с большой натяжкой. Это были ведьмы. Я не хочу их обидеть — это их порода. Ночные ведьмы.

Та, которую я подстрелила, пыталась сесть, хватаясь за руки другой.

— Ты ее застрелила!

— Очень рада, что вы заметили, — ответила я.

У раненой капюшон слетел с головы, открыв огромный загнутый нос, поблескивающие маленькие глазки, кожу цвета пожелтевшего снега. Волосы — сухими клочьями, как черная солома, едва до плеч. Она зашипела, когда вторая ведьма задрала ей плащ, чтобы увидеть рану. Между пустыми мешками груди зияла кровавая дыра. Ведьма была голой, если не считать массивного золотого обруча на шее и украшенного камнями пояса, съехавшего вниз на тощие бедра. Я успела увидеть болтающийся на поясе кинжал, привязанный к ляжке золотой цепочкой.

Она извивалась, не в силах набрать в грудь воздуху, чтобы проклясть меня. Я попала ей в сердце, может быть, задела легкое. Убить это ее не убьет, но больно.

Вторая ведьма подняла лицо к свету. У нее кожа была грязно-серая с крупными оспинами на всем лице, идущими через острый нос цепочкой кратеров. Губы настолько тонкие, что почти не закрывали полную пасть плотоядных острых зубов.

— Интересно, хотел бы он тебя, если бы у тебя не было этой гладкой белой кожи?

Вторая стояла все еще под клобуком, прячась. Голос у нее был получше, чем у первых двух, какой-то более культурный.

— Мы тебя сделаем такой же, как мы, нашей сестрой.

Я посмотрела в лицо серой:

— Ту, кто начнет произносить проклятое, я застрелю прямо в лицо.

— Меня это не убьет, — сказала Серая.

— Нет, но и не украсит.

Она зашипела, как огромная сжавшаяся кошка:

— С-сука!

— Сама такая.

Меня беспокоила та, что еще осталась стоять. Она не впала в панику, не поддалась гневу. Она может применить против меня магию, будучи еще частично скрытой тенью и ночью. Умнее, осторожнее, опаснее.

Я специально не воспользовалась гламором. Я стояла перед освещенной витриной с пистолетом на виду, наставленным на кого-то. Один уже выстрел должен был заставить кого-нибудь позвонить в полицию. Я выпустила быструю вспышку силы — осмотреться, и обнаружила плотные складки гламора. Густого и хорошо сделанного. Я гламор умею наводить, но не эту разновидность. Шолто накрыл им всю улицу, как невидимой стеной. Никто ничего тревожного не увидит и не услышит. Разум представит людям звук выстрела как обычный шум. Если я заору, призывая на помощь, это будет ветер. Если только не бросить кого-нибудь через окно прямо в лавку, никто ничего не увидит.

Я бы с удовольствием бросила сквозь стекло любую из них, но не хотела подпускать их так близко. Пальцы рук, вцепившиеся в рану, кончались огромными когтями хищной птицы. Зубы, оскалившиеся, когда она зашипела, были предназначены для раздиранья плоти. С такой мне рукопашную не выиграть. Их нельзя было подпускать, и пистолет для этого годился, но придет Шолто, и до этого мне надо отсюда исчезнуть. После его прибытия я пропала. Эти не смогут меня тронуть, но я в ловушке. Если я выйду из-под навеса, ночные летуны меня схватят или хотя бы остановят, а тогда меня схватят ведьмы и этот чернокожий весельчак. Меня обезоружат, если не хуже, еще до подхода Шолто.

Боевой магии у меня нет. Пистолет никого из них не убьет, только ранит и

притормозит. Нужно придумать что-то получше, а мне ничего в голову не приходило. Я попыталась завязать разговор: когда сомневаешься — говори. Никогда не знаешь, на чем может проколоться противник.

— Нерис Серая, Сегна Золотая и Черная Агнес, я полагаю?

— А ты кто? Стэнли, что ли? — спросила Нерис.

Я не сдержала улыбки:

— А еще говорят, что у вас чувства юмора нет.

— Кто говорит? — спросила она.

— Сидхе.

— Вот ты и есть сидхе, — сказала Черная Агнес.

— Будь я истинной сидхе, что бы я делала на берегах Западного Моря, прячась от своей королевы?

— То, что ты во вражде со своей теткой, говорит лишь, что ты самоубийственно глупа, но оттого ты ни на унцию не меньше сидхе.

Агнес стояла прямо и высоко, как столб черной ткани.

— Это да, но я меньше сидхе из-за браунийской крови со стороны матери. Наверное, королева могла бы мне простить кровь человека, но этого никогда не забудет.

— Ты смертная, — сказала Сегна. — Для сидхе это непростительный грех.

У меня руки начало сводить, скоро устанут плечи. Надо будет либо стрелять, либо опустить пистолет. Даже двуручная стойка не рассчитана на то, чтобы стоять в ней бесконечно.

— Есть и другие грехи, которые для моей тетушки столь же непростительны.

— Например, иметь гнездо щупальцев посреди безупречной сидхейской плоти, — произнес мужской голос.

Я повернулась к нему, не выпуская при этом трех ведьм из поля зрения. Вскоре у меня будет столько разных целей с разных сторон, что всех их вовремя ни за что не перестрелять. Зато хотя бы свежий прилив адреналина помог прогнать мышечную усталость. Вдруг показалось, что я вечно смогу держать стойку стрелка.

Шолто стоял на тротуаре, чуть разведя руки в стороны. Наверное, старался казаться безобидным — но это не получалось.

— Королева однажды мне сказала, что стыд и позор — иметь гнездо щупальцев посреди одного из самых совершенных сидхейских тел, какие только есть на свете.

— Отлично. Да, моя тетка — стерва, мы все это знаем. Чего хочешь ты, Шолто?

— Титулуй его как положено, — произнесла Агнес, и ее культурный голос прозвучал слегка гневно.

Вежливость никогда не вредит, и я выполнила ее просьбу.

— Чего хочешь ты, Шолто, Властитель Всего, Что Проходит Между?

— Его зовут царь Шолто, — буквально выплюнула мне в лицо Сегна.

— Мне он не царь.

— Это можно переменить, — произнесла Агнес с очень тонкой скрытой угрозой.

— Хватит, — остановил их Шолто. — Королева хочет твоей смерти, Мередит.

— Мы никогда не были накоротке, лорд Шолто. Будь добр называть мой титул.

С его стороны было оскорблением не назвать мой титул после того, как я обратилась к нему по титулу. Также оскорбление, если так поступает король чужого народа. Но Шолто вечно усложнял себе жизнь, пытаясь изображать и лорда сидхе, и царя слуга.

По резким чертам лица пробежало какое-то чувство — гнев, я думаю, хотя недостаточно хорошо его знаю, чтобы сказать с уверенностью.

— Королева хочет твоей смерти, принцесса Мередит, дочь Эссуса.

— И она послала тебя доставить меня домой для исполнения приговора. Это я сама сообразила.

— Ты не могла бы ошибиться сильнее, — сказала Агнес.

— Молчание!

Шолто вложил в это слово немножко приказной интонации. Ведьмы будто сжались — не согнулись, но будто подумали об этом.

Улыбающийся справа подступил поближе. Я не отвела пистолета от Шолто, но сказала:

— Два шага назад, или я застрелю твоего короля.

Не знаю, что бы сделал этот человек, но Шолто велел:

— Сделай, как она говорит, Гетхин.

Гетхин не стал спорить — просто отступил, хотя я заметила краем глаза, что руки он сложил на груди. На голове он их больше не держал. Меня устраивает, пока он достаточно далеко. Но все они слишком близко подошли. Если они бросятся одновременно, все для меня кончено. Но Шолто не хотел меня скручивать. Он хотел говорить. Что ж, меня устраивает.

— Я не хочу твоей смерти, принцесса Мередит.

Мне не удалось скрыть подозрительность.

— Ты пойдешь против королевы и всех ее сидхе, чтобы меня спасти?

— За последние три года много случилось, принцесса. Королева все более и более в своей угрозе полагается на слуха. Не думаю, что она начнет из-за тебя войну, если ты будешь надежно скрыта от ее взгляда.

— Я настолько далеко от ее взгляда, насколько это возможно на суше, — сказала я.

— Да, но есть другие при Дворе, кто нашептывает ей на ухо и напоминает о тебе.

— Кто?

Он улыбнулся, и его красивое лицо стало почти подкупающим.

— Нам многое надо обсудить, принцесса. У меня номер в одном из лучших отелей. Не отправиться ли нам туда на отдых, а дискуссию отложить на будущее?

Что-то в выбранных им словах мне не понравилось, но это было самое лучшее предложение за весь этот вечер. Я опустила пистолет:

— Клянись своей честью и тьмой, что поглощает все, что ты сказал именно то, что хотел сказать.

— Клянусь своей честью и тьмой, что поглощает все, что каждое слово, сказанное мною тебе на этой улице, правда.

Я щелкнула предохранителем и засунула пистолет за поясницу. Подняла жакет с земли, отряхнула и надела. Он слегка помялся, но сойдет.

— Далек твой отель?

На этот раз улыбка была шире, и он был не таким великолепным, но более... человечным. Более настоящим.

— Тебе стоит чаще улыбаться, лорд Шолто. Тебе идет.

— Я надеюсь в ближайшем будущем получить причину улыбаться почаще.

Он предложил мне руку, хотя стоял за несколько ярдов от меня. Я подошла, потому что он поклялся самой торжественной клятвой неблагих и не мог ее нарушить, не рискуя проклятием.

Я взяла его под руку. Он напряг мышцы под моими пальцами. Мужчина есть мужчина, какой бы породы он ни был.

— В каком отеле ты остановился? — спросила я, улыбаясь ему.

Никогда не помешает быть любезной. Нелюбезной я всегда смогу стать позже, если надо будет.

Он сказал. Это был очень хороший отель.

— Немного далековато идти, — сказала я.

— Если хочешь, можем взять такси.

Я приподняла брови, зная, что внутри машины он не сможет держать серьезную магию: избыток очищенного металла ей мешает. Я-то могу наводить серьезные чары даже в свинцовом ящике, если надо будет: примесь человеческой крови имеет свои преимущества.

— Тебе там не будет неуютно? — спросила я.

— Это не так далеко, и мне важнее наш общий комфорт.

И снова какие-то оттенки смысла в его словах я пропустила.

— Такси было бы неплохо.

Агнес окликнула нас:

— Что нам делать с Нерис?

Шолто оглянулся на них, и лицо его снова стало ледяным, обрело ту чеканную красоту, которая делала его далеким.

— Добирайтесь до своих комнат, как сможете. Если бы Нерис не напала на принцессу, она не получила бы рану.

— Мы служили тебе на сотни лет дольше, чем увидит когда-нибудь этот кусок белой плоти, и вот такова наша награда, — горько сказала Агнес.

— Ваша награда такова, какую вы заслужили, Агнес. Не забывай.

Он повернулся, потрепал меня по пальцам, лежащим на его руке, но в трехцветно-золотых глазах еще читался оттенок льда.

Рядом с Шолто появился Гетхин и согнулся в поклоне, держа шапочку в руках.

— Что ты прикажешь делать мне, хозяин?

— Помоги им доставить Нерис в номер.

— С радостью.

Гетхин полыхнул еще одной острозубой улыбкой, опустив уши по сторонам лица — почти как у охотничьей собаки или лопухого кролика. Он повернулся и чуть не поскакал к ведьмам.

— Такое чувство, что я что-то пропустила.

Он накрыл мою руку своей, теплые сильные пальцы скользнули по моим.

— Я тебе объясню, когда приедем в отель.

В его глазах было то выражение, которое я видела у других мужчин, но оно не могло значить то же самое. Шолто принадлежал к страже королевы, а значит, не мог спать ни с одной сидхе, кроме нее. Она не делилась своими мужчинами ни с кем. Наказанием за нарушение этого табу была смерть под пыткой. И если даже Шолто готов был рискнуть, то я — нет. Моя тетка, может быть, казнит меня, но сделает это быстро. Если я нарушу ее самое суровое табу, она все равно убьет меня, но это будет не быстро. Меня уже пытали раньше — этого трудно избежать, если живешь при Неблагом Дворе. Но никогда я не подвергалась собственноручной пытке королевы. Хотя ее работу видела. Она очень, очень, очень изобретательна.

Много лет назад я поклялась себе, что никогда не дам ей повода применить свою изобретательность ко мне.

— На мне и так смертный приговор, Шолто, и я не хочу добавлять к нему пытку.

— Если я сохраню тебя живой и невредимой, ты рискнешь?

— Живой и невредимой? Как?

Он только улыбнулся, поднял руку и крикнул:

— Такси!

На пустой улице тут же их появилось три штуки. Шолто всего лишь хотел вызвать такси, но понятия не имел, какое впечатление произведет в Лос-Анджелесе способность вызвать три такси сразу на пустой улице. Он мог бы реанимировать трупы, еще не остывшие, — это тоже произвело бы впечатление. Но я живу в этом городе три года, и такси, подъехавшее, когда оно тебе нужно, куда поразительнее ходячего трупа. Их-то я, в конце концов, видела, а вот послушное такси — это совершенно новый вид.

Через час мы с Шолто сидели в двух очень красивых, но неудобных креслах около белого столика. Комната была элегантна, только слишком, пожалуй, много розового и золотого на мой вкус. На столе стояло вино и поднос с закусками. Вино было очень сладким, десертным. Оно дополняло лежащий на подносе сыр, но конфликтовало с икрой. Правда, я никогда не пробовала ничего такого, что сделало бы икру приемлемой. Сколько бы она ни стоила, а все равно по вкусу — рыбы яйца.

Шолто, кажется, нравились икра и вино.

— Шампанское подошло бы больше, только я его всю жизнь не люблю, — сказал он.

— Мы что-то празднуем? — удивилась я.

— Надеюсь, заключение союза, — ответил он.

Я помолчала минуту, приложившись к слишком сладкому вину и глядя на Шолто.

— Какого рода союз?

— Между нами двумя.

— Это я догадалась. Главный вопрос таков, Шолто: зачем тебе союз со мной?

— Ты — третья в очереди к трону.

Лицо его стало очень замкнутым, очень осторожным, будто он не хотел позволить мне знать, что он думает.

— И?.. — спросила я.

Он заморгал на меня трехцветно-золотыми глазами:

— Зачем любому сидхе союз с женщиной, стоящей в двух ступенях от трона?

— В обычной ситуации причина была бы разумной, но мы с тобой оба знаем: единственная причина, по которой я остаюсь третьей в очереди престолонаследия, — это клятва, которую мой отец взял с королевы перед тем, как умер. Она бы меня от престолонаследия отстранила хотя бы за мою смертность, если бы не эта клятва. У меня нет положения при Дворе, Шолто. Я — первая в роду принцесса, не имеющая магии.

Он осторожно поставил бокал на стол:

— Но ты одна из лучших среди нас в том, что касается личного гламора, — сказал он.

— Да, правда, да это самый сильный из моих даров. Благодарение богу, я все еще зовусь Ник-Эссус, дочь Эссуса. Этот титул я ношу с детства и должна с ним расстаться, когда войду в силу. Если только это когда-нибудь случится. Я могу никогда не войти в силу, Шолто. Это одно может убрать меня из линии престолонаследия.

— Если бы не обет, данный королевой твоему отцу, — сказал Шолто.

— Да.

— Я знаю, до чего королева тебя ненавидит, Мередит. С такой же силой, как она презирает меня.

Я поставила бокал, делая вид, что вино мне нравится.

— У тебя достаточно магии для придворного титула. Ты не смертный.

Он посмотрел на меня, и это был долгий, тяжелый, почти суровый взгляд.

— Не притворяйся, Мередит. Ты отлично знаешь, почему королева не выносит моего вида.

Я не отвела глаз от этого тяжелого взгляда, но это было... неудобно. Я знала, и весь Двор знал.

— Скажи, Мередит, скажи вслух.

— Королева не одобряет твоей смешанной крови.

Он кивнул почти с облегчением:

— Да.

Суровость его взгляда было неприятно видеть, но она хотя бы была непритворной. Насколько я знаю, все остальное было напускным. А мне хотелось видеть ту правду, что скрывает это красивое лицо.

— Но не в этом дело, Шолто. Сейчас среди сидхе королевской крови метисов больше чистокровных.

— Верно, — сказал он. — Ей не нравится наследие моего отца.

— И дело не в том, что твой отец — ночной летун, Шолто.

Он нахмурился:

— Если ты к чему-то ведешь, говори прямо.

— Если не считать заостренных ушей, то гены сидхе побеждают, с кем бы мы ни спаривались.

— Гены, — повторил он. — Я забыл, что ты первая среди нас выпускница современного колледжа.

Я улыбнулась:

— Отец надеялся, что я стану доктором.

— Если ты не можешь лечить прикосновением, то что ты за доктор?

Он сделал большой глоток вина, будто мы все еще спорили.

— Надо тебя как-нибудь сводить на экскурсию в современную больницу.

— Все, что ты захочешь мне показать, будет принято с удовольствием.

Та эмоция, которая чуть не проглянула в этих словах, была смыта волной двусмысленности.

Я сделала вид, что не заметила ее, и продолжала свою линию. Я увидела истинную эмоцию и хотела увидеть больше. Если мне придется ставить жизнь на кон, то мне надо увидеть Шолто без масок, которые Двор нас приучил носить.

— До тебя все сидхе выглядели как сидхе, чья бы кровь ни примешалась к крови в их жилах. Я думаю, королева видит в тебе свидетельство, что кровь сидхе становится слабее, как и моя смертность тоже показывает, что кровь редет.

Красивое лицо стянуло злостью.

— Неблагие провозглашают, что все фейри красивы, но некоторые красивы только на одну ночь. Развлечение, но не больше.

Я видела, как гнев ползет у него по плечам, по рукам.

— Моя мать, — выплюнул он последнее слово, — думала провести ночь удовольствия, не заплатив за это своей цены. Этой ценой был я.

Он выдавливал слова по одному; от гнева глаза его загорелись, и цветные круги пылали как желтое пламя и расплавленное бурлящее золото.

Я пробилась сквозь эту безупречную внешность и нащупала больной нерв.

— Я бы сказала, что эту цену заплатил ты, а не твоя мать. Родив тебя, она вернулась ко Двору, к своей жизни.

Он глядел на меня, все еще пылая гневом.

Я говорила с этим гневом осторожно, чтобы он не выплеснулся на меня, но мне он нравился. Он был настоящим, а не расчетливо выбранным настроением ради какой-то цели.

Это настроение он не выбирал и не рассчитывал, оно овладело им, и мне это нравилось, очень нравилось. Одна из вещей, которые я любила в Роане, — это что эмоции у него лежали так близко к поверхности. Он никогда никаких чувств не изображал. Правда, именно эта черта позволила ему уйти в море в новой тюленьей шкуре и даже не сказать "прощай". У каждого свои недостатки.

— И оставила меня с отцом, — сказал Шолто. Он посмотрел на стол, потом медленно поднял ко мне эти необыкновенные глаза. — Ты знаешь, сколько мне было, когда я увидел других сидхе?

Я покачала головой.

— Пять лет. Пять лет до того, как я увидел кого-то с такой же кожей и глазами, как у меня.

Он замолчал, глаза его замутились воспоминанием.

— Расскажи, — попросила я тихо.

Он заговорил вполголоса, будто сам с собой.

— В темную безлунную ночь Агнес взяла меня поиграть в лес.

Я хотел спросить, не та ли это ведьма Черная Агнес, которую я сегодня видела, но не стала перебивать. Будет еще время спрашивать, когда у него переменится настроение и он перестанет рассказывать свои тайны. На удивление легко оказалось заставить его открыться. Так легко раскрывается защита на том, кто хочет говорить, не может не говорить.

— Я увидел среди деревьев что-то сияющее, будто луна спустилась на землю. Я спросил Агнес, что это? Она не сказала, только взяла меня за руку и подвела поближе к свету. Сперва я думал, что это люди, только люди не светятся так, будто у них огонь под кожей. Потом женщина повернулась к нам, и глаза у нее...

Голос его пресекся, и в нем была такая смесь удивления и страдания, что я готова была прекратить разговор, но не стала. Если он хочет рассказывать, то я хочу знать.

— Глаза... — подсказала я.

— Глаза у нее горели, светились синим, темно-синим, а потом зеленым. Мне было всего пять, так что не ее нагота и не его тело на ней поразили меня, но чудо этой белой кожи, этих клубящихся глаз. Как моя кожа и мои глаза. — Он смотрел сквозь меня, будто меня тут и не было. — Агнес увела меня прочь раньше, чем они нас увидели. У меня было полно вопросов. Она велела задать их отцу.

Он заморгал, глубоко вздохнул, будто в буквальном смысле откуда-то возвращаясь.

— Мой отец объяснил мне, кто такие сидхе, и сказал, что я тоже один из них. Мой отец воспитал меня в вере, что я — сидхе. Я не мог быть тем, кем был он. — Шолто сухо засмеялся. — Я плакал, впервые поняв, что у меня никогда не будет крыльев.

Он посмотрел на меня, сдвинув брови.

— Никому при Дворе я об этом не рассказывал. Ты на меня какие-то чары навела?

Он, конечно, не верил, что это чары, или расстроился бы сильнее, даже испугался бы.

— А кто еще при Дворе, кроме меня, мог бы понять, что эта история значит? — спросила я.

Он посмотрел на меня долгим взглядом и медленно кивнул:

— Да, хотя твое тело не так искажено, как мое, ты тоже им не своя. Они никогда не примут.

Последние слово относились, как я поняла, к нам обоим.

Его руки, лежащие на столе, сцепились так, что пошли пятнами. Я коснулась их, и он

отдернулся, будто я его обожгла. Стал убирать руки подальше — но остановился. Я видела, каких усилий ему стоило положить их обратно. Он действовал так, будто ожидал боли.

Я накрыла его большие руки своими — насколько это было возможно. Он улыбнулся, и это была первая искренняя улыбка, потому что была неуверенной, будто боялась оказаться ненужной. Не знаю, что он прочел на моем лице, но это его успокоило, потому что он раскрыл руки, взял мою и поднес медленно к губам. Он не столько целовал мне руку, сколько прижимал ее ко рту неожиданно нежным движением. Одиночество может быть связью сильнее многих других. Кто лучше при обоих Дворах мог бы понять нас, чем мы друг друга? Не любовь, не дружба, но все равно связь.

Он поднял глаза навстречу мне, оторвав лицо от моей руки. Такой взгляд я редко видела у сидхе — открытый, незащищенный. В его глазах была тоска, желание столь сильное, что будто смотришь в бездонную пустоту, в зияющую яму на месте чего-то пропавшего. От этого глаза его стали дикими, как у лесной твари или выросшего в лесу ребенка — неукрошенный, но обиженный жизнью. Неужто и у меня бывают такие глаза? Хотелось думать, что нет.

Он отпустил мою руку — медленно, неохотно.

— Я ни разу в жизни не был с сидхе, Мередит. Ты понимаешь, что это значит?

Я понимала, может быть, даже лучше его, потому что единственное, что может быть хуже, чем не иметь, — это иметь, а потом потерять. Но я старалась, чтобы мой голос звучал нейтрально, потому что я начинала бояться того, к чему он клонит. Как бы я ему ни сочувствовала, это не стоило смерти под пыткой.

— Тебе интересно, как это.

Он покачал головой:

— Нет. Я жажду вида бледной плоти, распростертой подо мной. Я хочу смешать свое сияние с другим. Я хочу этого, Мередит, и ты мне можешь это дать.

Именно к тому он вел, чего я боялась.

— Я тебе уже сказала, Шолто: я не рискну смертью под пыткой ни для какого наслаждения. Никто и ничто этого не стоит.

Я говорила искренне.

— Королева любит, когда ее стражники наблюдают за ней и ее любовниками. Некоторые отказываются смотреть, но многие соглашаются ради шанса, что она позовет нас присоединиться. "Вы мои телохранители — разве вам не хочется хранить мое тело?" — передразнил он ее голос. — Даже когда это делается ради жестокости, любовь двух сидхе — все равно чудесная вещь. Я бы отдал за нее душу.

Я выдала ему самую лучшую из своих непроницаемых масок.

— Мне совершенно без пользы твоя душа, Шолто. Что ты еще можешь мне предложить такого, за что стоит рискнуть мучительной смертью?

— Если ты будешь моей любовницей-сидхе, Мередит, королева будет знать, что ты для меня значишь. Я постараюсь как можно яснее дать ей понять, что, если что-нибудь случится с тобой, она потеряет верность слуга. Этого она сейчас себе позволить не может.

— Почему бы тебе не заключить эту сделку с какой-нибудь более сильной женщиной-сидхе?

— У женщин стражи принца Кела есть для секса принц, и он в отличие от королевы не дает им простаивать.

— Когда я покидала Двор, некоторые женщины стали отказываться от ложа Кела.

Шолто довольно улыбнулся:

— Это движение стало весьма популярным.

Я приподняла брови:

— Ты хочешь сказать, что гарем Кела дает ему отставку?

— Все больше и больше женщин из гарема.

— Тогда почему тебе не пригласить одну из них? Они намного сильнее меня.

— Может быть, по той причине, о которой ты говорила, Мередит. Никто из них не поймет меня так, как ты.

— Думаю, ты их недооцениваешь. Но что же такого делает Кел, из-за чего они бросают его целыми стадами? Королева — садистка, но ее стражники готовы вползти на ее ложе по битому стеклу. Что же такое делает Кел, что еще хуже?

Я не ожидала ответа, но не могла даже придумать что-нибудь настолько плохое.

Улыбка погасла на лице Шолто.

— Королева однажды это сделала, — сказал он.

— Что именно?

— Заставила одного из нас раздеться и проползти по битому стеклу. С условием, что, если он это сделает и не покажет боли, она ему даст.

Я моргнула. Я слыхала о худшем, да черт побери, я видала худшее. Но мне хотелось знать, кто это был, и потому я спросила:

— Кто это был?

— Мы, стражи, поклялись сохранить это унижение в тайне. Так наша гордость легче это переживет.

Снова в глазах его появилось это потерянное выражение. И снова я задумалась, что же такое сделал Кел, что хуже игр королевы.

— Почему не сделать такое предложение более сильной сид-хе, не входящей в стражу принца? — спросила я.

Он едва заметно улыбнулся.

— При Дворе есть женщины, не входящие в стражу принца. Мередит. Они не дотронулись бы до меня тогда, когда я еще не вступил в стражу. Они боятся принести в мир еще одну извращенную тварь. — Он засмеялся с какой-то дикой интонацией, будто заплакал. Больно было слышать. — Так меня называет королева — "извращенная тварь", иногда попросту "тварь". Через несколько столетий я стану как ее Холод и как ее Мрак. Я буду ее Тварь. — Он снова засмеялся этим болезненным смехом. — Я бы многим рискнул, чтобы это предотвратить.

— Действительно ли ей так нужна поддержка слуга? Так нужна, что она откажется от моей смерти, откажется покарать нас за нарушение ее строжайшего запрета? — Я покачала головой. — Нет, Шолто, она не сможет этого так оставить. Если мы найдем способ обойти табу целомудрия, то и другие попробуют. Как первая трещина в дамбе — она ведет к разрушению.

— Она теряет контроль, Мередит, она уже не держит Двор как раньше. Эти три года не были для нее удачны. Двор раскалывается от ее причуд, а принц Кел становится... — Он будто не находил слов, а потом закончил: — Когда он придет к власти, по сравнению с ним Андаис покажется образцом здравого рассудка. Как Калигула после Тиберия.

— Ты хочешь сказать, что если нам теперешнее состояние кажется плохим, то это мы еще плохого не видели?

Я попыталась сказать это с улыбкой, но не вышло.

Он повернулся ко мне, посмотрел загнанными глазами.

— Королева не может себе позволить потерять поддержку слуга. Поверь мне в этом, Мередит, я не больше тебя хочу оказаться брошенным на милость королевы.

"Милость королевы" вошла у нас в поговорку. Тот, кто чего-то боялся, мог сказать: "Лучше я отдамся на милость королевы, чем это". Означает, что ничего более страшного на свете нет.

— Чего ты хочешь от меня, Шолто?

— Я хочу тебя, — ответил он, глядя прямо мне в глаза.

Я не могла сдержать улыбку.

— Ты хочешь не меня, ты хочешь сидхе в своей постели. Вспомни, что Гриффин меня отверг, потому что для него я была недостаточно сидхе.

— Гриффин был дурак.

Я улыбнулась, и мне вспомнились слова Утера сегодня вечером о том, что Роан — дурак. Если, чтобы меня бросить, надо быть дураком, почему они все это делают? Я посмотрела на него и постаралась ответить так же прямо:

— Я никогда не была с ночным летуном.

— Это считают извращением те, кто ничего извращением не считает. — В голосе Шолто звучала горечь. — Я не ожидал, что у тебя будет опыт общения с нами.

С нами. Интересное местоимение. Если спросить меня, кто я, то я — сидхе, а не человек и не брауни. Я — сидхе, а если копать глубже, то неблагая, к добру или к худу, пусть даже я могла числить за собой кровь обоих Дворов. Но я сказала бы "мы", только имея в виду сидхе Неблагого Двора и ничего другого.

— После того как моя тетушка, наша обожаемая королева, пыталась утопить меня, когда мне было шесть, отец распорядился, чтобы у меня были телохранители-сидхе. Один из них был искалеченный ночной летун Бхатар.

Шолто кивнул:

— Он потерял крыло в последней настоящей битве, которая была у нас на американской земле. Мы способны отращивать заново почти все части тела, так что это была серьезная рана.

— Бхатар оставался ночью в моей спальне. Он никогда не отходил от меня, пока я была ребенком. Отец научил меня играть в шахматы, но это Бхатар научил меня обыгрывать отца.

Я улыбнулась, вспоминая.

— Он до сих пор хорошо о тебе говорит, — сказал Шолто.

Я хотела было спросить, но покачала головой:

— Нет, он бы никогда не предложил тебе это сделать. Никогда бы не рискнул моей безопасностью или твоей. Видишь ли, он о тебе тоже хорошо отзывался, Шолто. Лучший царь, который был у слуга за последние двести лет, — так он говорил.

— Я польщен.

— Ты знаешь, что думает о тебе твой народ. — Я попыталась прочесть выражение его лица. На нем было желание, но оно может очень многое скрывать. — А как же ведьмы, твой гарем?

— А при чем здесь они? — спросил он, но в глазах его что-то мелькнуло, выдававшее ложь.

— Они хотели меня изувечить, чтобы удержать от тебя подальше. Как ты думаешь, что они сделают, если ты действительно со мной ляжешь?

— Я их царь. Они сделают то, что я им прикажу.

Я засмеялась — но не горько, всего лишь иронически.

— Ты — царь фейрийского народа, Шолто, и твои подданные никогда не сделают то, что ты им сказал, или именно то, что ты думал. Все феи, от пикси и до сидхе, свободные создания. Начни принимать их повиновение как данность — и ты в серьезной опасности.

— Как принимает уже тысячу лет наша королева?

Это был только наполовину вопрос, а наполовину — утверждение.

Я кивнула с улыбкой:

— А король Благого Двора — еще дольше.

— Я новый король по сравнению с ними и совсем не так самоуверен.

— Тогда скажи мне честно: что сделают твои ведьмы, если ты их бросишь ради меня?

Он задумался, замолчал надолго, потом поднял на меня серьезные глаза:

— Не знаю.

Я чуть не рассмеялась.

— Ты действительно король-новичок. Никогда не слышала, чтобы кто-нибудь из них признался в невежестве.

— Незнание чего-то не есть невежество. Пренебрежение знанием, которого у тебя нет, может им быть.

— Разумно, а также скромно. Как это ужасно редко у фейри королевской крови! — Я вспомнила, что хотела спросить: — Агнес, которая тебя водила в лес в детстве, твоя няня, это и есть Черная Агнес?

— Да.

Я постаралась не поморщиться.

— И теперь бывшая няня стала твоей любовницей?

— Она не постарела, — ответил он, — а я уже вырос.

— Растить среди бессмертных созданий — это сбивает с толку. Я признаю это, но все равно о тех фейри, что помогали меня растить, я в этом смысле не думаю.

— Как и я о некоторых слугах, но Агнес в их число не входит.

Я хотела спросить почему, но промолчала. Во-первых, это не мое дело. Во-вторых, я могу не понять ответа, даже если он его даст.

— Откуда ты знаешь, что королева Наверное намеревается меня казнить?

Вернемся к важным вопросам.

— Потому что я был послан в Лос-Анджелес тебя убить.

Он произнес это как незначительное замечание — ни эмоций, ни сожаления, только факт.

У меня сердце забилось чуть быстрее, дыхание застряло в горле. Мне пришлось сосредоточиться, чтобы выдохнуть не шумно.

— Если я откажусь с тобой спать, ты исполнишь приговор?

— Я дал клятву, что не причиню тебе вреда. Я сдержу ее.

— Ты ради меня пойдешь против королевы?

— Те же причины, которые сохранят нам жизнь, если мы ляжем вместе, защитят меня в случае, если я оставлю тебя в живых. Ей мои слуга нужны больше, чем ее месть.

Он был очень в этом уверен. Уверен в том, в чем был уверен, и не уверен ни в чем другом. Как и большинство из нас, если мы честны. Я посмотрела на сильное лицо, на чуть широковатую на мой взгляд челюсть, на скулы, чуть слишком резко вылепленные. Мне

нравились мужчины более мягкого вида, но он был, несомненно, красив. Волосы совершенно белые, густые и прямые, связаны сзади свободным узлом. Они падали до колен, как у старших сидхе, хотя Шол-то всего только лет двести, плюс-минус сколько-то. Плечи широкие, грудь колесом под белой застегнутой на пуговицы рубашкой. И рубашка совершенно гладкая, я даже подумала, не пользуется ли он гламором, чтобы она так выглядела, потому что я знала: под ней совсем не гладко.

— Предложение неожиданное, Шолто. Я бы хотела его обдумать немного, если можно.

— До завтрашнего вечера, — сказал он.

Я кивнула и встала. Он тоже встал. Я обнаружила, что таращусь на его грудь и живот, пытаюсь увидеть движение, которое заметила там, на улице. Ничего не было видно, он гламором это прятал.

— Не знаю, смогу ли я, — сказала я.

— В чем дело? — спросил он.

Я показала на него.

— Однажды я тебя видела без рубашки, когда была намного моложе. Это зрелище... оно осталось со мной.

Он побледнел, глаза его стали твердыми. Он ставил стену на место.

— Понимаю. Мысль прикоснуться ко мне путает тебя, Мередит. Понимаю. — Он глубоко вздохнул. — Что ж, очень было приятно тешиться этой мыслью.

Он отвернулся прочь, подобрал свое длинное пальто со стула, где его оставил. Тяжелый шейф волос лег белой пушистой полосой на его тело.

— Шолто! — позвала я.

Он не обернулся, только перекинул волосы вперед через плечо, надевая пальто.

— Я не сказала "нет", Шолто.

Тогда он обернулся. Лицо его осталось закрытым, тщательно закрытым, все эмоции, которые я так старалась вызвать, ушли в глубину.

— А что же ты сказала?

— Я сказала, что сегодня секса не будет. Но я не могу сказать "да, я буду с тобой", пока не увижу все.

— Все? — Он будто не понял.

— А кто теперь строит девочку? — спросила я.

Я видела, как до него доходит моя мысль. Непонятная улыбка заиграла у него на губах.

— Ты хочешь видеть меня голым?

— Не всего. — Я не могла сдержать улыбку, глядя на выражение его лица. — Но, если можно, сверху до бедер. Я должна увидеть, что я почувствую при виде твоих... излишеств.

Он улыбнулся с легким теплым оттенком неуверенности. Это была настоящая улыбка — смесь очарования и страха.

— Так вежливо их еще никто не называл.

— Если я не могу быть с тобой в радости и общем наслаждении, то твоя мечта о том, чтобы слить свое сияние с другим, разлетится в прах. Сидхе не может сиять ради того, что есть долг, а не радость.

— Понимаю, — кивнул он.

— Надеюсь. Потому что мне надо не только увидеть. Мне надо прикоснуться и ощутить твое прикосновение, чтобы понять... — Я развела руками. — Понять, смогу ли я.

— Но сегодня секса не будет?

Так близко к игривому его голос еще не звучал.

— Ты мечтаешь о плоти сидхе, но никогда не испытал этого. Я испытала и уже три, почти четыре года обхожусь без нее. И тоскую, Шолто. Как бы ни было это странно или извращенно, мне этого не хватает. Если я соглашусь на это, я обрету любовника-сидхе — и свой дом. Не говоря уже о том, что освобожусь от смертного приговора. Ты не хуже смерти, Шолто.

— Некоторые с этим не согласны.

Он сказал это как бы в шутку, но глаза его были серьезны.

— Вот почему я должна видеть, с чем мне придется иметь дело.

— Стоит ли мне поднимать вопрос о любви, или это слишком наивно было бы для короля и принцессы?

Я улыбнулась, но на этот раз грустно.

— Я уже пробовала любовь; она меня предала.

— Гриффин — ничтожество, Мередит. Он не стоит такой глубины чувств и, уж конечно, не может сам ответить той же глубиной.

— В конце концов я в этом убедилась. Любовь прекрасна, пока она длится, Шолто, но она не длится вечно.

Мы переглянулись. Интересно, были ли в моих глазах те же усталость и сожаление, что я прочла в его взгляде?

— Мне полагается сейчас с тобой поспорить и начать доказывать, что бывает любовь вечная?

— А ты настроен это делать?

Он улыбнулся и покачал головой:

— Нет.

Я протянула к нему руку.

— Не надо лжи, Шолто, даже красивой. — Его очень теплая ладонь обернулась вокруг моей. — Давай я отведу тебя к кровати и посмотрю, о чем мы договариваемся.

Он дал мне повести себя вперед.

— А я увижу, о чем договариваюсь я?

Я посмотрела ему в лицо:

— Если хочешь.

Взгляд, которым он ответил мне, не был взглядом сидхе, человека или слуга. Это был просто взгляд мужчины.

— Хочу.

Я отпустила его руку, взбираясь на кровать — спиной вперед, чтобы его лицо было видно. Пистолет я достала из-за спины и сунула под подушку, потом легла посередине кровати, опираясь на локти. Шолто стоял возле кровати и смотрел на меня. Странная полуулыбка играла у него на лице. А взгляд был неуверенным — не то чтобы несчастным, а именно неуверенным.

— Ты жуть до чего довольна, — сказал он.

— А что плохого в том, чтобы впервые увидеть голым красивого мужчину?

Улыбка его погасла.

— Красивого? Никто из тех, кто знает, что у меня под рубашкой, так меня не называл.

Я предпочла, чтобы за меня ответил мой взгляд. Я смотрела на его лицо, глаза, на резной, почти совершенный нос, линию губ. Все остальное тело выглядело чудесно, но я знала, что хотя бы часть того, на что я смотрю, улучшена магией. Я только не знала, сколько она занимает, эта часть. Но я удерживала взгляд на деталях, в реальности которых не сомневалась, — идеальная линия бедра, сильные мускулистые ноги. Пока я не видела его без штанов, я не могла точно сказать, что там за бугор, так что это я пропустила в уме, точно так же, как взглядом. Королева была права: жалость какая, он действительно великолепен.

— Я представлял себе, как женщина сидит вот так меня разглядывает.

По-прежнему у него был мрачный вид.

— Вот так — это как? — Я постаралась, чтобы вопрос прозвучал тихо, сексуально, дразняще.

Он не смог скрыть улыбки:

— Как будто я съедобен.

Я улыбнулась и вложила в эту улыбку все, что хотела, что надо было.

— Съедобен? Раскрой пальто и рубашку, и мы, быть может, вернемся к этой теме.

— Сегодня секса не будет, — напомнил он.

— А что, если просто обойдется без оргазма?

Он рассмеялся, запрокинув голову, — радостно, громко. Посмотрел на меня сияющими глазами, и не магия в них блестела, а просто смех. Он будто помолодел, стал свободнее. Я подумала, что с этими белыми волосами и кожей, с этими золотыми глазами он был бы желанным при Благое Дворе. Если бы он мог никогда не снимать рубашку, там бы никто даже не заподозрил.

Веселье его чуть увяло.

— Теперь у тебя серьезный вид, — сказал он.

— Я просто подумала, что внешне ты куда лучше подходишь для Благое Двора, чем я.

Он наморщил лоб:

— Ты насчет кроваво-каштановых волос?

— И моей низкорослости, и грудях слишком полных для сидхе.

Он ухмыльнулся.

— Наверняка только женщины заметили эту излишнюю полноту. Ни одному мужчине такое в голову не придет.

Я улыбнулась:

— Ты прав. Моя мать, тетка, двоюродные сестры.

— Они просто завидуют.

— Хотелось бы так думать.

Он спустил серое пальто на пол, потом расстегнул пуговицу манжеты. При этом он смотрел мне в лицо. Расстегнул другой рукав и потянулся к первой пуговице рубашки, ко второй, раскрывая ткань и обнажая треугольник белой блестящей кожи. Третья пуговица — и первая выпуклость грудной мышцы показалась снаружи. Пальцы его перешли к четвертой пуговице, но он не расстегнул ее.

— Я попросил бы поцелуя, пока ты еще не видела.

Я хотела спросить почему, но поняла. Он боялся, что, когда я увижу все, поцелуя уже не будет.

Я подползла по кровати к нему. Шолто положил руки на постель и встал на колени, опустился так, что подбородок почти касался кровати, руки плоско лежат на покрывале.

Я стояла над ним на четвереньках. Он поднял ко мне глаза, и я опустила лицо к нему вроде как в положении для отжимания. И дала ему этот поцелуй. Легкое касание губ — и Шолто начал отодвигаться. Я ласково тронула его за лицо:

— Нет еще.

Шолто был прав: увидев его "излишества", я могла уже не дать второго поцелуя. Если это будет единственное в его жизни прикосновение рук сидхе, пусть оно запомнится. Поцелуй не может заменить никогда не испытанное прикосновение плоти сидхе, но это все, что я могла предложить. Он по-своему был так же одинок, как Утер.

Шолто положил подбородок на кровать, поднял глаза, глядя на меня. Он терпеливо меня ждал, абсолютно пассивный, ждал, чтобы я сделала то, что хочу сделать. В этот миг я получила ответ на еще один вопрос. Если я свяжу себя с кем-то на всю жизнь, то у нас должно быть больше общего, чем просто сидхейская кровь. Он должен разделять мою любовь к боли.

Я растянулась на кровати так, что наши лица оказались на одном уровне.

— Приоткрой рот чуть-чуть, — попросила я.

Он послушался без вопросов. Мне это понравилось.

Я поцеловала его в верхнюю губу, нежно, ласково. Языком я открыла его губы чуть пошире, губами и языком стала исследовать его рот. Поначалу он был совершенно пассивен, позволял мне делать с собой, что хочу, потом начал отвечать на поцелуй. Он целовал меня медленно, почти нерешительно, будто это был у него первый раз, хотя я знала, что это не так. Потам его рот прижался ко мне сильнее, требовательнее.

Я прикусила ему нижнюю губу — ласково, но твердо. Он издал тихий горловой звук, поднялся на колени, увлекая меня за собой, руками держа мои руки. Его поцелуй сминал мне губы. Он был крепок, этот поцелуй, почти до боли, и мне пришлось открыть рот пошире, пропуская в себя его губы, язык, его рот, так глубоко, как только он мог проникнуть, ощущая и присасываясь, иначе остались бы синяки.

Он прижал меня к кровати, и я не сопротивлялась, но я заметила, что свое тело он держит над моим, так, чтобы только рты соприкасались. Я оторвалась от поцелуя чуть-чуть, чтобы взглянуть вниз по дрожащей линии его тела. Ощущение было такое, будто он всей тяжестью уже придавил меня, по всей длине. Его аура, его магия были вещественны, будто второе тело, выходящее из него. От давления силы перехватило дыхание, заставило забиться пульс. Его магия притягивала кровь моего тела, как магнит притягивает металл.

Даже с Роаном, покрытым Слезами Бранвэйн, так не было. Было чудесно, но не так.

Сейчас было именно то, чего я хотела, жаждала, в чем я нуждалась. Шолто посмотрел на меня с легким удивлением на лице.

— Что это?

Я поняла, что он ощущает мою силу, как я его. Я могла бы просто сказать: "магия", но в последний раз, когда я была с другим сидхе, это был Гриффин, и он мне объяснил, что моя сила — это низшее сияние, мелочь. Тогда я поверила ему, сейчас не верила. Надо было спросить, потому что, быть может, мне никогда уже не придется быть с другим сидхе. И не разрешатся сомнения, которые Гриффин оставил у меня в сознании.

— Как это ощущается? — спросила я.

— Тепло. Как будто жар исходит из твоего тела и прижимается ко мне.

Он упирался одной рукой, а другой гладил между нами воздух, будто нечто, имеющее форму, вес. Ощущение его поглаживающей руки вдоль моей ауры заставило меня закрыть глаза, и тело мое задрожало под этим не-прикосновением.

Он протолкнул руку сквозь эту энергию, и даже с закрытыми глазами я знала, где сейчас его рука.

— Он облепляет мне руку, будто я вложил ее в чашу с чем-то что присасывается, когда в нее сунешься, — сказал Шолто с придыханием, наполненный удивлением, отразившимся у него на лице.

Я ощутила, как его рука пробивается через энергию, будто тело мое находится под водой и его рука несет с собой прохладный воздух. Она не дотронулась до меня, она пробилась мои щиты, втолкнула в меня его магию. У меня открылись глаза, перехватило дыхание. Рефлекторно я выплеснула свою силу — накрыть, как накрываешь рукой рану.

Тело его дернулось, коснувшись моей магии. Он посмотрел на меня, полураскрыв губы, пульс его бился пойманной птицей под тонкой кожей горла.

— Я понятия не имел, чего я не ведал.

Я кивнула, глядя на него, распростертая на кровати, и его рука трепещущей тяжестью лежала у меня на ребрах.

— Это только начало, — сказала я хриплым шепотом.

Я не старалась, чтобы это звучало сексуально, просто голос изменил мне. В этот момент я не могла думать ни о каком уродстве, которое помешало бы мне сказать "да".

Я потянулась к его рубашке. Он убрал руку, оперся на обе, чтобы я могла достать до пуговицы. Я растегнула следующую пуговицу, ничего оттуда не выскочило. Я растегнула еще одну. Сила парила, как жар от мостовой.

— Убери все иллюзии, Шолто, дай мне видеть.

Он тихо прошептал:

— Я боюсь.

Я уставилась на него:

— Ты действительно думаешь, что я упущу такой шанс? Я хочу вернуться из изгнания, Шолто. Я устала притворяться, приспособливаться. Я хочу все вернуть. — Я погладила его шею, и наши силы, смешавшись, потекли за моей рукой невидимой вуалью. — Плоть сидхе, радость, равная моей, — войти в полые холмы и быть там желанной. Я хочу домой, Шолто. Убери свой гламор и дай мне увидеть, как ты выглядишь.

Он сделал то, что я просила. Щупальца вылились из рубашки, и на ум пришли аналогии вроде гнезда змей или вывалившихся кишок. Я застыла, и на этот раз дыхание у меня в груди замерло не от страсти.

Шолто тут же подался назад, встал, повернулся так, чтобы я не видела. Моя реакция отсекла кипящую между нами магию — точнее, его реакция на мою реакцию. Рука его стала всего лишь рукой под моей ладонью, живой и теплой, но не более.

Я схватилась за нее обеими руками. Я пыталась повернуть его к себе, но он уперся. Я встала на колени, не отпуская его руки, но потянулась к его телу, к дальнему краю рубашки. Ничто не коснулось меня при этом, а коснуться должно было многое. Он вернул гламор на место. Я не ощущала того, что там было на самом деле.

Я с усилием повернула его к себе. Рубашка была расстегнута до середины живота. Грудь и живот белели, мускулистые, гладкие, идеальные. Я расстегнула еще одну пуговицу, и живот показался, похожий на бульжную мостовую, как на рекламе массажного масла. Шолто дал мне расстегнуть рубашку и вытащить ее до ремня, но на меня не смотрел.

— Я полагаю, что, если ты решил спрятаться за гламором, он вполне может быть красивым.

Он не смотрел на меня, и вид у него был сердитый.

— Если бы таков был мой настоящий вид, ты бы не отвернулась.

— Если бы таков был твой настоящий вид, ты никогда не стал бы королем Воинства.

Что-то мелькнуло у него в глазах, чего я не поняла, но все лучше, чем гнев, окрашенный горечью.

— Я мог бы быть придворным сидхе.

— Разве что лордом — кровь твоей матери недостаточно хороша для чего-нибудь большего.

— Я и так лорд.

Я кивнула:

— Да, своей силой и своей заслугой. Королева не могла бы отпустить такую силу прочь от нашего Двора без титула.

Он улыбнулся, но горько, и гнев снова стал заполнять его глаза.

— Ты хочешь сказать, что лучше править в аду, нежели служить на небесах?

Я покачала головой:

— Совсем нет. Я хочу сказать, что ты и так имеешь все, что могла тебе дать кровь твоей матери, и при этом ты царь.

Он посмотрел на меня — опять его лицо стало надменной маской. Я такую слишком часто при Дворе видала.

— Кровь моей матери не может дать мне тебя.

— Я пока что тебя не отвергла.

— Я видел твое лицо, ощутил нежелание твоего тела. Тебе не обязательно произносить это вслух.

Я стала вытаскивать его рубашку из штанов. Он перехватил мою руку:

— Не надо.

— Если ты уйдешь сейчас, все будет кончено. Сбрось свои иллюзии, Шолто, дай мне посмотреть.

— Я это уже делал.

Он выдернул рубашку у меня из рук так резко, что потянул меня с кровати, когда отодвинулся.

— Было бы отлично, если бы я могла принять тебя, не дрогнув. Прости, что не получилось, но не лишай девушку шанса. Первый взгляд слишком меня... ошарашил.

Он покачал головой:

— Ты права, я царь слуга. Я не буду унижен.

Я села на край кровати и посмотрела на него. Он выглядел безупречно, хотя слегка угрюмо. Но это было не настоящее, а я последние годы провела скрываясь, прикидываясь. Фальшь, как бы красива она ни была, может сильно устареть. Хотя Неблагодой Двор его отверг, никто не воплощал его так точно, как Шолто. Сочетание невероятной красоты и невозможного ужаса, не бок о бок, а в переплетении. Одно без другого существовать не может. Шолто был по-своему идеальным сочетанием всего, что представлял собой Двор, и они его отвергли, опасаясь, что он есть совершенное воплощение неблагодой сидхе. Вряд ли они это так четко формулировали, таким количеством слов, но именно это их в Шолто пугало: не то, что он чужой, а то, что он *не* чужой.

— Я не могу дать слово, что не отвернусь во второй раз, но даю слово, что попытаюсь это сделать.

Он посмотрел на меня сквозь надменность как сквозь прозрачный щит.

— Этого мало.

— Это все, что я могу предложить. Неужто страх отказа действительно стоит того, чтобы так легко отказаться от первого прикосновения плоти сидхе?

В глазах Шолто мигнуло сомнение.

— Если тебе этого... не вынести, — что-то в этой фразе его позабавило, но не развеселило, — то я могу призвать гламор, и тогда...

Я закончила за него фразу:

— Да, тогда мы сможем.

Он кивнул:

— Это самые близкие к мольбе слова, произнесенные мною за всю жизнь.

— Твое счастье, — засмеялась я.

Он посмотрел недоуменно, и почти облегчением было видеть, как истинное лицо Шолто проглянуло из-под этой тщательной маски.

— Я не понял.

— У тебя достаточно сильная магия, чтобы тебе не приходилось просить. — Теперь горечь звучала в моем голосе. Я стряхнула ее с себя, буквально стряхнула, мотнув головой, отчего волосы рассыпались по лицу, и протянула к нему руки: — Иди сюда.

На его лице выразилось недоверие. Его можно было понять, но мне надоело эмоционально держать его за ручку. Я не хотела его ранить, но не была уверена, что хочу связать себя с ним навеки. Дело было не в щупальцах — в тяжелых эмоциях, которые так его мотали туда-сюда. С таким партнером очень тяжело будет общаться, когда дело касается его чувств. Такие мужчины настолько выматывают душу, что обычно я их избегаю, но Шолто мог предложить мне то, что никто другой не мог бы. Он мог бы вернуть мне мой дом, а ради этого я готова какое-то время перелопачивать эмоциональное дерьмо. Но если честно, это меня останавливало куда больше, чем его излишества.

— Сними рубашку и иди сюда или не снимай и не иди. Тебе выбирать.

— Ты стала нетерпелива, — заметил он.

Я пожала плечами:

— Есть немножко.

И потянула его к себе.

Он сбросил рубашку с плеч на пол. Буря эмоций исказила его лицо, наконец победил

вызов. Меня устраивает, потому что я знала: выражение его лица сейчас не выдает его истинных чувств. Он будет в маске, пока не уверится, что я его приняла.

И он сбросил гламор.

Я пыталась смотреть на него всего, когда он шел ко мне, но оставила эту затею и вытаращилась. Щупальца так же светились белым сиянием, как все его тело. Самые толстые едва заметно отливали мрамором, и я знала от Бхатара, что это — мышечные руки, щупальца для тяжелой работы. Были и более тонкие и длинные щупальца, расположенные группами вокруг ребер и сверху живота. Это были пальцы, но в сотни раз чувствительнее, чем пальцы сидхе. И еще прямо над пупком располагалась бахрома коротких щупальцев с чуть более темными кончиками. Они-то и заставили меня задуматься: то, что у него в штанах, как у сидхе или нет?

Я сидела на кровати и таращилась, пока он не оказался передо мной. Лицо он отвернул в сторону, руки сцепил за спиной, будто боялся взглянуть на меня или коснуться. Я протянула руку и тронула одно из мускулистых щупальцев. Оно отдернулось от прикосновения. Я погладила его и ощутила взгляд Шолто прежде, чем подняла на него глаза.

Я снова погладила кожу щупальца.

— Эти для тяжелой работы: поднимать или ловить добычу и пленников.

Я провела пальцем внизу щупальца, ощутив легкое изменение текстуры. Оно не было неприятным на ощупь, но было грубее человеческой кожи, почти резиновое, как кожа дельфина.

— Наверное, тебе Бхатар говорил.

Голос его прозвучал зло.

— Да.

Я схватила его за основание щупальца, там, где оно уходило в тело, и бережно, но уверенно развернула его. Оно обернулось вокруг моей руки, отодвигая от тела.

— Не надо, — сказал он.

— Это неприятно? — удивилась я.

Он посмотрел на меня злобно, испуганно:

— Откуда ты знаешь, что приятно ночному летуну?

— Я спрашивала.

Он удивился, и я смогла высвободить руку. Потом коснулась группы более тонких щупальцев. Они съежились, как морской анемон на коралле под прикосновением ныряльщика.

— Бхатар этими пальцами умел делать самую тонкую вышивку.

Я опустила руку ниже, почти прикасаясь к последней видимой линии щупальцев.

— А эти очень чувствительные, их можно использовать для тончайших работ на ощупь, но на самом деле это вторичные половые органы.

Он был поражен.

— Обычно мы этого не сообщаем чужим.

— Я знаю, — улыбнулась я. — Бхатар, бывало, гладил ими проходящих в гости дам. Дамы зачастую боялись его прогнать, чтобы не обидеть его и не оскорбить моего отца. Когда я вернулась ко Двору, то заметила, что представители Воинства иногда гладят не-слуа нижними щупальцами. Это вроде как шутка для своих, когда вы насмехаетесь над нами. Лапаете нас аналогами грудей, а нам невдомек.

— Но ты знаешь, — заметил он.

— Я люблю хорошие шутки для своих, когда шутят не надо мной.

Я долгим плавным движением провела по нижней линии органов.

Он испустил глубокий вздох, глаза его остались настороженными, готовыми к отпору. Я его отлично понимала. У меня самой милостью Божества хватает смещения генов от моих предков.

Я тронула их осторожно, и они стали переплетаться с моими пальцами. Концы были слегка цепкие — не так сильно, как верхние, но в каждом щупальце было небольшое углубление. Я погладила одну такую ямку пальцем, и Шолто вздрогнул.

— Я так понимаю, что у этих отдельная функция на случай, когда ты бываешь с ночной летуньей?

Он молча кивнул.

— А что они могут сделать для меня?

Этот вопрос я задала по нескольким причинам. Во-первых, из любопытства. Во-вторых, я должна была знать, вынесу ли я их интимное прикосновение. Я их касалась почти отстраненно, научно-исследовательски. Производишь воздействие икс, наблюдаешь реакцию игрек. Такое отстранение позволило мне до него дотронуться, но через секс оно меня не проведет.

Он потянулся вниз руками, но при этом масса толстых щупальцев прижалась мне к лицу. Я инстинктивно отдернулась, и Шолто тут же выпрямился. Может быть, он бы снова отступил, но я захватила в горсть нижние щупальца. От этого он застыл, и дыхание застряло у него в груди. Реакция похожая на то, как если взять мужчину за член, когда он этого не ожидает.

Он опустил руки и выдернул мою блузку из брюк. Это движение снова прижало его мускулистые конечности к моему лицу. На этот раз я не отдернулась, но пришлось сделать над собой усилие.

Он стянул с меня блузку через голову и бросил на пол. Готовность к отпору сменилась в его глазах чем-то другим, более темным и более искренним. Он двумя мышечными щупальцами осторожно отодвинул мои руки от нижних органов. Потом длинные тонкие щупальца выросли, стали длиннее и тоньше, будто лепилась глина. Кончики стали ласкать холмы моих грудей быстрыми дразнящими движениями. Я и дернулась, и ахнула.

Кончики полезли мне в лифчик, будто змеи поползли по коже. Я почти готова была сказать "нет", "не могу", но тут эти покрасневшие кончики добрались до моих сосков, и я поняла, чему служат эти нижние углубления. Там были присоски, а прикосновение было умелым. Соски у меня стали твердыми под этим сосущим, сжимающим ощущением.

Второй орган спустился по моему животу и стал играть, подергивая верх штанов. Он спрашивал, не спрашивая. Я осторожно оттолкнула его.

— Нет, пожалуйста, достаточно.

Он отодвинулся от меня, но на этот раз чувства его не были задеты. Выражение его лица было почти — не совсем, но почти, — торжествующим.

— Выражение твоего лица прямо сейчас — оно одно для меня дорогого стоит.

Я попыталась перевести бурное дыхание и подумать.

— Рада слышать, но есть еще одна вещь, которую я должна проверить, чтобы уже не сомневаться.

Он посмотрел на меня.

— Расстегни, пожалуйста, ремень.

Два раза его просить не пришлось. Ремень он расстегнул, но штаны оставил застегнутыми. Мне понравилось, что он сделал ровно то, что я попросила, — не больше и не меньше.

Я расстегнула на нем штаны, обнажив исподнее. Выпуклость в них была прямой и твердой и выглядела очень... по-человечески. Но после того, что я видела, мне нужно было знать точно. Осторожно опустив белье ниже этой выпуклости, я впервые увидела наготу Шолто.

Он был именно так прям и безупречен, как обещало его лицо, — подобен алебастровой резной скульптуре. Я обхватила его ладонью, и Шолто вскрикнул.

Я не заводила его, я хотела кое-что посмотреть. У Бхатара был шип внутри пениса длиной почти с мою ладонь. Такого не переживет ни одна человеческая женщина. Только слуга королевской крови обладали таким хребтом, и это означало, что они — фертильные самцы: без этой кости у самок не наступала овуляция в момент секса.

Шолто глядел на меня полными огня глазами.

— Способность мужчины себя контролировать не бесконечна.

— Вот почему я пока что в штанах. — Он в моих руках был как толстый мускулистый бархат, но никаких мерзких сюрпризов в нем не было. — Твой отец не был королевской крови?

— Ты ищешь хребет, — сказал он хрипло и тихо.

— Да.

— Мой отец не был королевским трутнем.

Эти рассудочные слова он произнес голосом, который с каждым прикосновением звучал все менее и менее рассудочно.

— Как же ты тогда стал царем? — спросила я спокойным голосом.

Возбуждение у меня прошло, как только щупальца перестали меня касаться. Оно прошло, потому что меня не заводил его внешний вид. Прости меня Господь и Госпожа, но я эти излишества воспринимала как уродство.

— Царь слуга — не наследственный титул. Его надо заработать.

— Заработать, — повторила я. — Как?

Он мотнул головой:

— Мне сейчас трудно думать.

— Интересно, с чего бы это.

Я сказала это, будто поддразнивала, хотя мне и не хотелось. Мне хотелось бы, чтобы хотелось. Я могла бы воспринять его понемногу. Может быть, если бы щупальцев было одно-два, а не больше десятка. Мысль прижаться к нему обнаженным телом заставила меня передернуться.

Шолто ошибочно истолковал мою реакцию, и одно из мышечных щупальцев погладило меня по волосам — как сделал бы это рукой другой мужчина. Я закрыла глаза, подняла лицо навстречу ласке и попыталась насладиться ею, но не смогла. Может быть, смогла бы на одну ночь, но ночь за ночью? Нет, не смогу.

Я опустила лицо, и щупальце убралось. Я держала в руках его, твердый и прекрасный, как ни у одного мужчины, с которым мне довелось быть, и вот из-за того, что выше, я не могу доставить себе желанное удовольствие.

Шолто смотрел на меня с ожиданием, будто я уже сказала "да". Самым логичным было бы встать, поцеловать его и откланяться, но если я его поцелую, масса щупальцев обернется

вокруг меня, и Шолто узнает мои истинные чувства. Я не хотела, чтобы он увидел, как я шарахнусь в ужасе. Наверное, мне хотелось, чтобы его последнее касание сидхейской плоти оставило приятное воспоминание, а не унижительное. А если я не могу выдержать его тело сверху — что ж, остается то, что снизу.

Я слезла с кровати, встала перед ним на колени. Это движение заставило его сделать шаг от кровати, а мое лицо оказалось на уровне твердого шелковистого выступа. Он хотел что-то сказать, но я оборвала его слова, взяв его в рот. Руки я завела ему назад, ухватив ладонями ягодицы, погрузив ногти в кожу.

Он вскрикнул, тело его чуть подалось вперед, навстречу моему рту. Обычно я люблю смотреть вдоль тела мужчины, чтобы видеть реакцию, но не сейчас. Сейчас мне не хотелось видеть. Я ела его, всасывала, работала языком, ртом, губами и чуть-чуть — зубами.

Он задыхался тяжело и часто, и это дыхание сказало мне, что мне скоро придется либо перестать, либо нарушить табу королевы. И сила тоже вернулась, как сплошной гул энергии возле моего тела, и там, где я касалась его, сила билась, во рту он будто вибрировал, и я вдруг почувствовала, как это было бы, если бы эта теплая мощная штука очутилась у меня между ног. Ощущение было такое сильное, что мне пришлось отстраниться. Я открыла глаза и увидела, что его кожа побелела, стала почти прозрачной от силы.

Я медленно подняла глаза — каждый дюйм его тела переливался сиянием. Концы малых щупальцев горели красными углями, а те, что повыше, переливались жилками мрамора, будто цветные молнии гуляли под кожей. Игра приглушенного красного, чуть приправленного фиолетовым, золотые полосы, как круги в его глазах, пульсировали на фоне белейшего света кожи, и это было красиво.

Я смотрела на него снизу вверх и видела теперь его красоту. Он был таким, каким должен был быть, — созданием, вырезанным из света, заполненный игрой цвета и магии. Сила поднималась от него, лаская кожу, заставляя трепетать мое тело, обнимала меня невидимым живым одеялом шелка. Я хотела шагнуть в нее, ощутить, как она обертывает меня.

— Распусти волосы.

Голос мой прозвучал незнакомо, будто говорил кто-то другой.

Шолто расстегнул держащую волосы петлю и встряхнул ими, распуская по телу. Они упали ниже колен и засверкали свежим снегом. Я схватила их двумя горстями и осторожно потянула. Очень давно не было такого, чтобы волосы каскадом упали на меня — будто я держала живой тяжелый атлас. Я стянула вниз лифчик, и груди вышли на волю, а я потерлась ими о волосы. От одного этого прикосновения меня бросило в дрожь — на этот раз от страсти.

Я посмотрела на него, не поднимаясь с колен.

— Как ты думаешь, сможем ли мы удержаться, если ты этими прекрасными волосами погладишь мое обнаженное тело?

Все цвета его глаз горели, кольца будто вихрились, как в глазу урагана. Жар в его лице сменился смехом.

— Мне солгать и сказать "да"?

Я подняла руку, ставшую почти прозрачной от сияния, чтобы погладить его тело.

— Да, солги мне, если это позволит нам не прекращать.

— Опасные речи, — сказал он тихо.

— Опасные времена. — И я лизнула его, заставив его тело среагировать от ног до плеч,

голову запрокинуться, а дыхание — стать частым и резким.

— Мередит! — сказал он голосом, который мужчины берегут только для самых интимных ситуаций. От этого голоса у меня тело напряглось там, где он не видел, тем более не касался.

С треском разлетающегося дерева распахнулась дверь, и клубы силы ударили в нас гигантской рукой. Шолто пошатнулся, но не упал, а я села на задницу на пол, выглядывая из-за его ног. Темная фигура ворвалась вихрем, и Шолто полетел через кровать куда-то на пол.

На миг Нерис Серая застыла в дверях и снова туманной тенью бросилась ко мне. Я бросилась к кровати, к лежащему под подушкой пистолету, уже зная, что не успею.

Мне пришлось повернуться к ведьме спиной, чтобы иметь хотя бы шанс дотянуться до оружия. Я подставила ей спину, рука у меня была под подушкой, и по моей голой спине полоснули когти. Я вскрикнула, все еще пытаюсь достать пистолет. Клешни рук схватили меня выше локтей и швырнули на пол. Я ударилась с размаху, безоружная, и Нерис навалилась на меня раньше, чем я успела перевести дух.

Я стала отбиваться ногами, и она полоснула их сквозь штаны. Я все пыталась отпихнуть ее и встать, но она не давала мне такой возможности. Она нападала, полосую воздух, мои слаксы, тело под ними, пока я не доползла до стены, а дальше было некуда.

— Он наш! Наш! Наш! — визжала она, сопровождая каждое слово ударом когтей. Я выставила руки перед телом, но она готова была содрать с них кожу с мясом, а помешать ей я не могла.

Я думала, что сияние исчезнет под волной ужаса и боли, но продолжала светиться. Кровь хлестала из рук потоками сверкающей алости, будто светилась собственным светом. Я ощутила силу, будто теплый кулак набухал в моем теле, расширялся наружу, но не похоже ни на какую магию, известную мне до того. Сила заполыхала во мне, и тело засверкало так ярко, что ведьма остановилась в нерешительности.

Потом она заорала:

— Я шкуру с тебя сожру, и не будешь ты сверкать!

Она полоснула меня по рукам, я вскрикнула — и увидела, как черная когтистая лапа взметнулась к моему лицу, к глазам.

Я толкнула ее рукой в костлявое тело, меж обвисших грудей и сила потекла по руке, хлынула из пальцев. Я почувствовала как она врезалась в ведьму. Та бросила меня полосовать, упала на колени и застыла. Сила, текущая через меня, была болезненной, будто все клеточки моего тела запылали разом. Я закричала и попыталась остановить ее, но боль росла и росла, пока образ Нерис в моих глазах не посерел и не покрылся пятнами. Я была готова потерять сознание от боли, а тогда Нерис меня убьет.

Тело будто резали на части раскаленными докрасна ножами. Наконец ко мне вернулся голос, и я снова закричала — и Нерис вместе со мной. Она рванулась от меня, поползла к кровати. Нерис глядела на меня дикими глазами, лицо исказила гримаса неверия и боли. Кожа у нее начала... начала течь — другого слова не подберу. Кожа ее потекла, как густая вода, переливаясь через руку, как перчатка.

— Нет, нет! — кричала Нерис.

Тело ее стало складываться, кости вылезали из суставов, мышцы всплывали, как бревна в реке. Кровь полилась на ковер, потом хлынули едкой волной более темные, густые жидкости. Я видела, как сердце всплыло к поверхности тела и низкой пойманных рыб потянуло за собой другие внутренние органы. Она кричала долго, и даже когда превратилась в большой круглый ком плоти, слышны еще были эти крики — приглушенные, далекие, но живые. Нерис была бессмертной, и то, что ее вывернуло наизнанку, этого не отменяло.

Боль стала тише — как в ампутированной конечности, которая продолжает болеть. Я видела, как такие вещи делал мой отец. Это была одна из его рук силы, которая заслужила ему титул Принца Пламени и Плоти.

Я поползла к двери, глядя на этот пульсирующий, шевелящийся ком, который я сделала.

Огибая конец кровати, я увидела Черную Агнес, сидящую верхом на Шолто. Она этот сияющий кусок его плоти затолкала в унылую черноту своего тела. Он отбивался, но она прижала его руки к полу. Среди фейри есть создания, физически сильнее сидхе. В частности, ведьмы.

Я пробиравась к разбитой двери и слышала за собой голос Агнес:

— Нерис, прикончи белую суку!

Последнее, что я слышала, был неуверенный жалобный оклик:

— Нерис?

Я добралась до лифтов раньше, чем начался новый сеанс воплей. Если Черная Агнес хотела моей смерти, то, увидев, что я сделала с ее сестрой, вряд ли передумает.

Поездка до вестибюля показалась невыносимо долгой. Меня тряс озноб. Руки кровоточили, их терзала боль, которая бывает только от порезов, но хуже всего пришлось левой. Из разреза на предплечье блестела кость. Текла непрерывным потоком кровь, ручейком стекая с локтя на пол лифта. Слаксы почти побагровели от крови.

Вообще-то ран хватило бы на шок, но я не думаю, что в нем было дело. Это была магия. Я сделала нечто такое, что могло быть только рукой силы. Нечто такое, что мог бы сделать мой отец. Это была самая страшная сила. Такая, что даже он всегда применял ее с сожалением, потому что жертвы не умирали. Нерис не умрет. Она останется в тюрьме собственной плоти и жидкостей вечно. Слепая, лишенная возможности есть или дышать, но бессмертная. Бессмертная.

У меня в горле поднимался крик, и я знала, что если он вырвется, то я так и буду кричать, пока Агнес не найдет меня и не вырвет мне глаза. Блузку, жакет и пистолет я оставила в комнате. Мне нечем было даже перевязать раны, Только лифчик я поправила, чтобы прикрыть груди.

Двери лифта открылись, и одна пара почти уже вошла, как вдруг увидела меня. Лица этих людей перекошились страхом, они отшатнулись, и двери закрылись. Я забыла поставить гламор — в таком виде нельзя идти через вестибюль.

Личный гламор — это заклинание, которым я лучше всего владею, но мне стоило колоссальных трудов, таких, как никогда раньше, набросить на себя вуаль. Лучшее, что я смогла, — это сделать так, чтобы люди не замечали моих ран и не видели, что сверху на мне только лифчик. Сосредоточиться на изменении внешности мне не удалось. Мне нужен был гламор, чтобы скрыться от слуха, а я не могла мысленно представить свой облик. Раз я его сама не видела, то и гламор навести было невозможно.

Лифт спустился в вестибюль, двери раскрылись, и я вышла. Никто не орал и не показывал на меня пальцем, значит, гламор все-таки работал. Все в порядке. Все будет в порядке. И тут я увидела Сегну Золотую — она сидела на плюшевой овальной кушетке посреди вестибюля. И глядела на меня желтыми глазами, прищурившись.

Я повернулась на месте и пошла к задней двери, а там перед выходом стоял Гетхин в гавайской рубашке и бейсболке. Я осмотрела ярко освещенный людный холл, всех, кто, улыбаясь, стоял в очереди к портье, вселяясь или уезжая, и я знала, что Гетхин и Сегна могут меня убить прямо в этом холле и никто не заметит, пока мое тело не рухнет на пол, а убийц и след простынет.

С того места, где я стояла, была видна дамская комната. Я не стала ничего спрашивать, а спокойно пошла туда. Когда за мной захлопнулась дверь, я повернулась и начертила на двери знаки силы и защиты. У меня достаточно текло крови, чтобы написать целое письмо.

Прижав руки к двери, я призвала силу. Страшно было, конечно, делать это так скоро после того, как я случайно вызвала ее там, в номере, но выбора не было. Я влила свою силу в эту дверь, в эти руны, и знала, что ни одно существо волшебной крови сюда не пройдет. Знала, потому что так я пожелала, и я — сидхе, и я защитила эти двери собственной кровью. Обычно никто не использует кровь: она слишком сильна, чтобы расходовать ее по мелочам, не говоря уже о том, что это антисанитарно, но сегодня избыточное воздействие будет нелишним. Мне нужно время подумать.

Я прошла через небольшой вестибюль с чередой зеркал и диванчиком в сам туалет. И то, что я там увидела, сказало мне, что время на размышление мне не нужно: вот он, выход. Высоко в стене было окно, осталось только до него добраться.

Я схватила пару бумажных полотенец — заткнуть самые серьезные раны, пока смотрела, на что можно встать. Там, снаружи, мне придется обратиться за медицинской помощью. Но сначала надо выжить, иначе помогать мне будет только патологоанатом.

Голос Гетхина — наверное, его, потому что это не была ведьма, — произнес:
— Детка сидхе, детка сидхе, твоя мама пришла.

Я не стала отвечать следующую строчку. Если хочет цитировать детские стишки, пусть себе. А я уйду.

Мне удалось подтащить стул с гнутой спинкой из вестибюля поближе к окну. Пришлось подпрыгнуть, чтобы схватиться за металлический прут наверху, и при этом стул опрокинулся. Я на миг повисла на руках, потом ногами полезла по стене, стараясь подтащить тело ближе к рукам. Кровотечение, которое было замедлилось, стало сильнее. Я дважды поскользнулась на собственной крови, пока смогла взгромоздиться верхом на стенку кабины и выглянуть в окошко. Оно было очень узким, и это был тот редкий миг, когда я порадовалась своим скромным размерам.

Я как раз повисла между кабинкой туалета и подоконником, когда что-то ударило в окно. Я увидела мелькнувшие щупальца и бритвы зубов, полосующие стекло, и рухнула на пол. Потом мне пришлось снова подползти к окну — не вылезти, но наложить защиту. Они не войдут, но и я не выйду.

Я попала в западню, потеряла больше крови, чем мое тело может вынести, и ничего не могла придумать. Раз ничего сделать нельзя, я могу хотя бы остановить кровотечение из рук. Взяв пачку бумажных полотенец, я подошла к умывальнику. Чего мне остро не хватало — это куска ткани или прочной нити, чтобы привязать полотенца к ранам.

Рассматривая в зеркале, насколько глубока у меня рана на левой руке, я заметила в нем какое-то движение. Глубоко-глубоко в Зазеркалье двигалось что-то маленькое и темное.

Я повернулась, все еще прижимая полотенца, осмотреть помещение. Кабинки были розовые и без украшений, стены бледно-розовые. Даже немногие трубы, торчащие из стен и потолка, были окрашены в розовый под общий фон. Ничего здесь темного не было, кроме моих слаксов и лифчика, а увидела я не их.

Я повернулась к зеркалу — оно было все еще там. Будто темная тень шла по какому-то хрустальному залу, ближе и ближе, больше и больше. Я не стала думать, что это тот сидхе, который хотел убить меня в доме Алистера Нортон, потому что многие сидхе владеют магией зеркал. Зеркало защитить заклинанием я не могла — это не дверь и не окно в моем понимании. Если тот, кто там, умеет проходить сквозь зеркало, то он лучше меня владеет магией, и я не могу ему помешать.

Дверь раскрылась, и у меня сердце упало, но это были просто две женщины.

Обыкновенные человеческие женщины, лишённые даже малейшей чувствительности, а то бы им не захотелось сюда входить. Они, смеясь начатому ещё за дверью разговору, глянули на меня странно, но скрылись в соседних кабинках, продолжая говорить и смеяться. То есть увидели меня одетой и без крови, потому что именно такой образ я излучала. Приятно знать, что хоть что-то получается.

Я не знала, что мне делать. И тут я заметила в зеркале что-то новое: по нему полз паучок. Нет, не по нему — изнутри. Он был внутри зеркала, полз по той его стороне. И был точно как те паучки, что помогли мне в доме Нортон. Это был тот фейри, что меня спас. Он или она меня уже спасли однажды. Если с тех пор я снова когда-нибудь нуждалась, чтобы меня спасли, то сейчас было самое время.

Я оторвала кусочек полотенца и написала кровью: СПАСИТЕ. Потом подождала, пока кровь высохнет, и скатала бумажку в тугий шарик. За спиной зашумела спускаемая вода. Время уходило.

Я поднесла пальцы к самой поверхности зеркала, аккуратно стараясь его не трогать. Не хотелось мне его трогать, пока я точно не буду знать, что там за чары. Я ощущала дрожащую нить силы, где магия как струна втягивала твердость зеркала. Как слабое место, как метафизическая трещина. Нашел этот маг слабое место в зеркале и воспользовался или сам его создал — не знаю. Я прижала пальцы к холодному стеклу и подумала о том жаре, который создавало зеркало. Потом разжала пальцы — и стекло растаяло как сладкая вата в жаркий день. В нем открылась дыра, и оттуда вылетела полоска белого ослепительного света, как далекая вспышка бриллиантов.

Я бросила в выплавленную дыру бумажку, потом разгладила зеркало, как пластилин. Даже расправила голый рукой. За моей спиной открылась дверь — время мое истекло. В стекле остался дефект. Я наклонилась, рассматривая на себе несуществующую помаду, заслонив этот участок.

Первая женщина открыла сумочку и стала действительно подмазывать губы.

Но я на свои губы не смотрела. Я смотрела на тень внизу зеркала. Она зашевелила ручками, разворачивая мою записку. И в комнате, подобно колоколу, прозвучал мужской голос:

— Будет сделано.

Женщина застыла перед зеркалом.

— Вы слышали? — спросила она.

— Что слышала? — сделала я недоуменные глаза.

— Джулия, ты слышала?

Ее подруга, все еще из кабинки, спросила:

— Что слышала?

Раздался шум воды, и Джулия вышла, подошла к своей подруге.

К моему ужасу, тень стала расти. Он собирался выйти. Он собирался выйти из этого дурацкого зеркала. А у меня не хватило бы гламора это прикрыть. Проклятие!

Я попыталась придумать, чем отвлечь этих женщин, и тут меня осенило. Несколькими шагами я подошла к выключателю и выключила свет. Темнота навалилась черной стеной, и я почувствовала, что давление в помещении изменилось. Я знала, что кто-то лезет через зеркало, будто раздвигая тяжелый хрустальный занавес. Сделав глотательное движение, чтобы продуть уши, я стала думать, что же теперь делать с этими вопящими тетками.

Я стояла в темноте, ощущая кого-то или что-то, что двигалось в темноте, и знала, что это не эти женщины и не я.

— Что это такое стряслось? — спросила одна из женщин.

— В женском туалете отключился свет, — объяснила я.

— Остроумно, — заметила вторая женщина. — Джулия, пошли отсюда.

Я слышала, как они стали пробираться к двери в темноте.

Они вышли в холл, и луч света проник в эту угольную темноту, а потом за ними закрылась дверь.

В темноте возникло колеблющееся желто-зеленое пламя. Языки его отбрасывали пляшущие тени на темное-темное лицо.

У Дойла кожа не коричневая — она черная. Будто его из черного дерева вырезали. Широкие лепные скулы, а подбородок чуть островат на мой вкус. Он весь состоит из резких линий и темноты. Линии кажутся обманчиво тонкими, как косточки птицы, но я видела, как однажды его ударили в лицо боевым молотом. Кровь у него шла, но ничего не сломалось.

Когда я увидела его, страх захлестнул меня волной холода, от которой закололо в пальцах. Если бы он уже один раз не спас мне жизнь, я была бы уверена, что он принес мне смерть. Он был правой рукой королевы. Она любила говорить: "Где мой Мрак? Приведите моего Мрака". И это значило, что кого-то ждет смерть или рана или то и другое. Это Дойлу должны были поручить обеспечить мою смерть, а не Шолто. Он меня спас раньше, чтобы убить сейчас?

— Я не причиню тебе вреда, принцесса Мередит.

Когда он произнес это вслух, я снова смогла дышать. Дойл не играл словами. Он говорил, что хотел сказать, и хотел сказать всегда именно то, что говорил. Беда была в том, что обычно он говорил: "Я пришел тебя убить". Но на этот раз он не хотел причинять мне вреда. С чего бы это?

Я стояла, попавшись в западню этого туалета, с защитой на дверях и на окне, которая не выдержит. В конце концов слуха ее пробьют, а я не верила, что Шолто сможет меня спасти. Будь это почти кто угодно, кроме Дойла, я бы упала в его объятия с облегчением или хотя бы позволила себе потерять сознание от шока и кровопотери. Но это был Дойл, то есть не та личность, которой будешь падать в объятия — не проверив, не торчат ли из них ножи.

— Чего ты хочешь, Дойл?

Слова эти прозвучали суровее, чем я хотела, злее, но я не стала брать их обратно или извиняться за тон. Я старалась не трястись и не могла сдержаться. Еще с полдюжины ран у меня на руках кровоточили, кровь ползла по штанинам теплыми червяками. Я нуждалась в помощи и этот факт от Дойла скрыть не могла. А потому моя позиция в переговорах оказывалась весьма невыгодной, что очень плохо, когда имеешь дело с королевой. И не надо себя обманывать: имея дело с Дойлом, я имела дело с королевой, разве что за три коротких года что-то в корне переменялось при Дворе.

— Повиноваться во всем моей королеве.

Голос его был как кожа — темен. Он наводил на мысль о патоке, о других предметах — сладких и густых. Такой низкий голос, что позвоночник резонировал.

— Это не ответ.

Волосы у него казались очень коротко постриженными, почти наголо, и были черными, хотя не чернее кожи. Но я знала, что волосы у него не короткие, а очень длинные. Он всегда заплетал их толстой косой, закинутой за спину. Ее не было видно, но я знала, что коса доходит до щиколоток. Она оставляла на самом виду острые кончики ушей.

В серьгах этих фантастических ушей пылало зеленое пламя. Два огромных бриллианта озаряли каждую из темных мочек, и еще два темных камня почти цвета его кожи темными звездами зияли около бриллиантов. Серебряные колечки поднимались по хрящам обоих ушей почти до самого кончика.

Эти уши показывали, что он не чистокровный представитель высшего Двора, а бастард-полукровка вроде меня. Только уши его и выдавали, и он мог бы их спрятать за волосами, но никогда так не поступал.

Я посмотрела на серебряное ожерелье — это были все украшения на нем. На черной материи груди сидел как темный самоцвет толстенький серебряный паучок.

— Мне следовало тогда припомнить, что твоя гильдия — пауки.

Он едва заметно улыбнулся, что для Дойла было невероятной силы выражением эмоций.

— В другой ситуации я бы дал тебе время привыкнуть к моему присутствию, к этому затруднительному положению, но твоя защита не продержится вечно. Мы должны действовать так, будто тебя надо спасать.

— Властитель Шолто был послан королевой меня убить. Зачем же посылать тебя меня спасать? Даже для нее это бессмысленно.

— Королева не посылала Шолто.

Я уставилась на него. Смею ли я ему поверить? Мы редко открыто лжем друг другу. Но кто-то мне лгал, потому что не могут они оба говорить правду.

— Шолто сказал, что на мне — декрет королевы о казни.

— Подумай, принцесса. Если бы королева Андаис воистину хотела твоей казни, она бы доставила тебя домой показать всем, что бывает с сидхе, которая покинет Двор вопреки королевскому приказу. Она бы сделала тебя примером. — Он обвел руками стены, и от его движущихся рук остались послеобразы пламени. — Она бы не убила тебя далеко и тайно, чтобы никто не увидел.

Пламя собралось обратно, как капли воды на тарелке, но продолжало танцевать на его пальцах.

Я взялась рукой за край раковины. Если этот разговор не закончится скоро, я окажусь на коленях, потому что стоять уже не смогу. Сколько я потеряла крови? И сколько теряю прямо сейчас?

— Ты хочешь сказать, что королева хотела бы лично видеть мою смерть.

— Да.

Что-то ударило в окно с такой силой, что все помещение будто затряслось. Дойл повернулся на звук, выхватывая из-за спины длинный нож или короткий меч. Зеленое пламя повисло в воздухе над его плечом, как послушная собачка.

Свет играл на клинке и резной костяной рукояти. Клинок был сделан в виде трех воронов с переплетенными крыльями, а открытые клювы соединялись в эфес.

Я опустила на пол, держась рукой за раковину.

— Это же Смертный Ужас!

Это было любимейшее оружие королевы. Никогда я не слыхала, чтобы она кому-нибудь

его одалживала для какой бы то ни было цели.

Дойл медленно повернулся ко мне от пустого окна. Короткий меч блеснул в трепещущем свете.

— Теперь ты веришь мне, что королева послала меня тебя спасти?

— Либо это, либо ты убил ее за этот меч.

Он посмотрел на меня, и по выражению его лица я поняла, что юмора в последнем замечании он не видит. И хорошо, потому что я не шутила. Смертный Ужас был одним из сокровищ Неблагого Двора. Он был выкован с применением крови смертных, а это значило, что смертельная рана от Смертного Ужаса будет по-настоящему смертельной для любого фейри, даже для сидхе. Я бы сказала до этой минуты, что единственный способ завладеть этим мечом — вырвать его из холодных мертвых рук моей тетки.

Что-то огромное билось в окно снова и снова. Я надеялась, что они попытаются сломать защиту магией, на что уйдет время, но они решили просто разрушить то, что я защитила. Если окна больше не будет, то и защита работать перестанет. Грубая сила против магии — иногда это действует, иногда нет. Сегодня, кажется, получается. Послышался резкий хруст — стекло осыпалось с проволочного каркаса, на котором держалось. Без проволоки оно бы давно уже вылетело.

Дойл склонился ко мне, опустив острие меча — как держат ради безопасности заряженный пистолет.

— Принцесса, у нас кончается время.

— Я слушаю, — кивнула я.

Он протянул ко мне свободную руку, и я отдернулась — села на задницу прямо на пол.

— Я должен коснуться тебя, принцесса.

— Зачем?

Стекло уже растрескалось настолько, что ветер стал задувать в помещение. Слышалось, как что-то большое трется о стену, как взвизгивают ночные летуны, подбадривая своих мясистых братьев.

— Я могу убить некоторых из них, моя принцесса, но не всех. Я положу за тебя жизнь, но этого будет мало — против мощи почти всех слуг.

Он наклонился так низко, что надо было либо дать ему до меня дотронуться, либо лечь навзничь и отползть от него на спине.

Я уперлась рукой в его грудь, в кожу куртки. Он продолжал напирать, и моя рука соскользнула на футболку под курткой. Я нащупала что-то мокрое. Отдернула руку, и она оказалась темной в неровном свете.

— У тебя кровь.

— Слуга очень не хотели, чтобы я сегодня тебя нашел.

Мне пришлось опереться рукой позади, чтобы не упасть, потому что он еще приблизился. Достаточно близко, чтобы поцеловать — или убить.

— Чего ты хочешь, Дойл?

Стекло позади рассыпалось, окатив пол дождем острых осколков.

— Прошу прощения, но нет времени для церемоний.

Он выпустил меч на пол и схватил меня выше локтей. Притянул к себе, и только секунда у меня была, чтобы понять: он хочет поцеловать меня.

Если бы он попытался ударить меня ножом, я бы была готова или хотя бы не удивилась, но поцелуй... я совершенно растерялась. Кожа его пахла какой-то экзотической пряностью.

Губы у него были мягкими, поцелуй — нежным. Я застыла у него в руках, слишком потрясенная, чтобы сообразить, что делать, — будто он меня зачаровал. А он шепнул прямо мне в губы:

— Она сказала, что он должен быть дан тебе, как был дан мне.

Едва заметная нотка гнева слышалась в этом шепоте.

Я услышала, как что-то шлепнулось через окно — тяжело шлепнулось. Дойл отпустил меня так резко, что я упала. Одним плавным движением он подобрал меч, повернулся, будто танцевальным па перелетел к окну, не поднимаясь с колен, и вогнал меч в проникшее через разбитое окно черное щупальце не меньше его самого. На той стороне стекла раздался вопль. Дойл отдернул меч, и щупальце потянулось назад. Он встал, опережая это движение, занес меч и опустил его с такой силой, что клинок полосой мелькнул в воздухе. Щупальце развалилось на куски в хлынувшей крови, заблестевшей в зеленовато-желтом пламени, как черная вода.

Остаток щупальца втянулся обратно в окно с таким звуком, будто ветер завыл. Дойл повернулся ко мне.

— Это заставит их задуматься, но ненадолго.

Он шагнул ко мне, сверкая окровавленным мечом. Все это случилось за секунды. Он едва успел отступить в сторону, чтобы его не залило кровью, — будто знал, где ему стоять, или будто кровь это знала.

Видя, как он идет ко мне, я не могла остаться лежать. Он пришел сохранить мне жизнь, но все мои инстинкты завопили при его приближении. Дойл был созданием стихии тьмы и полусвета, вооруженный убийственным мечом, и он шел ко мне как воплощение смерти. В этот миг я поняла, почему люди падают перед нами ниц и воздают божеские почести.

Опираясь на раковину, я встала, потому что не могла встретить его на земле, скорчившись как загнанная дичь. Я должна была встать перед этой темной грацией — или склониться перед ней, как человек-язычник. От того, что я встала, комната закачалась, закружилась полосами тьмы и света. Голова кружилась так, что я боялась упасть, а потому вцепилась в раковину мертвой хваткой. Когда в глазах прояснилось, я все еще стояла, а Дойл был так близко, что видны были пляшущие отражения пламени в его глазах.

Вдруг он прижал меня так тесно, что я ощутила кожей холод крови на его рубашке. Руки у него были очень сильны.

— Королева поместила свой знак в меня, чтобы я его тебе передал. Как только ты его получишь, все будут знать: всякий, кто поднимет на тебя руку, окажется на милости королевы.

— Тот поцелуй, — сказала я.

Он кивнул:

— Она сказала, что я должен дать его тебе, как она дала мне. Прости меня.

И он поцеловал меня раньше, чем я успела спросить, за что он просит прощения.

Он поцеловал меня так, будто хотел через рот влезть в меня. Я не была готова и не давала своего разрешения. Я попыталась отодвинуться, и рука его напряглась у меня за спиной, вдавливая кожу куртки мне в спину. Другой рукой он держал меня за лицо, вцепившись пальцами в подбородок. Я не могла разорвать поцелуй, оторваться от Дойла.

Соппротивление ничего бы мне не дало, поэтому я прекратила отбиваться и открыла рот, целуя его в ответ. Из тела его ушло напряжение, будто он подумал, что я дала разрешение. А я его не давала. Я схватила его черную футболку и стала вытягивать ее из штанов. Она так

пропиталась кровью, что липла к телу, но я ее вытащила. И провела рукой по его плоскому животу — вверх, до гладкой выпуклости мускулистой груди.

Он растаял, и рука, державшая меня кольцом за спину, ослабела.

Мои руки нашли рану у него на груди — широкий и глубокий разрез. Три вещи случились одновременно: я запустила пальцы в рану, его тело напряглось от боли — и он бы отпустил меня, но случилось и третье, пока мои пальцы входили в мясо его тела. Знак королевы наполнил его рот и провалился в меня.

Сладкий прилив силы заполнил мне рот, проливаясь из Дойла в меня, тепло окутывало наши губы, будто мы вдвоем сосали одну конфету. Сила набухала в нас, плавилась между нами долгими сладкими нитями. Она наполняла нас теплом до краев, как глинтвейн, налитый в одинаковые чаши, и сила побежала вниз по нашим телам, сквозь них, проливаясь ласковым потоком на кожу.

Я ничего не видела, будто смотрела на мир сквозь густой туман. Дойл держался обеими руками за раковину, опустив лицо, будто у него тоже голова кружилась. Слышно было, как он произнес:

— Спаси меня, консорт.

Не знаю, какова была бы моя остроумная реплика, потому что вылетела выбитая дверь, ударившись в дальние кабинки. В проеме стоял силуэт Шолто. Он набросил серое пальто поверх голого тела, но виднелось гнездо щупальцев — будто какой-то монстр рвался из него наружу.

Я ощутила за собой движение и повернулась — Дойл тянулся за мечом, брошенным поперек раковины. В освещенной двери сила Шолто взметнулась ветром. Вдруг я поняла: каждый из них считает, что другой хочет меня убить.

Я только успела выкрикнуть:

— Нет!

Пламя Дойла исчезло, поглощенное тьмой — бархатной, непроницаемой и наполненной звуками движения тел.

— Нет! — кричала я. — Шолто, Дойл, не трогайте друг друга!

Но слышны были удары тела о тело, скользкие шаги, будто кто-то пробирается через темноту, чей-то тяжелый вдох, потом какие-то тихие звуки.

— Черт побери, слушайте меня! Никто из вас не замыслил мне вреда! Вы оба хотите сохранить мне жизнь!

Не знаю, то ли они не слышали, то ли им было все равно, что я говорю. В этой темноте размахивал по крайней мере один меч, а потому я не встала и не пошла к выключателю — я поползла. Раковину я оставила справа и ощупывала перед собой путь левой рукой.

Драка шла почти в полном молчании. Слышно было, как они ломают друг друга. Кто-то вскрикнул, и я молча произнесла молитву, чтобы никто из них не погиб. Я почти влетела головой в стену, успев в последний момент коснуться ее рукой. Нажала выключатель, и помещение вдруг залил ослепительный свет. Я заморгала, как сова.

Эти двое сидхе сцепились в схватке, пытаясь повалить друг друга. Дойл стоял на коленях, вокруг его шеи обвилось щупальце. Шолто был покрыт кровью, и я не сразу заметила, что одно из щупальцев отсечено и лежит, подергиваясь, рядом с коленом Дойла. У Дойла все еще был в руке меч, но два щупальца и одна рука Шолто обхватили его с боков. Другие руки каждого из них сцепились между собой, будто в игре, кто кому пальцы заламает. Только это не было игрой. Меня поразило, что Шолто вроде бы держится. Дойл был признанным чемпионом при Неблагодворе. Очень мало кто мог против него устоять и практически никто — победить. Шолто в этот список не входил, или так я думала. Но тут я кое-что уловила краем глаза: слабое сияние. Когда я посмотрела на него прямо, его не было. Так иногда бывает с магией: ее видишь только боковым зрением. Что-то сияло на руке Шолто: кольцо.

У меня на глазах Дойл уронил меч и начал обмякать в хватке Шолто. Тот подхватил меч за рукоять, не дав ему упасть на землю. Щупальца все так же обвивали руку Дойла. Я уже летела вперед раньше, чем успела подумать, что же я сделаю, когда окажусь рядом.

Шолто, держа обмякшее тело Дойла в щупальцах, занес меч в двуручной хватке над головой — как если хочешь вонзить нож в чью-то грудь. Я была за спиной Дойла, когда меч пошел вниз. Я накрыла его своим телом, выставив руку, не отрывая глаз от блестящего клинка. Миг только я гадала, успеет ли Шолто отвести удар, но он перевернул меч и направил его острием к потолку.

— Что ты делаешь, Мередит?

— Он пришел спасти меня, а не убить.

— Он — Мрак королевы. Если она пожелает твоей смерти, он будет ее орудием.

— Но у него — Смертный Ужас, ее личное оружие. Он принес мне ее метку в своем теле. Если ты успокоишься и согласишься не просто глазами, ты увидишь.

Шолто заморгал на меня, потом нахмурился:

— Зачем тогда она посылала меня тебя убивать? Даже для Андаис это не имеет смысла.

— Если ты перестанешь его душить, мы можем попытаться сообразить.

Он посмотрел на обмякшее тело Дойла, все еще висящее в щупальцах, и сказал "А!" — будто забыл, что все еще выдавливает из него жизнь. Теоретически удавить сидхе насмерть невозможно, но я никогда не любила испытывать границы этого бессмертия. Никогда не

знаешь, какая трещина в броне окажется достаточной, чтобы умереть на самом деле.

Шолто отлепил свои конечности от Дома, и тот рухнул мне на руки. Под его тяжестью я упала на колени. Не столько я крови потеряла, чтобы так ослабеть. Это либо шок, либо дело в той руке силы, что я применила в первый раз. Какова бы ни была причина, но мне хотелось закрыть глаза и прилечь, чего мне сейчас не светило.

Я села на пол, положив голову Дойла к себе на колени. Пульс у него на шее бился сильно и ровно, но Дойл не приходил в сознание. Потом он два раза резко вдохнул, голова его закинулась назад, глаза расширились, и он набрал полную грудь воздуха. Сел, откашливаясь. Я увидела напряжение в его лице, и Шолто тоже, наверное, потому что вдруг меч оказался наставленным прямо в лицо Дойла.

Дойл застыл, глядя в лицо Шолто.

— Ну, добивай!

— Никто никого здесь добивать не будет, — заявила я.

Никто из них на меня не посмотрел. Выражение лица Дойла я не видела, но лицо Шолто видела, и это зрелище мне не понравилось. Гнев и удовлетворение — он хотел убить Дойла, это было видно по лицу.

— Дойл спас меня, Шолто. Он спас меня от слуг.

— Если бы ты не защитила дверь, я бы успел вовремя, — сказал Шолто.

— Если бы я не защитила дверь, ты бы успел оплакать мое тело, но не спасти меня.

Шолто все равно не отводил глаз от Дойла.

— А он как попал внутрь, если я не мог?

— Я — сидхе, — ответил Дойл.

— И я тоже. — Злость в лице Шолто стала на самую чуточку горячее.

Я хлопнула Дойла по плечу — достаточно сильно, чтобы было больно. Он не повернулся, но вздрогнул.

— Не подначивай его, Дойл.

— Я не подначиваю, просто констатирую факт.

Полемика переходила на личности, и если эти двое были когда-то чем-то связаны, то ко мне это не имело отношения.

— Слушайте, я не знаю, чего вы друг на друга взъелись, и можете назвать меня эгоисткой, но мне это все равно. Я хочу, черт побери, выйти живой из этого сортира, и это имеет более высокий приоритет над вашей взаимной вендеттой. Так что ведите себя не как мальчишки, а как телохранители особ королевской крови. Вытащите меня отсюда целой и невредимой.

— Она права, — тихо сказал Дойл.

— Великий Мрак выходит из боя с вежливыми словами? Невероятно. Или дело в том, что теперь меч у меня? — Шолто повел клинком, коснулся острием впадинки на верхней губе Дойла. — Тот самый меч, что может убить любого фейри, даже придворного сидхе. Ах, я забыл — ты же ничего не боишься.

Была горечь и насмешка в голосе Шолто, и они, несомненно, свидетельствовали, что я влезла в старую склоку.

— Я много чего боюсь, — совершенно спокойным голосом ответил Дойл. — Смерть в этот список не входит. Но я вижу у тебя на пальце кольцо, которого побаиваюсь весьма и весьма. Откуда у тебя Беаталахд? Я его уже сотни лет не видел.

Шолто поднял руку, и старая бронза кольца тускло блеснула при свете. В кольце был

тяжелый камень, и я бы заметила его, если бы он был у Шолто раньше.

— Королева дала мне свое благословение на эту охоту.

— Королева не давала тебе Беаталахд, не давала своими руками.

Дойл говорил с полной уверенностью.

— Что такое Беаталахд? — спросила я.

— Сила жизни, — ответил Дойл. — Оно отбирает у твоего противника самое жизнь и умение; только поэтому он мог одолеть меня в схватке.

Шолто вспыхнул. Считалось признаком слабости — нуждаться для победы над другим сидхе в большей магии, чем есть в твоём теле. В сущности, Дойл сказал, что Шолто не мог выиграть битву и потому вынужден был пойти на подлость. Но подлостью это не было — было всего лишь недостаточно по-рыцарски. Черт с ним, с рыцарством, главное — вернись живым.

Именно это я говорила каждому мужчине, которого любила, в том числе моему отцу, перед каждой дуэлью.

— Кольцо — свидетельство, что со мною фавор королевы, — сказал Шолто, все еще красный от гнева.

— Кольцо не перешло к тебе от королевы из рук в руки, — сказал Дойл, — как и приказ убить принцессу прозвучал не из ее уст.

— Я знаю, кто говорит от имени королевы, а кто нет, — произнес Шолто. Настал его черед говорить уверенно.

— Правда? — удивился Дойл. — А если бы я пришел к тебе и передал приказ королевы, ты бы мне поверил?

Шолто поморщился, но кивнул.

— Ты — Мрак королевы. Когда раскрываются твои губы, из них звучат ее слова.

— Тогда слушай эти слова: королева хочет, чтобы принцесса Мередит осталась жива и вернулась домой.

Все мысли, мелькнувшие на лице Шолто, я не могла прочесть, но их было много. Я решила задать вопрос, на который он бы не ответил Дойлу.

— Королева сама велела тебе ехать в Лос-Анджелес и убить меня?

Шолто посмотрел на меня. Это был долгий, оценивающий взгляд, но потом он покачал головой:

— Нет.

— Кто тебе велел ехать в Лос-Анджелес и убить принцессу? — спросил Дойл.

Шолто открыл было рот, но остановился. Напряжение отпустило его, и он отступил от Дойла, опустив меч к полу.

— Нет, я пока что сохраню имя предателя про себя.

— Почему? — спросила я.

— Потому что присутствие здесь Дойла может значить только одно: королева хочет, чтобы ты вернулась ко Двору. — Он посмотрел на Дойла. — Я прав?

— Да, — подтвердил Дойл.

— Она хочет, чтобы я вернулась ко Двору?

Дойл встал так, чтобы видеть меня и Шолто, обратив спину к пустым кабинкам.

— Да, принцесса.

Я покачала головой:

— Я уехала, потому что там некоторые хотели меня убить, Дойл. Королева не мешала

им.

— Это были разрешенные дуэли, — сказал он.

— Это были санкционированные Двором попытки политического убийства, — поправила я.

— Я ей об этом напомнил, — сказал Дойл.

— И что она?

— Она дала свой знак, чтобы его передать тебе. Если тебя кто-нибудь сейчас убьет, пусть даже на дуэли, его постигнет месть королевы. Можешь не сомневаться, принцесса: как бы горячо кто-то ни желал твоей смерти, платить такую цену за нее никто не станет.

Я посмотрела на Шолто, и от этого движения снова все поплыло перед глазами. Шок, явный шок.

— Ладно, я вернусь ко Двору, раз королева гарантирует мне безопасность. Но при чем здесь то, что ты не хочешь назвать нам имя предателя? Кто воспользовался именем королевы, чтобы послать тебя казнить меня, когда она не хочет моей смерти?

— Я пока что придержу это про себя, — снова сказал Шолто, и лицо его стало надменной маской, которую он так часто надевал при Дворе.

— Почему?

— Потому что если королева разрешает тебе вернуться ко Двору, договор со мной тебе не нужен. Ты вернешься в мир фейри, к Неблагому Двору, и я готов проставить свое королевство, что она найдет тебе другого любовника-сидхе. Как видишь, Мередит, я тебе буду не нужен. Ты получишь все, что я мог тебе предложить, и не будешь вечно привязана к уродливому чудовищу.

— Ты не уродлив, Шолто. Если бы не помешали твои ведьмы, я бы тебе это доказала.

Что-то мигнуло на его лице, как рябь на гладкой надменной поверхности.

— Да, кстати о ведьмах. — Он повернул ко мне взгляд своих трехкратно желтых глаз. — Я думал, у тебя нет руки силы, Мередит.

— Нет, — ответила я.

— Боюсь, Нерис бы тут с тобой не согласилась.

— Я не знала, Шолто, я не хотела...

У меня не было слов описать, что я сделала с Нерис.

— Что случилось? — спросил Дойл.

— Черная Агнес солгала слуга. Она им сказала, что если я пересплю с Мередит, то стану чистокровным сидхе и более не буду их царем. Она убедила их спасти меня от меня самого, защитить меня от козней сидхейской колдуньи.

Я приподняла брови, услышав эти слова.

Он посмотрел на меня.

— Но я убедил Агнес и остальных, что ты для них опасности не представляешь.

Я встретила его взгляд.

— Я успела увидеть метод убеждения.

Он кивнул:

— Агнес велела сказать тебе спасибо — она такого от меня не видала. Она решила, что здесь как-то сыграла твоя магия.

— Она не злится за Нерис?

— Ну, она хотела бы твоей смерти, но теперь она тебя боится, Мередит. Рука плоти, как у твоего отца, — кто бы мог подумать?

Что-то было в его глазах помимо тщательно изображенной надменности. Я с удивлением сообразила, что это страх. Выглядывающий из-под маски страх. Не только Черную Агнес напугало то, что я сделала в номере.

— Рука плоти, — повторил Дойл. — О чем это ты, Шолто?

Шолто протянул меч Дойлу рукоятью вперед.

— Возьми вот это, поднимись в мой номер и посмотри, что сделала принцесса. Нерис уже не исцелить, поэтому я прошу тебя даровать ей истинную смерть перед тем, как ты сопроводишь принцессу ко Двору. Я вас провожу до такси на случай, если мои слова окажутся... не до конца послушными.

Его слова, мимика, жесты показывали, что присутствие Дойла его не радует.

Слегка наклонив голову, Дойл принял меч.

— Если это одолжение, которое тебе нужно, я был бы рад оказать его тебе за имя предателя, ложно направившего тебя в Лос-Анджелес от имени королевы.

Шолто покачал головой:

— Я не назову это имя, по крайней мере сейчас. Я его придержу, пока это будет мне на пользу или пока не решу лично с ним разобраться.

— Если бы ты назвал имя предателя, это помогло бы нам обеспечить безопасность принцессы при Дворе.

Шолто в ответ на эти слова рассмеялся — теми резкими звуками, которые у него сходили за обычный смех.

— Я не назову, кто послал меня сюда, но могу предположить, кто хотел, чтобы сообщение было передано. И ты тоже можешь. Мередит сбежала от Двора, поскольку сторонники принца Кела постоянно вызывали ее на дуэли. Если бы за покушениями на Мередит стоял кто-то другой, королева бы вмешалась и прекратила это. Такого оскорбления королевской крови она бы не допустила, пусть даже оно направлено на лишенную магии смертную полукровку. Но за всем этим стоял ее ненаглядный малыш, и мы все это знали. Поэтому Мередит сбежала и спряталась — она не могла надеяться, что королева поможет ей выжить, когда Кел хочет ее смерти.

Дойл встретил обвиняющий взгляд бесстрастным лицом.

— Я думаю, ты увидишь, что наша королева уже не относится так терпимо к... выходкам принца.

Шолто снова засмеялся — болезненный звук.

— Когда всего несколько дней назад я покидал Двор, я бы сказал, что она по-прежнему весьма терпима к... выходкам принца.

Лицо Дойла осталось безмятежным, будто никакие слова Шолто не могли нарушить его душевный мир. Я думаю, это доставало Шолто хуже любой другой реакции. И Дойл, я думаю, это знал.

— Решаем проблемы по очереди, Шолто. Сейчас у меня есть обещание королевы и ее магия, гарантирующие, что принцессе не будет причинен вред при Дворе.

— Твоя воля верить в это, Дойл. Но сейчас я прошу тебя помочь мне даровать смерть той, которую я ценю.

Дойл легко встал, будто не его придушили до полусмерти несколько минут назад. Я даже не знала, смогу ли я стоять. Не только бессмертия мне недостает из-за моей человеческой крови.

Они оба протянули мне руки одновременно, и я приняла их. Они почти вздернули меня

на ноги.

— Легче, мальчики. Мне нужна помощь, чтобы встать, а не лететь.

Дойл посмотрел на меня.

— Ты бледна. Насколько ты серьезно ранена? Я покачала головой и освободила обе руки.

— Не настолько. В основном это шок, и... это было больно, когда я... то, что я сделала с Нерис.

— А что ты сделала? — спросил он.

— Пойди и увидишь, — сказал Шолто. — Это стоит взгляда или даже двух. — Он посмотрел на меня. — Вести о том, что ты сделала, полетят ко Двору впереди тебя, Мередит. Мередит, Принцесса Плоты, уже более не просто дочь Эссуса.

— Очень редко дитя наследует те же дары, что были у родителя, — сказал Дойл.

Шолто направился к двери, завязывая по дороге пояс пальто. Кровь пропитала ткань напротив отрубленного шупальца.

— Пойди, Дойл, Носитель Пламени Боли, Барон Сладкий Язык, пойди и посмотри, потом скажи, что ты думаешь о дарованиях Мередит.

Первый титул был мне знаком, но не второй.

— Барон Сладкий Язык? — спросила я. — Никогда не слышала, чтобы тебя так называли.

— Старая кличка, — ответил он.

— Брось, Дойл, не скромничай. Так его когда-то звала королева.

Они переглянулись, и снова в этом взгляде была тяжесть старой вражды.

— Это имя не за то, что ты думаешь, Шолто, — сказал Дойл.

— Я ничего не думаю, но мне кажется, что прозвище говорит само за себя. А тебе, Мередит?

— Барон Сладкий Язык — в этом прозвище есть определенное настроение, — ответила я.

— Это не то, что вы думаете, — повторил Дойл.

— Ну, — бросил Шолто, — во всяком случае, не за твою медоточивую речь.

Вот это была правда. Дойл не произносит длинных речей, и умелым льстецом его тоже никто не назовет.

— Если ты хочешь сказать, что секс здесь ни при чем, я тебе верю, — сказала я.

Дойл слегка мне поклонился:

— Спасибо.

— Королева дает своим любимчикам прозвища только за секс, — сказал Шолто.

— Не только, — возразил Дойл.

— Когда и за что?

— Когда, считает, что кличка будет в тягость тому, кто ее носит, и потому что любит бесить других.

— Ну, последнее верно, — согласился Шолто. Он уже держался за ручку двери.

— Странно, что еще никто сюда не ломится с руганью, — заметила я.

— Я наложил на дверь заклятие отвращения. Ни один смертный не захочет сквозь него проходить, и мало кто из фейри.

Он начал открывать дверь.

— А ты не хочешь забрать свое... свою конечность? Ее можно приставить.

— Отрастет, — отмахнулся он.

Наверное, недоверие, которое я испытывала, отразилось у меня на лице, поэтому он улыбнулся — наполовину снисходительно, наполовину смущенно.

— Есть хорошие стороны в том, чтобы быть наполовину ночным летуном. Немного, но есть. Любая часть тела у меня регенерирует. — Он помолчал, будто задумался на секунду, и добавил: — Пока что.

Я не знала, что можно на это сказать, потому промолчала.

— Я думаю, принцессе надо немного отдохнуть, поэтому если сейчас мы могли бы пойти посмотреть твою раненую... — Дойл не закончил фразу.

— Да, конечно.

Шолто придержал перед нами дверь.

— А как же вот этот беспорядок? — спросила я. — Оставим валяться на полу куски щупальца и кровь повсюду?

— Беспорядок устроил барон, пусть он и убирает, — предложил Шолто.

— Ни кровь, ни части тел не принадлежат мне, — сказал Дойл. — Если хочешь убрать этот беспорядок, то предлагаю тебе сделать это самому. Кто знает, какой вред может нанести умелая колдунья с помощью куска твоего тела?

Шолто попытался возражать, но в конце концов сунул отрезанное щупальце в карман своего пальто. А щупальце размером с тело осталось лежать где было. Я бы на месте Шолто определенно дала бы уборщицам щедрые чаевые — как возмещение тем, кому выпадет прибирать туалет.

Мы поднялись на лифте, и Дойл опустился на колени перед тем, что осталось от Нерис Серой. Это был кусок живой плоти размером примерно с большую корзину. Нервы, сухожилия, мышцы, внутренние органы влажно поблескивали внутри. Этот кусок мяса даже поднимался и опадал с дыханием. Хуже всего был звук: высокий тонкий крик, приглушенный, потому что рот находился теперь внутри тела, и все же она кричала. Она визжала. Дрожь, которая уже пошла на убыль, заколотила снова. Вдруг мне стало холодно в штанах и в лифчике.

Я подобрала с пола блузку и надела, хотя знала, что этот холод одеждой не унять. Скорее душа тряслась, чем тело. Тут можно было зарыться в груды одеял, и это не помогло бы.

Дойл посмотрел на меня, присев возле этого пульсирующего, кричащего шара.

— Потрясающе. Сам принц Эссус не мог бы сделать лучше.

Это было комплиментом, но лицо Дойла было так пусто, что неясно было, приятно ему это видеть или нет.

Я лично считала, что ничего ужаснее в жизни не видела, но понимала, что делиться этим мнением не стоит. Это мощное оружие — рука плоти. Если народ будет верить, что я пускаю ее в ход легко и часто, то будет вести себя осторожнее. Если будет считаться, что я сама ее боюсь, угроза будет слабее.

— Не знаю, Дойл. Я однажды видела, как мой отец вывернул наизнанку великана. Ты думаешь, я могла бы справиться с таким огромным предметом?

Я говорила сухо; с интересом, но чисто академическим. Такой голос я у себя выработала при Дворе и пользовалась им, чтобы не устроить истерику или не выбежать с воплем. Я научилась видеть ужаснейшие вещи и отпускать сухие выдержанные комментарии.

Дойл принял вопрос за чистую монету.

— Я не знаю, принцесса; но интересно было бы определить границы твоей силы.

Я не была с этим согласна, но оставила без ответа, потому что не могла придумать ничего достаточно сухого и выдержанного. Визжащий вопль слышался при каждом вдохе мясного шара. Нерис была бессмертна. Мой отец однажды сделал такое с врагом королевы. Андаис держала этот шар плоти у себя в шкафу. Иногда его можно было увидеть у нее в спальне. Насколько мне известно, никто никогда не спрашивал, что эта штука делает вне своего шкафа. Ее просто брали, клали обратно и запирали, стараясь отогнать все видения, лезшие в голову, когда увидишь такой шар в спальне.

— Шолто просил тебя даровать Нерис смерть. Сделай это, и мы сможем отсюда уйти.

Я говорила лишенным интереса, даже скучающим голосом. Мне казалось, что если я еще здесь постою и послушаю эти вопли, то начну им вторить.

Не поднимаясь с колен, Дойл протянул мне свой меч рукоятью вперед.

— Это твоя магия, да будет и жертва твоей.

Я уставилась на костяную рукоять — три ворона с драгоценностями глаз. Не хотела я этого делать.

Еще минуту я смотрела на клинок, пытаюсь сообразить, как мне выпутаться из этой ситуации, не показав себя слабой. Ничего на ум не приходило. Если я сдрейфлю, муки Нерис будут напрасны. Я получу новый титул, но не присущую ему репутацию.

Я взяла меч, ненавидя Дойла за это предложение.

Это должно было быть просто. Ее сердце пульсировало с одной стороны шара. Я всадила в него лезвие. Хлынула кровь, и сердце перестало биться, но вопли не прекратились.

Я посмотрела на мужчин:

— Почему она не умерла?

— Слуа труднее убить, чем сидхе, — ответил Шолто.

— Насколько труднее?

Он пожал плечами:

— Это твоя жертва.

В этот миг я ненавидела их обоих, поняв наконец, что это испытание. И возможно, что, если бы я отказалась, они сохранили бы ей жизнь. Это было неприемлемо. Я не могла ее так оставить, зная, что она не состарится, не исцелится, не умрет. Просто останется вот так. Смерть здесь милосердие, все остальное — безумие, ее и мое.

Я проткнула мечом каждый жизненно важный орган, который смогла найти. Они пускали кровь, спадались, переставали функционировать, а крик все длился. Наконец я подняла меч обеими руками над головой и стала просто пырять. Поначалу я между ударами останавливалась, но крики продолжались, зажатые в мясном шаре. Где-то после десятого или пятнадцатого удара я перестала останавливаться, перестала слушать — только колола.

Я должна была прекратить эти крики. Должна была заставить ее умереть. Мир сузился до клинка, входящего в вязкое мясо. Руки мои поднимались и опускались, поднимались и опускались. Кровь забрызгала лицо и одежду. Я оказалась на коленях возле чего-то, уже не круглого, уже не целого. Я это разделала на куски, неузнаваемые куски. И крик затих.

Руки до локтей стали красными от крови. Меч алел, рукоятка покрылась кровью сплошь, но по-прежнему отлично, не скользя, ложилась в руку. Зеленая шелковая блузка, которую я успела раньше надеть, стала черной от крови. Слаксы из бордовых превратились в фиолетово-черные. Кто-то рядом очень часто дышал, и я сообразила, что это я. Иногда во время этой мясницкой работы я испытывала злобное удовлетворение, почти радость от

разрушения. Сейчас я смотрела на дело рук своих и не чувствовала ничего. Во мне не осталось ничего, способного чувствовать. Я оцепенела, и это, наверное, было не так уж для меня плохо.

Я встала, опираясь на край кровати. Она и так была заляпана кровью — так что менял один отпечаток ладони? Руки ныли, мышцы тянуло от перегрузки. Я протянула меч Дойлу, как до того — он мне.

— Хороший клинок. Рукоятка даже не скользила.

Мой голос был так же лишен эмоций, как я сама. Мелькнула мысль, не так ли чувствует себя безумец. Если да, то это не так уж плохо.

Дойл принял меч и упал на колени, склонив голову. Шолто повторил его жест. Дойл приветствовал меня окровавленным мечом и произнес:

— Мередит, принцесса плоти, истинно королевская кровь! Приветствуем тебя во внутреннем круге сидхе.

Я вытаращилась на них; в голове все так же гудела гулкая пустота. Если и были какие-то ритуальные слова ответа, я не могла их вспомнить. Либо я их не знала, либо не могла сейчас заставить мозги работать. Единственное, что я могла произнести, были такие слова:

— Можно помыться в твоём душе?

— Сделай одолжение, — ответил Шолто.

Ковер чавкал под ногами, и когда я сошла с него, то увидела за собой кровавые следы. Я разделась и помылась самой горячей водой, которую только могла выдержать. Кровь, стекающая в сток, была уже не красной, а розовой. И глядя на водоворот этой розовеющей воды, я осознала две вещи. Во-первых, и радовалась, что у меня хватило мужества прикончить Нерис, а не оставлять ее в этом ужасе. Во-вторых, что-то во мне радовалось этому убийству. Мне бы приятно было думать, что это "что-то" вдохновлялось милосердием, но я не могла себе позволить так себя щадить. Пришлось подумать, не такова ли эта часть моей души, как та, что заставляла Андаис хранить свой кусок плоти в запертом шкафу. Миг, когда ты перестаешь задавать себе вопросы, — это тот миг, когда ты превращаешься в чудовище.

Я вернулась в свою квартиру с волосами, еще мокрыми от душа в отеле. Дойл настоял, что он отопрет мне дверь — на случай, если там установлена магическая мина-ловушка. Он всерьез относился к своей работе телохранителя, но меньшего я от Дойла и не ожидала. Когда он объявил, что опасности нет, я вошла босиком на серый ковер. На мне была гавайская рубашка и мужские шорты — их Шолто одолжил у Гетхина. Единственное, чего нельзя было одолжить, это были туфли. Мои вещи остались в номере отеля настолько пропитанные кровью, что даже нижнее белье пришлось бросить. Часть крови принадлежала Нерис, часть — мне.

Я повернула выключатель у двери, ослепительно вспыхнул верхний свет. Я доплатила лишнего, чтобы квартиру покрасили в любой цвет, отличный от белого. Стены в гостиной были бледно-розовые, диван розовато-лиловый с фиолетовым и розовым. Мягкое кресло у углу — розовое. Драпри — розовые с прожилками лилового. Джереми говорил, что это как находиться внутри дорого украшенного пасхального яйца. Книжная полка белая, столик с музыкальным центром белый. Я включила торшер над мягким креслом. Потом — свет над кухонным столиком и стульями. Кружевные белые занавески обрамляли большое окно перед столом, и стекло было очень черное и какое-то угрожающее. Я закрыла шторы, оставив ночь снаружи, за белыми жалюзи. Миг я постояла перед единственной картиной в комнате — это была репродукция "Приюта бабочек" В. Скотта Майлза. Тон картины был в основном зеленый, и бабочки нарисованы так натурально, и потому на картине были розовые и лиловые пятнышки. Но картину не выбирают лишь по той причине, что она подходит к комнате, — выбираешь ее за то, что она с тобой разговаривает. Говорит что-то такое, о чем ты каждый день хочешь слышать. Картина всегда казалась мне мирной, идиллической, но сегодня просто была красками на холсте. Сегодня ничего меня не успокаивало. Я включила в кухне свет и пошла в спальню.

Дойл стоял спокойно в сторонке, пока я ходила и включала лампы, как ребенок, проснувшийся от кошмара. Свет, чтобы прогнать все плохое. Беда была лишь в том, что сейчас плохое было у меня в голове. Тут никакому свету не хватит яркости.

Дойл прошел за мной в спальню. Я, проходя, включила верхний свет.

— Спальня мне нравится, — произнес Дойл.

На это замечание я обернулась:

— О чем ты?

Его лицо было бесстрастным, непроницаемым.

— Гостиная очень... розовая. Я боялся, что и спальня будет такая же.

Я оглядела светло-серые стены, бордовый бордюр на обоях с розовыми, лиловыми и белыми цветами. Двуспальная кровать почти не оставляла места между своим изножьем и дверцами стенного шкафа. На сочно-бордовом покрывале валялась гора подушек: бордовых, лиловых и несколько черных — всего несколько. Столик вишневого дерева с зеркалом покрыт лаком почти до черноты темным. И туалетный столик у окна ему под стать. Джереми говорил, что моя спальня похожа на комнату мужчины, чуть-чуть приукрашенную подругой владельца. Черный лаковый комод в углу поодаль от двери в ванную. Орнамент на нем был восточный — журавли и стилизованные горы. Журавль был одним из символов моего отца. Помню, покупая этот комод, я подумала, что отцу бы он понравился. На нем

стоял филодендрон в горшке, так разросшийся, что его лозы спадали зелеными волосами.

Я оглядела комнату, и вдруг меня охватило чувство, что комната эта не моя, что я здесь чужая. Я обернулась к Дойлу:

— Будто для тебя есть разница, какого цвета моя спальня.

Он не моргнул глазом — только лицо его стало еще более непроницаемым, пассивным, и едва заметная тень надменности показалась на нем, что напомнило мне придворную маску Шолто.

Мой ответ был злобным, и намеренно. Я на него злилась. Злилась, что он не убил Нерис вместо меня. Злилась, что он заставил меня сделать то, что надо было сделать. Злилась за все, даже за то, что было не его виной.

Он смотрел на меня холодными глазами.

— Ты права, принцесса Мередит, твоя спальня никак меня не касается. Я — придворный евнух.

Я покачала головой:

— Нет, дело не в этом. Ты не евнух, никто из вас не евнух. Просто она ни с кем не делится.

Он пожал плечами, и это вышло грациозно. Но от этого движения он вздрогнул.

— Как твоя рана? — спросила я.

— Только что ты сердилась на меня, сейчас уже не сердишься. Почему?

Я попыталась выразить это словами:

— Ты не виноват.

— В чем именно не виноват?

— Не ты подверг меня опасности. Ты спас мне жизнь. Не ты посылал на меня слуга. Не ты заставил руку плоти проявиться именно сегодня. Все это не твоя вина. Я злюсь и хочу кого-нибудь обвинить, но ты не должен расплачиваться за чужие грехи.

Он приподнял брови — черные на черном.

— Невероятно цивилизованная точка зрения для принцессы.

Я снова покачала головой:

— Брось величание, Дойл. Я Мередит, просто Мередит.

Брови поднялись еще выше, глаза будто полезли из орбит, и их выражение заставило меня засмеяться. Смех звучал нормально и ощущался хорошо. Я села на край кровати и мотнула головой:

— Я не думала, что смогу сегодня смеяться.

Он опустил передо мной на ковер:

— Тебе приходилось убивать и раньше — что же здесь нового?

Я посмотрела на него, удивленная: как он сразу понял, что меня тревожит?

— Почему было так важно, чтобы Нерис убила я?

— Сидхе приходят в силу через обряд, но это не значит, что сила проявится. Когда она проявляется в первый раз, сидхе должен окровавить себя в битве. — Он уперся руками в кровать по обе стороны от меня, но не касаясь меня. — Это вроде жертвоприношения крови, чтобы сила не заснула снова, но продолжала расти.

— От крови растут посевы, — сказала я.

Он кивнул.

— Смертная магия — самая древняя из всех, принцесса. — Он снова улыбнулся своей почти незаметной улыбкой. — Мередит, — тихо назвал он меня по имени.

— И ты заставил меня изрубить Нерис в фарш, чтобы мои силы не заснули снова?

Он опять кивнул.

Я посмотрела в это серьезное лицо.

— Ты сказал, что сидхе приходят в силу через ритуал. Я не выполняла ритуала.

— Твоим ритуалом была ночь, которую ты провела с тем шелки.

Я покачала головой:

— Нет, Дойл, ничего ритуального мы в ту ночь не совершали.

— Есть много ритуалов для пробуждения силы, Мередит. Бой, жертвоприношение, секс и многое другое. Неудивительно, что твоя сила выбрала секс. Ты производишь от трех различных божеств плодородия.

— На самом деле пяти. Но я все равно не понимаю.

— Твой шелки был покрыт Слезами Бранвэйн, и в эту ночь он был твоим любовником-сидхе. Он вызвал твою вторичную силу.

— Я знала, что это было волшебным, но не знала... — У меня пресекся голос, я нахмурила брови. — Кажется, в этом было большее, чем просто хороший секс.

— Почему? Если секс порождает чудо жизни — что может быть выше этого?

— Магия, которая исцелила Роана, вернула ему шкуру. Я не пыталась его целить, потому что не знала как.

Дойл сел рядом с кроватью, почти упираясь полусогнутыми ногами в ночной столик.

— Исцелить одного ободранного шелки — ерунда. Я видел, как сидхе поднимают горы с морского дна, затопляют целые города, когда приходят в силу. Тебе еще повезло.

Мне вдруг стало страшно.

— Ты хочешь сказать, что мой приход в силу мог вызвать серьезное стихийное бедствие?

— Да.

— Вообще-то меня кто-нибудь должен был предупредить, — сказала я.

— Никто из нас не знал, что ты нас покидаешь, и потому не дал тебе прощального совета. И никто не знал, что у тебя есть вторичные силы, Мередит. Королева была уверена, что раз семь лет с Грифффином и годы дуэлей не пробудили твоих сил, то там и будить нечего.

— А почему сейчас? — спросила я. — После всех этих лет?

— Не знаю. Знаю только, что ты — Принцесса Плоты, и у тебя есть еще одна рука силы, которая пока не проявилась.

— Для сидхе редкость — иметь более одной руки силы. Откуда же у меня две?

— Твои руки проплавили два металлических прута на кровати. Два прута, по одному на каждую руку.

Я встала и шагнула от него подальше:

— Откуда ты знаешь?

— Я видел с балкона, как ты спишь. Видел спинку кровати.

— А почему ты не дал мне о себе знать?

— В тот момент твое состояние можно было бы назвать наркотическим сном. Вряд ли я мог бы тебя разбудить.

— А в ту ночь, когда ты послал пауков? У Алистера Нортон?

— Ты говоришь о человеке, который приносил жертвы сидхе?

Это меня поразило, и я уставилась на Дойла:

— О чем ты, Дойл? Когда Нортон приносил жертвы сидхе?

— Когда крал силу у женщин с помощью Слез Бранвэйн.

— Да нет, я там была, чуть сама не стала его жертвой. Не было церемонии вызова сидхе.

— В первом классе любой школы этой страны учат, что сидхе запретили только одну вещь, когда нас сюда пускали.

— Нам запретили выдавать себя за богов. Нам нельзя быть объектом культа. Мне это объяснил дома отец, потом в школе по истории, потом по государству и праву.

— Ты единственная среди нас, кто учился с обыкновенными людьми. Это я иногда забываю. Королева была вне себя, когда узнала, что принц Эссус записал тебя в общественную школу.

— Она меня пыталась утопить, когда мне было шесть, Дойл. Утопить, как топят чистопородного щенка с неправильным окрасом. Не думаю, что ей было хоть сколько-нибудь интересно, в какую школу меня отдали.

— А я вряд ли видел королеву настолько удивленной, как в тот раз, когда принц Эссус забрал тебя и свою свиту и поселился среди людей. — Он улыбнулся — чуть сверкнуло белое в темном лице. — Как только она поняла, что принц не намерен терпеть недолжного обращения с тобой, она стала заманивать его обратно ко двору. Она многое ему предлагала, но он десять лет отказывался. Достаточно долго, чтобы ты выросла из ребенка в женщину среди людей.

— Если она была так возмущена, почему она стольким представителям Неблагого Двора разрешала нас навещать?

— Королева и принц оба боялись, что ты станешь слишком человеком, если не будешь видеть своих соплеменников. Хотя королева не одобряла выбор свиты, сделанный твоим отцом.

— Ты о Кеелин, — уточнила я.

Он кивнул.

— Королева никогда не могла понять, зачем он взял тебе в компаньонки фею без капли сидхейской крови в жилах.

— Кеелин — наполовину брауни, как и моя мать.

— И наполовину гоблин, — напомнил Дойл, — а этой крови в тебе нет.

— Гоблины — пехота армии Неблагого Двора. Объявляют войну сидхе, но начинают ее гоблины.

— Это ты повторяешь своего отца.

— Да. — Я вдруг снова устала. Эти краткие вспышки веселости, увлекательнейшие возможности новых сил, возвращение ко Двору — все это не сняло усталости, вымотавшей меня до костей. Но еще одно я должна была узнать. — Ты сказал, что Алистер Нортон поклонялся сидхе. Что ты имел в виду?

— То, что он с помощью ритуала вызывал сидхе, когда сидел на кровати посреди круга силы. Я узнал эти символы. Ты ритуала не увидела, потому что даже самому необразованному человеку известно: вызывать силу сидхе ради магии запрещено.

— Он выполнял ритуал до того, как приходила женщина! — догадалась я.

— Именно так.

— Я увидела в зеркале какого-то сидхе, но не увидела лица. Ты не почувал, кто это?

— Нет, но кто-то достаточно мощный, чтобы я не мог пробиться. Я мог только послать тебе мое животное и мой голос. А меня не пустить очень непросто. Для этого многое нужно.

— Так один из сидхе себе позволил...

— Или позволила, — уточнил Дойл.

Я кивнула:

— ...или позволила себе стать объектом поклонения, и они дали Слезы Бранвэйн смертному, чтобы тот использовал их против фей.

— Вообще-то людей с фейрийскими предками не принято считать феями, но в данном случае — да.

— За допущение поклонения — смертный приговор, — сказала я.

— Допустить использование Слез против фейри — это значит быть осужденным на пытку на неопределенный срок. Некоторые предпочли бы смерть.

— Ты сказал королеве?

Дойл оттолкнулся от пола и встал.

— Я сообщил ей о сидхе, который или которая разрешили себе поклоняться, и о Слезах. Теперь я должен сказать ей, что у тебя есть рука плоти и что ты получила крещение кровью. Еще она должна знать, что предатель — не Шолто, но тот, кто говорил с ним от имени королевы.

Я вытаращила глаза при этих словах:

— То есть она послала только тебя, одного, против Шолто и всех слуга, когда решила, что он сорвался с цепи?

Дойл ничего не сказал.

— Не хочу тебя обидеть, но тебе нужна была поддержка.

— Нет, она меня послала доставить тебя домой до того, как Шолто уехал из Сент-Луиса. Я приехал в тот вечер, когда послал пауков тебе на помощь. А Шолто двинулся в путь только на следующий день.

— Значит, кто-то узнал, что королева хочет меня вернуть, и меньше чем за сутки разработал план, как меня убить.

— Очень на то похоже, — согласился Дойл.

— Ты был рядом с королевой, кроме тех случаев, когда она посылала тебя убивать, — сколько? Шестьсот, восемьсот лет?

— Тысячу двадцать три года, если быть точным.

— Тогда, если она не посылала тебя убить, зачем было посылать тебя? Есть другие из ее Воронов, которым я доверяю больше.

— Больше доверяешь или больше симпатизируешь? — спросил Дойл.

Я задумалась, потом кивнула:

— Ладно, больше симпатизирую. Дойл, это самый длинный разговор, который нам с тобой приходилось вести. Почему она послала тебя, свой Мрак?

— Королева хочет, чтобы ты вернулась, Мередит. Но она боялась, что ты ей не поверишь. Я — это ее жетон. Если королева посылает Мрак, да еще со своим личным оружием, со своей магией в его теле, то это доказательство ее искренности.

— Зачем ей мое возвращение, Дойл? Она послала тебя до того, как я вошла в свою силу, — а это было сюрпризом для всех нас. Что заставило ее переменить намерение? Отчего меня признали достойной жить?

— Она не приказывала тебя убивать.

— Но никогда никому не мешала пытаться.

Он чуть поклонился:

— С этим не поспоришь.

— Так что же изменилось?

— Не знаю, Мередит. Знаю только, что таково ее желание.

— Ты никогда не задавал вопросов, — вздохнула я.

— А ты, принцесса, всегда задавала их избыточно.

— Может быть, но на этот вопрос я хочу получить ответ прежде, чем вернусь ко Двору.

— Какой из вопросов — "этот"?

Я сдвинула брови:

— Откуда такая перемена чувств, Дойл? Я должна знать до того, как снова доверить Двору свою жизнь.

— А если она этого не скажет?

Я попыталась представить себе, что это будет — навеки порвать с миром фей из-за одного безответного вопроса. Но слишком это была обширная тема, чтобы вот так сразу охватить ее мыслью.

— Не знаю, Дойл, просто не знаю. Сейчас я знаю только, что я устала.

— С твоего разрешения, я воспользуюсь зеркалом в ванной, чтобы связаться с королевой и доложить ей.

— Всегда пожалуйста, — кивнула я.

Он поклонился настолько, насколько позволяла тесная спальня, и пошел к двери ванной, за углом. Оттуда, где мы стояли, ее видно не было.

— Откуда ты знаешь, где ванная? — спросила я его вслед.

Он оглянулся с доброжелательным непроницаемым лицом.

— Я видел всю квартиру. Где еще она может быть?

Я смотрела на него — и не верила. Либо это недоверие не выразилось на моем лице, либо он сделал вид, что не заметил, потому что зашел за угол, и я услышала, как открылась и закрылась дверь ванной.

Я села на край кровати и попыталась припомнить, куда я сунула спальные мешки. Дойл спас мне жизнь, и самое меньшее, что я могла для него сделать, — устроить его с удобством. Жизнь стоила бы даже того, чтобы предложить ему кровать, но я устала до чертиков, и кровать была мне самой нужна. Кроме того, пока я не узнаю, *зачем* он меня спасал, я от излишней благодарности воздержусь. При Неблагом Дворе есть вещи похуже смерти. Отличный пример — Нерис. И знак королевы не будет нарушен таким заклинанием. Так что я, пока всеми фибрами своего существа не уверюсь, что меня не спасали для какой-то ужасной судьбы, от благодарностей воздержусь.

Спальные мешки нашлись в стенном шкафу гостиной. Я их развернула в ногах кровати, проветривая, как вдруг услышала из ванной раздраженный разговор. Дойл недовольно возвысил голос. Кажется, королева и ее Мрак сильно бранились. Интересно, скажет он мне, о чем, или будет хранить от меня еще одну тайну?

Я подошла к закрытой двери. Дойл на повышенных тонах говорил:

— Госпожа, прошу тебя, не заставляй меня этого делать.

Не знаю, что бы я еще услышала, но тут он приоткрыл дверь.

— Да, принцесса?

— Если ты там побудешь еще несколько минут, я переоденусь.

Он кивнул. Зайти посмотреть сквозь зеркало он меня не пригласил. Ссору объяснять не стал. Он просто закрыл дверь. Теперь голоса были едва слышны, крики прекратились. Они не хотели, чтобы я знала, из-за чего они поссорились. Я подозревала, что это имеет какое-то отношение ко мне. И чего это Дойл так сильно не хотел делать, что решился спорить со своей королевой?

Он меня не собирался убивать, а что там будет завтра, мне, кажется, было уже неинтересно. Отключив верхний свет, я зажгла ночник у кровати. Верхний свет казался слишком ярким для спальни. Тот факт, что я готова была отключить хоть какой-то свет, показывал, что мне уже лучше. Хотя бы спокойнее.

Обычно я сплю в белье. Мне нравится ощущение шелка и атласа на коже. Но по отношению к Дойлу это было бы почти жестоко.

Привилегией королевы было спать со своими телохранителями, пока один из них не сделает ее беременной. Тогда она выйдет за него и перестанет спать с остальными. Андаис могла бы освободить их и позволить им других любовниц, но решила этого не делать. Если не с ней, то ни с кем они спать не будут. И они уже очень давно ни с кем не спали.

В конце концов я выбрала шелковую рубашку до колен. У нее были короткие рукава и лишь узкий вырез спереди. Она покрывала больше любого другого предмета из моего гардероба, но без лифчика у меня груди поднимали тонкую ткань, и соски продавливались сквозь нее. Шелк был темно-фиолетовый и очень хорошо смотрелся с моей кожей и волосами. Я старалась особенно не светиться перед Дойлом, но мне хватило кокетства не выглядеть распустехой.

Я посмотрела на себя в зеркало. Точь-в-точь как женщина в ожидании любовника, если не считать порезов. Я поднесла руки к стеклу — когти Нерис прорезали предплечья злыми красными полосами. Из разреза на левой руке сочилась кровь. Не надо ли наложить швы? Обычно у меня все проходило и без них, но кровь должна была бы уже остановиться. Я приподняла ночнушку, чтобы посмотреть рану на бедре. Колотая рана, очень высоко. Нерис пыталась пробить бедренную артерию. Хотела меня убить, но вместо этого я убила ее. Я все еще ничего не чувствовала по поводу ее смерти — оцепенение не проходило. Может быть, завтра мне будет плохо, а может, и нет. Иногда просто остаешься в оцепенении, потому что ничего другого не помогает. На оцепенении иногда строится здравость рассудка.

Я смотрела на себя в зеркало, и даже лицо у меня было пустым. В глазах оставалось то же тускло-удивленное выражение, более всего свидетельствовавшее о шоке. До сегодняшнего дня я такой взгляд у себя видела после последней дуэли, когда наконец поняла, что дуэли не прекратятся, пока я не погибну. Тогда я и приняла решение бежать, скрыться.

Приглашению вернуться в мир фейри было всего несколько часов, а у меня уже вид контуженной. Я снова подняла руки и осмотрела следы когтей. В своем роде я уже заплатила

за возвращение к фейри. Заплатила кровью, плотью и болью — монетой которая в ходу при Неблагом Дворе. Королева позвала меня обратно и обещала безопасность, но я ее знаю. Она не оставит мысли наказать меня за бегство, за трехлетние прятки, за поражение своих усилий меня отыскать. Сказать, что моя тетушка не слишком хорошо умеет проигрывать, — преуменьшение вселенского масштаба.

В дверь ванной постучали.

— Можно мне выйти? — спросил Дойл.

— Именно это я сейчас и решаю, — сказала я.

— Прости, не расслышал?

— Ладно, выходи.

Дойл застегнул перевязь меча на голой груди. Рукоять висела вверх ногами сбоку, как пистолет в наплечной кобуре. Перевязь казалась свободной, будто Дойл убрал что-то, держащее ее на месте.

Никогда я не видела Дойла, не закрытого от шеи до лодыжек. Даже в жаркое лето он не носил коротких рукавов, только ткань бывала полегче. В левом соске у него виднелось серебряное колечко, резко выделявшееся на фоне полной черноты кожи. Рана шла выше левой грудной мышцы, и ее зияющая краснота казалась почти декоративной на этой груди, как изощренная косметика, призванная раздражать зрение.

— Ты сильно ранена? — спросил он.

— То же самое я могла бы спросить у тебя.

— Во мне нет крови смертных, принцесса. Я поправлюсь. Снова спрашиваю: сильно ли ты ранена?

— Я думаю, не нужно ли мне наложить швы, и вот... — Я стала было поднимать рубашку над колотой раной, но остановилась. Сидхе не смущает нагота, но при стражах я всегда старалась быть осмотрительнее. — Колотая рана на бедре — не знаю, насколько она глубока.

Я отпустила шелк, не показав рану. Она была слишком высоко на бедре, а белья на мне не было. Я зачастую не надевала его, ложась спать. Сейчас я об этом пожалела. Пусть даже Дойл не знает, что на мне есть и чего нет, но я вдруг почувствовала себя неодетой.

Я могла бы заводить Джереми, но не Утера, и Дойла я тоже не хотела заводить по той же причине. Они оба были лишены этого аспекта жизни. Утер — потому что был изгнанником и женщин его размеров здесь не было. Дойл — по капризу королевы.

Он взял спальные мешки, положил их на пол между кроватью и стеной и сел на край кровати.

— Могу ли я увидеть твою рану, принцесса?

Я села рядом с ним, огладив подол рубашки, и протянула ему левую руку.

Он взял ее обеими руками, поднял, согнул в локте, чтобы видеть лучше. Его пальцы ощущались крупнее, чем должны были, и интимнее, чем были.

— Глубокая; некоторые мышцы порваны. Должна болеть.

С последними словами он поднял на меня глаза.

— Кажется, я сейчас ничего не чувствую, — сказала я.

Он положил руку мне на лоб — такую теплую, что казалась почти горячей.

— Ты прохладна на ощупь, принцесса. — Он покачал головой. — Надо было мне раньше заметить, у тебя шок. Не сильный, но не заметить — это была моя беспечность. Тебе нужно целительство и тепло.

Я отняла руку. Ощущение скользнувших его пальцев заставило меня отвернуться, чтобы он не увидел моего лица.

— Поскольку никто из нас не умеет исцелять прикосновением, я думаю, что ограничимся бинтами и теплом.

— Я умею исцелять магией, — сказал он.

Я посмотрела на него. Он тщательно сохранял непроницаемое лицо.

— Я ни разу не видела, чтобы ты занимался этим при Дворе.

— Это более... интимный метод, чем наложение рук. При Дворе есть целители куда сильнее меня. Мои скромные способности там не были востребованы. — Он протянул мне руки. — Я могу тебя вылечить, принцесса, а можно поехать на "скорой" в больницу и наложить швы. В любом случае кровотечение необходимо остановить.

Швы не входят в число моих любимых развлечений.

Я вложила в его руки свои. Он снова согнул мне руку в локте, держа ладонь в ладони, переплетя пальцы. На фоне его черноты моя кожа казалась ослепительно белой, как перламутр на агате. Другой рукой он взял меня под локоть, держа ласково, но твердо. Я поняла, что не могу отодвинуться и не знаю, как действует его целительство.

— Это будет больно?

Он поднял на меня глаза:

— Немножко, может быть.

И он наклонился к моей руке, будто хотел поцеловать рану. Я положила свободную руку ему на плечо, остановив это движение вперед. Кожа его была как теплый шелк.

— погоди, как именно ты будешь меня лечить?

Он улыбнулся своей незаметной улыбкой:

— Если ты подождешь пару секунд, то увидишь сама.

— Я не люблю сюрпризов, — сказала я, не убирая руку с его плеча.

Он улыбнулся и покачал головой:

— Очень хорошо. — Но моя рука по-прежнему была зафиксирована в его руках. Он все еще меня держал, будто собирался лечить меня независимо от моего согласия. — Шолто сказал тебе, что одно из моих имен — Барон Сладкий Язык.

— Да, я помню.

— Он намекал, что это связано с сексом, однако ошибался. Я могу вылечить твою рану, но не руками.

Я уставилась на него, потом сообразила.

— То есть ты ее залижешь, и она закроется?

— Да.

Я продолжала таращиться:

— Некоторые собаки при Дворе это умеют, но я не слыхала о такой способности у сидхе.

— Как сказал Шолто, в нечистокровности есть свои хорошие стороны. Он может регенерировать отрезанную конечность, а я могу зализать твою рану до исцеления.

Я постаралась не выразить на лице недоверия.

— Будь на твоём месте любой другой страж, я бы сказала, что он ищет повода наложить на меня свой рот.

Он улыбнулся, на этот раз светлее, веселее.

— Если бы мои товарищи-Вороны пытались заманить тебя в эту игру, они бы не руки

твоей хотели коснуться.

Я не могла сдержать улыбки:

— В твоих словах есть смысл. Ладно, останови кровь, если можешь. Очень уж мне не хочется сегодня ехать в больницу. — Я сняла руку с его плеча. — Действуй.

Он склонился к моей руке, медленно, говоря на ходу:

— Я постараюсь сделать как можно менее больно.

Его дыхание почти обожгло мне кожу, потом язык слегка лизнул рану.

Я вздрогнула.

Он поднял глаза, не отрывая лица от моей руки.

— Я тебе сделал больно, принцесса?

Я покачала головой, не уверенная, что владею голосом.

Он снова склонился к ране. Дважды лизнул ее по всей длине, очень медленно, потом язык его скользнул в рану. Боль была острой, немедленной, и я приглушенно зашипела.

Он на этот раз не отодвинулся, но теснее прижал рот к моей коже. Глаза его закрылись, а язык проникал в рану, острые уколы боли напоминали удары тока. И с каждым таким уколом у меня нижнюю часть тела сводило, потом отпускало. Как будто нервы, которых он касался, соединялись с другими частями тела, никакого отношения к руке не имеющими.

Он начал вылизывать рану длинными медленными движениями. Глаза его все еще были закрыты, и на таком близком расстоянии я видела черные ресницы, черные на черном фоне щек. Боль уже почти исчезла, осталось только ощущение скользящего языка. Ощущение рта на коже заставило сильнее биться сердце, перехватило дыхание. Серьги Дойла ловили свет, отражали, будто края его ушей серебрились. У раны стало скапливаться тепло, и это было по ощущениям похоже на исцеление наложением рук. То же самое растущее тепло, дрожащая на коже и внутри нее энергия.

Дойл оторвался от моей руки, полузакрыв глаза, полураскрыв губы. Он будто пробуждался от сна или будто его прервали в более интимном процессе. Почти неохотно он отпустил мою руку.

Голос его прозвучал медленно и хрипло:

— Я давно уже этого не делал. И забыл, какое от этого ощущение.

Я согнула руку, чтобы посмотреть на рану, и раны не было. Я потрогала кожу пальцами. Она была гладкой, нетронутой, все еще влажной от языка Дойла, все еще теплая на ощупь, будто магия на ней держалась.

— Великолепно, даже шрама не осталось.

— Ты удивлена?

— Скорее приятно поражена.

Он слегка поклонился, все еще сидя на кровати.

— Безмерно рад был послужить моей принцессе.

— Я забыла положить подушки.

Я встала и пошла к шкафу, но он взял меня за руку.

— У тебя идет кровь.

Я посмотрела на руку — она была все так же цела.

— Из ноги, принцесса.

Я посмотрела вниз — по правой ноге сочилась струйка крови.

— А, черт!

— Ложись на кровать и позволь мне посмотреть на рану.

Все еще держа меня за руку, он сделал попытку притянуть меня на кровать.

Я уперлась, и он меня отпустил.

— Она не должна была бы уже кровоточить, принцесса Мередит. Дай мне вылечить ее, как я вылечил тебе руку.

— Она очень высоко на бедре, Дойл.

— Ведьма пыталась проколоть тебе бедренную артерию.

— Да, — сказала я.

— Я вынужден настаивать на том, чтобы увидеть рану, принцесса. Это слишком опасный участок, чтобы оставить ее без внимания.

— Она очень высоко на бедре, — повторила я.

— Я это понял, — ответил он. — Теперь, пожалуйста, ляг и дай мне посмотреть на рану.

— У меня ничего не надето под рубашкой, — сказала я.

— А! — произнес он. Эмоции сменились на его лице так быстро, что я не успела их прочитать — будто облака по полю в ветреный день. Наконец он сказал: — Может быть, ты могла бы что-нибудь надеть, и тогда я осмотрел бы твою рану.

— Хорошая мысль, — согласилась я и открыла ящичек, где лежали мои невыразимые. Трусы, как и спальные гарнитуры, состояли из шелка, атласа и кружев. Наконец я выбрала пару черного атласа без кружев, без оборочек, без окошечек. Самое консервативное, что у меня есть.

Я оглянулась на Дойла. Он, не ожидая просьбы, повернулся ко мне спиной. Я натянула трусики, поправила рубашку и сказала:

— Можешь обернуться.

Он обернулся с очень серьезным лицом.

— Большинство придворных дам не стали бы меня предупреждать. Некоторые — чтобы подразнить, другие — потому что это просто не пришло бы им в голову. Нагота при Дворах — обычное явление. Как тебе пришло в голову мне сказать?

— Из стражей некоторые заигрывают с дамами, щекочутся и похлопывают, и таких бы я не стала предупреждать. Для них это была бы просто та же игра. Но ты никогда в нее не играл, Дойл. Всегда держался в стороне. И просто лечь и растянуться перед тобой на кровати было бы... нехорошо.

Он кивнул:

— Да, было бы. Очень многие при Дворе относятся к нам, к тем кто держится поодаль, как к евнухам, будто у нас никаких чувств нет. На самом деле мы предпочитаем вообще не касаться мягкой плоти, чем чтобы нас заводили до точки, а облегчения не было. Это для меня хуже, чем ничего.

— Разве королева вам запрещает даже касаться самих себя?

Он опустил глаза к полу, и я поняла, что переступила со своим вопросом границу вежливости.

— Прости меня, Дойл, мы слишком чужие для такого вопроса.

Он ответил, не поднимая глаз:

— Ты самый вежливый представитель королевской крови при Неблагом Дворе. Королева считала твою... обходительность слабостью. — Он пристально посмотрел на меня. — Но мы, стража, это ценили. Всегда было приятно охранять тебя, потому что тебя мы не боялись.

— Действительно, у меня же не было ни силы, ни влияния.

— Нет, принцесса, я не говорю о твоей магии. Я хочу сказать, что мы не боялись жестокости с твоей стороны. Принц Кел унаследовал от своей матери ее... чувство юмора.

— То есть он садист?

— Во всех смыслах, — кивнул Дойл. — А теперь ложись на кровать и дай мне посмотреть на рану. Если ты истечешь кровью во имя стыдливости, королева может сделать меня евнухом.

— Ты — Мрак королевы, ее правая рука. Она не станет лишаться тебя ради меня.

— Боюсь, что ты недооцениваешь себя и переоцениваешь меня. — Он протянул мне руку. — Пожалуйста, принцесса, соизволь лечь на кровать.

Я приняла протянутую руку и взобралась на кровать на коленях.

— А ты, пожалуйста, называй меня Мередит. Уже много лет как я не слышала "принцесса то, принцесса се". В Кахокии я снова этого наслушаюсь, а сегодня, прошу тебя, давай без титулов.

Он склонил голову:

— Как скажешь, Мередит.

Я позволила ему помочь мне переползти на середину кровати, хотя на самом деле помощь мне не была нужна. Отчасти это было потому, что он хотел помочь, а отчасти — из-за ощущения его руки в моей.

Я легла, погрузив голову в роскошь подушечек. Приподнявшись на локтях, я отлично видела линию моего тела.

Дойл склонился у моей ноги.

— С твоего разрешения, принцесса.

— Мередит.

— С твоего разрешения, Мередит, — кивнул он.

Я потянула вверх темный шелк, пока не открылась рана. Она была настолько высоко, что из-под рубашки показались черные трусики.

Он руками исследовал рану, оттягивая кожу, надавливая пальцами. Она болела, и болела не по-хорошему, будто повреждения были сильнее, чем я думала. Кровь побежала быстрее, но это была не артерия. При пробитой бедренной артерии я бы истекла кровью еще несколько часов назад.

Он разогнулся, опустив руки себе на колени.

— Рана очень глубокая, и я полагаю, повреждены мышцы.

— Она не сильно болела, пока ты не начал ее ощупывать.

— Если я ее сегодня не залечу, завтра ты расхвораешься, и придется ехать в больницу. Могут потребоваться швы на внутренней поверхности бедра. Или я могу исцелить ее сегодня.

— Я голосую за второе предложение, — сказала я.

Он улыбнулся по-своему.

— Это хорошо. Мне бы не хотелось объяснять королеве, почему я тебя привез хромую, если мог вылечить. — Он наклонился было к моей ноге, потом выпрямился. — Легче было бы, если бы я сдвинулся.

— Ты целитель — ты и делай, что нужно.

Он вдвинулся между моими ногами, и мне пришлось расставить их, давая место его коленям. Это потребовало каких-то движений и нескольких "прошу прощения, принцесса",

но наконец он оказался лежащим на животе, а его руки держали меня за ляжки. Взгляд его поднялся вдоль моего тела и встретил мой.

От вида его в этом положении у меня пульс зачастил. Я попыталась не выразить этого на лице и, боюсь, не смогла.

Он выдохнул будто теплым ветром на кожу моего бедра. Он смотрел мне в лицо, и я поняла, что смотрит он не случайно и вряд ли это как-то связано с процессом лечения.

Он оторвался от моей кожи.

— Прости меня, но мне не просто секса не хватает, а мелких интимных подробностей. Как реагирует лицо женщины на твое прикосновение. — Он быстро лизнул мне кожу. — Ее короткие вдохи, когда начинает реагировать ее тело.

Он лежал между моими ногами, глядя на меня снизу вверх. Я смотрела вдоль его тела. Волосы толстым черным канатом вдоль голой спины, над натянутой гладью джинсов. Когда я снова встретила его взгляд, это был взгляд мужчины, уверенного, что не услышит от тебя "нет", и не важно, о чем он просит. Дойл этого взгляда не заработал. Еще не заработал.

— Кажется, ты не собирался заигрывать.

Он потерся подбородком о мое бедро и ответил:

— Обычно я не позволяю себе оказываться в такой компрометирующей позиции, но обнаружилось, что, когда я в ней оказался, очень трудно ею не воспользоваться.

Он прикусил мне бедро, легко, и когда я ахнула, нажал чуть сильнее. У меня выгнулась спина, я вскрикнула. Когда я снова смогла посмотреть, на коже остался отпечаток зубов. Давно уже не было у меня любовника, который не только мог оставить мне следы на теле, но и хотел этого.

Голос его стал низким мурлыканьем:

— Это было чудесно.

— Будешь меня заводить — я тебя тоже заведу.

Я хотела сделать это предупреждением, но слишком много придыхания было в моем голосе.

— Но ты там, наверху, а я здесь, внизу.

Он крепче сжал мне бедра — сила в его руках была невероятной. Я поняла, на что он намекает: у него хватит силы удержать меня просто руками на бедрах. Я смогу сесть, но не смогу выбраться. Напряжение в теле, которого я не осознавала, покинуло меня. Я обмякла в его руках, легла спиной на кровать.

Были вещи, которых мне не доставало и которые мало имели отношения к оргазму. Дойл никогда бы не посмотрел на меня с выражением подступающего ужаса в ответ на что-то, что я попросила бы его сделать. Он не заставил бы меня ощущать себя чудовищем только из-за того, чего хочется моему телу.

Я выпростала шелк рубашки из-под спины, натянула его на тело, на голову. Поднялась, сев над ним. Темное знание исчезло из глаз Дойла, сменившись острым мучительным желанием. Оно так явственно читалось на его лице, что я поняла: игра зашла слишком далеко. Я держала рубашку перед грудями, не зная, извиняться или это только усугубит ситуацию.

— Нет, — сказал он. — Не закрывай их. Просто я не ожидал этого.

— Не надо, Дойл. Мы не можем это закончить как надо, а особенно для тебя... извини меня.

Я стала опускать рубашку.

Пальцы его до боли сжались у меня на бедрах, впились в кожу. Я ахнула, посмотрела на него — рубашка у меня была надета только на руки.

Голос его прозвучал повелительно и мрачно, едва скрывая ярость, от которой глаза его светились черными алмазами:

— Нет!

От одного этого слова я застыла, выпучив глаза, и сердце забилося в горле пойманной птицей.

— Нет, — повторил он голосом лишь чуть менее суровым. — Я хочу их видеть. Я хочу заставить тебя извиваться, моя принцесса, и хочу при этом видеть твоё тело.

Я отпустила упавшую рубашку и села как можно ближе к нему. Его хватка на моих бедрах миновала предел удовольствия и переходила просто в боль, но и это при определенных обстоятельствах было своего рода удовольствием.

Он чуть отпустил пальцы, и я увидела у себя на бедрах следы от ногтей. На моих глазах эти полумесяцы стали наполняться кровью.

Он стал было вынимать руки из-под моих бедер, но я отрицательно мотнула головой.

— Ты там, а я здесь — помнишь?

Он не стал спорить — просто снова взял меня за бедра, на этот раз без боли, но достаточно твердо, чтобы я не могла отодвинуться. Я провела руками себе по животу, приподняла ладонями груди, потом легла, опираясь на подушки, чтобы он меня видел.

Он смотрел на меня долгие секунды, будто запоминая, как лежит тело на цветном постельном белье, потом приложил рот к ране и стал лизать медленными тяжелыми движениями. Губы его сомкнулись над раной, и он стал сосать, присосался до боли, будто высасывая из раны яд.

Боль заставила меня вскинуться, и он поднял на меня глаза, полные того темного знания, которого он еще не заслужил. Я легла опять, ощущая давление его рта на бедро, его сильные пальцы, впившиеся так, что завтра будут синяки. Кожа у меня начала светиться, мерцая в тусклом освещении спальни.

Я посмотрела на него, но его глаза опустились, сосредоточились на работе. Под давлением его рта стало нарастать тепло, заполняя рану, как заполняет яму теплая вода.

Дойл стал светиться. Обнаженная спина засияла, как лунный свет на ночной луже. Только этот лунный свет исходил изнутри, переливаясь в темных контурах света и тени у него под кожей.

Тепло исцеления билось внутри меня как второе сердце. Рот Дойла присосался, вытягивая этот пульс, высасывая меня дочиста и досуха. Тепло стало нарастать в середине моего тела, и я поняла, что это моя собственная сила, но до сих пор никогда такого не бывало.

Тепло исцеления в ноге и тепло в моем теле разрастались, выходя наружу, как два жарких озера, дальше и дальше, шире и шире, и наконец мое тело растворилось в тепле, а кожа засияла чисто и бело, и свет танцевал под ней, как в глубокой воде. Две силы текли друг другу навстречу, и на миг целящее тепло Дойла поплыло по моему жару, а потом силы пролились друг в друга, сливаясь в непобедимый прилив магии — изгибающий спину, пляшущий по коже, напрягающий тело.

Дойл оторвался от моего бедра и крикнул:

— Мередит, нет!

Но было поздно — сила пролилась сквозь нас обоих волной тепла или жара, от которого

свело судорогой низ живота и дышать стало невозможно. Потом сила разлилась наружу, как резко разжатый кулак, старающийся схватить что-то большее, чем он. Я вскрикнула, и сила потекла из меня, светясь так, что тени пошли по комнате.

Дойла я видела будто в дымке. Он стоял на коленях, протягивая вперед руку, будто защищаясь от удара, и тут сила ударила в него. Голова его запрокинулась назад, стоящее на коленях тело дернулось вверх, будто у этой силы были руки. Танец лунного света у него под кожей разгорался все ярче, и стал виден нимб черного света, сияющий темной радугой вокруг его тела. На невероятную секунду он застыл, подхваченный вверх, вытянутый, сияющий, красивый так, что можно было заплакать или ослепнуть. Потом изо рта у него вырвался крик, полуболь-полунаслаждение. Он рухнул на кровать, обнимая себя руками, Чудесное сияние стало угасать, будто кожа всасывала свет, возвращая его обратно в глубины, откуда он изошел.

Я села и потянулась к нему рукой, все еще несущей след этого тихого белого свечения.

Он отдернулся так поспешно, что упал с кровати, и посмотрел испуганными глазами над ее краем на меня.

— Что ты наделала?

— В чем дело, Дойл?

— В чем дело? — Он поднялся на ноги, прислонясь вдруг к стене, будто ноги его не слишком держали. — Мне запрещена сексуальная разрядка, Мередит. Как от своей руки, так и от чьей бы то ни было.

— Я же тебя там не трогала.

Он закрыл глаза и прислонился к стене затылком, заговорил, не глядя на меня:

— Твоя магия тронула, Она пронзила меня как меч. — Он открыл глаза, уставился на меня. — Теперь ты поняла, что ты наделала?

До меня дошло:

— Ты хочешь сказать, что королева сочтет это сексом?

— Да.

— Я и не думала... у меня никогда не было такой силы.

— Это было как в ту ночь с тем шелки?

Я сдвинула брови и задумалась.

— И да, и нет. Тогда было не совсем так, как сейчас, но... — Оборвав свою речь, я уставилась на его грудь.

Наверное, вид у меня был пораженный, потому что Дойл начал себя рассматривать.

— Что такое? Что ты там увидела?

— Рана у тебя на груди. Ее больше нет.

Он провел рукой по груди, ощупал кожу.

— Она зажила. И я этого не делал. — Он подошел к краю кровати. — Посмотри на свои руки.

Я посмотрела и увидела, что следы когтей исчезли. Руки зажили. Я провела ладонями по бедрам — они не зажили. Следы ногтей, наполненные кровью, красный след зубов Дойла, присосавшийся рот, оставивший красное пятно там, где была рана.

— А почему зажило все, кроме этих следов?

Он покачал головой:

— Не знаю.

Я посмотрела на него пристально:

— Ты говорил, что моя инициация в силу исцелила Роана, но что, если дело было не в первом приступе силы? Если это часть возможностей моей обретенной магии?

Я видела, как до него доходит смысл моих слов.

— Это бывает, но исцеление сексом — это не дар Неблагого Двора.

— Это дар Благого Двора, — сказала я.

— В тебе есть их кровь, — ответил он тихо. — Я должен доложить королеве.

— О чем?

— Обо всем.

Я поползла по кровати, все еще полуголая, потянулась к нему рукой. Он отодвинулся, вцепившись в стену, будто я угрожала ему.

— Нет, Мередит, больше не надо. Королева, быть может, простит нас, поскольку это было случайно, и ей будет приятно, что у тебя есть еще одна сила. Это может нас спасти, но если ты тронешь меня еще раз... — Он мотнул головой. — Она не пожалеет нас, если мы сойдемся еще раз этой ночью.

— Я только хотела тронуть тебя за руку, Дойл. Хотела сказать, что нам стоит поговорить до того, как ты начнешь выбалтывать все королеве.

Он отодвинулся к краю стены, где она уходила за угол.

— У меня только что была первая разрядка за столько сотен лет, сколько ты себе и вообразить не можешь, а ты вот так сидишь... — Он снова покачал головой. — Ты только тронешь меня за руку, но у меня самообладание не безгранично — мы только что это доказали. Нет, Мередит, одно прикосновение — и я могу рухнуть на тебя и сделать то, что мне хочется сделать с той секунды, как я увидел твои груди, трепещущие надо мной.

— Я могу одеться.

— Это будет хорошо, — сказал он, — но все равно я должен буду ей доложить, что случилось.

— А что она, посмотрит счетчик расхода спермы? Секса у нас не было. Зачем же ей рассказывать?

— Она — Королева Воздуха и Тьмы, и она узнает. Если мы не сознаемся, а она проведает, наказание будет в тысячу раз горше.

— Наказание? Это же была случайность!

— Я знаю, и это может нас спасти.

— Ты серьезно говоришь, что она подвергнет нас тому же наказанию, как если бы мы намеренно совокупились?

— Смерть под пыткой, — сказал он. — Надеюсь, что нет, но это было бы ее право.

Я покачала головой:

— Да нет, она не станет тебя терять после тысячи лет службы из-за случайности.

— Я тоже на это надеюсь, принцесса, от души надеюсь. Он повернул за угол — в ванную.

— Дойл! — позвала я.

Он вернулся из-за угла:

— Да, принцесса?

— Если она скажет, что нас за это казнят, то есть один светлый момент.

Он склонил голову набок, почти птичьим движением:

— И этот момент?

— Сможем заняться сексом — настоящим, тело в тело. Если тебя за что-то казнят, то

пусть уж хотя бы не зря.

Вереница чувств промелькнула у него на лице (я опять ни одного не поняла), потом появилась улыбка.

— Я никогда не думал, что смогу предстать перед королевой с такими вестями и не знать точно, чего я хочу от нее услышать. Ты — искушение, Мередит, такое искушение, за которое мужчина готов заплатить жизнью.

— Я не хочу твоей жизни, Дойл, хочу только твоего тела.

От этих слов он ушел в ванную смеясь — все лучше, чем плакать. Я быстро надела рубашку и была уже под одеялом, когда он вернулся. Лицо у него было серьезное, но он сказал:

— Нас не накажут. Хотя она слегка намекнула, что хотела бы видеть, как ты лечишь этой обретенной силой.

— Я в ее секс-шоу не буду участвовать.

— Я это знаю, и она тоже, но ей все равно любопытно.

— Пусть любопытствует. Так нас не казнят, никого из нас?

— Нет, — ответил он.

— Так почему ты все так же мрачен?

— Мне не во что переодеться.

Я не сразу сообразила, о чем он. Потом раскопала пару мужских боксерских трусов. Чуть тесных в бедрах, потому что у Дойла и Роана размеры не совсем совпадают, но все же трусыгодились.

Дойл взял их и вернулся в ванную. Я думала, что он быстро вернется и ляжет спать, но услышала, как зашумел душ. В конце концов я бросила несколько подушек на спальные мешки и повернулась на бок, чтобы заснуть. Я не была уверена, что заснуть мне удастся, но Дойл пробыл в душе долго. Последнее, что я слышала, пока на меня не накатил сон, был шум фена. Как Дойл вышел из ванной, я не слышала. Просто когда я утром проснулась, он стоял надо мной с чашкой горячего чая в одной руке и билетами на самолет для нас — в другой. Не знаю, спал ли Дойл на спальных мешках и вообще спал ли в эту ночь.

Дойл любезно предоставил мне место у окна, а сам вытянулся на своем кресле, вцепившись в подлокотники и застегнув привязной ремень. Когда самолет взлетал, Дойл закрыл глаза. Обычно я люблю смотреть, как уходит вниз земля, но сегодня смотреть, как сереет Дойл, было куда забавнее.

— Как это ты можешь бояться летать? — спросила я.

Он не разжал век, но ответил мне:

— Я не боюсь летать. Я боюсь летать самолетами.

Голос его звучал очень разумно и осмысленно.

— Так ты можешь скакать на крылатом коне и не бояться? Он кивнул и открыл глаза, когда самолет наконец выровнялся.

— Я много раз на них ездил.

— Отчего же тебе так не по душе самолеты?

Он посмотрел на меня так, будто ответ я должна была знать:

— Металл, принцесса Мередит. Мне неуютно, когда меня окружает столько металла, созданного человеком. Он действует как барьер между мною и землей, а я — создание земли.

— Как ты сам заметил, Дойл, нечистокровность имеет свои преимущества. У меня с металлом проблем нет.

Он на этот раз не просто посмотрел, но и повернулся ко мне:

— Ты можешь исполнять большие арканы в таком металлическом склепе?

Я кивнула:

— Никогда не видела магии, которую я не могла бы так же легко исполнять в металлическом склепе, как и вне его.

— Это может оказаться полезным, принцесса.

Стюардесса, длинноногая блондинка с идеальным макияжем, остановилась возле кресла Дойла и наклонилась так, чтобы он мог заглянуть ей в вырез, если захочет. Она предоставляла ему такой шанс каждый раз, когда проходила мимо нас. За последние двадцать минут она прошла трижды, спрашивая, не хочет ли он чего-нибудь. Вообще чего-нибудь. Он отказывался. Я попросила красного вина.

На этот раз она его принесла. Так как мы летели в первом классе, то его подали в бокале на длинной ножке — чтобы проще было пролить на себя, если самолет попадет в турбулентность. Что и случилось.

Самолет встал на дыбы и затрясся так, что я вернула вино стюардессе, а она мне дала горсть салфеток — вытереть руку.

Дойл снова закрыл глаза и на все ее предложения отвечал по-прежнему: "Нет, спасибо, ничего не надо". Она не предложила впрямую сбросить с себя одежду и заняться сексом тут же на полу, но приглашение было явственным. Если Дойл и видел его, то сумел грациозно сделать вид, что не замечает. Не знаю, действительно ли он не понимал, что она на него положила глаз, или привык, что человеческие женщины ведут себя как дуры. Наконец она поняла намек и побрела прочь. При этом ей пришлось хвататься за спинки сидений, чтобы не упасть.

Сильная попалась турбулентность. Дойл посерел — это его вариант позеленения, я

думаю.

— Как ты?

Он зажмурился крепче:

— Буду в полном порядке, как только мы приземлимся.

— Я могу тебе чем-нибудь помочь, чтобы время шло быстрее?

Он приоткрыл щелочки глаз:

— По-моему, эта стюардесса такое предложение уже сделала.

— Стюардесса — сексистский термин. Полагается говорить "обслуживающий персонал рейса". Итак, ты все-таки понял намеки.

— Я бы не сказал, что стиснуть мне ляжку и потереться грудями о плечо — намек.

Скорее приглашение.

— Ты ее очень красиво отшил.

— Большая практика. — Самолет затрясло так, что даже мне не понравилось. Дойл снова крепко зажмурился. — Ты действительно хочешь мне помочь скоротать это время?

— Я хотя бы это для тебя обязана сделать после того, как ты показал свою официальную бляху стража, и нас обоих пропустили в самолет с оружием. Я знаю, что по закону нам всюду в Штатах разрешается носить оружие, но обычно все проходит не так гладко и не так быстро.

— Тут помогло, что полиция нас проводила до терминала, принцесса. — Он с самого моего пробуждения тщательно называл меня "принцесса" или "принцесса Мередит". Уже не по имени.

— Копам будто не терпелось сунуть меня в самолет.

— Они боялись, как бы тебя не убили на их земле. Брать на себя твою охрану их тоже не тянуло.

— Так вот как ты провел меня в самолет с оружием?

Он кивнул, все так же не открывая глаз:

— Я им сказал, что при единственном телохранителе безопаснее будет, если ты сама будешь вооружена. Все согласились.

Шолто оставил девятимиллиметровый "Леди Смит". А у меня есть внутренняя кобура, отлично подходящая для выхватывания накрест. Обычно я ношу ее на спине, прикрытую жакетом, но сегодня полиция дала мне карт-бланш на ношение оружия, так что не требовалось его прятать.

В боковых ножнах у меня висел десятидюймовый нож, острием привязанный к ноге, с ременной петлей, чтобы быстро его выхватить — как ковбою с Дикого Запада. Эта петля к тому же позволяла ножнам лучше следовать за движениями ноги. Без этого они бы сдвигались при каждой перемене позы, тыкались бы в тело или за что-нибудь запутывались.

Над лифчиком снизу у меня был складной нож. При Дворе я всегда носила не менее двух клинков — такое было у меня правило. Огнестрельное оружие будет разрешено лишь в некоторых частях ситхенов — фейрийских холмов. А ножи мне разрешат оставить при себе. Перед сегодняшним банкетом — в мою честь, как сообщил мне Дойл, — я еще добавлю клинков. Оружия, как и бриллиантов, слишком много не бывает.

Дойл держал Смертный Ужас в заспинных ножнах, и рукоятка торчала у него из-под плеча, удобная для выхватывания накрест, как пистолет из наплечной кобуры. У него была с собой спортивная сумка, набитая оружием. Когда я спросила, почему он не пустил его в ход против слуа, он ответил:

— Ничего из этого, кроме того клинка, не принесло бы им истинной смерти. А я хотел дать им понять, что шутить не собираюсь.

Честно говоря, я лично всегда считала, что пробить кому-то дыру в спине больше мужского кулака — это и значит дать понять серьезность своих намерений. Но многие стражи считали, что пистолеты — низменное оружие. Среди людей они носили их, но почти никогда не применяли в своей среде, кроме как на войне. То, что Дойл вообще прихватил огнестрельное оружие, говорило, что дело очень серьезно — а может быть, правила переменились, пока меня не было. Если другие стражи тоже носят пистолеты, я об этом узнаю.

Самолет провалился так резко, что даже я ахнула. Дойл застонал.

— Говори, Мередит!

— О чем?

— О чем хочешь, — сказал он сдавленным голосом.

— Можем поговорить о прошлой ночи, — предложила я.

Он открыл глаза ровно настолько, чтобы глянуть на меня сердито, и тут самолет нырнул еще раз. Глаза его зажмурились, и он почти шепотом произнес:

— Расскажи что-нибудь.

— Я плохой рассказчик.

— Мередит, пожалуйста.

Я снова стала Мередит — уже лучше.

— Могу тебе рассказать то, что ты уже знаешь.

— Годится.

— Моим дедом со стороны матери был Уар Свирепый. Помимо того, что он был полной и законченной сволочью, это прозвище ему дали за то, что он произвел на свет трех сыновей, монструозных даже по меркам фейри. Ни одна чистокровная фея после этого не стала бы с ним спать. А ему было предсказано, что он родит нормальных детей, если найдет женщину фейрийской крови, которая добровольно с ним ляжет.

Я всмотрелась в зажмуренные глаза, в пустое лицо Дойла.

— Дальше, пожалуйста, — сказал он.

— Бабка наполовину брауни, наполовину человек. Она, Ба, согласилась с ним спать, потому что более всего хотела быть принятой к Благому Двору.

Про себя, потому что это не входило в рассказ, я подумала, что могу ее понять. Она даже лучше меня понимала, каково это — стоять одной ногой в одном мире, а другой — в другом.

Самолет выровнялся, но его еще трясло ветром из стороны в сторону. Тяжелый полет.

— Тебе еще не надоело?

— Все, что ты рассказываешь, будет потрясающе интересно до тех пор, пока мы не окажемся на земле.

— А ты знаешь, тебе идет, когда ты боишься.

Он приоткрыл щелочки глаз, глянул сердито и снова зажмурился.

— Дальше, пожалуйста.

— Ба родила двух красивых девочек-близнецов. Проклятие Уара кончилось, и Ба стала придворной дамой — женой Уара фактически, потому что родила ему детей. Насколько мне известно, мой дед никогда больше не прикоснулся к своей "жене". Он был истинно утонченный джентльмен, а Ба была для него слишком проста теперь, когда он освободился

от проклятия.

— Он был мощным воином, — сказал Дойл, не открывая глаз.

— Кто?

— Уар.

— Это правда. Ты, наверное, воевал против него в европейских войнах.

— Он был весьма достойным противником.

— Ты хочешь повесить мое мнение о нем?

Самолет уже три минуты летел прямо и относительно спокойно. Этого было достаточно, чтобы Дойл открыл глаза полностью.

— У тебя очень желчная интонация.

— Мой дед много лет бил Ба. Он думал, если он ее как следует унижит, она покинет его и Двор, потому что законно он не мог развестись с ней без ее разрешения. Дать ей отставку он не мог, потому что она родила ему детей.

— Почему она просто от него не ушла?

— Потому что, если бы она перестала быть женой Уара, ее перестали бы принимать при Дворе. И дочерей бы ей тоже ни за что не отдали. Она осталась проследить, чтобы ее детям ничего не грозило.

— Королева была крайне удивлена, когда твой отец позвал мать твоей матери с вами в изгнание.

— Ба была его домоправительницей. Надзирала за всем хозяйством.

— То есть была служанкой.

Моя очередь настала глядеть сердито:

— Нет, она была... была его правой рукой. Они вместе меня воспитывали эти десять лет.

— Когда ты в последний раз покинула двор, так же поступила твоя бабка. Открыла гостиницу с пансионом.

— Я видела объявления в журналах. "Гостиница с пансионом "У Брауни", где вам сготовит и подаст еду бывшая придворная дама".

— Ты с ней не говорила с тех пор, как уехала? — спросил он.

— Я не связывалась ни с кем, Дойл, чтобы не подвергать опасности. Я исчезла. Это значит, что я все бросила позади.

— Были наследственные драгоценности, твои по праву. Королева очень удивлялась, что ты ушла в чем была.

— Все эти фамильные ценности нельзя было продать так, чтобы они не вернулись ко двору.

— У тебя были деньги, которые отец для тебя отложил.

Он смотрел теперь на меня — наверное, хотел понять.

— Я прожила сама по себе три года, чуть больше даже. И ничего ни у кого не брала. Была свободной женщиной, свободной от обязательства перед кем угодно из рода фейри.

— А это значит, что ты можешь потребовать прав девы, вернувшись ко двору.

— Именно так, — кивнула я.

Девой в древнем кельтском идеале называлась женщина, в течение некоторого периода времени живущая своими средствами и никому ничем не обязанная. Три года — таков был минимум, чтобы претендовать на эти права. Быть девой — это значило быть вне всех вендетт и распрей. Меня нельзя было бы заставить принять чью-то сторону в каком бы то ни

было вопросе, потому что я в стороне. Это был некоторый способ быть *при* Дворе, но не принадлежать Двору.

— Очень хорошо, принцесса. Очень хорошо. Ты знаешь закон и знаешь, как обратиться к своей выгоде. Ты так же мудра, как и учтива, — истинное чудо для королевской крови Неблагого Двора.

— Статус девы позволил мне забронировать гостиницу, не рискуя навлечь на себя гнев королевы.

— Она была в недоумении по поводу того, почему ты не пожелала остановиться при Дворе. Ведь ты же хочешь к нам вернуться?

Я кивнула.

— Да, но хочу побыть чуть поодаль, пока не разберусь, насколько мне при Дворе опасно.

— Мало кто рискнул бы навлечь на себя гнев королевы, — сказал он.

Я посмотрела на него, ему в глаза, чтобы видеть, как он отреагирует на следующие мои слова:

— Принц Кел вполне рискнул бы ее гневом, потому что никогда не был серьезно наказан ни за один свой поступок. — Глаза Дойла прищурились, когда я назвала имя Кела, но и только. Если бы я не высматривала, то никакой бы реакции вообще не заметила. — Кел — ее единственный наследник, Дойл, и она его не убьет. Он это знает.

Дойл смотрел ничего не выражающими глазами.

— Что делает и не делает королева со своим сыном и наследником, не мое дело.

— Со мною можешь не гнуть линию партии, Дойл. Мы оба знаем, что такое Кел.

— Влиятельный принц сидхе, к которому прислушивается королева, его мать, — сказал Дойл тоном таким же предостерегающим, как его слова.

— У него только одна рука силы, а остальные способности не такие уж великие.

— Он — Принц Древней Крови, и лично я не хотел бы, чтобы он эти способности применил против меня на дуэльной площадке. Все раны, которые я получил за тысячу с лишним лет боев, он может обрушить на меня одновременно.

— Я не говорила, что эта способность не страшна, Дойл. Но есть другие сидхе, обладающие более сильной магией, те, кто может принести истинную смерть своим прикосновением. Я видела, как твое пламя поглотило сидхе, съело заживо.

— А ты убила последних двух сидхе, вызвавших тебя на дуэль, принцесса Мередит.

— Я сжульничала.

— Нет, это не так. Ты просто прибегла к тактике, к которой они не были готовы. Это отличает хорошего солдата — использовать любое доступное оружие.

Мы переглянулись.

— Кто-нибудь, кроме королевы, знает, что у меня теперь есть рука плоти?

— Знает Шолто и его слуга. Когда мы прилетим, это уже не будет тайной.

— Это может отпугнуть желающих меня вызвать, — сказала я.

— Оказаться запертым в бесформенном шаре плоти, не стареть, не умирать, просто тянуть существование. О да, принцесса, этого можно испугаться. Когда Гриффин тебя... оставил, многие стали твоими врагами, потому что сочли тебя бессильной. Они все будут вспоминать оскорбления, которыми тебя осыпали. И все будут гадать, не удержишь ли ты камень за пазухой.

— Я претендую на права девы — это значит, что начинаю с чистого листа, и они

поступят так же. Если я признаю старую вендетту, то статус девы я теряю, и меня тут же засосет в самую глубь этого болота. — Я покачала головой. — Нет, я их оставлю в покое, если они со мной поступят так же.

— Ты мудра не по своим годам, принцесса.

— Мне тридцать три, Дойл. У людей это уже не считается детским возрастом.

Он засмеялся — сухим темным смешком, который напомнил мне, как он выглядел этой ночью, полураздетый. Я попыталась не выразить это на своем лице, и, наверное, мне удалось, потому что выражение его лица не изменилось.

— Я помню, как Рим был всего лишь пятнышком на дороге, принцесса. Тридцать три для меня младенческий возраст.

Я позволила себе отразить собственную мысль на лице.

— Не помню, чтобы ты этой ночью относился ко мне как к младенцу.

Он отвернулся от моего взгляда:

— Это была ошибка.

— Как тебе будет угодно.

Я стала смотреть в окно, разглядывая облака. Дойл решительно был настроен делать вид, что прошлой ночи не было. А я устала от попыток говорить на эту тему, раз он столь очевидно не хочет ее обсуждать.

Стюардесса пришла снова. На этот раз она присела, юбка туго натянулась у нее на бедрах. Она улыбнулась Дойлу. На руке у нее лежал веер журналов.

— Хотите что-нибудь почитать?

Ее свободная рука легла ему на колено, скользнула внутрь. Она была уже в дюйме от паха Дойла, когда он поймал ее за запястье и отодвинул.

— Прошу вас, мадам, не надо.

Она наклонилась ближе, держа руку у него на коленях, прикрывая ее журналами. Наклонилась так, что грудями прижалась к его ногам.

— Умоляю, — шепнула она. — Умоляю. Уже вечность прошла, как я была с одним из вас.

Это привлекло мое внимание.

— Вечность — это сколько?

Она заморгала, будто не могла сосредоточиться на моем вопросе из-за близости Дойла.

— Шесть недель.

— Кто это был?

Она покачала головой:

— Я умею хранить тайну, только не отвергайте меня. — Она смотрела на Дойла. — Умоляю вас.

Эльфоманка. Если сидхе переспит с человеком и не приглушит при этом магию, то человек становится вроде наркомана. Эльфоман может всерьез иссохнуть и умереть от тоски по сидхейской плоти.

Я наклонилась поближе к Дойлу, почти касаясь губами колец в ушах. Страшно подмывало лизнуть такое колечко, но я сдержалась. Бывает, толкает под руку бесенок. Я прошептала:

— Запиши ее имя и домашний телефон. Надо будет сообщить о ней в Бюро по делам людей и фей.

Дойл выполнил мою просьбу.

У стюардессы засияли на глазах благодарные слезы, когда Дойл записал ее имя, адрес и номер телефона. Она даже поцеловала ему руку и сделала бы еще что-нибудь, если бы не подошел стюард и не прогнал ее прочь.

— Законом запрещено иметь секс с людьми, не защитив при этом их разум, — сказала я.

— Да, это так, — подтвердил Дойл.

— Интересно будет узнать, кто из сидхе ее любовник.

— Я думаю, любовники, — предположил Дойл.

— И еще интересно: она всегда летает на рейсах между Лос-Анджелесом и Сент-Луисом?

Дойл посмотрел на меня:

— Она могла бы знать, кто так часто летает в Лос-Анджелес и обратно, чтобы суметь создать секту своего обожествления.

— Один человек — еще не секта, — возразила я.

— Ты мне говорила, что та женщина упоминала нескольких других, и у некоторых то ли имплантаты в ушах, то ли они сидхе.

— Все равно это еще не секта. Это колдун и его последователи в лучшем случае — ковен.

— А в худшем — культ. Мы понятия не имеем, сколько там участников, принцесса, а человек, который мог бы ответить нам, мертв.

— Странно, что полиция отпустила меня так просто из штата, когда идет расследование этого убийства.

— Меня бы совершенно не удивило, если бы твоя тетка, наша королева, сделала несколько звонков. Она умеет быть совершенно неотразимой, когда хочет.

— А если это не действует, умеет быть столь же страшной.

— И это тоже, — кивнул он.

Весь остальной полет первый класс обслуживал мужчина-стюард. Женщина больше возле нас не появлялась, пока мы не стали выходить. Тогда она взяла Дойла за руку и произнесла настойчивым голосом:

— Вы мне позвоните, да?

Дойл поцеловал ей руку:

— О да, я позвоню, и вы мне ответите на все мои вопросы, честно ответите, хорошо?

Она кивнула, слезы текли по ее лицу:

— Все, что пожелаете.

Мне пришлось оттащить от нее Дойла. Я шепнула ему:

— Я бы на твоём месте взяла с собой дуэнью, когда пойдешь ее допрашивать.

— Я не собирался идти один, — ответил он и посмотрел на меня. Поскольку мы шептались, наши лица были очень близко друг от друга. — Совсем недавно я узнал, что не так уж устойчив против сексуальных авансов. — Он смотрел честно, открыто — как мне хотелось, чтобы он смотрел в самолете. — В будущем придется быть осторожнее.

С этими словами он распрямылся и стал слишком высок, чтобы нам шептаться. Мы пошли к выходу в терминал, он впереди, я — за ним.

Шум двигателей остался позади — мы шли к шуму народа.

Шум толпы необъятным бормотанием наплывал на меня, поверх меня, будто я тонула в море звука. Людей болтало туда-сюда в дверях, как многоцветные щепки, — стена людей.

Наш терминал выходил в широкий холл, уводивший в глубь аэропорта. Дойл стоял проеме, в стороне, поджидая меня. Тут я сквозь толпу увидела высокую фигуру, идущую к нам. Гален был одет в полосы зеленого и белого: светло-зеленый свитер, еще более светлые зеленые штаны и белый пыльник до щиколоток, развевавшийся сзади пелериной. Свитер был под цвет волосам, которые короткими локонами спадали чуть ниже ушей, только сзади висела длинная тонкая косичка. Отец его был пикси, которого королева казнила за наглое преступление — он соблазнил одну из ее служанок.

Не думаю, что королева казнила бы этого пикси, если бы знала, что он зачал дитя. Дети драгоценны, и все, что размножается, продолжает свою кровь, заслуживает того, чтобы держать его при себе.

Я была рада его видеть, но знала, что если он здесь, то поблизости будет и фотограф. Честно говоря, я удивилась, что меня не встретили цепи репортеров. Принцесса Мередит исчезла на три года, и сейчас она возвращается домой живая и невредимая. Много лет мое лицо было наклеено на афишах супермаркетов; людей, которые видели эльфийскую принцессу Америки, было не меньше тех, кто встречал Элвиса. Не знаю, кто что сделал, чтобы спасти меня от акул прессы, но я была благодарна за это.

Бросив сумку рядом с Дойлом, я бросилась к Галену. Он сгреб меня в охапку и шумно поцеловал в губы.

— Мерри, до чего же я рад тебя видеть, девонька!

Его руки сплелись у меня на спине, легко держа меня в футе над землей.

Я никогда не любила, чтобы ноги беспомощно болтались. Поэтому я обхватила его ногами за пояс, а он переместил руки мне на бедра, чтобы поддержать.

К Галену на руки я бросалась всегда, сколько себя помню. После смерти отца он меня не один раз защищал при Неблагом Дворе — хотя, будучи, как и я, полукровкой, он не больше моего имел влияния. Зато он имел шесть футов мускулистого тела и был обученным воином, так что ему было чем подкрепить свою угрозу.

Конечно, когда он в семь лет подхватывал меня на руки, не было ни поцелуя, ни других вещей. Будучи лишь чуть старше ста лет, Гален оставался одним из самых молодых стражников королевы Андаис. Всего семьдесят лет разницы — среди сидхе это было как вырасти вместе.

Треугольный вырез его свитера низко уходил по выпуклой груди, обнажая завитки волос более темной зелени, чем волосы на голове, — почти черные. Свитер был мягкий, приятный на ощупь, обтягивал его тело. Кожа у него была белая, но свитер подчеркивал оттенок бледной-бледной зелени, и кожа казалась то перламутрово-белой, то зеленоватой, в зависимости от освещения.

Глаза у него были зеленые, как молодая весенняя травка, скорее человеческие, чем переливающийся изумруд, как у меня. Но все остальное — остальное было настолько оригинально, что словами не опишешь. Я так считала с четырнадцати лет, хотя не его обещал мне мой отец. Слишком хорошим парнем для этого был Гален. Он недостаточно хорошо играл в политические игры, и отец не был уверен, что Гален доживет до того, чтобы

увидеть, как я вырасту. Да, Гален говорил тогда, когда мудрее было бы промолчать. Это я так любила в нем, когда была ребенком, и из-за этого так за него опасалась, когда стала старше.

Он протанцевал по холлу со мной на руках под музыку, которая слышна была только ему, но я почти слышала ее, когда глядела ему в глаза, обвела взглядом закругление его губ.

— Как я рад тебя видеть, Мерри!

— Я это чувствую, — ответила я.

Он засмеялся — очень по-человечески. Ничего, кроме веселой радости Галена, в этом не было особенного, но для меня это всегда было по-особому.

Он наклонился ближе ко мне и шепнул:

— Ты волосы срезала. Такие красивые волосы!

Я чмокнула его в щеку:

— Отрастут.

Репортеров было немного, потому что слишком поздно они получили весть, чтобы налететь ордой, но почти у каждого был фотоаппарат. Фотографии сидхе королевской крови, особенно если они делают что-то необычное, всегда найдут спрос на рынке. Мы не возражали, чтобы они щелкали свои снимки, потому что помешать этому не могли. Использовать против них магию было бы ущемлением свободы печати — так постановил Верховный суд. Репортеры, которые писали о сидхе, сами были парасихиками своего рода или колдунами. Они бы ощутили, если бы против них использовали магию. Достаточно было бы только сообщить, и добро пожаловать в гражданский суд. Поговорить насчет Первой поправки.

У фейри есть два способа отношения к репортерам. Некоторые из нас ведут себя на публике крайне прилично, не представляя никакого интереса для папарацци. Мы с Галеном принадлежали к той школе, которая считала, что им надо дать что-нибудь пофотографировать. Что-нибудь не важное, чтобы они не искали более сенсационного материала. Что-нибудь позитивное, свеженькое и интересное. Такое отношение поощрялось королевой Андаис. У нее последние лет тридцать был пунктик: выставить в СМИ свой Двор в более живом, привлекательном виде. Лет тридцать — столько, сколько я на свете живу. Я участвовала вместе с отцом в весенних парадах. Моя помолвка с Гриффином проходила публично. Если королева велит "публично", то никакой "неприкосновенности частной жизни".

Кто-то рядом прокашлялся, и я перевела взгляд с Галена на Баринтуса. Если Гален казался оригинальным, то Баринтус — совершенно неземным. Волосы у него были цвета моря, цвета океанов. Бирюза Средиземного моря, темная синева Тихого океана, штормовая сероватая синева, как у океана перед бурей, переходящая в почти черный, как над глубинами, где вода течет густая, как кровь спящих великанов. При каждом касании света эти цвета переливались, переходя один в другой, будто это вовсе были и не волосы. Алебастровая белизна его кожи могла соперничать с моей. Глаза синие, но зрачки — черные щелки. Я точно знала, что у него есть прозрачная мембрана как третье веко, и он закрывает ею глаза, когда находится под водой. Когда мне было пять, он меня учил плавать, и меня приводило в восторг, что он может дважды подмигнуть одним глазом.

Он был повыше Галена, почти семь футов, как приличествует богу. Одет он был в ярко-синее пальто, распахнутое над сшитым на заказ черным костюмом, а сорочка у него была из синего шелка с высоким круглым воротником, который модельеры сейчас пытаются ввести в моду, чтобы избавить мужчин от галстуков. Баринтус выглядел в этом наряде ослепительно.

Волосы он пустил вокруг себя свободной волной, как второй плащ. И я знала, что выбирал его гардероб кто-то другой, может быть, моя тетка. Дай волю Баринтусу, он бы нацепил джинсы и футболку, а то и того проще.

Гален и Баринтус были наиболее частыми гостями в доме моего отца, когда он отправился жить к людям. Баринтус был силой среди сидхе — носителем чистой крови Старого Двора. Сидхе до сих пор перешептываются о его последней дуэли — это было задолго до моего рождения. На той дуэли его противник утонул посреди луга, в милях от ближайшей воды. Баринтус, как и мой отец, никогда не соглашался драться на дуэли, если не насмерть. Все остальное не стоило его времени.

Гален отпустил меня на землю. Я побежала к Баринтусу, протягивая руки в приветствии. Он осторожно вытащил руки из карманов пальто, согнул пальцы так, что мои руки можно было вложить в его. У него между пальцами были перепонки, и он болезненно к этому относился с тех пор, как один репортер в пятидесятых обозвал его "человек-рыба". Трудно поверить, что некто, почитаемый когда-то морским богом, обидится на хама двадцатого столетия, но так оно было. Баринтус навсегда запомнил этот опыт общения с прессой.

Перепонки можно было полностью убрать в дополнительную кожную складку, если Баринтус не хотел ими пользоваться. Тогда он расправлял кожу и плавал, как... ну, как рыба. Хотя вслух такой комплимент произносить тоже не стоило.

Он взял мои руки в свои и с высоты своего роста наклонился цивилизованно, но сердечно поцеловать меня в щеку. Я ответила тем же. Баринтус любил на публике вести себя цивилизованно. Его личная жизнь была не для общего пользования, и у него была сила отстаивать это право от самой королевы. К богам, даже свергнутым, следует относиться с определенным уважением. Тот репортер, что прилепил ему прозвище в заголовке мировых новостей, в то же лето потерпел крушение на Миссисипи, плавая на лодке. Очевидцы говорят, что просто вода встала дыбом и ударила в лодку. Ничего подобного они в жизни не видели.

Фотоаппараты продолжали щелкать. Мы продолжали их не замечать.

— Хорошо, что ты снова с нами, Мередит.

— И я тебя рада видеть, Баринтус. Я надеюсь, что при Дворе для меня будет достаточно безопасно, чтобы не получился просто продленный визит.

Прозрачное веко заморгало на его глазах. Когда он не плавал, это был признак нервозности.

— Это тебе придется обсудить с твоей тетей.

Мне не понравилось, как это прозвучало. Репортер совал мне под нос диктофон.

— Кто вы такая?

Вопрос свидетельствовал, что он попал на эту работу, когда я уже покинула дом.

Улыбаясь и очаровывая, Гален вышел вперед, открыл рот, но гулкую тишину наполнил другой голос.

— Принцесса Мередит Ник-Эссус, Дитя Мира.

Говоривший оттолкнулся от дальнего окна, к которому прислонялся.

— Дженкинс, до чего же неприятно вас видеть! — сказала я.

Он был высокий и тощий, хотя рядом с Баринтусом высоким бы не показался. Он всегда ходил в суточной щетине, такой густой, что я однажды его спросила, отчего он бороду не отрастит. Он ответил, что его жена не любит лицевой растительности. Я на это сказала, что

не могу себе представить, кто согласился за него выйти. Это Дженкинс продал фотографии расчлененного тела моего отца. Не в Соединенных Штатах, разумеется, мы для этого слишком цивилизованны, но есть другие страны, другие газеты, другие журналы. Фотографии купили и напечатали. Это он появился неожиданно на похоронах и щелкнул меня со слезами на щеках, с такими злыми глазами, что они горели как угли. Эта фотография была номинирована на какой-то приз. Приза ей не дали, но мое лицо и расчлененное тело моего отца стали мировой новостью — благодаря Дженкинсу. Я до сих пор его за это ненавидела.

— До меня дошел слух, что вы возвращаетесь посетить родные места. Вы останетесь целый месяц до Хэллоуина? — спросил он.

— Не могу поверить, чтобы кто-то рискнул навлечь на себя недовольство тетушки, разговаривая с вами, — сказала я, не отвечая на его вопрос. У меня большая практика игнорировать вопросы корреспондентов.

Он улыбнулся:

— Вы бы удивились, узнав, кто мне об этом говорил.

Мне эта фраза не понравилась. Как-то она звучала неопределенно угрожающе, как-то еще и лично. Нет, совсем мне она не понравилась.

— Милости просим домой, Мередит, — сказал он и отвесил небольшой, но странно стильный поклон.

То, что я хотела ему сказать, не годилось для произнесения на публике — слишком много было вокруг диктофонов. Если здесь Дженкинс, то и телевизионщики могут быть недалеко. Раз он не может получить эксклюзив, он постарался, чтобы здесь была толпа.

Я ничего не сказала, пропустила мимо ушей. Он меня подначивал еще с моего детства. Был он всего на десять лет меня старше, но выглядел старше на все двадцать, потому что я сейчас по виду была чуть за двадцать. Пусть я и не буду жить вечно, но сохранюсь очень хорошо. Я думаю, именно это раздражало Дженкинса — писать о тех, кто не стареет или стареет медленнее, чем он. Когда я была моложе, бывали моменты, когда мысль о том, что он наверняка умрет раньше, утешала.

— Ты все еще воняешь как пепельница, Дженкинс. Разве ты не знаешь, что курение сокращает ожидаемый срок жизни?

Лицо его стало резким и узким от злости. Он понизил голос и прошептал:

— Все та же мелкая стерва с Запада, да, Мерри?

— У меня есть постановление суда, запрещающее тебе к ней приближаться. Отойди на пятьдесят футов, Дженкинс, или я позову копов.

Баринтус подошел к нам и предложил мне руку. Ему не надо было этого говорить. Я-то знала, что не стоит втягиваться в обмен оскорблениями с репортером на глазах других репортеров. Постановление появилось, когда Дженкинс распространил мои фотографии по всему миру. Судебные прокуроры нашли нескольких судей, которые решили, что Дженкинс действительно злоупотребил доверием несовершеннолетней и нарушил неприкосновенность моей частной жизни. После этого ему было запрещено говорить со мной и подходить ближе пятидесяти футов.

Единственная, я думаю, причина, почему Баринтус тогда не убил за меня Дженкинса, состоит в том, что сидхе это тоже сочли бы за слабость. Я была не просто сидхе королевской крови, я стояла в двух ступенях от Неблагого трона. Если я не могу защитить себя даже от слишком усердных репортеров, то нечего мне делать в очереди на престолонаследие.

Поэтому Дженкинс стал моей проблемой. Королева запретила нам трогать репортеров после того небольшого инцидента с лодкой. К сожалению, от Барри Дженкинса меня могла избавить только его смерть. От всего остального он очухается и приползет снова за мной шпионить.

Я послала Дженкинсу воздушный поцелуй и прошла мимо, опираясь на согнутую руку Баринтуса. Гален шел за нами, отбивая вопросы репортеров. Что-то из его слов доносилось до меня. Воссоединение семьи, домой на каникулы, тра-ля-ля, тра-та-та. Мы с Баринтусом смогли отойти от репортеров подальше, потому что Гален взял их на себя. И я могла спросить кое о чем серьезном.

— Почему королева вдруг простила мне бегство?

— Зачем обычно зовут домой блудное дитя? — спросил он в ответ.

— Не надо говорить загадками, Баринтус, скажи просто.

— Она никому не сказала, что задумала, но ясно дала всем понять, что ты возвращаешься домой как почетный гость. Она что-то от тебя хочет, Мередит, что-то такое, что только ты можешь ей дать или для нее сделать или для ее Двора.

— Что я такого могу сделать, чего не можете все вы?

— Если бы я знал, я бы тебе сказал.

Я наклонилась к Баринтусу, погладила его ладонью по руке сверху вниз и вызвала заклинание. Небольшое, вроде как завернула вокруг нас клочок воздуха, чтобы шум отскакивал. Я не хотела, чтобы нас подслушали, а если за нами следит тот сидхе, то ничего подозрительного нет в том, чтобы отгородиться от репортеров.

— Что там Кел? Он собирается меня убить?

— Королева весьма настоятельно заявила всем, — он подчеркнул последнее слово, — что ты при Дворе должна быть в полной безопасности. Она хочет, чтобы ты была среди нас, Мередит, и явно готова подтвердить свое желание силой.

— Даже против своего сына? — спросила я.

— Этого я не знаю. Но что-то между ней и ее сыном изменилось. Она недовольна им, а почему — никто не знает. Я бы рад был сообщить тебе что-нибудь более конкретное, Мередит, но даже самые большие сплетницы при Дворе на эту тему не распространяются. Все боятся рассердить королеву или принца. — Он тронул меня за плечо. — За нами почти наверняка следят. И вызовет подозрение, если мы продержим это заклинание еще сколько-то.

Я кивнула и сняла заклинание, бросив его мысленно в воздух. Шум накрыл нас, и я ощутила напор толпы, в которую нам повезло не влететь, иначе бы заклинание разбилось. Конечно, я шла под руку с семифутовым синеволосям полубогом, что помогает расчистить себе путь. Некоторые сидхе ничего не имели против фейрифилов, но не Баринтус, и один взгляд его глаз заставлял почти любого шагнуть назад.

Баринтус продолжал говорить тоном, несколько слишком жизнерадостным для его обычных слов.

— Мы тебя отвезем отсюда к бабушке. — Он понизил голос. — Хотя как ты добилась согласия королевы сначала посетить своих родственников, а лишь потом выразить свое уважение ей, я не знаю.

— Я потребовала прав девы, и поэтому, кстати, ты меня отвезешь в мой отель оставить вещи и переодеться.

Мы уже стояли у багажного конвейера, глядя, как пустая серебряная лента идет по

кругу.

— Среди сидхе никто не требовал прав девы уже сотни лет.

— Не важно, как давно это было, Баринтус, все равно это наш закон.

Баринтус улыбнулся мне сверху:

— Ты всегда была очень умна, даже в раннем детстве, но выросла светочем интеллекта.

— И осторожности, не забывая этого, потому что без осторожности любой интеллект ведет к смерти.

— Цинично, но верно. Тебе действительно нас не хватало, Мередит, или ты радовалась свободе от всего этого?

— Без политики я вполне могла бы обойтись, но... — Я обняла его руку. — Тебя не хватало, и Галена, и... родина — это не то, что можно выбирать как хочешь, Баринтус. Она есть какая есть.

Он наклонился ко мне и шепнул:

— Я хочу, чтобы ты была дома, но мне будет там за тебя страшно.

Поглядев в эти чудесные глаза, я улыбнулась:

— И мне тоже.

Гален подскочил к нам, положил руку мне на плечи, другой обнял Баринтуса за пояс:

— Прямо большая счастливая семья!

— Не дурачься, Гален, — сказал Баринтус.

— Ну, — протянул Гален, — обломали настроение. О чем это вы сговаривались у меня за спиной?

— Где Дойл? — спросила я.

Улыбка Галена слегка увяла.

— Он отбыл докладывать королеве. — Улыбка вернулась на место. — Теперь твоя безопасность — наша забота.

Что-то мелькнуло, наверное, на лице у Баринтуса или у меня, потому что Гален спросил:

— В чем дело?

Я посмотрела на сияющую зеркальную поверхность впереди. Дженкинс уже был за барьером, шел к конвейеру. И более-менее держался пятидесяти футов. То есть так, чтобы я не могла потребовать его ареста.

— Не здесь, Гален.

Гален тоже посмотрел и увидел Дженкинса.

— Он тебя на самом деле ненавидит?

— Да.

— Никогда не понимал его враждебности к тебе, — сказал Баринтус. — Когда ты была еще младенцем, он тебя терпеть не мог.

— То есть это что-то личное?

— Ты не знаешь, почему это для него настолько личное? — спросил Гален, и было что-то в его голосе такое, что заставило меня отвернуться, не встретиться с ним взглядом.

За много лет до моего рождения моя тетка издала декрет, что мы не имеем права перед прессой пользоваться нашими темными силами. Я только однажды нарушила это правило — в назидание Дженкинсу. Единственным мне оправданием было то, что мне было восемнадцать, когда погиб мой отец. Когда Дженкинс выставил мою боль на потеху всему миру. Я вытащила из его разума самые жуткие его страхи и заставила их пройти у него перед

глазами. Я заставила его визжать и умолять. Потом бросила его дрожащим свернувшимся комом на обочине проселочной дороги. Несколько месяцев он был добрее, мягче, потом вернулся с мстью. Злее, резче, еще больше готовый на все ради материала. Он мне сказал, что остановить его я могу только одним способом — убить его. Я его не укротила, только обозлила. Дженкинс помог мне усвоить один урок: либо убей своего врага, либо не вяжись с ним.

Мой чемодан приехал по конвейеру одним из первых. Гален его поднял.

— Карета вас ждет, миледи.

Я посмотрела на него. Если бы здесь был только Гален, я бы еще поверила, но Баринтус не допускает выходок на публике, а карета — это была бы не последняя выходка.

— Королева Андаис послала за тобой личный автомобиль, — сказал Баринтус.

Я посмотрела на одного, на другого.

— Она послала за мной Черную Карету Ночной Охоты? Зачем?

— До темноты сегодня вечером, — объяснил Баринтус, — это всего лишь машина, лимузин. И то, что твоя тетя предложила его тебе со мной в качестве водителя, есть великая честь, которую не стоит отвергать, не подумав.

Я подошла к нему поближе и понизила голос, будто репортеры могли нас подслушать. Я не стала вызывать магию, чтобы скрыть наши слова, потому что, хоть я и не обнаружила этого, за нами могли наблюдать.

— Это слишком великая честь, Баринтус. Что происходит? Обычно мои родственники не обращаются со мной как с царственной особой.

Он посмотрел на меня и так долго молчал, что я подумала уже, что ответа не будет.

— Я не знаю, Мередит, — ответил он наконец.

— Поговорим в машине, — предложил Гален, улыбаясь и махая рукой репортерам.

Он подвел нас к автоматической двери. Лимузин ждал, похожий на гладкую черную акулу. Даже стекла были тонированы черным так, что внутри ничего не видно.

Я остановилась на тротуаре. Эти двое прошли дальше. Остановились, обернулись ко мне.

— В чем дело?

— Я просто думаю, что могло бы заползти в машину, пока мы были в здании.

Они переглянулись, посмотрели на меня.

— Машина была пустая, когда мы ее здесь оставили.

Баринтус был более практичен.

— Даю свое торжественное слово, что, насколько мне известно, машина пустая.

Я улыбнулась ему, но не слишком радостно:

— Ты всегда был осторожен.

— Скажем так: я не даю слово насчет того, что мне неподвластно.

— Например, насчет капризов моей тетушки.

Он слегка кивнул, и волосы его колыхнулись переливчатым занавесом.

— Разумеется.

Моя тетушка выбирать умела отлично. Трижды три по три телохранителей царственной особы. Двадцать семь воинов, преданных любому капризу моей тетки. Из них двое, кому я бы поверила более всех, стояли рядом со мной. Андаис хотела, чтобы я чувствовала себя защищенной. Зачем? Никогда раньше ее не интересовало, чувствую я себя в безопасности или нет. Вспомнились недавние слова Баринтуса. Королева хочет от меня чего-то, что

только я могу ей дать или для нее сделать или для Двора. Вопрос был в том, что это за вещь, которую только я могу сделать? Навскидку я не могла придумать ничего, что только я могла бы ей дать.

— Детки, в машину! — произнес Гален сквозь сжатые зубы.

Неподалеку стоял телевизионный фургон, застрявший в пробке, но он приближался. Если он подъедет и перекроет нам выезд, что уже раньше случалось, у нас будут неприятности посерьезнее моей паранойи. Как бы ни была эта паранойя оправданна.

Баринтус достал из кармана ключи и нажал кнопку на брелоке. С шипением уходящего воздуха подскочила крышка багажника, будто была закрыта герметически. Гален положил туда мой чемодан и протянул руку за сумкой.

Я покачала головой:

— Я ее возьму с собой.

Он не спросил зачем — знал, а мог и догадаться. Я бы не вернулась домой, не имея оружия больше, чем на себе.

Баринтус придержал для меня заднюю дверь.

— Телефургон сейчас подъедет, Мередит. Если мы собираемся — как это? — делать ноги, то сейчас самое время.

Я сделала полшага к двери — и остановилась. Обивка была черной, все было черным. Слишком долгая была история у этого автомобиля, чтобы не заорали все парапсихические сигналы тревоги, которые у меня только есть. Сила из этой открытой двери ползла мурашками по коже, поднимала мне волоски на руках. Иногда он бывал Черной Каретой Ночной Охоты. Даже если никакие фокусы нас внутри не ждали, это был предмет с дикой силой, и эта сила сейчас текла по мне.

— Мерри, клянусь тебе Господом и Госпожой, — произнес Гален. Он протиснулся мимо меня и исчез в черноте автомобиля. Исчез совсем, потом показался снова, протягивая мне бледную руку.

— Мерри, он не укусит.

— Обещаешь? — спросила я.

— Обещаю, — ответил он с улыбкой.

Я взяла его за руку, и он притянул меня к открытой двери.

— Только я не обещал, что я не буду кусаться.

Он втянул меня в машину, и мы оба засмеялись. Хорошо вернуться домой.

Кожа обивки вздохнула почти по-человечески, когда я устроилась на сиденье. Панель черного стекла закрывала нам вид на Баринтуса. Будто в черной космической капсуле. Напротив нас в маленькой нише стояло серебряное ведро. Два хрустальных бокала, поставленные в углубления для устойчивости, ждали, чтобы их наполнили. За вином находился подносик с крекерами и чем-то, с виду похожим на икру.

— Это твоя работа? — спросила я.

Гален покачал головой:

— Даже жаль, что не моя, хотя я бы знал, что икру ставить не надо. У тебя плебейские вкусы.

— Ты ее тоже не любишь.

— Так и я тоже плебей.

— Ну уж нет, — не согласилась я.

Он обласкал меня улыбкой, согретой с головы до ног. Потом улыбка погасла.

— Я заглянул назад, когда мы отъезжали. — Он пожал плечами в ответ на мой взгляд. — Я согласен, что королева ведет себя странно, и хотел удостовериться, что за этим черным стеклом нет сюрпризов.

— И?..

Он взял бутылку:

— И вот этого там не было.

— Точно не было? — спросила я.

Он кивнул и отодвинул салфетку, чтобы прочесть этикетку на вине. Прочел и тихо присвистнул.

— Это из ее личного запаса. — Гален показал бутылку мне осторожно, потому что вино было открыто, чтобы дышало. — Как тебе мысль попробовать тысячелетнего бургундского?

Я покачала головой:

— Я не буду есть или пить ничего, что этот автомобиль мог нам подложить. Нет, спасибо, — похлопала я машину по обивке. — Не хочу никого обидеть.

— Это может быть дар королевы, — сказал Гален.

— Тем более есть смысл его не пить, — ответила я. — Хотя бы пока не разберусь, что происходит.

Гачен посмотрел на меня, кивнул и поставил вино обратно в ведро.

— Трезвая мысль.

Мы устроились на кожаных сиденьях. Молчание казалось тяжелее, чем должно быть, — будто кто-то слушает. Я готова была поверить, что слушает сам автомобиль.

Черная Карета — один из предметов у фей, имеющий свою энергию, свою жизнь. Он не был, насколько нам известно, создан кем-то из известных нам фейри или древних богов. Просто он существовал столько, сколько помнил себя каждый из нас. Шесть тысяч лет и далее. Конечно, тогда это был черный фаэтон с упряжкой вороных коней. Это не были кони сидхе, они вообще будто не существовали до наступления темноты. А тогда они возникали сгустками черноты с пустыми глазницами, которые наполняло лепрозное пламя, когда их запрягали в фаэтон.

И он был каретой — каретой с четверней, — когда я его увидела. Однажды — никто не

помнит точного дня — фаэтон исчез, и появилась карета. Только лошади остались теми же. Карета сменила облик, когда фаэтоны вышли из употребления. Модернизировалась.

Потом в одну ночь, тому еще двадцати лет не минуло, Черная Карета исчезла, и появился этот лимузин. Лошади не вернулись, но я видела, что у этой штуки вместо двигателя под капотом. Клянусь, оно горит тем же болезненным огнем, что светился в глазах коней. Бензина эта машина не потребляет. На чем она ездит, я понятия не имею, но знаю, что этот фаэтон, или карета, или машина иногда сам по себе исчезает. Уезжает куда-то в ночь по собственным делам. Черная Карета была вестником смерти, предупреждением о неотвратимой угрозе. Сейчас начинали ходить легенды о зловещем черном автомобиле. Он стоит возле чьего-нибудь дома с включенным мотором, и зеленый огонь пляшет по нему, а потом на обитателя дома обрушивается рок. Так что вы уж простите меня, если я чуть нервничала в таких удобнейших кожаных креслах.

Я посмотрела на Галена, протянула к нему руку. Он улыбнулся и обхватил ее пальцами.

— Скучал без тебя.

— Я тоже.

Он поднес мою руку к губам и нежно поцеловал. Потом притянул меня к себе, и я не сопротивлялась. Перелезла по кожаному сиденью в кольцо его рук. Я любила ощущение его рук на своих плечах, любила завернуться в его тело. Голову я положила на чудесную мягкость его свитера, на твердую выпуклость груди под ним, и слышала ровный стук его сердца, как больших часов.

Вздыхнув, я устроилась поудобнее, переплетя с ним ноги.

— Ты всегда меня баюкал лучше, чем кто угодно другой.

— Да, я такой. Большой приятный плюшевый мишка.

Что-то в его голосе заставило меня поднять глаза.

— Что такое, Гален?

— Ты мне не сказала, что уезжаешь.

Я села. Его рука осталась у меня на плечах, но ощущение уюта было испорчено. Испорчено обвинениями, которые, наверное, еще не были исчерпаны.

— Я не могла рискнуть сказать кому-нибудь, и ты это знаешь, Гален. Если бы кто-то хоть заподозрил, что я бегу от Двора, мне бы помешали — если не хуже.

— Три года, Мерри. Три года я не знал, жива ты или нет.

Я попыталась высвободиться из-под его руки, но он прижал меня к себе.

— Мерри, пожалуйста, дай я тебя подержу, дай убедиться, что ты настоящая.

Я перестала сопротивляться, но уюта уже не было. Никто другой не спросил бы, почему я никому не сказала, почему никому не подала о себе вести. Баринтус, Ба, кто угодно — все промолчали бы, только не Гален. Иногда я понимала, почему отец не выбрал Галена мне в консорты. Он позволял эмоциям собой владеть, а это опасно.

Наконец я отодвинулась.

— Гален, ты сам знаешь, почему я тебе не подала вестей.

Он не смотрел мне в глаза. Я взяла его за подбородок и повернула к себе. Зеленые глаза смотрели с обидой, удерживая ее, как воду в чашке; видно было до самого дна. Он совершенно не годился для придворной политики.

— Если бы королева заподозрила, что ты знаешь, где я, или вообще что-нибудь, она бы стала тебя пытаться.

Он схватил мою руку, поднес к лицу:

— Я бы никогда тебя не выдал!

— Я знаю. И ты думаешь, я смогла бы жить дальше, зная, что ты подвергаешься бесконечным мучениям, пока я отсиживаюсь в теплом местечке? Ты должен был ничего не знать, чтобы не было смысла тебя допрашивать.

— Мне не надо, чтобы ты защищала меня, Мерри.

Я улыбнулась:

— Мы защищаем друг друга.

Он улыбнулся, потому что долго не улыбаться не мог.

— Ты — мозг, я — кулак.

Я встала на колени и поцеловала его в лоб.

— Как ты ни во что не влип без моих советов?

Он обнял меня за талию, притянул к себе.

— С трудом. — Он посмотрел на меня, хмурясь. — А что это за черная водолазка? Мне казалось, мы договорились никогда не носить черного.

— Она хорошо смотрится с угольно-серым брючным костюмом.

Он положил подбородок чуть выше выпуклости моих груди, и эти честные зеленые глаза не дали мне уклониться от вопроса.

— Я приехала, чтобы вписаться в придворную жизнь, Гален, если выйдет. И если это значит, что надо носить черное, как при Дворе принято у большинства, то я готова на это пойти. — Я улыбнулась. — К тому же черное мне идет.

— Это да.

В открытых зеленых глазах за клубились первые струйки того старого чувства.

Неловкость между нами существует с тех самых пор, как я стала достаточно взрослой и поняла, что это за странное ощущение у меня в нижней части тела. Но каков бы ни был накал, ничего между нами никогда не могло быть. По крайней мере физически. Он, как и многие другие, был Вброном королевы, а это значит, что он подчинялся ей и только ей. Вступить в стражу королевы — это был единственный за всю жизнь Галена разумный политический ход. Он не был сильным магом и мало что понимал в закулисных интригах. Единственное, что у него действительно было, — это сильное тело, отличная рука и способность заставлять других улыбаться. Я имею в виду именно способность — он излучал жизнерадостность, как некоторые женщины оставляют за собой след духов. Чудесная способность, но, как и многие мои, не особо полезная в бою. Как один из Вбронов королевы он был в относительной безопасности. Их не вызывают на дуэль просто так, потому что никогда не знаешь, не воспримет ли королева вызов как оскорбление лично ей. Не будь Гален стражем, он бы, наверное, погиб бы задолго до моего рождения; но то, что он страж, обрекало его на вечное одиночество. Всегда хотеть и никогда не получать. Я взъярилась на отца за то, что он не дал мне быть с Галеном. Это было единственное у нас серьезное несогласие. Годы ушли, чтобы я поняла то, что понимал отец: почти все сильные стороны Галена — одновременно и его слабости. Сердечко у него золотое, но он иногда бывал почти что политической обузой.

Гален прижался щекой к моей груди и потерял лицо. У меня на миг пресеклось дыхание, потом оно вышло вздохом.

Я провела пальцем его щеке, по полным мягким губам.

— Гален...

— Тс-с! — шепнул он.

Поднял меня за талию и поставил перед собой. Мои колени оказались у него на бедрах, лицо его прямо под моим. Пульс у меня в горле стучал почти болезненно.

Он медленно провел по мне руками вниз, опустил руки мне на бедра. Я не могла не вспомнить прошлую ночь и Дойла. Гален сместил руки, постепенно раздвигая мне бедра, посадил меня на себя верхом. Я старалась отодвинуться, оставить между нами немного места. Мне не хотелось так интимно ощущать его тело — сейчас не хотелось.

Он погладил меня ладонями по шее, подложил их под затылок, запустил длинные пальцы мне в волосы, и невероятное тепло его рук обдало мне кожу.

Гален был из тех стражей, которые полагали, что уж лучше легкие прикосновения, чем ничего. Мы с ним всегда танцевали на самом краю.

— Давно уже не было, Гален.

— Десять лет, как я тебя уже так не держал, — ответил он.

Семь лет с Гриффином, потом три года изгнания, и сейчас Гален хотел начать прямо там, где мы остановились, будто ничего не изменилось.

— Гален, я не думаю, что это надо делать.

— А ты не думай, — ответил он, наклонился ко мне так близко, что легкое дыхание могло бы соединить наши губы, и сила потекла из его рта как нить захватывающего дыхание тепла.

— Не надо, Гален. — Мой голос прозвучал с придыханием, но я говорила всерьез. — Не надо магии.

Он чуть отодвинулся, чтобы видеть мое лицо.

— Мы всегда так делали.

— Десять лет назад.

— Какая разница? — спросил он.

Он запустил руки мне под жакет и массировал спину.

Может быть, эти десять лет не изменили его, но они изменили меня.

— Нет, Гален.

Он посмотрел на меня в искреннем недоумении:

— Почему нет?

Я не знала, как это объяснить, не задевая его чувств. Я надеялась, что королева снова даст мне разрешение выбрать стража в качестве консортера, как когда она разрешила отцу выбрать для меня Гриффина. Если я позволю вернуть то, что было десять лет назад с Галеном, он решит, что именно его я выберу. Я его любила и, может быть, всегда буду любить, но позволить себе роскошь сделать его своим консортером я не могла. Гален — просто не тот мужчина. Мой консортер тут же лишится защиты королевы, как только выйдет из стражи. Моя угроза — недостаточная сила, чтобы защитить Галена, а его угроза и того меньше значит, потому что он еще менее беспощаден, чем я. День, когда Гален станет моим консортером, будет тем днем, когда я подпишу ему смертный приговор.

Только все это я ему объяснить не могла. Он никогда не мог бы понять, как он опасен для меня — и для себя.

Я выросла и наконец-то стала дочерью своего отца. Что-то можно выбирать сердцем, что-то — головой, но если сомневаешься, отдай предпочтение голове перед сердцем. Останешься живой.

Я склонилась над ним, стала слезать с его колен. Его руки сомкнулись у меня за спиной. Такой обиженный был у него вид, такой потерянный.

— Ты говоришь всерьез.

Я кивнула. Я видела по его глазам, как он пытается понять. Наконец он спросил:

— Но почему?

Я погладила его по лицу, по кончикам кудрей.

— Ох, Гален!

Его глаза выразили печаль, как выражали радость, или недоумение, или любую эмоцию, которая им владела. Худшего актера в мире нет.

— Поцелуй меня, Мерри, в знак возвращения домой.

— Мы целовались в аэропорту, — напомнила я.

— Нет, по-настоящему, в последний раз. Пожалуйста, Мерри.

Надо было сказать "нет", заставить его отпустить меня, но я не могла. Не могла сказать "нет" этому его взгляду, и, если честно, раз уж я решила никогда больше с ним так близко не быть, то мне хотелось этого поцелуя.

Он поднял ко мне лицо, я опустила к нему губы. У него они были такие мягкие! Мои руки нашли закругление его лица, взяли его в ладони. Он сплел пальцы у меня за спиной, осторожно погладил ягодицы, скользнул по бедрам. Осторожно потянул меня за ноги, я снова сползла вниз по его телу. На этот раз он постарался, чтобы места между нами не осталось. Я ощущала, как он напряженно и твердо прижимается ко мне через штаны.

Это ощущение оторвало мои губы от его, исторгло стон из моего горла. Его руки гладили меня, охватывали ягодицы, прижимали меня теснее.

— Можно убрать пистолет? Он в меня впивается.

— Его можно убрать, только сняв португепю, — сказала я, и в моем голосе было то, чего не выражали слова.

— Я знаю, — ответил он.

Я открыла рот, чтобы сказать "нет", но вышло не это. Было как серия решений: каждый раз я должна была сказать "нет", остановиться, и каждый раз не останавливалась. Мы растянулись на длинном кожаном сиденье, и большая часть нашей одежды, все наше оружие валялось на полу.

Мои ладони блуждали по гладкому простору груди Галена. Тонкая косичка зеленых волос бежала через его плечо, вилась поперек темной кожи соска. Я провела рукой по линии волос, уходящей посередине живота под край штанов. И не могла вспомнить, как это мы оказались в таком виде. На мне оставались только лифчик и трусы. Как я снимала брюки — не помню. Как будто на несколько минут я отключилась, потом очнулась уже в таком виде.

Молния его штанов была расстегнута, я увидела зеленые плавки. Мне хотелось с силой вдвинуть руку вниз по его телу. Так хотелось, что ощущала его в руке, будто уже держала.

Никто из нас не пользовался силой — это было просто ощущение кожи на коже, прикосновений тел. Мы много лет назад и дальше этого заходили. Но что-то было не так. Просто я не могла вспомнить что.

Гален наклонился, целуя меня в живот. Он пролизывал широкую влажную полосу вниз по моему телу. Я не могла думать, а думать надо было.

Его язык играл на краю моих трусиков, лицо уткнулось в кружева, отодвигая их ртом и подбородком, опускаясь ниже.

Я схватила в горсть прядь зеленых волос и заставила его поднять лицо, отвести от моего тела.

— Гален, нет!

Он скользнул по мне руками, подsunул пальцы под чашки лифчика, приподнял его, обнажив мне грудь.

— Скажи "да", Мерри, скажи, скажи "да"!

Он водил руками по моим грудям, сжимая их, глядя.

Я не могла думать, не могла вспомнить, почему этого делать нельзя.

— Я не могу думать, — сказала я вслух.

— Не думай, — отозвался Гален, опустил лицо и стал нежно целовать мне груди, полизывая соски.

Я уперлась рукой ему в грудь, оттолкнула его. Он навис надо мной, упираясь руками по обе стороны от меня, наполовину на мне.

— Что-то здесь не так. Мы не должны этого делать.

— Все так, Мерри.

Он опустил лицо к моим грудям, но я обеими руками уперлась ему в грудь, продолжая от себя отталкивать.

— Нет, не так.

— Что же?

— Вот в том-то и дело, никак не вспомню. Не могу вспомнить, Гален, понимаешь? Не могу вспомнить, а должна мочь вспомнить.

Он наморщил брови.

— Что-то же есть... — Он мотнул головой. — Не могу вспомнить.

— Как мы оказались на заднем сиденье этой машины? — спросила я.

Гален отодвинулся от меня, сел, все еще в расстегнутых штанах, руки на коленях.

— Ты едешь навестить бабушку.

Я поправила лифчик и села, сдвинувшись на свою сторону.

— Да, это так.

— А что случилось сейчас? — спросил он.

— Я думаю, это чары.

— Но мы не пили вина и не ели того, что здесь.

Я посмотрела на черный интерьер автомобиля.

— Заклинание где-то здесь. — Я начала водить руками по краю сиденья. — Кто-то заложил его в машину, и это не была сама машина.

Гален повел руками по потолку, обыскивая его.

— Если бы мы тут занялись любовью по-настоящему...

— Моя тетя приказала бы нас казнить.

Я не стала рассказывать ему про Дойла, но сильно сомневалась, что королева позволила бы мне растлить двух ее стражей в один день и остаться безнаказанной.

Я нашла комок под черной материей пола. Осторожно приподняла обивку, не желая делать машине больно. Под ней лежал плетеный шнур с привязанным серебряным кольцом. Это было кольцо королевы — один из магических предметов, который феи было позволено вывезти из Европы в дни великого исхода. Это был предмет великой силы, и потому магия шнура действовала без прикосновения к коже и без вызова.

Я подняла эту штуку, показала Галену:

— Я его нашла, и на нем — ее кольцо.

Гален широко раскрыл глаза.

— Она никогда не снимает это кольцо. — Он взял у меня шнур, потрогал разноцветные

пряди. — Красная — вожделение, оранжевая — опрометчивая любовь, но при чем здесь зеленая? Этот цвет обычно резервируется для нахождения моногамного партнера. Эти три цвета никогда не смешивают.

— Даже для Андаис это слишком по-сумасшедшему. Зачем приглашать меня домой как почетного гостя, но при этом подставлять под казнь по дороге? Совершенно бессмысленно.

— Никто не мог бы получить это кольцо без ее разрешения, Мерри.

Что-то белое торчало между сиденьем и спинкой. Я пододвинулась ближе и увидела, что это конверт.

— Его здесь не было, — сказала я.

— Да, не было, — согласился Гален. Подобрал с пола свитер, он натянул его на себя.

Я потянула конверт, и его будто кто-то подтолкнул с другого конца, как если бы мышца сократилась. У меня пульс забился в горле, но я взяла конверт. На нем значилось мое имя, написанное красивым почерком. Почерком королевы.

Я показала его Галену, который продолжал одеваться.

— Открыла бы ты его, — предложил он.

Я перевернула конверт и увидела ее печать на черном сургуче, нетронутую. Сломав печать, я вытащила листок плотной писчей бумаги.

— Что там написано? — спросил Гален.

Я прочитала вслух:

— "Принцессе Мередит Ник-Эссус. Прими это кольцо как дар и знак того, что будет. Я хочу видеть его на твоей руке, когда мы встретимся". Смотри ты, она даже подписалась. — Я посмотрела на Галена. — Смысла все меньше и меньше.

— Взгляни, — сказал он.

Я посмотрела туда, куда он показывал, и увидела на сиденье бархатную сумочку. Когда я брала конверт, ее там не было.

— Что это творится?

Гален осторожно вытащил сумочку на свет. Она была миниатюрной, и в ней лежал только кусок черного шелка.

— Дай мне взглянуть на кольцо, — попросил Гален.

Я отцепила серебряное кольцо от шнура, держа его в ладони. Холодный металл стал теплым. Я напряженно ждала, что он станет горячим, но нет — осталось пульсирующее тепло. Либо это часть магии самого кольца, либо... Я протянула кольцо Галену:

— Возьми в ладонь, посмотрим, что ты почувствуешь.

Он осторожно взял кольцо двумя пальцами, положил к себе на ладонь. Тяжелое восьмиугольное кольцо поблескивало у него в руке.

Он смотрел на него несколько секунд. Ничего не произошло.

— Теплое? — спросила я.

Гален посмотрел на меня, приподнял брови:

— Теплое? Нет. А должно быть?

— Очевидно, не для тебя.

Он обернул кольцо куском шелка и сунул обратно в бархатную сумочку. Оно вошло, но для шнура места не осталось. Гален посмотрел на меня:

— Не думаю, что заклятие наложила королева. Она, наверное, положила это кольцо как дар тебе — что и говорится в записке.

— Значит, чары кто-то добавил.

Он кивнул.

— Очень тонкое заклинание, Мерри. Мы чуть не проглядели его.

— Да, я почти решила, что это я делаю по собственной воле. Если бы это было какое-нибудь грубое заклинание похоти, мы бы намного раньше заметили.

Очень мало кто при Неблагом Дворе способен был создать такое утонченное любовное заклинание. Наша специальность — не любовь, а вожделение.

Гален повторил мои мысли:

— При Дворе найдутся всего трое, максимум пятеро, кто мог бы такое создать. Но если меня спросить, я бы сказал, что никто из них намеренно не причинил бы тебе вреда. Может быть, не всем им ты нравишься, но они тебе не враги.

— Или не были ими три года назад, — сказала я. — Со временем образуются новые альянсы, меняются цели.

— Я ничего такого не заметил, — возразил Гален.

Я улыбнулась:

— Да, удивительно, как *ты* мог не заметить закулисной политической игры.

— Ладно, ладно, я не политическое животное, но Баринтус — вполне, а он никогда не говорил о таких серьезных изменениях настроения среди нейтральных партий при Дворе.

Я протянула руку за кольцом, Гален отдал мне сумочку. Вынув кольцо, я положила его на ладонь. Еще даже не коснувшись меня, оно чуть потеплело. Я сжала его в кулаке, и тепло усилилось. Кольцо — кольцо моей тетки, кольцо королевы, отвечало на мое прикосновение. Понравится это королеве или вызовет ее гнев? Если бы она не хотела, чтобы кольцо меня признало, зачем бы она его мне отдала?

— У тебя довольный вид, — сказал Гален. — С чего бы это? Ты только что чуть не стала жертвой покушения — или уже забыла?

Он всматривался мне в лицо, будто стараясь прочесть мысли.

— Кольцо отвечает на мое прикосновение, Гален. Это реликвия силы, и она меня узнала. — Тут сиденье подо мной дернулось, и я вздрогнула. — Ты почувствовал?

— Да, — кивнул Гален.

Зажегся верхний свет, и я снова вздрогнула:

— Это ты включил?

— Нет.

— И не я, — сказала я.

На этот раз я смотрела, как кожаное сиденье вытолкнуло из себя предмет. Будто что-то живое дергалось. Это было маленькое серебряное украшение. Я побоялась его трогать, но сиденье продолжало шевелиться, выдвигая предмет на свет, и стало видно, что это запонка.

Гален взял ее. Лицо его потемнело, и он протянул запонку мне. На ней красивой вязью была выведена литера "К".

— Королева велела сделать запонки для всех стражей и на каждой написать первую букву имени владельца.

— Ты хочешь сказать, что кто-то из стражей вложил заклинание в машину, а сумочку и письмо постарался утопить в сиденьях.

Гален кивнул:

— А автомобиль сохранил запонку, чтобы потом показать тебе.

— Спа... спасибо, автомобиль, — прошептала я.

К счастью, автомобиль не отреагировал. Мои нервы были ему за это благодарны, но я

знала, что он меня слышал. Я ощущала, как он наблюдает за мной, это было как когда чувствуешь затылком взгляд. Обернешься и видишь, что кто-то на тебя смотрит.

— Когда ты говоришь о стражах, ты имеешь в виду и охрану принца?

Гален кивнул:

— Ей нравится вид женщин-стражниц в мужских рубашках. Она говорит, что это стильно.

— Так, это нам добавляет в список подозреваемых еще... сколько? Пятерых?

— Шестерых.

— Давно ли было известно, что королева посылает за мной в аэропорт Черную Карету?

— Мы с Баринтусом узнали только два часа назад.

— Значит, надо было действовать быстро. Может быть, любовное заклинание не было предназначено для меня. Взяли то, что было сделано для другой цели.

— Нам повезло, если это было сделано не специально для нас. Иначе мы могли бы опомниться уже слишком поздно.

Я вложила кольцо в бархат сумочки и подняла с пола водолазку. Почему-то, не очень понимая почему, я хотела надеть кольцо уже одетой. Посмотрев в потолок машины, я спросила:

— Автомобиль, это все, что ты мне хотел показать?

Верхний свет погас.

Я вздрогнула, хотя и ожидала такой реакции.

— Черт, — произнес Гален. Он отодвинулся от меня — или от потемневшего света — и смотрел на меня вытаращенными глазами. — Я не ездил в этой машине с королевой, но я слышал...

— Что если автомобиль кому-то отвечает, — продолжила я, — то только ей.

— И теперь тебе, — тихо сказал он.

Я покачала головой:

— Черная Карета — неукротенная магия; я не настолько самоуверенна, чтобы полагать, будто она мне подчиняется. Машина слышит мой голос. Есть ли в этом еще что-нибудь... — Я пожала плечами. — Время покажет.

— Ты еще часа не провел в Сент-Луисе, Мерри, и уже покушение на твою жизнь. Дела хуже, чем когда ты скрылась.

— Когда ты стал пессимистом, Гален?

— Когда ты оставила Двор, — ответил он.

Его лицо стало печальным. Я погладила его по щеке:

— Гален, как я по тебе скучала!

— Но по Двору больше. — Он прижал мою ладонь к своей щеке. — Я по твоим глазам вижу, Мерри. Просыпается прежнее честолюбие.

Я высвободила руку.

— Я честолюбива не в том смысле, что Кел. Я просто хочу жить при Дворе в относительной безопасности, а это, к несчастью, потребует некоторых политических маневров.

Положив бархатную сумочку на колени, я натянула водолазку. Потом влезла в штаны, приладив пистолет и ножи на место. Сверху накинула жакет.

— У тебя помада стерлась, — сказал Гален.

— Вся на тебя перешла, — ответила я.

Мы с помощью зеркала восстановили помаду у меня на губах и стерли ее с Галена бумажной салфеткой. Я щеткой пригладила волосы и уже была одета. Дальше откладывать я не могла.

В полумраке я взяла кольцо. Оно было великовато для безымянного пальца, поэтому я надела его на указательный. Надела на правую руку, не думая. Кольцо ощущалось теплом на коже, напоминанием, что оно со мной, и ждало, чтобы я сообразила, что с ним делать. Или само старалось сообразить, что делать со мной, но я доверяю своему магическому ощущению. Кольцо не было откровенно злым, хотя это не значит, что не может произойти какой-нибудь несчастный случай. Магия подобна любому инструменту: если обращаться с ним неуважительно, можешь сам себя поранить. Как правило, магия не более вредоносна, чем циркулярная пила, но убить может и та, и другая.

Я попыталась снять кольцо, но оно не снималось. Сердце забилося чуть быстрее, дыхание стало затрудненным. Я стала стягивать кольцо чуть ли не отчаянно, потом взяла себя в руки. Сделала несколько успокаивающих глубоких вдохов. Кольцо было даром королевы, и многие, просто увидев его у меня на руке, стали бы относиться ко мне уважительнее. И это кольцо, как и автомобиль, имело собственные намерения. Оно хотело остаться у меня на пальце, и там оно останется, пока не захочет это место покинуть или пока я не соображу, как его снять. Вреда оно мне не причиняет. Причин для паники нет.

Я протянула руку Галену:

— Не хочет сниматься.

— Так было однажды на руке у королевы, — сказал он, и я поняла, что он хочет меня успокоить.

Он поднес мою руку к лицу и поцеловал ее. Когда его губы коснулись кольца, что-то ударило как электрический ток, но это был не ток, а магия.

Гален отпустил меня и отодвинулся подальше.

— Интересно бы знать, дернется ли так же это кольцо от прикосновения Баринтуса?

— Мне тоже, — согласилась я.

Из интеркома раздался голос Баринтуса:

— Через пять минут будем дома у твоей бабушки.

— Спасибо, Баринтус, — ответила я.

Интересно, что он скажет, когда увидит кольцо. Баринтус был ближайшим советником моего отца, его другом. Его звали Баринтус Делатель Королей, и после смерти отца он стал мне другом и советником. При Дворе некоторые называли его Делателем Королев, но только за глаза. Баринтус был одним из немногих при Дворе, кто мог бы победить моих несостоявшихся убийц магией. Но если бы он встал за меня и уничтожил моих врагов, я бы потеряла последние остатки уважения среди сидхе. И Баринтус должен был беспомощно смотреть, как я защищаюсь, хотя он и советовал мне быть беспощадной. Иногда важно не сколько у тебя магической силы, а что ты хочешь ею сделать.

"Заставь врагов бояться тебя, Мередит", — говорил он, и я старалась изо всех сил. Но мне никогда не быть такой устрашающей, как Баринтус. Он одной мыслью мог уничтожить целые армии. Это значило, что враги уходят с его дороги как можно дальше.

И еще это значит, что если хочешь поплавать с акулами, то бывший бог шести тысяч лет от роду — отличный напарник в таком занятии. Галена я люблю, но в качестве союзника он меня беспокоит. Беспокоит, что дружба со мной может довести его до гибели. А насчет Баринтуса я не беспокоюсь. Если кому-то из нас придется хоронить другого, то ему — меня.

Ба оставила себе комнаты на самом верху дома. В давние времена, когда это викторианское убожище еще было новым, здесь располагались комнаты для слуг. Зимой тут был ледник, летом — духовка. Но кондиционер и центральное отопление — чудесные штуки. Ба разломала часть стен, и получилась симпатичная гостиная с просторной ванной с одной стороны, небольшая комнатка рядом, просто чтобы была, и большая спальня с другой стороны гостиной, где Ба и жила.

Гостиная была выдержана в белых, кремовых и розовых тонах. Мы сидели на диванчике на двоих с прямой спинкой, обитом тканью с узорами в виде цветка столистой розы, и столько на нем валялось кружевных подушек, что непонятно было, куда их девать. Я из них сложила сбоку от себя что-то вроде горы цветов и кружев.

Мы пили чай из цветочного сервиза. Сейчас вторая чашка с тонким фарфоровым блюдцем плыла ко мне с кофейного столика. Чтобы поймать что-то, что к тебе левитирует, надо просто сидеть тихо. Не хватай, иначе прольешь. Жди, и если тот, кто исполняет левитацию, умеет это делать, то чашка или что там еще ткнется тебе в руку, и тогда хватай. Иногда мне кажется, что это были первые мои уроки терпения — ждать, пока чашка всплывет в руку.

Сейчас я сосредоточилась на настоящем. На том, как не пролить чай или как взять кусок сахара из летающей сахарницы. Просто на том, чтобы общаться с бабушкой после этих трех лет. Но в мозгу, в глубине, роились вопросы. Кто пытался убить меня в машине? Кел или нет? Зачем королеве так нужно, чтобы я вернулась? Чего она от меня хочет? Скачки называют спортом королей, но на самом деле не это их настоящий спорт. Настоящий — это борьба за выживание и власть.

Голос Ба вернул меня к действительности так неожиданно, что я вздрогнула. Летающая чашка чуть отодвинулась — как космический корабль, регулирующий свое положение перед стыковкой.

— Извини, Ба, я прослушала.

— Милая, у тебя нервы слишком натянуты, они могут лопнуть.

— Тут я ничего не могу сделать.

— Я не думаю, чтобы королева привлекла тебя обратно ко Двору, только чтобы видеть, как убьют тебя твои враги.

— Если бы ее поступки подчинялись логике, я бы согласилась, но мы обе слишком хорошо ее знаем.

Ба вздохнула. Она была еще ниже меня — пару дюймов до пяти футов не дотягивала. Я помню время, когда она казалась мне огромной, и я твердо знала, что мне ничего не грозит у нее на руках. Длинные волнистые каштановые волосы Ба развевались вокруг ее хрупкого тела как шелковый занавес, но лица они не закрывали. И кожа у нее была коричневой, как орех, и чуть сморщенной, только не от возраста. Глаза большие и карие под цвет волосам, с прекрасными ресницами. Но у нее не было носа и почти не было рта. Как будто вместо лица — коричневый череп. На месте носа виднелось двойное отверстие, будто нос отрезали, но на самом деле она родилась с таким лицом. Ее отец, мой прадед, был человеком, и он говорил ей, когда Ба была маленькой, что она очень красива. Она копия своей матери — той женщины, которую он любит.

Я бы рада была познакомиться со своим прадедом, но он был чистокровным человеком и жил в семнадцатом веке — лет триста с лишним до моего времени. Вот с прабабушкой я познакомиться могла бы, если бы она не погибла в одной из больших войн между людьми и фейри в Европе. Погибла на войне, на которой ей как брауни не было смысла драться. Но если отказаться от призыва к битве, это предательство. А предательство карается смертной казнью.

Вожди сидхе тебя так и так уделают.

Фарфоровое блюдечко ткнулось мне в руку, и я осторожно взяла его пальцами из воздуха. Проще было бы подставить под него раскрытую ладонь, но леди такие манеры не одобряют. Меня выучили пить чай согласно правилам этикета, которые уже лет сто, если не больше, как устарели. Следующий опасный момент с левитирующим горячим напитком состоит в том, что когда тот, кто его держит, снимает левитацию, чашка становится тяжелее. И почти каждый при этом может чуть пролить через край в первые разы. Ничего стыдного в этом нет.

Я чаю не пролила. Первое чаепитие с Ба у нас было, когда мне было пять.

— Хотела бы я знать, деточка, что рассказать тебе о королеве, но не знаю. Лучшее, что я могу сделать, — это тебя накормить. Бери пирожки, милая. Я знаю, что они тяжеловаты для вечернего чая, но это твои любимые.

— С бараньей начинкой? — спросила я.

— И с картошкой и репой, как ты любишь.

Я улыбнулась:

— Сегодня на банкете будет еда.

— Но захочешь ли ты ее есть?

Она была права. Я взяла один пирожок с мясом. Тарелочка плавала в воздухе под пирожком.

— Что ты думаешь о кольце?

— Ничего.

— В каком смысле — ничего?

— В том, милая, что у меня слишком мало информации, чтобы рискнуть строить предположения.

— Это Кел пытался убить меня и Галена? Меня, кажется, более всего злит, что тот, кто положил заклинание в машину, готов был пожертвовать Галеном, чтобы убрать меня — будто Гален ничего не значит.

Пирожок был замечательный, но у меня вдруг пропал аппетит. Чай, который я уже выпила, плескался в желудке, будто просился обратно. Я никогда не могу есть, когда нервничаю. Я положила пирожок на тарелку, и она медленно поплыла к столу.

Ба стиснула мне руку. Она покрасила ногти в сочный бордовый цвет — почти такой же темный, как ее кожа.

— Я высокой магии не знаю, Мерри, моя магия — это скорее врожденная способность. Но если убийца желал создать вам смертный приговор, зачем тогда зеленый? Это цвет верности, счастливой семейной жизни. Зачем добавлять его?

— Единственное, что я могу придумать, — это что заклинание предназначалось для чего-то другого и было использовано в последний момент. Иначе по какой причине оно там оказалось бы?

— Не знаю, милая, к сожалению, не знаю, — ответила Ба.

Я подняла руку, и кольцо сверкнуло в лучах осеннего солнца.

— Кто бы ни положил заклинание в машину, он использовал кольцо как источник магической силы. То есть знал, что оно там будет. Кому доверила бы королева это знать?

— Список тех, кому она верит, очень короток, но длинен список тех, о ком она знает, что они не пойдут против ее желаний из страха перед ней. Она могла дать кольцо с запиской кому угодно и знала бы, что сделано будет именно то, что она пожелала. Ей бы в голову не пришло, что ее страж может послушаться. — Ба сжала мне руку. — Кажется, ты не будешь есть эти прекрасные пирожки. Я пошлю их вниз — мои гости наверняка их оценят.

— Извини, Ба. Я просто не могу есть, когда нервничаю.

— Это с моей стороны не обида, а практичность, Мерри. — Она шевельнула рукой, и открылась дверь в холл и на лестницу. Тарелки с едой поплыли к двери.

— Какой цели послужило бы, если бы нас с Галеном казнили? — спросила я.

Тарелки еще шли к дверям в неровном танце, но Ба повернулась ко мне, не сбившись с ритма и ничего не пролив.

— Лучше было бы спросить, какой цели послужило бы, если бы найдено было кольцо королевы, обернутое в любовное заклинание, созданное для тебя.

— Но оно не было создано для меня. Это могло быть для кого угодно, кто оказался бы на заднем сиденье.

— Я так не думаю, — произнесла Ба. Взяв меня за руку, она провела пальцем по серебряной ленте кольца. На ее прикосновение оно тоже не отозвалось, как и на прикосновение Галена. — Это кольцо королевы, а ты с ней одной крови. Если бы не случайный порядок рождения, Эссус мог бы быть королем. Ты была бы сейчас королевой, а не Андаис. И твой кузен Кел был бы вторым в очереди к трону, а не ты.

— Отец никогда не одобрял, как Андаис ведет Двор.

— Я знаю, что его склоняли убить сестру и занять трон, — сказала Ба.

Я даже не пыталась скрыть удивление:

— Я не знала, что это общеизвестно.

— А почему же его убили, Мерри, как ты думаешь? Кое-кто нервничал, что Эссус может последовать совету и развязать гражданскую войну.

Я стиснула ее руку:

— Ты знаешь, кто приказал его убить?

Она покачала головой:

— Если бы я знала, дитя, я бы тебе уже давно сказала. Я не была допущена к внутренней механике обоих Дворов. Меня терпели, но не более того.

— Отец тебя не только терпел, — сказала я.

— Он — да. Он дал мне великую милость наблюдать, как ты превращаешься из младенца в женщину. Я всегда буду ему за это благодарна.

— Я тоже, — улыбнулась я.

Ба выпрямилась, сцепила руки на коленях — верный признак того, что ей неловко.

— Если бы только твоя мать могла разглядеть его золотую суть, но ее ослеплял тот факт, что он был неблагим. Я знала, когда она позволила включить себя в мирный договор, что дело горем кончится. Король Таранис использовал Бесабу как неодушевленный предмет.

— Мать хотела выйти за какого-нибудь принца Благого Двора. Никто из них до нее бы и не дотронулся, потому что какая бы она ни была высокая и красивая, взять ее на свое ложе они боялись. Боялись смешать свою чистую кровь с ее. Они бы не стали марать себя об нее,

особенно после того как ее сестра-близнец Элунед забеременела после всего одной ночи с Артагоном и тем поймала его в брачную ловушку.

Ба кивнула.

— Твоя мать всегда считала, что Элунед разрушила ее надежды на брак при Благом Дворе.

— Так и было, — сказала я. — Особенно после того, как у них родилась дочь и она... — я посмотрела ей в лицо, — была похожа на тебя.

Я протянула ей руку. Она взяла ее.

— Я знаю, что думают о моей внешности благие, деточка. Я знаю, что думают мои другие внучки о семейном сходстве.

— Мама пошла к отцу, потому что король Таранис ей обещал любовника королевской крови, когда она вернется. Три года посреди нечистого, нечестивого Неблагого Двора, и она будет иметь право вернуться и получить благого любовника. Думаю, что она не ожидала беременности в первый же год.

— Отчего временный союз стал постоянным, — заметила Ба. Я кивнула.

— Вот почему я при Благом Дворе называюсь Погибель Бесабы. Мое рождение привязало ее к Неблагому Двору. Она всегда за это меня ненавидела.

Ба покачала головой:

— Твоя мать — моя дочь, и я люблю ее, но она иногда слишком сильно... путает, кого она любит и почему.

Я про себя давно решила, что моя мать не любит никого и ничего, кроме собственных амбиций, но вслух не сказала. В конце концов, Ба — ее мать.

Вечернее солнце висело низко и тяжело.

— Мне надо захватить в отель и переодеться для торжества.

Ба взяла меня за руку:

— Тебе следует остаться у меня.

— Нет, и ты знаешь почему.

— Я наложу защиту на дом и землю, на которой он стоит.

— Защиту, которая устоит перед Королевой Воздуха и Тьмы? Или кого там еще, кто пытается меня убить? Не думаю.

Я обняла Ба, и ее худенькие руки обвили меня, прижали к ней с силой, которой вообще не могло бы быть в таком хрупком теле.

— Осторожнее будь сегодня, Мерри. Мне невыносимо было бы тебя потерять.

Я погладила эти чудесные волосы и через плечо Ба увидела фотографию. Это был портрет Уара Свирепого, когда-то бывшего ее мужем. Высокий, сильный. Фотографу пришлось посадить его на стул, а ее поставить рядом. Ее рука лежала у него на плече, волосы его спадали золотыми волнами. Черный костюм, белая рубашка, ничего примечательного. Ничего примечательного — кроме его лица. Очень... очень красивого. Глаза — круги синего в синем. Воплощение всего, что только может пожелать женщина, будь она фея или человек. Но Свирепым его назвали не только за то, что он породил трех чудовищных сыновей.

Он лупил мою бабушку за то, что она была уродка. За то, что она не королевской крови. За то, что родила ему дочерей-близнецов, а это значило, что, если она не согласится на развод, брак будет вечным. Насчет Ба и Уара вечность — это не фигура речи.

На фейрийский вариант развода она согласилась только три года назад, когда я покинула Двор. Я даже гадала, не за то ли она на это согласилась, чтобы он вступился за

меня перед Андаис. Он был силен, а силу Андаис уважает. Я не хочу сказать, что Уар ей пригрозил. Нет, это было бы не мудро. Но он мог предложить, чтобы меня на время оставили в покое.

Я так и не спросила. Сейчас я отодвинулась от нее, посмотрела в эти огромные карие глаза, так похожие на глаза моей матери.

— Зачем ты дала ему развод три года назад? Почему именно тогда?

— Потому что настало время, дитя, — время отпустить его.

— Он не говорил с Андаис обо мне? Это не было ценой за его свободу?

Она рассмеялась — громко, долго.

— Дитя мое, неужто ты думаешь, что этот напыщенный бурдюк стал бы говорить с Королевой Воздуха и Тьмы? Он до сих пор не оправился от потрясения, что трех его сыновей вышибли от его Двора и они были вынуждены войти в народ Андаис.

Я кивнула.

— Мои кузены на самом деле не так уж плохи. Теперь хирургические перчатки делаются такие тонкие, что их почти не замечаешь. Они больше не отравляют никого случайным прикосновением.

Ба снова обняла меня.

— Но источаемый из рук яд не дает им стать полноценными стражами королевы, так ведь?

— Ну... да. Но если не лезть к королевской крови, всегда найдутся желающие женщины.

— При Неблагом Дворе — готова поверить.

Я посмотрела на нее. Ей хватило такта смутиться.

— Прости, Мерри. Это было нехорошо с моей стороны. Прости меня. Мне лучше других следует знать, что нет особого выбора между двумя Дворами.

— Ба, мне пора в отель.

Она проводила меня к двери, держа за талию.

— Будь сегодня осторожной, дитя мое, очень осторожной.

— Буду. — Мы еще постояли секунду-другую, но ничего не могли сказать. Что вообще можно сказать? — Я тебя люблю, Ба.

— А я тебя, деточка.

В красивых карих глазах стояли слезы. Она меня поцеловала тонкими губами, которые всегда касались меня нежнее и ласковее, чем прекрасное лицо моей матери или ее лилейные руки. Горячая слеза Ба коснулась моей щеки. Руки ее еще цеплялись за меня, когда я начала спускаться. Мы оторвались друг от друга, пальцы затрепетали в последнем прикосновении.

Я много раз оглядывалась и видела коричневую фигурку на верхней площадке лестницы. Говорят, что не надо оглядываться, но если не знаешь, что у тебя впереди, что остается, как не оглядываться назад?

Отель обладал очарованием не в большей степени, чем свежееоткрытая пачка бумажных салфеток. Функционально, даже декоративно отчасти, но все равно это был типовой отель со всей его типичностью.

Мы вошли в вестибюль, Баринтус и Гален несли мои чемоданы. У меня была только сумка. Предпочитаю носить оружие с собой. Не то чтобы я рассчитывала выхватить его вовремя, если пистолет и ножи подведут, но просто приятно было ощущать его близость.

Я всего несколько часов была в Сент-Луисе, и уже на мою жизнь — и Галена — было совершено покушение. Не слишком хороший тренд. И он еще круче пошел вниз, когда я увидела, кто сидит в вестибюле.

Барри Дженкинс успел в отель раньше нас. Я заказала номер на имя Мерри Джентри. Этим псевдонимом я в Сент-Луисе никогда не пользовалась. А Дженкинс как-то узнал, что это я. Черт.

Он постарается, чтобы прочие охотники за новостями тоже меня нашли. И тут, что бы я ни сказала, ничего не поможет. Если бы я попросила его не поднимать шума, ему бы это было только в радость.

Гален осторожно тронул меня за руку. Он тоже увидел Дженкинса. Он меня отвел к конторке, будто боялся, как бы я чего не выкинула, потому что что-то читалось на лице Дженкинса, когда он поднялся из уютного кресла, — что-то личное. Он был бы рад меня ранить. То есть не пулей или ножом, но если бы он мог написать что-то, что меня заденет, он бы тут же это с радостью напечатал.

Женщина за конторкой засияла при виде Баринтуса как стоваттная лампа, но он был настроен исключительно по-деловому. В другом настроении я его никогда не видела. Он никогда не флиртовал, никогда не пытался нащупать границы вериг, наложенных на него королевой. Будто просто принял их — и все.

Женщина случайно задела меня рукой, передавая ключ. Передо мной явственно мелькнуло, о чем она думает: Баринтус лежал на белых простынях, и эти переливающиеся волосы раскинуты вокруг него шелковой постелью.

У меня пальцы сжались судорогой — не от самого образа, но от силы вожделения. Я ощутила, как ее тело свело так же, как мой кулак. Она смотрела на Баринтуса голодными глазами, и я заговорила, не задумываясь, чтобы с помощью слов подтвердить и прервать связь с ней:

— Картинка, которую ты составила в уме, где он голый.

Она было стала отпираться, но замолчала, вытаращила глаза, облизала губы, и наконец кивнула.

— Ты не отдала ему должного.

Глаза ее стали еще больше — она таращилась на Баринтуса, стоявшего возле лифтов.

Я все еще воспринимала ее эмоции. Такое иногда бывает — как если поймашь случайный теле— или радио сигнал. Но у меня полоса узкая: в основном эротические образы. Случайные похотливые картинки и только от людей — никогда ни от кого из фей я такого не принимала. Не знаю почему.

— Хочешь, я его попрошу снять пальто, чтобы ты лучше рассмотрела?

Она вспыхнула, и образ, который она себе представляла, исказился от ее смущения.

Разум ее представлял собой неразбериху. Я освободилась от ее мыслей, ее эмоций.

Мне говорил один из старых богов плодородия при Благом Дворе, что умение видеть чужие похотливые представления — полезное средство, когда ищешь жрецов и жриц для своего храма. Людей с сильной похотью можно использовать для церемоний — их сексуальную энергию можно запрячь и усилить несравнимо с другими. Когда-то считалось, что похоть — синоним фертильности. К сожалению, это не так.

Если бы похоть была синонимом размножения, то феи уже заселили бы весь мир, если верить старым историям. Девушка за конторкой была бы страшно разочарована, узнав, что Баринтуе соблюдает целомудрие. Если бы он остановился здесь, в отеле, я бы, может быть, его предупредила. Она на меня произвела впечатление девушки, способной заявиться ночью к нему в номер. Но Баринтус вернется к закату в холм. Тревожиться не о чем.

Дженкинс стоял возле лифтов, прислонившись к стене и ухмыляясь. Он пытался заговорить с Баринтусом и Галеном, пока я не подошла. Баринтус игнорировал его так, как может только божество: просто не замечал, будто голос Дженкинса был жужжанием ничтожной мухи. Это даже не было презрение. Как будто репортер для него просто не существовал.

Этой способности у меня не было, и я ей завидовала.

— А, Мередит, кто бы мог подумать здесь вас встретить!

Дженкинс сумел говорить одновременно и злобно, и радостно.

Я попыталась его не замечать, как Баринтус, но знала, что если сейчас не подойдет лифт, то не выдержу.

— Мерри Джентри, неужто вы ничего лучше не могли придумать? Слово "джентри" было много сотен лет эвфемизмом для феири.

Может быть, он строил догадки, но я так не думаю. У меня возникла идея. Я повернулась к нему, приветливо улыбаясь:

— Вы в самом деле думаете, что я бы взяла такой очевидный псевдоним, не будь мне глубоко плевать, узнают меня или нет?

На его лице мелькнуло сомнение. Он выпрямился, оказавшись почти рядом со мной.

— То есть вам все равно, если я опубликую ваш псевдоним?

— Барри, мне все равно, что ты будешь публиковать, но я бы сказала, что ты от меня не дальше двух футов. — Я оглядела вестибюль. — Я бы даже сказала, что в этом вестибюле нет никого, кто был бы от меня дальше пятидесяти футов. — Я повернулась к Галену: — Не будешь ли ты так добр попросить девушку за конторкой позвонить в полицию, — я оглянулась на Дженкинса, — и сообщить, что я подвергаюсь приставаниям?

— С удовольствием, — сказал Гален и зашагал к конторке портье.

Мы с Баринтусом остались стоять с моим багажом.

Дженкинс смотрел то на меня, то на Галена:

— Полиция мне ничего не сделает.

— Заодно и проверим? — предложила я.

Гален говорил с той же девушкой, которая глазела на Баринтуса. Теперь она его себе представляет голым? Хорошо, что я в другом конце вестибюля, застрахована от случайного прикосновения. Может, ловить случайно образы чужого вожделения и полезно для подбора жрецов и жриц храма, но так как храма у меня нет, мне это только мешает.

Дженкинс смотрел на меня в упор.

— Я так рад, что вы вернулись, Мередит. Искренне, очень рад.

Слова были вежливо-приветливые, но интонация — чистый яд. Его ненависть ко мне была почти осязаемой.

Мы с ним вместе видели, как портье взяла телефонную трубку. Двое молодых людей, у одного табличка "Помощник управляющего", у другого — только с именем, решительно зашагали к нам.

— Я думаю, Барри, что тебя ждет уведомление о расчете. Желая приятно провести время в ожидании полиции.

— Никакое постановление суда не удержит меня вдали от вас, Мередит. У меня руки начинают чесаться, когда я чую материал. Чем лучше материал, тем сильнее чешутся. А когда я возле вас, Мередит, я готов прямо кожу с них соскрести. Что-то крупное готовится, и оно вертится вокруг вас.

— Ну и ну, Барри, когда ты стал пророком?

— В один прекрасный день на тихой проселочной дороге, — ответил он и наклонился так близко, что стал слышен запах лосьона, забиваемый застарелым табаком. — Мне было явлено то, что вы называете прозрением, и с тех пор у меня этот дар.

Сотрудники отеля были уже почти рядом. Дженкинс наклонился еще ближе, настолько, что со стороны это выглядело бы поцелуем. И прошептал:

— Кого боги хотят погубить, сперва лишают разума.

Его схватили под руки и потащили от меня прочь. Дженкинс не сопротивлялся — ушел спокойно.

— Его отведут в кабинет управляющего до прихода полиции, Мерри, — сказал Гален. — Ты знаешь, они ведь его не арестуют.

— Нет, в Миссури пока еще нет закона о преследовании.

Мне пришла в голову интересная мысль: что, если бы мы заманили Дженкинса за мной в Калифорнию, где законы другие? В округе Лос-Анджелес законы о преследовании достаточно суровы. Если Дженкинс станет уж слишком большой докукой, может быть, я постараюсь, чтобы он за мной поехал куда-нибудь, где его на какое-то время засадят за решетку. Он публично поцеловал меня против моей воли — так я заявлю — перед лицом беспристрастных свидетелей. При правильных законах он будет очень плохим мальчиком.

Раскрылись двери лифта. Отлично, но сейчас меня спасти уже не нужно. Двери закрылись за нами, оставив нас в зеркальном ящике. Все мы молча созерцали свои отражения, но Гален сказал:

— Дженкинса ничему не научишь. После того, что ты с ним сделала, он бы должен был тебя бояться.

У моего отражения от удивления глаза полезли на лоб. Я опомнилась, но поздно.

— Это была догадка, — сказала я.

— Но верная, — подтвердил Гален.

— А что ты с ним сделала, Мерри? — спросил Баринтус. — Ты же знаешь правила.

— Я знаю правила.

И я хотела выйти из остановившегося лифта, но Гален меня придержал за плечо.

— Мы — телохранители. Первым должен выйти один из нас.

— Извини, отвыкла, — сказала я.

— Привыкни снова, и быстро, — отозвался Баринтус. — Я не хочу, чтобы тебя ранили только потому, что ты не спряталась за нами. Принимать риск на себя, чтобы ты была в безопасности, — наша работа.

Он нажал кнопку удержания дверей открытыми.

— Это я знаю, Баринтус.

— И все же ты чуть не вышла первой.

Гален очень осторожно выглянул из лифта, потом вышел в холл.

— Чисто.

И он отвесил низкий поклон. Косичка упала с его плеча и коснулась пола. Я помнила времена, когда его волосы спускались к полу зеленым водопадом. Во мне жила мысль, что именно такие должны быть волосы у мужчины. Такие длинные, что достают до пола. Такие длинные, что накрывают мое тело шелковой простыней в минуты любви. Я огорчилась, когда он их отрезал, но это было не мое дело.

— Поднимись, Гален.

Я вышла в холл с ключом в руке.

Он встал и танцующим шагом подскочил к двери, опередив меня.

— О нет, миледи. Только мне должно отпереть этот замок.

— Гален, прекрати. Я серьезно.

Баринтус просто шел за нами спокойно, как отец, наблюдающий шалости взрослых детей. И даже не так: он игнорировал нас, как раньше Дженкинса, почти также. Я оглянулась на него, но ничего не смогла прочесть на бледном лице. Бывали ведь времена, когда он больше улыбался, смеялся больше. Я помнила, как его руки вынимали меня из воды, и звучал громоподобный смех, а волосы его медленным облаком развевались вокруг тела. Я вплывала в это облако, взбивала его своими ручонками. Мы смеялись вместе. В первый раз, как мне пришлось плавать в Тихом океане, я вспомнила Баринтуса. Мне хотелось показать ему этот новый необъятный океан. Насколько я знаю, он его никогда не видел.

Гален ждал перед дверью. Я подождала, пока Баринтус не подойдет к нам.

— Ты сегодня мрачен, Баринтус.

Он посмотрел на меня своими глазами, и невидимое веко порхнуло над ними. Нервничает. Он нервничает. Бойтся за меня? Он был доволен, когда узнал о кольце, и недоволен, когда услышал про заклинание в машине. Но не слишком недоволен. Не слишком огорчен, будто это обычное дело. В каком-то смысле так оно и есть.

— В чем дело, Баринтус? Чего ты мне не сказал?

— Мередит, доверяй мне.

Я взяла его свободную руку, переплела с ним пальцы. Моя рука терялась в его ладони.

— Я доверяю, Баринтус.

Он осторожно держал мою руку, будто боялся сломать.

— Мередит, малютка Мередит! — Лицо его смягчилось, когда он заговорил. — Ты всегда была смесью прямоты, жеманства и нежности.

— Я уже не так нежна, как была, Баринтус.

Он кивнул:

— К сожалению. Мир к нежным суров.

Он поднес мою руку к губам и слегка поцеловал пальцы. Когда его губы задели кольцо, нас обоих окатила покалывающая волна.

Он снова стал мрачен, лицо его замкнулось, когда он отпустил мою руку.

— В чем дело, Баринтус? Ну? — спросила я, хватая его за рукав.

Он покачал головой.

— Уже очень давно это кольцо не возвращалось к жизни таким образом.

— Какое отношение имеет это кольцо к чему бы то ни было? — спросила я.

— Оно было всего лишь куском металла, а теперь снова Живое.

— И?..

Он посмотрел мимо меня на Галена.

— Давай проводим ее в комнату. Королева не любит, когда ее заставляют ждать.

Гален взял у меня ключ и отпер дверь. Пока он проверял, нет ли в комнате чар и скрытых опасностей, мы с Баринтусом ждали в коридоре.

— Скажи мне, что значит, что кольцо реагирует на тебя и Галена, но не на мою бабушку?

Он вздохнул:

— Когда-то королева использовала это кольцо, чтобы выбирать себе консORTов.

Я приподняла брови:

— И это значит... что это значит?

— Оно реагирует на мужчин, которых считает достойными тебя.

Я уставилась на него, на это красивое экзотическое лицо.

— То есть в каком смысле — достойными?

— Все силы кольца известны только королеве. Я знаю лишь, что прошли столетия с тех пор, как кольцо оживало у нее на руке. То, что оно ожило для тебя, — и хорошо, и опасно. Королева может возревновать, что кольцо стало твоим.

— Она же сама его мне дала — с чего ей ревновать?

— Потому что она — Королева Воздуха и Тьмы.

Он сказал так, будто это все объясняло. В каком-то смысле да, в каком-то — нет. Как и многое другое, связанное с королевой, это был парадокс.

— Все чисто, — объявил из дверей Гален.

Баринтус прошел мимо него, заставив Галена шагнуть в сторону.

— Что с ним такое? — спросил Гален.

— Кольцо его беспокоит.

Я вошла в номер. Типовой гостиничный номер, выдержанный в синих тонах.

Баринтус внес чемоданы и поставил их на темно-синее покрывало кровати.

— Пожалуйста, поторопись, Мередит. Нам с Галеном еще нужно переодеться к обеду.

Я посмотрела, как он стоит посреди синей на синем комнаты. Он точно подходил под ее декор. Будь она зеленой, подошел бы Гален. Можно выбирать цвет телохранителя под цвет комнаты. Я засмеялась.

— В чем дело? — спросил Баринтус.

Я показала на него рукой:

— Комната тебе под цвет.

Он огляделся, будто только сейчас заметил голубые обои, темно-синее покрывало, зеленовато-голубой ковер.

— Я ей тоже. А теперь, пожалуйста, переодевайся.

Он расстегнул чемодан, подчеркивая свою просьбу, которая впрочем, звучала как приказ, как бы ни были вежливы его слова.

— Ребята, есть какой-то срок, о котором я не знаю? — спросила я.

Гален сел на другую кровать.

— Я с этим верзилкой солидарен. Королева хочет дать обед в честь твоего возвращения, и ей не понравится, если ей придется ждать, пока мы оденемся, а если мы не оденемся в

наряды, которые она для нас сделала, она рассердится.

— То есть вам обоим влетит?

— Нет, если ты поторопишься, — сказал Гален.

Я взяла сумку и пошла в ванную. Свой наряд на сегодняшний вечер я положила в сумку — просто на всякий случай, если потеряется багаж. Мне не улыбалось бегать в последнюю минуту по магазинам в поисках одежды, которая могла бы заслужить одобрение королевы с точки зрения придворной моды. Брюки для женщин не являются правильной одеждой к обеду. Очень по-сексистки, но правда. Обед — всегда торжественное мероприятие. Если не хочешь одеваться, обедай у себя в комнате.

Я влезла в атласные с кружевом трусики. Лифчик был с каркасом, жесткая держалка с кружевами. Чулки черные, тугие до бедер. Старая человеческая поговорка насчет всегда носить чистое белье на случай, если тебя собьет автобус, вполне приложима к Неблагому Двору. Здесь приходится надевать хорошее белье, потому что его может увидеть королева. Хотя на самом деле я просто любила знать, что на мне надето красивое, даже там, где никто не увидит.

Я положила тени и накрутила ресницы до оттенков серого и белого. Подвела глаза так, что они выделялись рельефно, как изумруды с золотом в черной оправе. Помаду я выбрала с оттенком темно-темно-бордового, как старое вино.

У меня было два складных ножа "Спайдерко". Один из них я раскрыла. Это было шестидюймовое лезвие, длинное, тонкое, с серебряным блеском, — но оно было стальным, армейская модель. Сталь или железо — вот что нужно против моих родичей. Второй нож был намного меньше — "Делика". На каждом был зажим, так что их можно было просто пристегнуть к одежде. Я проверила оба ножа, легко ли они вынимаются, потом закрыла их и надела. "Делика" отлично разместилась по центру лифчика на проволочке. На левую ногу я надела черную подвязку, не для поддержки чулка — их не надо поддерживать, — а чтобы навесить армейское лезвие.

Из чемодана с одеждой я вынула платье. Оно было густобордового цвета. Бретельки у него были такие тонкие, что лишь прикрывали лифчик. Лиф атласный, прилегающий, остальная часть платья помягче, более естественного вида ткань, спадающая плавной узкой линией до пола. Жакет из точно такой же приглушенно-бордовой ткани, кроме атласных лацканов.

Еще у меня была кобура на лодыжке с "Береттой" модели "Томкэт", последней новинкой фирмы, автоматическим пистолетом тридцать второго калибра. Весила эта штука около фунта. Есть пистолеты и поменьше, но если мне сегодня придется в кого-нибудь стрелять, то хотелось иметь более надежную поддержку, чем пистолетик двадцать второго калибра. Беда с этими кобурами на лодыжке в том, что они делают походку смешной. Появляется тенденция приволакивать ногу с пистолетом, увеличивать шаг странным небольшим движением. Еще одна проблема — в том, что на мне чулки, а не зацепиться ими за кобуру при ходьбе почти нет шансов. Но я никак не могла придумать для пистолета другого места, чтобы он не был замечен с первого взгляда. Придется пожертвовать чулками.

Я прошлась на высоких каблуках бордовых туфель. Не так чтобы высоких — всего два дюйма. Удобнее для быстрого передвижения, а при такой длине юбки вряд ли кто заметит, насколько они высокие или низкие. При росте в пять футов ровно купить выходное платье нужной длины невозможно, особенно если каблуки всего два дюйма.

Последними я надела украшения. Ожерелье древнего металла, потемневшее почти до

черноты, сохранившее только воспоминание о прежнем серебряном блеске. Камни в нем были гранаты. Я специально не чистила металл, чтобы сохранить этот темный цвет — он отлично подчеркивал гранаты.

Потом я дала себе труд подвить концы волос, чтобы они лежали на плечах. Они блестели красным настолько темным, что оказывались под цвет гранатам. Бордовый наряд придавал соответствующий бордовый оттенок волосам.

Тетя может разрешить мне оставить при себе оружие, а может и не разрешить. Вряд ли меня вызовут на дуэль в первый же вечер, да еще учитывая просьбу королевы присутствовать, но... вооруженной быть всегда лучше. При Дворе всегда есть создания не королевской крови, которые не дерутся на дуэлях. Есть создания, которые всегда принадлежали к Воинству — чудовищам нашей расы, нашего рода, — и они думают не так, как мы. Иногда, по причинам, которые никто не может объяснить, кто-нибудь из этих монстров нападает. И бывают смертные случаи, если его не удастся вовремя остановить.

Так зачем таких непредсказуемых страхолюдин держать при себе? Потому что единственное правило, которого всегда придерживались при Неблагом Дворе, таково: рады всем. Никто и ничто не будет отвергнут. Мы — темная свалка для кошмаров, слишком злобных, слишком извращенных для сияния Благого Двора. Так есть, так было и так будет. Хотя быть принятым при Дворе еще не значит, что тебя примут как сидхе. Мы с Шолто оба можем служить примером.

Я еще раз глянула в зеркало, чуть тронула губы помадой, и все. Помаду я положила в расшитую бисером сумочку под цвет платья. Чего же хочет от меня королева? Я глубоко вздохнула, глядя, как вздымается и опадает моя затянутая атласом грудь. Все на мне сияло: кожа, глаза, волосы, глубокий блеск гранатов ожерелья. Я выглядела великолепно, даже сама могла так сказать. Единственное, что выдавало во мне нечистокровную сидхе, — мой рост. Слишком я коротышка.

Я сунула в сумочку маленькую щеточку для волос, потом задумалась: взять с собой еще косметику, чтобы освежать ее в течение вечера, или баллончик слезоточивого газа? Решила в пользу газа. Если есть выбор между лишней косметикой или лишним оружием, всегда выбирай оружие. Сам факт, что такой вопрос возник, свидетельствует, что оружие тебе нужнее.

Ситхин, холмы фей, возвышались в угасающем свете небольшими бархатными горами на фоне расплавленного оранжевого неба. Луна уже поднялась высоко, гладкая и сияющая серебром. Я с наслаждением вдохнула прохладный, освежающий воздух. Иногда в Калифорнии просыпаешься утром, и воздух пахнет осенью. С утра приходится надевать штаны и легкий свитер. Кое-где на землю падают листья, и образуются кучки высохшей и пожелтевшей листвы, которые, шурша, танцуют на ветру, и все похоже на октябрь. Потом к полудню приходится сменить брюки на шорты, и все становится похоже на июнь.

А здесь — настоящее. Воздух бодрит, но не морозит. Ветер, поддувающий в спину, пахнет высохшей убранной кукурузой и еще — темным, резковатым ароматом опавших листьев.

Если бы я могла приехать домой на октябрь и видеть только тех, кого хочу видеть, это было бы в радость. Осень — мое любимое время года, октябрь — любимый месяц.

Я остановилась на тропе, и двое моих спутников встали вместе со мной. Баринтус посмотрел на меня вопросительно. Гален спросил:

— В чем дело?

— Ни в чем, — сказала я, — абсолютно ни в чем. — Я еще раз глубоко вдохнула осенний воздух. — В Калифорнии такого аромата никогда не бывает.

— Ты всегда любила октябрь, — заметил Баринтус.

Гален ухмыльнулся:

— Я тебя с Кеелин почти каждый год вытаскивал по выть приведениями в Хэллоуин, пока вы не выросли из таких проделок.

Я покачала головой:

— Я не выросла из таких проделок. Просто мой собственный гламор достаточно усилился, чтобы скрывать, кто я. Мы с Кеелин ходили одни пугать соседей, когда мне было пятнадцать.

— У тебя в пятнадцать лет хватало гламора, чтобы скрыть Кеелин от глаз смертных? — спросил Баринтус.

Я посмотрела на него и кивнула:

— Да.

Он открыл было рот, но тут нас прервали. Прозвучал бархатный мужской голос:

— Ну, разве это не трогательно?

Голос развернул нас всех — туда, дальше по тропе. Гален встал передо мной, закрыв щитом своего тела. Баринтус посмотрел назад, нет ли там еще кого-нибудь. Нет, темнота позади была пустой, но того, что впереди, вполне хватало.

Посреди тропы стоял мой кузен Кел. Полночного цвета волосы длинным плащом спадали за его спиной, и трудно было отличить, где кончаются волосы и начинается черный пыльник. Весь он был в черном, если не считать проблеска белой рубашки, сияющей как звезда среди ночной тьмы.

Он был не один. С одной стороны от него стояла, готовая встать впереди и заслонить его, Сиобхан, капитан его стражи и его любимая убийца. Она была невысокой, чуть выше меня, но я видела однажды, как она кого-то двинула поднятым "фольксвагеном". Белые волосы светились в темноте, но я знала, что они не белые, а серебристо-серые, как паутина.

Кожа бледная, тускло-белая, не светящаяся белизной, как у меня или Кела. Глаза тускло-серые, с пленкой, как слепые глаза дохлой рыбы. Она была одета в черные доспехи, шлем держала под мышкой. Плохой знак, что Сиобхан в полной боевой броне.

— Полная боевая броня, Сиобхан? — спросил Гален. — По какому случаю?

— Подготовка — основа боя, Гален.

Голос отвечал ее облику — сухой свистящий шепот.

— А что, нам придется вести бой? — удивился Гален.

Кел рассмеялся, и это был тот самый смех, от которого мое детство превращалось в ад.

— Нет-нет, сегодня боя не будет, Гален, это просто у Сиобхан ее обычная паранойя.

Она боится, что Мередит набралась разных сил в путешествии в западные земли. Я вижу, что ее страхи беспочвенны.

Баринтус обнял меня рукой за плечи, привлек к себе.

— Зачем ты здесь, Кел? Королева послала нас привести Мередит пред ее лицо.

Кел заскользил к нам по тропе, натягивая поводок, который шел из его руки к скорченной фигурке возле его ног. Она была раньше скрыта за широким плащом Кела и телом Сиобхан. Сперва я не поняла, кто это.

Фигурка приподнялась с земли, ее голова едва доставала Келу до груди. У нее была коричневая кожа, как у Ба, но густые волосы спадали прямыми прядями почти до земли. В такой темноте она была похожа на человека, но я знала, что при хорошем освещении видны станут густые, мягкие, пушистые волосы, покрывающие тело. Лицо плоское, невыразительное, будто недоделанное. Тонкое хрупкое тело несло несколько лишних рук и одну лишнюю пару ног, и потому она двигалась странным качающимся шагом. Одежда могла скрыть лишние конечности, но не движения при походке.

Отец Кеелин был дюригом — гоблином с мрачным чувством юмора, такого юмора, за который человека могли бы убить. Мать ее была брауни. Кеелин выбрали мне в компаньонки почти с рождения. Это был выбор моего отца, и у меня никогда не было повода на него сетовать. Мы росли лучшими подругами. Может быть, из-за крови брауни, которая есть в каждой из нас. Какова бы ни была причина, между нами была близкая связь. Мы стали друзьями с первого моего взгляда в ее карие глаза.

Увидев Кеелин на поводке у Кела, я потеряла дар речи. Разные есть способы оказаться "зверушкой" Кела. Один — если королева в наказание отдаст тебя Келу. Другой — вызваться добровольно. Меня всегда поражало, как много женщин из низших фейри готовы были позволить Келу выделывать с ними самые мерзкие шутки, потому что, если бы им удалось забеременеть, они бы стали придворными. Как моя Ба.

Хотя Ба скорее всадила бы деду железную спицу в сердце, чем позволила ему обращаться с собой как с побитой собакой.

Я шагнула в сторону от Баринтуса, достаточно далеко, чтобы его рука отпустила меня, и оказалась одна на тропинке. Гален и Баринтус встали позади меня, по обеим сторонам, как положено добрым королевским охранникам.

— Кеелин! — сказала я. — Что ты делаешь... здесь?

Не совсем тот вопрос, который я хотела бы задать. Голос прозвучал спокойно, разумно, обыкновенно. А хотелось мне закричать. Завопить.

Кел притянул ее к себе, погладил ее волосы, прижал ее лицо к своей груди. Рука его скользнула по ее плечу, ниже, ниже, взяла в ладонь грудь и стала ее вертеть.

Кеелин отвернулась, чтобы ее волосы закрыли от меня ее лицо. Солнце почти село, до

темноты оставались минуты, и Кеелин была всего лишь темной тенью на фоне черноты Кела.

— Кеелин, Кеелин, ответь!

— Она хочет быть придворной, — сказал Кел. — Мое расположение к ней открывает ей вход на все празднества. — Он притянул ее ближе к себе, рука скрылась за вырезом платья. — А если она понесет дитя, она станет принцессой, а ее младенец — наследником трона. И отодвинет тебя с третьего места в очереди на четвертое, — сказал он голосом ровным и беглым, запуская руку все дальше и дальше вниз по ее телу.

Я шагнула вперед, приподняла руку:

— Кеелин...

— Мерри, — ответила она, повернув голову на миг, и голос ее был так же тих и приятен, как всегда.

— Ну-ну, собачка! — одернул ее Кел. — Не разговаривать. Говорить за нас буду я.

Кеелин замолчала, снова пряча лицо.

Я стояла, и пока Баринтус не тронул меня за плечо, отчего я вздрогнула, я даже не замечала, что руки сжимаю в кулаки. Меня снова трясло, но уже не от страха, а от злости.

— Королева наложила на нас на всех запрет, чтобы мы тебе не говорили. Все равно надо было тебя предупредить, — сказал Гален, подходя с другой стороны.

Как будто оба ждали, что им придется сейчас хватать меня и держать, чтобы не наделала глупостей. Но я не собиралась делать глупости — именно это и было нужно Келу. Он пришел сюда показать Кеелин, разъярить меня, а за ним стояла Сиобхан, чтобы меня убить. Не сомневаюсь, что он бы состряпал какое-нибудь объяснение, почему я на него напала и его охраннице пришлось встать на защиту. Королева еще и не таким его рассказам верила многие годы. Там, где дело касалось ее, Келу можно было не опасаться. Я смогла сохранить спокойствие, потому что здесь и сейчас я ничего не могла сделать, кроме как погибнуть. Что касается Кела, я бы еще могла подумать о драке. Он один из немногих, против кого бы я применила руку плоти и не мучилась бы потом бессонницей. Но Сиобхан — это другое дело. Она бы меня убила.

— Давно ли Кеелин с ним? — спросила я.

Кел начал отвечать, но я подняла руку:

— Помолчи, кузен. Я задала этот вопрос Галену.

Кел улыбнулся — вспышка белого в лунной тьме. Странно, но он промолчал. Я не ожидала этого на самом деле, но я знала, что, если сейчас мне придется еще раз услышать его голос, я заору, чтобы заглушить его.

— Ответь мне, Гален.

— Почти с твоего отъезда.

У меня в груди свернулся ком, глаза жгло. Вот мое наказание — наказание за то, что сбежала от Двора. Пусть я даже не сказала ей, что уезжаю, пусть она ни в чем не виновата, ее наказали, чтобы наказать меня. Кел держит ее у себя в собачках почти три года, ожидая моего возвращения. Естественно, получая от этого удовольствие, а если появится ребенок, то тем лучше. Но не желание получить наследника было причиной выбора Кеелин. Я поглядела на наглую рожу Кела, и даже при луне она читалась ясно. Кеелин выбрали ради мести, чтобы меня наказать. А я была за тысячи миль и ничего не знала.

Кел и тетюшка терпеливо ждали, чтобы показать мне этот сюрприз. Три года мучений Кеелин, и никто мне не сказал. Тетка знала меня лучше, чем я думала, потому теперь меня

будет грызть мысль, что Кеелин страдала все это время, пока меня не было. А если она мне предложит свободу Кеелин в обмен на не знаю что, чего она от меня хочет, то вполне может добиться своего. Мне надо было поговорить с Кеелин наедине.

При всей моей ненависти к Келу я должна была признать: это был один из очень немногих способов ввести Кеелин в придворный круг. Она была одной из моих фрейлин, моей компаньонкой. Но положение моего друга и моего слуги позволило ей увидеть внутреннюю механику Двора. Я знала, что она от всей души рвется быть принятой в эту темную толчею, рвется настолько, быть может, что готова терпеть Кела и разозлится на меня, если я положу этому конец. То, что я считала это ее спасением, не значит, что Кеелин сама того же мнения. Пока я не узнаю ее истинных чувств, я ничего не смогу сделать.

Наконец рука Кела снова вынырнула наружу. Видеть эту бледную руку на плече Кеелин, а не глубоко за вырезом ее платья, было легче, чем просто стоять и смотреть.

— Королева послала меня сопроводить мою прекрасную кухню в ее личные покои. Вам двоим надлежит направиться в тронный зал.

— Я сам знаю, что мне надлежит, — ответил Баринтус.

— А как мы можем верить, что ты ей ничего плохого не сделаешь? — спросил Гален.

— Я? Моей прекрасной кухне?

Кел снова рассмеялся.

— Мы не уйдем.

Голос Баринтуса прозвучал низко и ровно. Надо хорошо знать этот голос, чтобы слышать в нем нотку гнева.

— Ты тоже боишься, что я причиню ей вред, Баринтус?

— Нет, — ответил Баринтус. — Я боюсь, что она причинит вред тебе, принц Кел. А для королевы очень много значит жизнь ее единственного наследника.

Кел смеялся громко и долго. Смеялся, пока слезы не потекли у него по лицу — или он просто притворился, что смахивает их.

— Так ты боишься, Баринтус, что она попытается причинить мне вред и я поставлю ее на место?

Баринтус наклонился ко мне и шепнул:

— Ты не можешь себе позволить показать перед Келом слабость. Я не ожидал, что он нас здесь встретит, — это смелый ход. Если ты в землях запада обрела какую-нибудь силу, покажи ее сейчас, Мередит.

Я повернулась, посмотрела вверх, ему в лицо. Он был так близко, что его волосы скользили у меня по щеке; они пахли океаном и чем-то еще, травянистым и чистым. Я шепнула в ответ:

— Если я сейчас покажу свою силу, это потом лишит меня преимущества внезапности.

Его голос был как тихое журчание воды по круглым камешкам. Он с помощью своей силы закрыл нас, чтобы Кел не подслушал.

— Если Кел потребует, чтобы мы ушли, а мы откажемся, это нам обернется очень плохо.

— С каких пор стражи королевы повинуются ее сыну?

— С тех пор, как королева так повелела.

Кел обратился к нам:

— Я приказываю тебе, Баринтус, и тебе, Гален, вернуться к своим заждавшимся вас обязанностям. Мы сами эскортируем мою кухню на аудиенцию королевы.

— Заставь его бояться тебя, Мередит, — сказал Баринтус. — Заставь его пожелать, чтобы мы остались. Кел вполне мог иметь доступ к кольцу матери.

Я уставилась на него. Можно было не спрашивать, действительно Баринтус считает, что за попыткой убить меня в машине стоит Кел. Если бы он не верил в такую возможность, он бы не говорил о ней.

— Я вам обоим дал прямой приказ.

Голос Кела взлетел, оседлал поднявшийся ветер.

Этот ветер шелохнул длинные полы плащей, прошелестел в сухой листве деревьев и краем поля слева. Я повернулась к шепчущим деревьям. Мне почти ясно слышалось, что шепчет ветер деревьям, как вздыхают деревья о приходе зимы и долгом предстоящем холоде. Ветер суетился и спешил, рассыпая небольшие кучки только что сорванных листьев по каменной тропинке вокруг Кела и его спутниц, обдувал мне колени. Подобрал пригоршню листьев, ветер заиграл ими у моих ног. Листья пролетали мимо меня, надо мной в налетавших вдруг порывах осеннего ласкового ветра. Я закрыла глаза и стала вдыхать этот ветер.

Я отошла от стоящих за моей спиной Галена и Баринтуса, на несколько шагов ближе к Келу, но на самом деле я шла не к нему. Это был зов этой земли. Она была рада, что я вернулась, и сейчас, как никогда не бывало раньше, сила этой земли приветствовала меня.

Я развела руки и открылась ночи. Ветер будто не обдувал меня, а проходил насквозь, как будто я стала кронами над головой, не препятствием на пути ветра, а частью его самого. Я ощущала движение ночи, торопливый, поспешный ее пульс. Земля под ногами раскрывалась все ниже и ниже, до невообразимых глубин, и я ощущала их все и на миг почувствовала, как поворачивается подо мной планета. Я ощутила ее медленное, величественное качание вокруг Солнца. Я стояла, упершись ногами твердо, как корнями дерева, уходящими глубже и глубже в прохладную, живую почву. Ветер веял сквозь меня, будто меня и не было, и я знала, что могу завернуться в эту ночь и невидимой пройти среди смертных. Но не со смертными я сейчас имела дело.

С улыбкой я открыла глаза. Гнев, замешательство — все это исчезло, сдулось ветром, пахнувшим сухими листьями и чем-то пряным, будто я ощущала аромат чего-то, что наполовину помнила, наполовину мне снилось. Это была неукротенная ночь, и неукротенную магию она могла тебе дать, если ты способен воспринять ее. Магию земли может вырвать у мира кто-нибудь, у кого хватит на это сил, но Земля — создание упрямое и терпеть не может, когда ее используют. За насилие над стихиями приходится платить. Но бывают ночи и даже дни, когда Земля предлагает себя как женщина, добровольно зовущая любовника в свои объятия.

Я приняла ее приглашение. Сняв барьеры, я ощутила, как ветер сдувает меня шепотками, как пыль в ночи, но в каждую оставшуюся пылинку вливалась сила. Я отдавала себя ночи, и она наполняла меня, земля под ногами обнимала меня, восходила через подошвы моих ног, как питает она дерево, — глубоко, спокойно, прохладно.

На миг я засомневалась, хочу ли я сдвинуть ноги с места в ходьбе, боялась разорвать контакт. Ветер вихрился вокруг меня, сбрасывал волосы на лицо, нес запах горелой листвы, и я засмеялась. Потом я пошла по каменной дорожке, и с каждым щелчком моих каблучков шла вместе со мной Земля. Я шла сквозь ночь, будто плыла, плыла в потоках силы. Улыбаясь, я шла к своему кузену.

Сиобхан встала перед ним. Паутинные волосы исчезли под непроглядной чернотой

шема. Только белые руки виднелись как плавающие в темноте привидения. Одним прикосновением этой бледной кожи она могла бы убить меня или ранить.

Баринтус догнал меня сзади. Не видя, я знала, что он протягивает ко мне руку, — я ощущала, как он двигается у меня за спиной сквозь толщу силы. Я почти видела его, будто у меня была еще одна пара глаз. Вся магия, которой я до того владела, всегда бывала очень личной. Эта личной не была. Я ощущала, до чего я крошечная, до чего необъятен мир, но это не было ощущением одиночества. В этот момент я ощущала, что я сливаюсь с ним в нечто целое. Я желанна ему.

Баринтус уронил руку, не коснувшись меня. Голос его шелестел и журчал, как вода по песку.

— Если бы я знал, что ты на это способна, я бы не стал за тебя бояться.

Я засмеялась — свободно, радостно. И открылась сильнее, как распахивается дверь. Нет, как если бы дверь, стена, на которую она навешена, и сам дом влились бы в эту силу.

Баринтус резко выдохнул.

— Во имя благодати Земли, Мерри, что это было?

Никогда он не называл меня уменьшительным именем.

— Слияние, — шепнула я.

Гален подошел к нам, и сила для него открылась без малейшей мысли с моей стороны. Мы втроем стояли, наполненные ночью. Это была щедрая сила, веселая, доброжелательная сущность.

Сила пошла от меня наружу, а может, это я пошла вперед сквозь что-то, что всегда было, но сегодня я это ощущала. Сиобхан шагнула вперед, и сила не наполнила ее. Отвергла. Магия Сиобхан была оскорблением для Земли и медленного цикла жизни, потому что Сиобхан крадя эту жизнь, приносила смерть на чей-то порог до того, как пришло время. Впервые в жизни я поняла, что Сиобхан вне этого цикла: она принадлежит смерти, и пусть она все еще движется, будто живет, но Земля не знает ее.

Сила вполне признала бы Кела, но *он* с первого прикосновения решил, что это моя работа, и загородился от нее. Я ощутила, как рухнули на место его щиты, отгораживая его метафизической стеной, оставляя в безопасности и неспособности слиться с предложенной благодатью.

Но Кеелин от нее не закрылась. Может быть, у нее не было щитов, достаточных, чтобы построить стены, а может быть, не пожелала закрыться. Но я ощутила ее среди силы, ощутила ее открытость и услышала ее голос во вздохе, слившемся с ветром.

Кеелин пошла ко мне, широко разведя все четыре руки, приветствуя ночь.

Кел дернул ее за поводок. Она споткнулась, и я почувствовала, как сокрушен ее дух.

Я протянула к ней руку, и сила, хотя и не подчинявшаяся мне, пролилась наружу, окружая Кеелин. Она оттолкнула Кела, как отталкивает вода камень на стрежне, нечто такое, что надо обойти и забыть. От этого толчка он отшатнулся назад, выпустив поводок. Бледное лицо запрокинулось к восходящей луне, и на нем выразился чистейший ужас.

Это мне понравилось, но это была мелочная радость. Великодушный поток силы сомкнулся вокруг меня, как пальцы матери на руке капризного ребенка. Не место подобной мелочности в разливе такой... жизни.

Кеелин встала посреди тропы, расставив руки, запрокинув голову, подставив луне наполовину сформированное лицо. Редкий и ценимый миг для Кеелин — подставить лицо любому свету.

Сиобхан бросилась на меня: вспышка рук и темный блеск доспехов. Не думая, я отмахнулась от нее рукой, будто на мой жест должна была ответить огромная медлительная сила. Но так и вышло.

Сиобхан будто налетела на стену. Белые руки вспыхнули пламенем, которое совсем не было пламенем. Это ее сила пылала перед чем-то, чего даже я не видела. Но я видела, как ее холод попытался поглотить теплую, шевелящуюся ночь, и на это силы у нее не было. Если бы она была среди истинно живых, если бы ее прикосновение приносило обычную смерть, Земля бы не остановила ее. Для этого такая сила была слишком безразлична. Она любила меня в каком-то смысле, она с радостью приняла мое возвращение, но так же охотно она бы приняла мое разлагающееся тело в свои полные червей теплые объятия. Она бы отдала мой дух ветру, и тот понес бы его куда-нибудь.

Но магия Сиобхан естественной не была, и ее не пропустили. Даже понимание этого могло — могло бы — дать мне ключ к ее уничтожению. Но для того, чтобы найти этот ключ, нужно лучше владеть заклинаниями нападения, чем я.

Поодаль от нашей небольшой группы что-то зашевелилось, и Кел с Сиобхан повернулись встретить эту новую угрозу. Когда они увидели, что это идет Дойл, спокойнее им не стало. Принц и наследник темного трона, его личная телохранительница боялись Мрака королевы. Интересно. Три года назад Кел Дойла не боялся. Никого он тогда не боялся, кроме матери. И даже от нее он не боялся смерти, потому что только им продолжался ее род. Ее единственное дитя. Единственный наследник. Никто никогда не вызывал Кела на дуэль, потому что победить не смел никто, а проиграть — могло кончиться смертью. Последние триста лет он так и провел — неприкосновенный, невызываемый, неустрашимый — до сих пор.

Теперь же я видела, почти ощущала его беспокойство. Он боялся. Почему?

Дойл был одет в черную пелерину с капюшоном, которая спадала до земли и скрывала его полностью. Лицо его было настолько черным, что белки глаз будто плавали в черном круге капюшона.

— Что здесь происходит, принц Кел?

Кел отодвинулся, чтобы видеть и Дома, и нас всех. Кеелин осталась на дорожке, но сила улетала, будто она летела с ветром и сейчас он уносил ее дальше. С последним прохладным, прямым прикосновением она исчезла.

Я внезапно наглухо вернулась в собственную кожу. За каждую магию приходится платить, но не за эту. Эта мне предложила себя сама, я не просила. Может быть, поэтому я сейчас ощущала себя сильной и цельной, а не измотанной.

Кеелин подошла ко мне, протянула мне свои главные руки. Наверное, она, как и я, ощущала себя обновленной, потому что она улыбалась, и измученный страх исчез с ее лица, смытый ласковым ветром.

Я взяла ее за руки. Мы поцеловались в обе щеки, потом я притянула ее к себе, обняв, и она обхватила меня верхними руками за плечи, нижними за талию. Мы так крепко обнялись, что я ощущала ее твердые небольшие груди — все четыре. Мелькнула мысль: Келу нравится быть с женщиной, у которой столько грудей? И тут же за мыслью пришел образ. Я зажмурилась покрепче, будто могла так его отогнать.

Я погладила Кеелин по спине, по густым, похожим на мех волосам и поняла, что плачу.

Сладкий, почти птичий голос Кеелин утешал меня:

— Все хорошо, Мерри, все хорошо.

Я замотала головой и отодвинулась, чтобы заглянуть ей в лицо.

— Нет, не все.

Она подняла пальцы к моему лицу, ловя слезы. Она плакать не умела. Какой-то генетический выверт оставил ее без слезных протоков.

— Ты всегда плакала вместо меня, но сейчас не надо.

— Как же тут не плакать?

Я оглянулась на Кела, который тихо перешептывался с Дойлом. Сиобхан глядела на меня, глядела в упор. Я ощущала ее смертоносный взгляд даже сквозь шлем, хотя глаз ее не видела.

Она не забудет, что я применила против нее магию и победила, то есть не проиграла. Не забудет и не простит никогда.

Но это проблема не на сегодня. Я повернулась к Кеелин. Пожалуйста, по одной катастрофе за раз. Я нащупала руками твердый кожаный ошейник.

Она коснулась моих рук:

— Мерри, что ты делаешь?

— Снимаю это с тебя.

Она мягко потянула мои руки вниз:

— Не надо.

Я замотала головой:

— Как ты можешь... как ты могла?

— Не начинай снова плакать, — сказала Кеелин. — Ты знаешь, зачем я так поступила. У меня осталось еще только несколько недель, до Самайна. Три года будет. Если я не буду с ребенком, то я освобожусь от Кела. Если буду, ему придется обращаться со мной как с женой или вообще ко мне не прикасаться.

Она так спокойно говорила об этом, с таким ужасным, нерушимым спокойствием, будто это было совершенно... обыкновенно.

— Не понимаю этого, — сказала я.

— Я знаю. Но ты всегда была особой королевской крови, Мерри. — Она положила ладонь мне на губы прежде, чем я успела возразить, а другими руками все так же держала мои запястья. — Я знаю, что с тобой обращались как с бедной родственницей, Мерри, но ты и они — одно. Их кровь в твоих жилах, и они... — Она убрала руку от моих губ, но все сильнее стискивала мне запястья. — Ты член клуба, Мерри. Ты в этом большом доме, а мы ждем снаружи под ветром и снегом, прижав лица к стеклу.

Я взглянула в ее трепетные карие глаза:

— Ты обращаешь против меня мою же метафору.

Она погладила мою щеку левой верхней рукой — своей ведущей рукой.

— Я слыхала, как ты ею часто пользовалась, когда мы росли с тобой.

— Если бы я попросила, ты бы поехала со мной?

Она улыбнулась, и даже при луне было видно, что улыбка горькая.

— Разве что ты была бы со мной каждую минуту день и ночь, иначе ты не смогла бы защитить меня своим гламором. — Она покачала головой. — На взгляд людей я слишком отвратительна.

— Ты не...

На этот раз она остановила меня просто взглядом.

— Я как ты, Мерри. Я не дюриг и не брауни.

— А Кураг? Он неровно к тебе дышал.

Она опустила голову.

— Действительно, среди некоторого типа гоблинов я считаюсь сногшибательной. Дополнительные конечности, а особенно дополнительные груди — это у них марка высокой красоты.

Я улыбнулась:

— Помню, как ты меня взяла с собой на бал гоблинов. Меня они сочли слишком простенькой.

Кеелин улыбнулась, но покачала головой:

— Но они старались с тобой танцевать, уродка ты или нет. — Она подняла глаза, встречая мой взгляд. — Они все хотели коснуться кожи принцессы королевской крови, потому что знали: без изнасилования им никогда не быть ближе к твоему манящему телу.

Я не знала, как реагировать на горечь в ее голосе.

— Не твоя вина, что ты выглядишь так, как ты, а я — как я. Ничья вина. Мы такие, как мы есть. Благодаря тебе я увидела Двор и всю эту блестящую тусовку. Я не могу вернуться к Курагу и его гоблинам после той жизни, которую ты мне показала. Я была бы довольна стоять за твоим стулом на пирах до конца моих дней, но вдруг все потерять... — Она выпустила мои руки и шагнула назад. — Я не могла вынести потерю всего, когда ты сбежала. — Она засмеялась, и смех был по-прежнему как птичья трель, но с издевкой, и я услышала в нем эхо от хохота Кела. — К тому же Келу нравятся женщины с четырьмя грудями, и он говорит, что никогда не спал ни с одной, которая могла бы обернуть его белое тело двумя парами ног.

Кеелин тихо и сухо всхлипнула, и я поняла, что она плачет. То, что у нее нет слез, еще не значит, что она не может плакать.

Она повернулась и пошла обратно к Келу. Я не стада ее удерживать. Она упрекнула меня, что я показала ей луну, которую ей не достать. Может быть, Кеелин и права. Может быть, я нехорошо с ней обошлась, но я не хотела этого. Конечно, от того, что я не хотела, ей не легче.

Я несколько раз очень медленно и глубоко вдохнула осенний воздух, стараясь снова не заплакать. Воздух был так же сладок, как и прежде, но уже не доставлял того удовольствия.

— Мне очень жаль, Мередит, — сказал Баринтус.

— Меня жалеть не надо, Баринтус, не я на поводке у Кела.

Гален тронул меня за плечо и хотел обнять меня, но я отстранила его рукой.

— Не надо, пожалуйста. А то я разревусь.

Он слегка улыбнулся:

— Надо будет запомнить на будущее.

Дойл подплыл к нам. Он сдвинул капюшон плаща, но почти невозможно было отличить, где кончаются черные волосы и начинается черная ткань. Я увидела только, что висящие спереди пряди собраны в пучок на темени, открывая остроконечные уши. Серебряные сережки блестели при луне. Некоторые из этих колеи он заменил на кольца большего размера, и когда он двигался, они соприкасались, музыкально и тихо позванивая. Когда он встал перед нами, я увидела, что некоторые из них украшены павлиньими перьями — такими длинными, что доставали до плеч.

— Баринтус, Гален, мне кажется, что наш принц отдал вам приказ.

Баринтус подошел, нависая над ним. Если Дойла и можно было запутать размерами, он

этого не показал.

— Принц Кел сказал нам, что он ответит Мередит к королеве. Я счел это непродуманным.

Дойл кивнул:

— Мередит к королеве отведу я. — Он посмотрел мимо Баринтуса на меня. Трудно было бы точно сказать в темноте, но, кажется, он улыбнулся своей едва заметной улыбкой. — Полагаю, что наш царственный принц уже достаточно пообщался со своей кузиной для одного раза. Я не знал, что ты умеешь вызывать Землю.

— Я ее не вызывала. Она мне предложила себя.

Слышно было, как он удивленно вдохнул и медленно выпустил воздух.

— А, это другое дело. В чем-то эта сила уступает силе тех, кто способен спихнуть Землю с ее дороги. В чем-то другом это примечательнее, потому что местная земля приветствовала твоё возвращение. Она признает тебя. Интересно.

Он повернулся к Баринтусу:

— А теперь, я думаю, вас ждут в другом месте. Обоих.

Голос его прозвучал спокойно, но под обыденными словами звучало что-то темное и грозное. Дойл всегда умел управлять подчиненными с помощью голоса и самые невинные слова умел произносить с самой зловещей угрозой.

— Даешь ли ты мне слово, что ей не будет причинен вред? — спросил Баринтус.

Гален подошел к нему, взял своего высокого товарища за руку. Задать такой вопрос было почти то же самое, что пререкаться, получив приказание. За такое могли кожу содрать заживо.

— Баринтус! — предупредил его Гален.

— Я даю слово, что доставлю ее к королеве невредимой.

— Я не о том спрашивал, — возразил Баринтус.

Дойл шагнул к Баринтусу так близко, что их плащи соединились в темноте.

— Последи, морской бог, за тем, чтобы не спрашивать более того, что тебе должно спрашивать.

— То есть ты опасаешься за ее безопасность в руках королевы, как и я, — произнес Баринтус нейтральным голосом.

Дойл поднял руку, очерченную зеленым пламенем. Я шагнула к ним раньше, чем успела сообразить, что им сказать, когда я окажусь рядом.

Баринтус следил за Дойлом и его пылающей рукой, но Дойл смотрел, как я шагаю к ним. Гален стоял рядом, явно не зная, что делать. Он протянул ко мне руку — наверное, собирался остановить.

— Отойди, Гален. Я не буду делать глупостей.

Он заколебался, потом отступил и дал мне подойти к этим двоим. Огонь на руке Дойла окрасил их обоих в оттенки зеленовато-желтого. Глаза Дойла, кажется, не столько отражали огонь, сколько горели им же. Так близко я ощущала не только его силу, как бегущие по коже ножки насекомых, но и медленный подъем силы Баринтуса, как будто море лезет на берег.

Я замотала головой:

— А ну прекратите немедленно!

— Что ты говоришь? — спросил Дойл.

Я отпихнула Баринтуса назад, да так, что он споткнулся. Пусть я не могу поднять микролитражку и разогнать ею толпу, но я могу кулаком пробить дверцу автомобиля —

насквозь — и при этом не сломать руку. Я толкнула его еще раз, и еще раз, пока не отогнала настолько, что стало слишком далеко для драки.

— Вам отдал приказ сначала наследник престола, а потом ваш капитан. Подчиняйтесь и идите. Дойл дал вам слово, что доставит меня к королеве невредимой.

Баринтус посмотрел на меня. Лицо его было спокойно, но глаза выдавали. Дойл всегда был тем, что стояло между королевой и верной смертью. На миг я подумала, что Баринтус ищет предлог для попытки устранить Мрак королевы. Если да, то я ему этого предлога не дам. Убить Дойла — это значило начать революцию. Я смотрела в лицо Баринтуса и пыталась понять, о чем он думает. О том, что Земля приветствовала меня? Или между этими двумя было что-то, о чем мне не рассказывали? Не важно.

— Нет, — сказала я, не отводя от него глаз, и повторила: — Нет.

Баринтус смотрел мимо меня, на Дойла. Дойл повернул свободную руку и соединил с горячей рукой, превратив их в единый фитиль.

Я встала между ним и Баринтусом:

— Дойл, прекрати этот театр. Пошли.

Их взгляд друг на друга давил сквозь воздух, как нависший груз. Напряжение между ними бывало всегда, но никогда такое.

Я подошла к Дойлу так близко, что цветное пламя отбросило тени на мое лицо и одежду. Я стояла достаточно близко, чтобы ощутить, что от огня не исходит ничего — ни тепла, ни жизни, но он не был иллюзией. Я видела, что может огонь Дойла. Как и руки Сиобхан — он может убивать.

Необходимо было разорвать это напряжение между ними. Я видела дуэли, начинавшиеся с меньшего. Смерть и кровь из-за сущей ерунды.

Я взяла Дойла за локти и медленно повела руки вверх по его рукам.

— Когда я увидела Кеелин, у меня сердце не разбилось, но чуть треснуло, и Андаис знала это заранее. Так что веди меня к ней.

Мои руки медленно шли вверх, и я почувствовала, что они идут по голой коже. Под плащом у него была футболка.

— Земля признала тебя, малышка, и ты осмелела, — сказал Дойл.

— Это не было смело, Дойл. — Мои руки уже почти дошли до его запястий, почти вошли в это нездоровое пламя. Не было предупреждающего жара — были только мои воспоминания о мужчине, который извивался, погибая в языках ползучего зеленого пламени. — Вот это — смело.

И я сделала одновременно две вещи: сунула руки в пламя между его ладонями и одновременно дунула, как на свечку.

Языки пламени исчезли, будто я их задула, чего не было. Дойл загасил их сам за долю секунды до того, как я их коснулась.

При луне было видно, как он потрясен и испуган тем, чего чуть не случилось.

— Ты с ума сошла!

— Ты мне дал слово, что я дойду до королевы невредимой. А слово ты всегда держал, Дойл.

— Ты верила, что я не причиню тебе вреда.

— Да. Я доверилась твоему чувству чести.

Он обернулся к Келу и Сиобхан. Кеелин снова была с ними. Кел уставился на нас. По его лицу казалось, что он почти поверил, будто я сделала то, что я, казалось, сделала, —

задула пламя Дойла.

Держа Дойла за руку, я другой рукой послала своему кузену воздушный поцелуй.

Он вздрогнул, будто этот воздушный поцелуй его ударил. Кеелин свернулась с ним рядом и смотрела на меня глазами не до конца дружелюбными.

Сиобхан встала перед ними и на этот раз выхватила свой меч — блестящую полосу холодной стали. Я знала, что рукоять костяная, броня бронзовая, но для убийства мы используем сталь или железо. У нее был короткий бронзовый меч на поясе, но выхватила она стальной клинок из-за спины. Для защиты она бы взяла бронзу, но выхватила она сталь. Чтобы убивать. Приятно знать, что она так честна.

Дойл схватил меня за обе руки и повернул лицом к себе.

— Я не хочу сегодня драться с Сиобхан только потому, что ты напугала своего кузена.

Пальцы его так вдавились мне в кожу, что должны были остаться синяки, но я рассмеялась. И в этом смехе был горький оттенок, напомнивший мне о ком-то — о той, у которой бесслезные карие глаза.

— Не забывай, что я и Сиобхан напугала. Это потруднее, чем напугать Кела.

Он встряхнул меня — один раз, но сильно.

— И опаснее.

Дойл отпустил меня так резко, что я пошатнулась и чуть не упала. Только его рука у меня на локте предотвратила падение. Он посмотрел мне за спину:

— Баринтус, Гален, идите, быстро!

Теперь в его голосе звучал искренний гнев, а он редко позволял себе проявлять такие несдержанные эмоции. Я всех выводила из себя, и какая-то темная сторона моей личности этому радовалась.

Дойл, не выпуская мою руку, зашагал по дорожке.

Я не стала оборачиваться посмотреть, ушли уже Баринтус и Гален или нет, и не стала снова злить Сиобхан. Это не была осторожность. Я не хотела видеть, как Кеелин обнимает Кела.

Я оступилась, и Дойлу слова пришлось меня подхватить.

— Для моих каблуков ты слишком быстро идешь, — сказала я. На самом деле мне мешала кобура на лодыжке да длинный подол. Но лучше было сослаться на туфли — идущий со мной рядом страж немедленно отобрал бы у меня пистолет.

Он замедлил шаг.

— Надо было надеть что-нибудь поудобнее.

— Однажды на моих глазах королева одну сидхе заставила раздеться и сидеть на пиру голой, потому что сочла ее наряд неподходящим. Так что уж прости, но я хочу, чтобы мой наряд ей понравился. — Я знала, что разжать его хватку на своем локте я не могу без настоящей драки. В которой я могу и не победить. И я попыталась воззвать к разуму. — Дойл, предложи мне руку как полагается, веди как принцессу, а не как пленницу.

Он еще замедлил шаг, искоса глядя на меня.

— Ты совершенно уверена, принцесса Мередит, что закончила свое театральное представление?

— Совершенно уверена.

Он остановился и предложил мне руку. Я продела в нее свою и положила кисть ему на запястье, ощутив волоски на его предплечье.

— Не холодновато для коротких рукавов? — спросила я.

Он глянул на меня, обвел взглядом сверху вниз.

— Ну, зато хотя бы ты правильно выбрала для себя одежду. Я положила свободную руку поверх той, что уже лежала у него на руке, вроде как обняв его руку, но ничего такого недозволенного.

— Тебе нравится?

Он посмотрел на мою руку. Остановился, схватил меня за правое запястье, и в тот момент, когда кожа его коснулась кольца, оно вспыхнуло, оживая, омывая нас обоих электрическим танцем. Магия, живущая в этом кольце, узнала Дойла, как узнала до того Баринтуса и Галена.

Он выдернул руку, будто обжегся, потер ее.

— Где ты взяла это кольцо? — спросил он придушенным голосом.

— Его оставили для меня в машине.

Он покачал головой:

— Я знал, что оно пропало, но не думал найти его у тебя на руке.

Он посмотрел на меня, и про кого-нибудь другого я бы сказала, что он испугался. Однако это выражение исчезло раньше, чем я смогла его разгадать. Лицо его стало гладким, темным, непроницаемым. С легким поклоном он снова предложил мне руку, как сделал бы на его месте любой джентльмен.

Я приняла его руку, положив на нее обе свои, но правую поверх левой, чтобы кольцо не касалось его кожи. Я подумала о том, чтобы коснуться его якобы случайно, но не знала, что именно кольцо сделает. Я не знала, для чего оно предназначено, и пока не узнаю, лучше, наверное, его магию не вызывать.

Мы пошли по дорожке рука об руку, степенным, но ровным шагом. Мои каблуки резко щелкали по камешкам. Дойл шагал рядом со мной, безмолвный, как тень, и только твердость его руки, полы плаща, задевающие меня на ходу, подтверждали, что он здесь. Если бы я выпустила его руку, он мог бы раствориться во мраке, который был его тезкой, — я бы не увидела смертельного удара, если бы он пожелал его нанести. Нет, не так: если бы того пожелала моя тетка.

Я была бы рада заполнить молчание разговором, но Дойл никогда не умел вести светскую болтовню, а сегодня и я тоже.

Каменная дорожка вышла на главную аллею, ширины которой хватало для проезда запряженной телеги или небольшого автомобиля — это если бы автомобилям не было запрещено здесь ездить. Когда-то, как мне говорили, здесь висели факелы, а потом фонари, освещавшие аллею. Противопожарные законы косо смотрят на горящие всю ночь факелы, а потому сейчас столбы, стоящие через каждые восемнадцать футов, несут на себе блуждающие огоньки. Кто-то из искусных в ремеслах придумал для огоньков клетки из стекла и дерева. А огоньки были разные — светло-светло-голубые, призрачно-белые, до того бледно-желтые, что это был как будто еще один оттенок голубого, и зеленый, переходящий в неясный цвет, еле отличимый от призрачного сияния желтых огоньков. Как будто идешь сквозь сонмы цветоносных призраков, переходя от одного огонька к другому.

Когда Джефферсон пригласил фейри прибыть в эту страну, он также предложил им землю по их выбору. Они выбрали холмы Кахокии. В долгие зимние ночи шепотом рассказывают страшные сказки о том, что обитало здесь до нашего появления. О том, что мы... выкорчевали из холмов. Все создания, что были в этой земле, мы прогнали или уничтожили, но с магией справиться труднее. Было здесь какое-то ощущение, когда идешь по аллее между нависающими с обеих сторон холмами. А самый большой из холмов самого города находился в конце аллеи. Учиться в колледж я уехала в Вашингтон, а когда приезжала домой на каникулы, то как-то даже неуютно бывало от того, насколько навязчиво в городе холмов мне казалось, будто я стою в Вашингтоне на площади, окруженной монументами американского величия. Теперь, шагая по этой центральной и единственной улице, я чувствовала, что великие времена уходят. Здесь был когда-то великий город, как нынешний Вашингтон, центр культуры и власти, а сейчас он раскинулся спокойно и сонно, лишенный прежних своих обитателей. Люди, предлагая нам эти холмы, думали, что здесь пусто — просто кости да старые черепки там и тут. Но магия все еще здесь держалась — глубоко и оцепенело. Она сражалась с фейри, потом приняла их. Это покорение — или привлечение на свою сторону — древней чужой магии было одним из последних случаев, когда два Двора вместе боролись против общего врага.

По-настоящему последний, конечно, был во время Второй мировой войны. Поначалу Гитлер привечал фейри Европы. Он хотел добавить их кровь в генофонд своей расы господ. Потом он узнал воочию некоторых менее человекоподобных представителей фейри. У нас существует классовая структура, настолько же жесткая и нерушимая, насколько дурацкая. Особенно усердствует Благой Двор, глядя свысока на всех, чей вид не соответствует крови. Гитлер ошибочно принял эту надменность за безразличие. Но это как среди братьев и сестер: они могут между собой драться до крови, но стоит напасть на них чужаку, они тут же обрушиваются на него соединенными усилиями.

Гитлер использовал собранных им колдунов, чтобы ловить и уничтожать низших фей. Его союзники-фейри его не покинули — они напали на него без предупреждения. Люди на их месте постарались бы от него дистанцироваться, предупредить о перемене, а может быть, так поступили бы идеальные (с точки зрения американца) люди. Для фей это точно не идеальная модель. Союзники обнаружили Гитлера и всех его колдунов повешенными за ноги в подземном бункере фюрера. Его любовницу, Еву Браун, так и не нашли. Хотя время от времени таблоиды объявляют о появлении внука Гитлера.

В смерти Гитлера ни один из моих прямых родственников замешан не был, так что знать точно я не могу, но сильно подозреваю, что они попросту сожрали ее.

Мой отец получил за войну две серебряных звезды. Он был шпионом. Мне кажется, что он не особенно гордился медалями — наверное, потому, что никогда ими вроде бы не интересовался. Однако, умирая, он оставил их мне в коробочке с атласной обивкой. Я их хранила в резной деревянной шкатулке с прочими остатками сокровищ моего детства: цветные птичьи перья, камешки, которые искрились под солнцем, пластмассовые балеринки с именинного пирога, когда мне исполнилось шесть лет, кусочек сухой лаванды, игрушечный кот с цветными стекляшками глаз — и две серебряные медали, которыми был награжден покойный отец. Теперь они вернулись в свою атласную коробочку и лежат у меня в ящике комода. Остальные мои "сокровища" рассеялись по ветру.

— Твои мысли где-то далеко, Мередит, — сказал Дойл.

Я продолжала идти рядом с ним, держа его под руку, но в какой-то момент здесь было только мое тело. Я даже немного испугалась, как далеко меня унесло.

— Прости, Дойл, ты мне что-то говорил?

— О чем ты так глубоко задумалась? — спросил он.

Огоньки играли у него на лице, рисуя на черной коже цветные тени. Его кожа будто отражала свет, подобно полированному черному дереву. Я касалась его руки и потому ощущала ее тепло, мышцы в глубине, мягкость кожи. На ощупь она была как у любого другого, только ни у кого кожа не отражает свет таким образом.

— Я думала об отце, — ответила я.

— О чем именно?

Дойл на ходу повернулся вполоборота на меня посмотреть. Длинные перья свисали до шеи, смешиваясь с прядями черных волос, лишь частично упрятанных под плащ.

— Вспоминала медали, которыми его наградили за Вторую мировую.

Он не остановился, но повернулся ко мне полностью, не сбившись с шага. Что-то ему показалось забавным.

— А почему сейчас?

Я покачала головой:

— Не знаю. Наверное, мысли об ушедшей славе. Холмы эти навели меня на мысль о площади в Вашингтоне — вся эта энергия, целеустремленность. Здесь, наверное, когда-то было так же.

Дойл посмотрел на холмы:

— А сейчас тихо, почти пустынно. Я улыбнулась:

— Ну, я не так проста. У нас под ногами сотни, тысячи народу.

— И все же сравнение двух городов тебя опечалило. Почему?

Я посмотрела на него, он на меня. Мы стояли в островке желтого цвета, но у Дойла в глазах отражались точки от блуждающих огоньков всех оттенков, клубясь, как облако крошечных светлячков. Если не считать этих отражений, то цвет его глаз был сочным и чистым, не призрачным, и еще виднелось красное, пурпурное и другие цвета, которых нигде рядом с нами не было.

Я закрыла глаза от внезапного приступа головокружения и тошноты и ответила, не открывая их:

— Печально думать, что и Вашингтон когда-нибудь может превратиться в унылые развалины. Грустно знать, что славные дни здешних мест прошли намного раньше, чем

появились здесь мы. — Я открыла глаза и посмотрела на него снова — его глаза опять стали всего лишь черными зеркалами. — Печально думать, что славные дни народа фейри миновали, и то, что мы здесь, подтверждает это.

— А ты бы предпочла, чтобы мы жили среди людей, работали с ними, сочетались с ними, как те, кто остались в Европе? Они уже не фейри, а просто нацменьшинство.

— А я всего лишь представитель нацменьшинства, Дойл?

Какое-то выражение, которое я не успела понять, мелькнуло у него на лице, что-то серьезное. Никогда я не была в обществе мужчины, у которого лицо отражает столько эмоций, но я очень мало могу из них прочесть.

— Ты — Мередит, Принцесса Плоты, и не менее сидхе, чем я. Это я готов подтвердить собственной клятвой.

— Я это воспринимаю как бесценный комплимент от тебя, Дойл. Потому что знаю, насколько ты ценишь свою клятву.

Он наклонил голову набок, внимательно меня рассматривая. От этого движения волосы его сильнее показались из-под плаща, но не высвободились окончательно, а легли волной, когда он снова распрямил шею.

— Я ощутил твою силу, принцесса, и отрицать ее я не могу.

— Я никогда не видела, чтобы у тебя волосы не были завязаны или заплетены. Никогда не видела их свободными, — сказала я.

— Тебе они нравятся?

Я не ожидала, что он спросит мое мнение. Никогда не слышала, чтобы он вообще спрашивал чье-нибудь мнение о чем бы то ни было.

— Наверное, да, но надо увидеть их без плаща, чтобы оценить.

— Легко, — ответил он и расстегнул плащ у шеи. Сбросив плащ, он перекинул его через руку.

На нем было надето что-то вроде упряжи из кожи и металла, хотя, если это планировалось как броня, закрывать оно должно было бы больше. Цветные огоньки заплясали по его телу, будто он действительно был вырезан из черного мрамора. Талия и бедра у него были узкие, длинные ноги одеты в кожу. Штаны в обтяжку уходили в черные сапоги выше колен с раструбами, удерживаемыми подвязками с серебряными пряжками. Эти пряжки повторялись и на ляжках, покрывающих торс. Серебро сверкало на фоне черной кожи. Волосы висели черным плащом, шевелящимся на ветру, играющим длинными прядями у ног. Ветер протянул перья из его серег поперек лица.

— Смотри-ка, вот это наряд! — произнесла я, стараясь сказать это легкомысленно, но без успеха.

Ветер прошелестел мимо, отбросив мне волосы с лица. Он прошуршал по высокой сухой траве близкого луга и умчался вдаль, откуда послышался шепот сухих кукурузных стеблей. Он подул вдоль аллеи, вылетая из долины в холмах, ощупывая нас обоих жадными руками. Как эхо того приветя, которым недавно встречала меня земля сидхе.

— Так тебе нравятся мои волосы, когда они свободны, принцесса? — повторил он.

— Что?

— Ты говорила, что должна видеть их без плаща. Тебе они нравятся?

Я кивнула, не в силах говорить. Они мне еще как нравились.

Дойл смотрел на меня, и я видела его глаза. Все остальное его лицо скрывал ветер, перья и темнота. Я встряхнула головой и отвела взгляд.

— Сегодня ты уже дважды пытался зачаровать меня глазами, Дойл. Зачем?

— Королева хотела, чтобы я так тебя испытал. Она всегда говорила, что глаза — лучшая моя черта.

Я позволила себе оглядеть сильные закругления его тела. Налетел порыв ветра, и вдруг Дойл оказался в облаке собственных волос, черных и мягких, и почти скрылось его тело, черное на черном.

Я снова подняла глаза ему навстречу.

— Если моя тетка считает, что лучшее в тебе — глаза, то... — Я покачала головой, выдохнула и закончила: — Скажем тогда, что у нас с ней, очевидно, разные критерии.

Он засмеялся. Дойл — засмеялся! Я слыхала его смех в Лос-Анджелесе, но совсем не такой. Сейчас он смеялся рокоchущим утробным смехом, будто раскат грома. Хороший смех, сердечный и искренний. Он отозвался эхом в холмах, наполнил ветреную ночь радостным звуком. Так почему же у меня сердце при этом провалилось куда-то, и стало трудно дышать? Даже кончики пальцев закололо. Дойл не смеется. Так — не смеется. Никогда.

Ветер стих. Смех прекратился, но свет от него остался на лице Дойла, заставив его улыбнуться пошире, показав великолепные зубы.

Дойл снова накинул плащ. Если ему и было холодно без него в октябрьскую ночь, то Дойл этого не показал. Оставив плащ на одном плече, он предложил мне обнаженную руку. Он со мной заигрывал.

Я нахмурилась:

— Кажется, мы кое-что обговорили и решили притворяться, что прошлой ночи не было.

— А я ее не упомянул, — сказал он совершенно невинным голосом.

— Ты заигрываешь.

— Если бы на моем месте был Гален, ты бы не стала колебаться.

Веселье упало до тусклого сияния, заполнявшего его глаза. Он все еще что-то находил во мне забавное, и мне не нравилось, что я не знаю, что именно.

— Мы с Галеном играли в эти невинные игры с тех пор, как я стала подростком, а за тобой я никогда такого не замечала, Дойл, до прошлой ночи.

— Сегодня тебя ждут еще и не такие чудеса, Мередит. Чудеса куда более неожиданные, чем я с распущенными волосами и без рубашки в октябрьский вечер.

Сейчас у него была слышна в голосе нотка, которая бывает у многих старых — снисходительный тон, который говорил, что я ребенок, и сколько бы лет мне ни было, по сравнению с ними я все равно еще дитя, несмышлениш.

Снисходительным по отношению ко мне Дойл уже бывал. Мне стало почти спокойно.

— Что может быть удивительнее, чем Мрак королевы, флиртующий с другой женщиной?

Он покачал головой, все еще предлагая мне руку.

— Я думаю, что у королевы есть новости, по сравнению с которыми все, что я могу сказать, будет пресным.

— Что за новости, Дойл?

— Удовольствие их сообщить принадлежит королеве, а не мне.

— Тогда прекрати намеки, — потребовала я. — Это на тебя не похоже.

Он покачал головой, и улыбка скользнула по его лицу.

— Да, наверное, не похоже. Когда королева изложит тебе свои новости, я объясню перемены в моем поведении. — Лицо его стало серьезнее, спокойнее, превратилось почти

что в его обычную черную маску. — Это честно?

Я посмотрела на него, и на моих глазах погасли последние искорки веселья на этом лице.

— Думаю, да, — кивнула я.

Он предложил мне руку.

— Закрой собственное тело, и тогда я возьму тебя под руку.

— Почему тебя так волнует, что я в таком виде?

— Ты был тверже алмаза насчет того, что вчерашней ночи не было, о ней никогда говорить даже не будем. Теперь ты вдруг снова заигрываешь. Что изменилось?

— Если бы я сказал, что дело в кольце у тебя на пальце, ты бы поняла?

— Нет.

Он улыбнулся, на этот раз чуть-чуть, почти обычным своим движением губ. Потом надел второй рукав плаща, так что видна осталась только кисть.

— Так лучше?

— Да, спасибо.

— Тогда изволь взять меня под руку, принцесса, и окажи мне честь доставить тебя пред очи королевы.

Голос его был ровен, лишен эмоций, лишен значения. Я даже чуть не пожалела о тех эмоциях, что звучали в нем секунду назад. Сейчас его слова могли значить очень многое или просто ничего. Слова без окрашивающих их эмоций почти бесполезны.

— У тебя бывают интонации, средние между полной безжизненностью и веселой снисходительностью? — спросила я.

Та же тонкая улыбка мелькнула у него на губах.

— Я попробую найти... компромисс между этими двумя.

Я аккуратно продела свою руку в его. Между нашей кожей был плащ.

— Спасибо, — сказала я.

— Всегда пожалуйста.

Голос остался так же пуст, но какая-то едва заметная искорка тепла в нем ощущалась.

Дойл сказал, что постарается найти компромисс. Очевидно, он начал над ним работать. Донельзя своевременно.

Мощеная дорога резко оборвалась в траве. Дорога, как и тропа, не доходила ни до одного холма. Мы стояли у конца дороги, и ничего перед нами не было, кроме травы. Траву утоптало бесчисленное множество ног, но утоптало ровно, и ни в одном направлении она не была утоптана сильнее. Одно из наших древних прозвищ — "скрытые". Может, мы и превратились сейчас в туристскую достопримечательность, но старые привычки держатся долго.

Иногда "охотники за феями" с биноклями становятся лагерем снаружи и целыми днями ничего не видят и ночами тоже. Если кто-то наблюдает за нами из холодной тьмы, он может увидеть "что-то".

Я не пыталась найти дверь — Дойл проведет нас внутрь без малейших моих усилий. Эта дверь перемещается по какому-то своему графику или графику королевы. Что бы ни приводило ее в движение, иногда дверь выходит на дорогу, а иногда нет. Подростком, когда мне хотелось тайно смыться из дому ночью и вернуться поздно, приходилось надеяться, что дверь не переместится, пока меня не будет дома. Небольшая магия, необходимая для поиска двери, предупредит стражей, и начнется, как говорится, веселье. Я думала тогда, в отрочестве, что эту проклятую дверь нарочно двигают.

Дойл повел меня по траве. Каблуки уходили в мягкую землю, и мне пришлось идти почти на цыпочках, чтобы их не особенно вымазать. От пистолета на лодыжке походка становилась еще более неуклюжей. Хорошо еще, что я не выбрала каблуки повыше.

Когда Дойл увел меня с аллеи, прочь от призрачных огоньков, темнота показалась еще гуще, чем раньше. Тусклые это были огоньки, но любой свет придает ночи вес и вещественность. Я чуть сильнее вцепилась в руку Дойла, когда свет остался позади и мы вошли в звездную темноту.

Дойл, очевидно, заметил, потому что предложил:

— Ты желаешь, чтобы был свет?

— Спасибо, я сама могу наколдовать блуждающий огонек. Сейчас глаза привыкнут.

Он пожал плечами — я ощутила, как шевельнулась его рука под моей.

— Как хочешь.

Голос его стал обычным, нейтральным. Либо ему трудно стало искать компромиссную интонацию, либо по привычке. Я бы поставила на второе.

Когда Дольф остановился, обойдя половину холма, у меня глаза уже привыкли к темноте, холодному свету звезд и восходящей луны.

Дойл всмотрелся в землю. Его магия чуть дохнула на меня теплом, когда он сосредоточился. Я тоже уставилась в травяной ковер. Если не сосредоточиться как следует, этот клочок травы ничем не отличался от любого другого.

Ветер перебирал траву, как пальцы перебирают кружева в шкатулке. Ночь была полна сухого шелеста осенних трав, но едва заметно — едва-едва заметно — слышалась музыка, приносимая ветром. Едва-едва слышно, не только не узнать мотив, но даже не понять, не просто ли это шум ветра. Вот эта фантомная музыка — признак, что стоишь возле входа. Вроде призрачного дверного звонка или магической игры в "горячо-холодно". Нет музыки — значит "холодно".

Дойл высвободил руку и провел ею по траве холма. Я не разглядела, то ли трава

растаяла, то ли дверь появилась из травы, а трава была под ней в каком-то метафизическом пространстве. Как бы там ни было, а в склоне холма открылась закругленная дверь, как раз такого размера, чтобы нам вдвоем пройти. Проем наполнился светом. Если надо, то дверь бывает достаточно большой, чтобы танк проехал, будто она чувствует, какой надо быть.

Свет казался ярче, чем на самом деле, потому что у меня глаза привыкли к темноте. Он был белый, но не резкий, — мягкий белый свет, выдыхаемый дверью, как светящийся туман.

— После тебя, моя принцесса, — сказал Дойл с поклоном.

Я хотела вернуться ко Двору, но, глядя на этот светящийся холм, я не могла не вспомнить, что дырка в земле — это всегда яма, будь то подземный дворец или могила. Не знаю, почему мне это взбрело в голову. Может быть, из-за покушения на меня. А может быть, просто нервы. Я вошла.

И оказалась в просторном каменном холле, в котором с удобством мог развернуться танк, а великану не надо было бы пригибаться. Холл всегда был большой, какая бы ни была дверь. Дойл вошел вслед за мной, и дверь за ним исчезла — осталась только серая каменная стена, неотличимая от других. Как вход был скрыт снаружи, так он был скрыт изнутри. Если бы пожелала королева, дверь вообще бы с этой стороны не появилась. Очень легко было превратиться из гостя в пленника. И эта мысль тоже не успокаивала.

Белый свет, заполнявший холл, шел ниоткуда и отовсюду. Серый камень был похож на гранит, то есть не мог быть естественным для Сент-Луиса. Здесь весь камень красный или красно-коричневый, но не серый. Даже наш камень привезен с какого-то далекого берега.

Мне когда-то говорили, что под землей есть целые миры. Луга и сады, солнце и луна, принадлежащие только нам. Я видала умирающие сады и цветники, но никогда солнце и луну. Комнаты больше, чем следовало бы, и план их расположения будто меняется по прихоти — иногда просто когда через них проходишь, будто через комнаты смеха, построенные из камня вместо зеркал. Но лугов здесь нет — я по крайней мере не видела. Хотя вполне готова поверить, что их от меня держат в тайне. Меня бы это ни капельки не удивило, но, насколько я знаю, миров под землей нет — только камень и залы.

Дойл весьма официально предложил мне руку. Я взяла его под руку — в основном по привычке.

Коридор резко сворачивал. Я услышала чьи-то приближающиеся шаги. Дойл осторожно потянул меня за руку. Я остановилась и посмотрела на него:

— Что это?

Дойл повел меня по коридору обратно. Я пошла за ним, и он вдруг резко остановился. Схватив мое платье в горсть, он приподнял его, оголяя лодыжки — и пистолет.

— Не каблуки мешали тебе идти ровно по камням, принцесса, — зло сказал он.

— Мне разрешено носить оружие.

— Внутри холма пистолеты запрещены.

— С каких пор?

— С тех пор, как ты убила из него Бледдина.

Мы остановились на миг, глядя друг на друга, потом я попыталась отодвинуться, но его рука сомкнулась у меня на запястье.

Шаги приближались, и Дойл дернул меня так, что я потеряла равновесие и упала на него. Одной рукой он прижал меня к себе, открыл рот что-то сказать, но шаги свернули к нам.

Мы остались стоять на виду — Дойл прижимает меня к себе рукой, другой держит за

руку. Выглядело как остановленная драка — или начало драки.

Двое вышедших из-за угла мужчин разошлись так, чтобы видеть как можно большее пространство коридора, оставив место для схватки.

Я глядела в лицо Дойла, стараясь вложить во взгляд просьбу. Я просила его не говорить об этом пистолете и не отбирать его.

Он приложил рот к моей щеке и шепнул:

— Он тебе не понадобится.

Я глянула на него:

— Ты можешь мне в этом поклясться?

Гнев стянул ему челюсти, загудел в мышцах рук.

— Я не стану давать свое слово по поводу капризов королевы.

— Тогда оставь мне пистолет, — шепнула я.

Он встал между мной и другими стражниками, все еще не отпуская мою руку. Зрителям был виден только его развевающийся плащ.

— В чем дело, Дойл? — спросил один из них.

— Ни в чем, — сказал он.

Но завел мне руку за спину так, чтобы взять оба запястья одной рукой. Руки у него были не такие большие, и такая хватка означала, что у меня запястья вдавятся одно в другое и останутся синяки. Я бы отбивалась сильнее, если бы думала, что смогу вырваться, но даже если я сбегу от Дойла, пистолет он видел. Мне тут уже ничего не сделать, так что я не стала отбиваться. Но довольна не была.

Дойл другой рукой поднял меня и посадил на землю. Если не считать того, что он при этом держал меня за руки, то вполне бережно. Он присел, закрывая меня плащом от зрителей. Когда его рука пошла вниз по моей ноге, к пистолету, я подумала было лягнуть его, сопротивляясь, но в этом не было смысла. Он без усилий мог раздавить мне руки. Пистолет я еще, быть может, получу обратно, а с поломанными руками уже никаких вариантов не будет.

Дойл вытащил пистолет из кобуры. Я спокойно сидела и ему не мешала. Пусть себе крутит меня как хочет. Только глаза у меня не были спокойны — я не могла скрыть злости. Нет, я *хотела*, чтобы он ее видел.

Он отпустил меня и сунул пистолет сзади себе за пояс, хотя штаны у него тесные, вряд ли это было удобно. Я мстительно пожелала, чтобы пистолет вдавился до крови.

Дойл взял меня за руку, помогая встать. Потом повернулся, развевая плащ, чтобы представить меня другим стражникам, и при этом держал меня за руку, будто хотел торжественно свести вниз по длинной мраморной лестнице. Довольно странный жест для этого серого холла и того, что сейчас произошло. Я поняла, что Дойлу не по себе то ли от наличия пистолета, то ли от своего решения его отобрать. А может, он волновался, нет ли у меня еще одного. Ему было не по себе, и он старался это скрыть.

— Небольшой спор, ничего страшного, — ответил Дойл.

— О чем был спор?

Голос принадлежал Холоду, заместителю Дойла. Если не считать общего высокого роста, внешне они были друг другу полной противоположностью. Волосы, спадавшие блестящим занавесом до ног Холода, были серебристыми, блестящий серебристый металл, как новогодняя канитель. Кожа белая, как у меня. Глаза тускло-серые, как зимнее небо перед метелью. Лицо с резкими чертами, красивое надменной красотой. Плечи чуть шире чем у

Дойла, но в остальном они были очень похожи — и очень непохожи.

Холод был одет в серебристую приталенную безрукавку до колен под цвет серебристым штанам, заправленным в серебристые же сапоги. Пояс на талии тоже был серебристым, усыпанным жемчужинами и алмазами. Ему соответствовало тяжелое ожерелье, украшавшее грудь. Он сверкал, будто вырезанный из цельного куска серебра, более похожий на статую, чем на мужчину. Но меч на боку с серебряно-костяной рукояткой был более чем реален, и хоть виден был только он, еще какое-то оружие наверняка имелось, потому что это был Холод. Королева называла его своим Убийственным Холодом. Если у него и было другое имя, я его не знала. При нем не было никакого магического или заговоренного оружия — для Холода это было почти как выйти безоружным.

Он смотрел на меня своими серыми глазами с явным подозрением.

Я обрела голос — что угодно, лишь бы прервать молчание. Отвлечь — вот что необходимо. Отпустив руку Дойла, я шагнула вперед. Холод был тщеславен относительно своей внешности и одежды.

— Холод, что за смелый вызов моде!

Голос прозвучал сильно, с интонацией между заигрыванием и насмешкой.

Его пальцы дернулись к подолу туники раньше, чем он успел себя сдержать. И он нахмурился.

— Принцесса Мередит, видеть тебя — все такое же удовольствие.

Небольшое изменение интонации сделало эти слова насмешливыми.

Я не обратила внимания. Он не поинтересовался, что скрывает Дойл. Это и все, чего я хотела добиться.

— А я? — спросил Рис.

Я повернулась к третьему из своих любимых стражников. Ему я не доверяла так, как Баринтусу или Галену. Ощущалась в нем какая-то слабость, чувство, что он не станет умирать ради твоей чести, но в остальном можно на него положиться.

Он завернул пелерину и водопад белых волнистых волос через руку, и мне открылся потрясный вид на его тело. Ему до шести не хватало доброй половины фута — коротышка для стражника. Насколько мне известно, он был чистокровный придворный — просто оказался низкорослым. Тело его было облечено в комбинезон настолько прилегающий, что под ним явно ничего не было. Ткань комбинезона была вышита белым по белому, и вышивка заканчивалась вокруг ворота и нешироких раструбов рукавов, окружая вырез на животе, открывающий булыжники мышц — как у женщин вырез на груди открывает ложбинку.

Рис опустил пелерину и волосы и улыбнулся мне своим луком амура. Губы вполне уместно смотрелись на круглом красивом мальчишеском лице с одним светлым глазом. В нем светились три круга синевы: васильковый вокруг зрачка, небесный, потом кольцо зимнего неба. Второй глаз был навеки закрыт неразберихой шрамов. Следы от когтей покрыли верхнюю правую четверть лица. Один из следов шел отдельно от остальных, поперек безупречной кожи лба справа к переносице и ниже, по левой щеке. Рис дюжину раз мне рассказывал, как он потерял глаз, и всякий раз по-разному. Великие битвы, великаны, кажется, еще одного-двух драконов я тоже припомнила. Наверное, это шрамы заставляют его так усердно трудиться над телом. При небольшом росте каждый дюйм его тела — сплошные мышцы.

Я покачала головой:

— Не могу понять, на что ты больше похож: на украшение на порнографическом

свадебном торте или на супергероя комикса. Что-нибудь вроде "человек-живот".

Я радостно улыбнулась.

— Тысяча приседаний в день отлично укрепляет мышцы живота, — сказал он, глядя их рукой.

— Каждому свое хобби.

— Где твой меч? — спросил Дойл.

Рис посмотрел на него:

— Там же, где и твой. Королева сказала, что сегодня они нам нужны не будут.

Дойл глянул на Холода:

— А твой, Холод?

Ответил Рис с быстрой усмешкой, от которой вспыхнул его красивый синий глаз:

— Королева отлучает его от оружия постепенно, как младенца от груди. Она повелела, чтобы он был без оружия к тому моменту, когда она оденется идти в тронный зал.

— Мне не кажется разумным разоружать всю стражу целиком, — сказал Холод.

— Мне тоже, — согласился Дойл, — но она — королева, и мы будем выполнять ее приказы.

Красивое лицо Холода стянуло каменной маской. Будь он человеком, он бы давно уже покрылся морщинами, но у него лицо гладкое и всегда останется таким.

— У Холода одежда вполне подходящая для пира в честь возвращения, но вы с Рисом одеты так, что...

Я беспомощно развела руками, не в силах найти слова, которые не были бы оскорбительными.

— Мой наряд придумала сама королева, — сказал Рис.

— Очень красиво, — одобрила я.

Он осклабился:

— Ты не забывай это говорить, когда будешь встречай. Сегодня прочих стражей.

У меня глаза полезли на лоб:

— Не может быть! Неужто она снова принимает гормоны?

Рис кивнул.

— Младенческие гормоны, и сексуальные стремления у нее начинают работать сверхурочно. — Он оглядел свою одежду. — Стыд и позор так одеваться, когда некуда выйти.

— Неплохо сказано, — заметила я.

Он посмотрел на меня с искренне несчастным лицом. Не имел он в виду шутить. И от грусти на его лице моя улыбка тоже погасла.

— Королева — наш сюзерен. Ей лучше знать, — сказал Холод.

Я засмеялась, не в силах сдержаться. Выражение лица Холода заставило меня тут же об этом пожалеть. На долю секунды я увидела беззащитность в этих серых глазах, увидела страдание. У меня на глазах он снова поставил стены, глаза его замкнулись, ничего более не проявляя. Но я увидела, что находится за этим тщательно сделанным фасадом, за дорогой одеждой, за болезненным вниманием к деталям, за жесткими моральными принципами и надменностью. Что-то из этого было подлинным, а что-то — маской для сокрытия истинных чувств.

Я всегда недолюбливала Холода, но после этого мне трудно будет относиться к нему с неприязнью. Черт побери.

— Мы не будем об этом говорить, — сказал он. Потом повернулся и пошел по коридору туда, откуда они с Рисом явились. — Королева ожидает твоего присутствия.

Он пошел дальше, не оглядываясь, следуем ли мы за ним.

Рис пошел со мной рядом. Положив руку мне на плечи, он обнял меня.

— Рад, что ты вернулась.

Я на миг прислонилась к нему:

— Спасибо, Рис.

Он чуть встряхнул меня:

— Скучал я по тебе, зеленоглазая.

Рис говорил даже на более современном английском, чем Гален. Он любил жаргонные слова. Любимым автором был у него Дэшил Хэммет, любимым фильмом — "Мальтийский сокол" с Хэмфри Богартом. Еще у него был дом вне города холмов, в доме — электричество и телевизор. Не один уик-энд я провела у него в доме. Он познакомил меня со старыми фильмами, а когда мне было шестнадцать, мы с ним ездили на фестиваль черных фильмов в "Тиволи" в Сент-Луисе. Он тогда надевал мягкую шляпу и пальто. И даже мне нашел подходящую одежду того периода, чтобы я могла висеть у него на руке как *femme fatale*.

В ту поездку Рис явно дал мне понять, что видит во мне не только младшую сестренку. Ничего такого, за что его можно было бы убить, но вполне достаточно, чтобы это было настоящее свидание. После этого тетка постаралась, чтобы мы не проводили много времени вместе. С Галеном мы друг друга безжалостно дразнили любым сексуальным способом, но Галену королева доверяла, и я тоже. Рису ни одна из нас не доверяла до конца.

Он предложил мне руку.

Дойл встал с другой стороны от меня. Я ожидала, что он тоже предложит мне руку и я окажусь зажатой между ними, но он сказал Рису:

— Иди вперед и жди нас.

Холод заспорил бы и мог бы даже просто отказаться, но не Рис.

— Ты — капитан стражи, — сказал он.

Ответ хорошего солдата. Он свернул за угол, и Дойл взял меня за локоть, ожидая, чтобы Рис ушел дальше и не мог нас слышать. Потом чуть потянул меня назад, чтобы Рис не видел.

Рука его сжалась на моем локте.

— Что у тебя еще есть?

— Ты мневеришь просто на слово?

— Да, если ты дашь слово, — ответил он.

— Моей жизни угрожает опасность, Дойл. Мне нужна возможность себя защитить.

Его рука сжалась чуть сильнее, слегка меня встряхнула.

— Моя работа — защищать весь Двор и в особенности — королеву.

— А моя работа — защищать себя.

Он еще понизил голос:

— Нет, это моя работа. Работа всей стражи.

Я покачала головой:

— Нет. Вы — стража королевы, стража короля защищает Кела. А стражи для принцессы не существует, Дойл. Я выросла, очень хорошо это осознавая.

— У тебя всегда был свой отряд стражи, как и у твоего отца.

— И как ему это помогло?

Он схватил меня за другую руку, заставив встать на цыпочки:

— Я хочу, чтобы ты осталась в живых, Мередит. Прими то, что она даст тебе сегодня. Не пытайся причинить ей вред.

— А то что? Ты меня убьешь?

Он слегка отпустил руки, и я смогла встать нормально.

— Дай мне слово, что это было твое единственное оружие, и я тебе поверю.

Глядя в это искреннее лицо, я не могла сделать то, что он предлагал. Не могла солгать ему — если придется давать слово. Я посмотрела на пол, подняла глаза на Дойла.

— Вот дерьмо!..

Он улыбнулся:

— Это, очевидно, значит, что у тебя есть другое оружие.

— Да, но я не могу здесь быть без оружия, Дойл. Не могу.

— Сегодня рядом с тобой все время будет один из нас — *это* я могу гарантировать.

— Королева была сегодня очень осторожна, Дойл. Пусть я не люблю Холода, но до некоторой степени я ему доверяю. Она устроила так, что все стражники, которых я встречаю, — из тех, кого я люблю или кому доверяю. Но их всего двадцать семь, и еще двадцать семь стражей короля. Доверяю я, быть может, полудюжине из них, десятку максимум. Остальные меня пугают или в прошлом причиняли мне вред. Я не буду здесь разгуливать без оружия.

— Ты знаешь, что я могу его у тебя отобрать, — сказал он.

— Знаю, — кивнула я.

— Скажи мне, что у тебя есть, Мередит. И пойдём отсюда.

Я назвала ему все, что у меня с собой было. Наполовину я ожидала, что он будет настаивать на личном обыске, но он не стал. Поверил мне на слово. И я обрадовалась, что ничего не утаила.

— Вот что пойми, Мередит: я прежде всего страж королевы, а потом уже твой. Если ты нападешь на нее, я буду действовать.

— Мне разрешено защищаться? — спросила я.

Он на минуту задумался:

— Я... я не хочу, чтобы ты погибла просто потому, что остановила собственную руку, испугавшись меня. Ты смертна, а наша королева — нет. Из вас двоих ты более уязвима. — Он облизал губы, покачал головой. — Будем надеяться, что дело не дойдет до выбора между вами двумя. Мне не кажется, что она настроена сегодня применить к тебе насилие.

— Что настроена делать моя дорогая тетушка и что произойдет на самом деле — не всегда одно и то же. Мы оба это знаем.

Он снова покачал головой:

— Да, наверное. — И он предложил мне руку. — Не двинуться ли нам в путь?

Я взяла его под руку, и он провел меня за угол, где терпеливо ждал Рис. Он смотрел, как мы идем к нему, и на лице его была серьезность, которая мне не понравилась. Он о чем-то задумался.

— Рис, будешь так напряженно думать — мозги заболят, — сказала я.

Он улыбнулся, опустил глаза, но когда он их поднял снова, они были все еще серьезны.

— Мерри, что ты задумала?

Вопрос был неожиданным, и я не пыталась скрыть удивление.

— Мой единственный план на сегодняшнее торжество — остаться в живых и невредимых. Другого нет.

Он прищурился:

— Я тебе верю.

Но голос его не был уверенным, будто он на самом деле не верил мне ни капельки.

Потом он улыбнулся:

— Дойл, я первым предложил ей руку. А ты вмешался.

Дойл начал что-то говорить, но я отреагировала первой.

— Я могу взять под руку обоих, Рис.

Улыбка его расплылась до ушей. Он предложил мне руку, и я приняла ее. Беря его под руку, я заметила, что делаю это правой — той, что с кольцом. Но на Риса оно не среагировало. Так и осталось красивым кусочком холодного металла.

Рис увидел кольцо, и глаза у него полезли на лоб:

— Это же...

— Именно так, — спокойно сказал Дойл.

— Но... — начал Рис.

— Что? — спросила я.

— Все по желанию королевы, — сказал Дойл.

— Загадки ранят мое сердце, — произнесла я.

Рис скопировал интонацию Хэмфри Богарта:

— Тогда запасись аспирином, детка, потому что вечер только начинается.

Я посмотрела на него:

— Ни в каком фильме Богарт этого не говорил.

— Нет, — сказал Рис своим обычным голосом. — Это моя импровизация.

Я чуть сжала его руку:

— Знаешь, кажется, я по тебе скучала.

— Я знаю, что я скучал. При Дворе никто толком не знает, что такое черный фильм.

— Я знаю, — отозвался Дойл.

Мы оба посмотрели на него.

— Это значит фильм на черном фоне, да?

Мы с Рисом переглянулись и принялись хохотать. Шли по коридору под раскаты собственного смеха. Дойл не смеялся с нами. Он повторял что-то вроде: "Ну, действительно же на темном фоне?"

Поэтому последние несколько ярдов до покоев моей тетки были почти веселыми.

За открытой двустворчатой дверью каменная облицовка переменялась. Покои моей тети — моей королевы — были из черного камня. Блестящий, почти стеклистый камень, который, казалось, разлетится от грубого прикосновения. Его можно было ударить сталью, и только полетели бы холодные искры. Он похож на обсидиан, но куда как крепче.

Холод стоял как можно ближе к двери и как можно дальше от королевы. Стоял навтыжку — сверкающая серебряная статуя в этой черноте, но что-то в его позе говорило, что не зря он встал возле двери. Может быть, чтобы быстро убраться.

Кровать стояла у дальней стены, хотя она так плотно была закрыта простынями, одеялами и даже мехами, что неясно было, кровать это или просто огромная куча покрывал. В кровати был мужчина — молодой. Волосы цвета летнего дня, длинные на макушке и коротко остриженные ниже — стрижка роликобежца. Золотистое тело, загорелое на летнем солнышке или, быть может, под кварцем. Одна тонкая рука отброшена в сторону, кисть расслаблена. Казалось, что он спит глубоким сном и что он до ужаса юн. Если ему еще нет восемнадцати, то по законам любого штата это преступление, потому что моя тетушка — феяри, а люди не доверяют феяри своих детей.

Королева поднялась из-за него, медленно восходя из гнезда простыней и разлива черного меха лишь чуть более темного, чем волосы, обрамляющие ее бледное лицо. Она свернула эти волосы вокруг головы как черную корону, и только три длинных локона спадали на спину. Лиф ее платья очень был похож на черный винил "веселой вдовы" плюс две тонкие полосы черной материи, скорее подчеркивающие белизну плеч, нежели скрывающие их. Широкая плотная юбка тянулась сзади коротким треном. Выглядела она будто кожаная, но двигалась как матерчатая. Руки королевы облекали кожаные перчатки до самых плеч. Губы у нее были красные, глаза идеально подведены черным. А сами глаза переливались тремя оттенками серого: уголь, грозовое облако и зимнее небо. Последний был настолько светел, что даже казался белым. На фоне черной косметики глаза казались невозможными.

Когда-то королева могла одеваться в паутину, тьму, тени — кусочки того, над чем она властвовала. Но сейчас она держалась модельных платьев, сшитых ее личным портным. Еще один признак, насколько упала наша власть. Мой дядя, король Благого Двора, все еще умел одеваться в свет и иллюзию. Некоторые считали это доказательством, что Благой Двор сильнее Неблагого. Всякий, кто так думал, тщательно следил, чтобы не произнести этого при тете Андаис.

Когда она поднялась, стал виден другой мужчина, хотя этот был сидхе, а не смертный. Эймон, консорт королевы. Волосы у него были черные, и они густой мягкой волной лежали по сторонам белого лица. Веки опухли от сна... или от чего-то другого.

Холод и Рис бросились встать возле королевы. Каждый из них взял ее облитую кожей руку. Они приподняли королеву за локти и запястья и перенесли через блондина. Черная юбка всколыхнулась вокруг нее, мелькнули черные нижние юбки и пара лакированных сандалий, оставлявших почти всю ногу босой. Стражи изящно поставили ее на пол, и я бы не удивилась, если бы в этот момент заиграла музыка и появились из ниоткуда танцующие. Моя тетя вполне была способна на такие иллюзии.

Я упала на колени, и платье у меня оказалось достаточно просторным, чтобы жест не

вышел неловким. Материал должен был сразу расправиться, когда я встану, и это была одна из причин, почему я выбрала это платье. Подвязка выделялась под материей, но видна была только она — нож оставался скрыт. Я пока не стала склонять голову. Королева устраивала представление и хотела, чтобы на него смотрели.

Даже по современным меркам королева Андаис — женщина высокая: шесть футов. Кожа ее сияла как полированный алебастр. Совершенная чернота бровей и густых ресниц создавала поразительный контраст.

Я склонила наконец голову, потому что это от меня ожидалось, и держала ее склоненной, так что мне был виден только пол и моя собственная нога. Слышно было, как шуршит по полу юбка королевы, как зацокали каблуки, когда она сошла с ковра на каменный пол. Почему у нее не было ковра от стены до стены — не знаю. Нижние юбки похрустывали и шелестели на ходу, будто это был кринолин, царапучий и неудобный.

Наконец возле моей ноги показались колышущиеся складки юбки. Прозвучал голос королевы — сочное, низкое контральто:

— Привет тебе, принцесса Мередит Ник-Эссус, Дитя Мира, Погибель Бесабы, дитя моего брата.

Я держала голову склоненной и должна была держать, пока мне не будет велено поднять ее. Она не назвала меня племянницей, хотя и признала родство. Это было лишь слегка оскорбительно — не упомянуть наше фамильное родство, но, пока она не назовет меня племянницей, я не могу назвать ее теткой.

— Привет тебе, королева Андаис, Королева Воздуха и Тьмы, Возлюбленная Белой Плоты, сестра Эссуса, моего отца. Я вернулась из земель запада по твоему зову. Что угодно тебе будет от меня?

— Никогда не могла понять, как у тебя это получается.

— Что, моя королева? — Я не отрывала глаз от пола.

— Как у тебя получается говорить совершенно правильные слова совершенно правильным тоном и при этом звучать неискренне, будто тебе это ужасно, ужасно все надоело.

— Мои извинения, если я оскорбила тебя, моя королева.

Лучшего ответа на обвинение я не могла найти, потому что мне это все действительно ужасно, ужасно надоело. Я только не хотела ясно показывать этого голосом. Я продолжала стоять на колене, со склоненной головой, ожидая от королевы разрешения встать. Даже на двухдюймовых каблуках трудно долго простоять на одном колене. Очень трудно, чтобы ноги не качались. Если бы Андаис пожелала, она меня могла бы оставить в такой позе на часы, пока вся моя нога не онемееет, кроме точки дикой боли в коленке, на которую приходилась почти вся тяжесть тела. Моим рекордом было шесть часов на коленях за нарушение комендантского часа, когда мне было семнадцать. Простояла бы и дольше, да только я то ли заснула, то ли упала в обморок — до сих пор не знаю.

— Ты обрезала волосы, — сказала она.

Я начинала вспоминать текстуру пола.

— Да, моя королева.

— Зачем ты это сделала?

— Волосы до земли суть признак сидхе Высшего Двора. Я же выдавала себя за человека.

Я почувствовала, как она наклоняется надо мной, поднимает мне волосы, запускает в них пальцы.

— И ты пожертвовала волосами.

— При такой длине за ними намного легче ухаживать, — сказала я как можно более нейтральным голосом.

— Встань, моя племянница.

Я медленно, осторожно встала на каблуки.

— Благодарю, тетя Андаис.

Когда я стояла рядом с ней, было видно, как я безнадежно низкоросла рядом с этой высокой изящной фигурой. На каблуках она была выше меня на фут. Обычно я не так сильно осознаю этот свой недостаток, но тетя старалась, чтобы я осознала его получше. Хотела, чтобы я чувствовала себя маленькой.

Я подняла глаза на нее и подавила желание покачать головой и вздохнуть. Если не считать Кела, то именно Андаис я меньше всего люблю при Неблагом Дворе. Глядя на нее честными глазами, я изо всех сил старалась подавить вздох.

— Я тебя утомляю? — спросила она.

— Нет, тетя Андаис, как можно!

Мое выражение лица меня не выдавало. Я годами отработывала вежливо-безразличную маску. Но Андаис веками совершенствовала свое умение читать по лицам. В умах она непосредственно читать не умела, но ее восприятие малейших изменений мимики и дыхания было почти не хуже настоящей телепатии.

Андаис посмотрела на меня, легкая морщинка легла между ее идеальными бровями.

— Эймон, возьми нашего щеночка и проследи, чтобы его одели для пира в той комнате.

Консорт королевы вытащил пурпурный вышитый халат из кучи постельного белья и накинул на себя перед тем, как вылезти из кровати. Кушак был завязан за спиной халата, и потому халат все тело не прикрывал. Волосы Эймона упали пуганицей черных волн почти до земли. Темный пурпур халата не столько закрывал тело, сколько служил рамой для белой кожи, пока консорт шел через комнату.

Проходя мимо меня, он коротко кивнул. Нежно поцеловав Андаис в щеку, он направился к дверце, которая вела в малую спальню и расположенную за ней ванную. Одно из современных удобств, которые усвоил Двор, — это был водопровод в доме.

Блондин сел на край кровати, тоже голый. Встал, расправляя тело загорелой линией. При этом его глаза покосились на меня. Увидев, что я смотрю, он улыбнулся. Улыбка была хищная, похотливая, агрессивная. Эти "собачки" из людей всегда неверно понимают легкомысленную наготу стражей.

Блондинчик пошел к нам качающейся походкой. Меня не его нагота смущала, а выражение его глаз.

— Я так понимаю, что он — новенький, — сказала я.

Андаис смотрела на него прохладными глазами. Совсем новеньким надо было быть, чтобы не понять значение этого взгляда. Она была недовольна им, очень недовольна.

— Скажи ему, что ты думаешь о его демонстрации, племянница.

Голос ее был очень спокоен, но был в нем невысказанный подтекст, ощущавшийся почти на языке, как что-то горькое в сладком.

Я оглядела его от босых ног до недавней стрижки, не пропустив ни одного дюйма. Он ухмыльнулся, придвигаясь ко мне, будто взгляд был приглашающим. Я решила убрать с него улыбку.

— Он молодой, хорошенький, но у Эймона хозяйство посolidнее.

Смертный остановился, нахмурился, потому улыбка вернулась, но неуверенная.

— Я не думаю, чтобы он понял значение слова "хозяйство", — сказала Андаис.

Я поглядела на нее:

— Ты никогда не выбирала их за интеллект, — ответила я.

— Никто не разговаривает с собачками, Мередит. Тебе бы уж полагалось это знать.

— Если бы я заводила себе собачку, взяла бы настоящую. Это вот, — я показала на юнца, — слишком хлопотно.

Он стоял, хмурясь, глядя на нас по очереди, явно не слишком радостный и сильно сбитый с толку. Андаис нарушила одно из моих кардинальных правил насчет секса. Как ни предохраняйся, всегда есть возможность забеременеть. В конце концов, секс для того и существует. Поэтому ненарушимый запрет: никогда не спи с тем, кто злобен, глуп или уродлив, потому что все они могут оказаться способны к размножению. Блондинчик был красив, но не настолько, чтобы это компенсировало дурацкое недоумение на хмуром лице.

— Иди с Эймоном, помоги ему одеться к пиру, — велела Андаис.

— Можно ли мне пойти сегодня на бал, миледи? — спросил он.

— Нет, — ответила она и повернулась снова ко мне, будто он перестал существовать.

Он снова посмотрел на меня, теперь с угрюмой злостью. Он знал, что я его оскорбила, но не мог понять, как и чем. От этого взгляда я поежилась. При Дворе найдется много народу куда менее смазливого, кого бы я предпочла этому "песику".

— Ты не одобряешь, — сказала Андаис.

— Наглостью было бы с моей стороны одобрять или не одобрять действия моей королевы.

Она рассмеялась:

— Снова в своем стиле! Говоришь именно то, что полагается говорить, но при этом умудряешься, чтобы это звучало оскорбительно.

— Прости меня, — произнесла я и попыталась снова упасть на колени.

Она остановила меня рукой.

— Не надо, Мередит, не надо. Эта ночь не продлится вечно, а остановилась ты в отеле. Так что у нас не слишком много времени. — Она убрала руку, не делая мне больно. — И уж точно у нас нет времени на игры, как ты считаешь?

Я посмотрела на нее, внимательно вглядываясь в улыбающееся лицо и пытаюсь решить, насколько она искренне говорит и не ставит ли мне ловушку. Наконец я ответила:

— Если ты желаешь играть в игры, моя королева, то для меня честь в них участвовать.

Если же нам следует сделать какое-то дело, то для меня честью будет участвовать в нем, тетя Андаис.

Она снова засмеялась:

— Умница девочка! Напомнила мне, что ты моя племянница, кровное родство. Боишься моего настроения, не доверяешь ему и потому напоминаешь, что ты для меня значишь. Очень правильно.

Здесь я не услышала вопроса и ничего не ответила, потому что была она абсолютно права.

Глядела она на меня, но произнесла:

— Холод!

Он подошел, склонив голову:

— Слушаю, моя королева.

— Пойди к себе и переоденься в то, что я сделала для тебя на этот вечер.

Он упал на колени.

— Эти вещи... не подходят мне по размеру, моя королева.

Видно было, как свет погас у нее в глазах, оставив лишь холод и пустоту белого зимнего неба.

— Нет, — сказала она, — подходят. Они в буквальном смысле слова на тебя шиты. — Она зачерпнула горсть серебристых волос и вздернула его голову, чтобы посмотреть в глаза. — Почему ты их не надел?

Он облизал губы.

— Моя королева, мне показалось, что они мне неудобны.

Она склонила голову набок, как ворона перед повешенным, разглядывая глаз перед тем, как его выклевать.

— Неудобны, неудобны. Ты слышишь, Мередит? Он находит вещи, которые я для него сделала, неудобными.

Она закинула ему голову назад с такой силой, что шея вытянулась в линию. Видно было, как пляшет под кожей пульс.

— Я слышу тебя, тетя Андаис, — сказала я как можно более нейтральным голосом, пустым и невыразительным, как новенький пенни. Кому-то сейчас будет больно, и я не хотела, чтобы мне. Холод оказался дураком. Я бы на его месте надела эту одежду.

— Как ты думаешь, что нам следует сделать с нашим непослушным Холодом? — спросила она.

— Велеть ему пойти и переодеться в эту одежду, — ответила я.

Она еще оттянула ему голову назад, пока позвоночник не прогнулся. Я знала, что еще чуть-чуть — и шея хрустнет.

— Вряд ли это достаточное наказание, племянница. Он ослушался моего прямого приказа. Это недопустимо.

Я попыталась придумать что-нибудь, что Андаис понравится, но будет не слишком больно для Холода. Но в голове было пусто. Никогда я не умела играть в эту игру... но тут мне пришла мысль.

— Ты сказала, что мы больше не будем играть в игры сегодня, тетя Андаис. Ночь коротка.

Она выпустила Холода так резко, что он хлопнулся на четвереньки и остался стоять на коленях со склоненной головой, и волосы скрывали его лицо своевременным занавесом.

— Да, я сказала, — произнесла Андаис. — Дойл!

Дойл подошел с поклоном:

— Да, миледи?

Она посмотрела на него, и взгляда хватило. Он рухнул на колени. Плащ обливал его, как черная вода. Дойл стоял рядом с Холодом на коленях почти вплотную.

Она положила руки на головы обоим, на этот раз легким прикосновением.

— Какая красивая пара, тебе не кажется?

— Да, — ответила я.

— Что да?

— Да, они действительно красивая пара, тетя Андаис.

Она кивнула, будто удовлетворенная.

— Я даю тебе поручение, Дойл, отвести Холода к нему в комнату и проследить, чтобы

он надел то, что я для него сшила. В этой одежде и приведи его на пир либо отправь к Езекиалу на пытку.

— Как пожелает повелительница, так поступаю я.

Дойл встал, увлекая за собой Холода. Они оба двинулись к дверям, склонив головы. Дойл метнул на меня взгляд, уходя. Может быть, извинялся за то, что оставил меня с нею, или предупреждал о чем-то. Я не смогла понять. Но он вышел, унося с собой мой пистолет за поясом. Я бы предпочла, чтобы пистолет остался у меня.

Рис вошел и встал у двери, будто там был его пост. Андаис смотрела за его передвижением, как кошка наблюдает за птицами, но сказала очень мягко:

— Подожди за дверью, Рис. Я хочу говорить со своей племянницей наедине.

На его лице выразилось удивление. Он глянул на меня, и выражение лица было почти такое, будто он спрашивал моего разрешения.

— Делай, что тебе сказано — или ты хочешь составить другим компанию в мастерской Езекиала?

Рис наклонил голову:

— Нет, миледи. Я поступлю так, как мне велено.

— Выйди вон, — сказала она.

Он еще раз глянул на меня, но закрыл за собой дверь. В спальне вдруг стало очень, очень тихо. И в этой тишине отчетливо прозвучал шорох тетиного платья, будто шелестели сухие чешуйки большой змеи. Она отошла в дальний угол комнаты, где лестница вела к тяжелому черному занавесу. Она отдернула его в сторону, и там открылся тяжелый деревянный стол с резным креслом по одну сторону и табуреткой по другую. На столе была расставлена шахматная партия, увесистые фигуры вытерты столетиями прикосновений, передвигавших их по мраморной поверхности. В этой мраморной доске буквально были протерты борозды, будто дороги, протоптанные множеством ног.

Возле закругленной стены большой ниши стоял деревянный оружейный шкаф с винтовками и пистолетами. Над ним на стене висели два арбалета. Я знала, что стрелы лежат внизу, в нижнем ящике шкафа, вместе с патронами. Рядом со шкафом висели моргенштерн — шипастый шар на цепи — и булава. По другую сторону шкафа — два скрещенных меча. Под моргенштерном и булавой расположился щит Андаис с ее эмблемами — ворон, сова и красная роза. Щит Эймона находился под скрещенными мечами. По обе стороны стены висели цепи с кольцами для рук и ног. Над ними на крюках ожидающей змеей свернулась плеть. Над цепями для правой руки висела плеть поменьше. Я бы назвала ее кошкой о девяти хвостах, но у нее их было гораздо больше, и каждый кончался железным шариком или стальным крючком.

— Я смотрю, ты не изменила своим увлечениям.

Я постаралась произнести это небрежно, но голос меня выдал. Иногда, когда она отодвигала занавес, происходила игра в шахматы. Иногда — нет.

— Проходи, Мередит, садись. Поговорим. — Она села в кресло, перебросив трен через подлокотник, чтобы не помять. Мне она показала на табурет. — Садись, племянница, я не буду кусаться. — Она улыбнулась, потом резко и коротко рассмеялась. — Во всяком случае, пока.

Это было самое близкое к гарантии безопасности — временной, — на что я могла рассчитывать. Я присела на высокий табурет, упираясь каблуками для равновесия. Наверное, иногда тетя Андаис выигрывала партии просто потому, что у ее партнера спина отказывала.

Я тронула край мраморной доски.

— Отец учил меня играть на точно такой же доске, — сказала я.

— Излишне напоминать мне еще раз, что ты — дочь моего брата. Я не собираюсь сегодня причинять тебе вреда.

Я погладила доску и подняла взгляд на Андаис, на ее вежливые непроницаемые глаза.

— Быть может, я была бы не столь осторожной, если бы ты не говорила "Я не собираюсь сегодня причинять тебе вреда". Если бы ты сказала просто "Я не собираюсь причинять тебе вреда".

Я это произнесла с интонацией полувопросительной.

— О нет, Мередит. Это было бы слишком близко к лжи, а мы не лжем — впрямую. Мы можем говорить до тех пор, пока ты не начнешь думать, что черное — это белое, а луна сделана из зеленого сыра, но мы не лжем.

Я произнесла как можно ровнее:

— Следовательно, ты планируешь причинить мне вред, но только не сегодня.

— Я не сделаю этого, если ты меня не вынудишь.

Я посмотрела на нее, наморщив лоб:

— Я не понимаю, тетя Андаис.

— Ты никогда не задумывалась, почему я для своих красавцев-мужчин установила целибат?

Вопрос был настолько неожиданным, что я вытаращилась на нее и так просидела пару секунд.

— Да, тетя Андаис, задумывалась.

Вообще-то уже столетиями многие голову ломали: почему?

— Много веков мужчины нашего Двора рассевали свое семя вдаль и вширь. Стало много полукровок и мало чистокровных фей. Поэтому я заставила их сберегать свою энергию.

Я уставилась на нее:

— А почему тогда не дать им доступ к женщинам Высшего Двора?

Она откинулась на спинку, кожаные перчатки гладили резные подлокотники:

— Поскольку я хотела продолжить свой род, а не их. Было время, когда я предпочла бы видеть тебя мертвой, чем рисковать, что ты унаследуешь мой трон.

Я посмотрела в эти светлые глаза:

— Да, тетя Андаис.

— Что да?

— Да, я это знаю.

— Я видела, как дворняги завоевывают Двор. Люди загнали нас в подземелья, а теперь сама их кровь разлагает наш Двор. Они размножаются быстрее нас.

— Как мне кажется, тетя Андаис, они всегда размножались быстрее. Это, я думаю, связано с тем, что они смертны.

— Эссус сказал мне, что ты его дочь. Что он тебя любит. Он еще мне сказал, что из тебя когда-нибудь получится отличная королева. Я над ним посмеялась. — Она посмотрела мне в лицо. — Сейчас я не смеюсь, племянница.

Я заморгала:

— Я не понимаю, тетя.

— В твоих жилах — кровь Эссуса. Кровь моей семьи. Пусть лучше продолжится капелька моей крови, чем ничего. Я хочу, чтобы наш род жил, Мередит.

— Я не очень поняла, чей это наш, тетя Андаис?

Хотя у меня было пугающее чувство, что я понимаю.

— Наш, наш, Мередит. Твой, мой, Кела.

От упоминания в этом списке моего кузена у меня засосало под ложечкой. Не так уж неизвестен у фей брак между близкими родственниками. Если это она имеет в виду, то я крупно влипла. Секс — это не судьба, которая хуже смерти. Секс с моим кузеном Келом вполне может ею оказаться.

Я посмотрела на шахматные фигурки, потому что не была уверена, смогу ли не выразить этого на лице. С Келом я спать *не буду*.

— Я хочу продолжить нашу линию, Мередит, любой ценой.

Наконец я подняла глаза со спокойным выражением лица.

— И какова же будет эта цена, тетя Андаис?

— Ничего такого противного, как то, о чем ты, кажется, подумала. Мередит, я на самом деле тебе не враг.

— Если мне будет позволена такая дерзость, моя тетя, ты и не друг мне.

Она кивнула:

— Очень верно. Ты для меня не более чем сосуд, несущий продолжение нашей линии.

Я не смогла сдержать улыбку.

— Что такого смешного? — спросила она.

— Нет, тетя Андаис, это совершенно не смешно.

— Хорошо, тогда позволь мне говорить прямо. Я дала кольцо тебе на палец прямо со своей руки.

Я уставилась на нее. На ее лице никаких коварных намерений не читалось. Она вроде бы действительно ничего не знала о попытке моего убийства у нее в машине.

— Я весьма и весьма оценила этот подарок, — осторожно произнесла я и сама услышала, как неискренне это прозвучало.

Она либо не услышала, либо не стала обращать внимания.

— Гален и Баринтус говорили мне, что кольцо оживает у тебя на руке. Это мне куда приятнее, чем ты думаешь, Мередит.

— Почему? — спросила я.

— Потому что, если бы кольцо осталось на твоей руке неизменным, это бы значило, что ты бесплодна. Оно оживает — это знак того, что ты способна принести дитя.

— А почему оно реагирует на всех, кого я касаюсь?

— На кого оно еще реагировало, кроме Галена и Баринтуса? — спросила она.

— На Дойла, на Холода.

— Не на Рису? — спросила она.

— Нет.

— Ты касалась серебром его кожи?

Я хотела сказать, что да, потом подумала.

— Кажется, нет. Кажется, только через одежду.

— Должна быть голая кожа, — сказала Андаис. — Даже тонкая ткань может помешать.

Она наклонилась вперед, положив руки на столешницу, взяла снятую с доски ладью и стала вертеть ее в руках. Про любого другого я бы сказала: нервничает.

— Я сниму ограничение celibата с моей стражи.

— Миледи! — сказала я с придыханием, потому что эта новость застала меня на

вдохе. — Это чудесная новость.

Можно было подобрать и другие эпитеты, но я выбрала "чудесная". Никогда не надо выражать чрезмерного удовольствия перед королевой. Хотя про себя я подумала, почему она мне первой об этом сообщает.

— Запрет будет снят для тебя и только для тебя, Мередит.

Она рассматривала шахматную фигурку, не поднимая на меня глаз.

— Прошу прощения, миледи?

Я даже не пыталась скрыть, насколько я потрясена.

Она подняла лицо ко мне.

— Я хочу продолжения нашей крови, Мередит. Кольцо реагирует лишь на тех стражей, которые способны зачать дитя. Если кольцо остается спокойным, незачем на них отвлекаться. Но если реагирует, с этими ты можешь спать. Я хочу, чтобы ты выбрала себе из стражи нескольких, с кем будешь спать. Мне на самом деле все равно, кто это будет, но через три года я хочу иметь от тебя дитя, дитя нашей крови.

Она резко, со скребущим звуком поставила фигурку на стол и посмотрела мне прямо в глаза.

Я облизала губы и подумала, как бы спросить повежливее.

— Это более чем щедрое предложение, моя королева, но когда ты говоришь "нескольких", что это означает точно?

— Более двух; можешь выбирать три или больше за раз.

Я несколько секунд помолчала, потому что мне опять нужно было кое-что узнать и не быть при этом грубой.

— Три за раз — в каком смысле, миледи?

Она досадливо поморщилась:

— Ох, сиськами Дану клянусь! Да спрашивай напрямую, Мередит.

— Хорошо, — сказала я. — Когда ты говоришь о трех или больше одновременно, ты имеешь в виду действительно с тремя в одной кровати или просто иметь роман с тремя одновременно?

— Понимай так, как тебе хочется, — сказала она. — Тащи их в свою кровать по одному или всех сразу, сколько выдержишь.

— Почему их должно быть три или больше сразу?

— Такая ли ужасная перспектива — выбирать среди самых красивых мужчин в мире? Понести от них дитя и продолжить наш род? Что тут такого страшного?

Я посмотрела на нее, пытаюсь понять, что там, за этим красивым лицом, и не поняла.

— Я очень рада, что с этих мужчин снимут обет целомудрия, но, тетенька, милая, не делай меня для них единственным выходом. Умоляю тебя, не надо. Они налетят друг на друга как голодные волки — не потому, что я такой уж приз, а потому что кто угодно лучше, чем совсем никто.

— Вот почему я настаиваю, чтобы ты спала более чем с одним за раз. Ты должна переспать с большинством из них, прежде чем сделаешь свой выбор. Так у них всех будет чувство, что им был предоставлен шанс. Иначе ты окажешься права. Будут дуэли, после которых не останется уцелевших. Пусть они лучше соблазняют тебя, чем убивают друг друга.

— Я люблю секс, моя королева, и у меня нет предрассудков насчет моногамии, но среди твоей стражи есть такие, с кем я не могу мирно слова сказать, а секс — это следующий этап после вежливой болтовни.

— Я сделаю тебя своей наследницей, — произнесла она очень тихо.

Я уставилась в это непроницаемое лицо. Не могла поверить в то, что услышала.

— Ты не могла бы повторить это еще раз, моя королева?

— Я сделаю тебя своей наследницей.

У меня глаза полезли на лоб.

— А что думает об этом мой кузен Кел?

— Тот из вас, кто первый подарит мне дитя, наследует мой трон. Это подделастит тебе пилюлю?

Я встала — слишком резко, — и табуретка со стуком упала на пол. Долгие секунды я смотрела на нее, не в силах вымолвить слова. Что сказать, я не знала, потому что все это казалось нереальным.

— Позволено ли мне будет смиренно заметить, тетя Андаис, что я — смертная, а ты — нет. Ты переживешь меня на века. Даже если я понесу ребенка, трона мне не видать никогда.

— Я отрекусь от престола.

Теперь я знала, что она со мной играет.

— Когда-то ты говорила моему отцу, что быть королевой — это вся твоя жизнь. Что никого и ничего ты не любишь сильнее.

— Ну-ну, у тебя долгая память на подслушанные разговоры.

— Ты всегда говорила в моем присутствии, не стесняясь, тетя, как при собаке. Ты чуть не утопила меня, когда мне было шесть. Теперь ты говоришь, что уступишь мне трон. Что же в стране благословенных могло так изменить твои намерения?

— Ты помнишь, что Эссус мне тогда ответил? — спросила она.

Я покачала головой:

— Нет, королева.

— Эссус сказал: "Пусть даже Мерри никогда не займет трон, она больше будет королевой, чем Кел когда-нибудь — королем".

— Ты ударила его в ту ночь, — сказала я. — Я не запомнила почему.

— Вот поэтому, — кивнула Андаис.

— Значит, ты недовольна своим сыном.

— Это мое дело.

— Если ты позволяешь мне подняться до сонаследницы вместе с Келом, тогда это становится моим делом.

У меня в сумочке лежала та запонка из машины. Я подумала, не показать ли ее королеве, но не стала. Андаис веками в упор не хотела видеть, что такое Кел и на что он способен. Обвинять Кела при королеве — бесполезный риск. Кроме того, запонка могла принадлежать любому из стражей, хотя я представить себе не могла, зачем бы, как не по наущению Кела, кто-нибудь из них хотел бы моей смерти.

— Чего ты хочешь, Мередит? Что ты хочешь такого, что я могу дать тебе и что стоило бы того, о чем я прошу?

Она предлагала мне трон. Баринтусу было бы очень приятно. А мне?

— Ты действительно уверена, что Двор примет меня как королеву?

— Я сегодня ночью объявлю тебя Принцессой Плоти. Это произведет на них впечатление.

— Если они поверят, — сказала я.

— Поверят, если я им прикажу, — ответила она.

Я посмотрела на нее, в ее лицо. Она верила в то, что говорила. Андаис себя переоценивала. Но такая самоуверенность для сидхе типична.

— Вернись домой, Мередит, тебе не место там, среди людей.

— Как ты мне очень часто напоминала, тетя Андаис, я наполовину человек.

— Три года назад ты была счастлива, довольна. У тебя не было плана нас покинуть. — Она сидела в кресле, глядя на меня, позволив мне стоять над собой. — Я знаю, что сделал Гриффин.

Секунду я выдерживала ее бледный взгляд, потом не смогла. В этом взгляде не было жалости. Был холод, будто она только хотела видеть мою реакцию, и ничего больше.

— Ты действительно думаешь, что я покинула Двор из-за Гриффина?

Я даже не пыталась скрыть удивления. Не могла же она верить, что я покинула Двор из-за разбитого сердца?

— Ваша последняя ссора была весьма публичной.

— Я ее помню, милая тетенька, но не поэтому я оставила Двор. Я сбежала, потому что следующей дуэли мне было бы не пережить.

Она не обратила внимания. В этот момент до меня дошло, что она никогда не поверит в плохое о своем сыне, разве что вынуждена будет поверить, когда не останется места даже для тени сомнения. Абсолютного доказательства я не могла ей дать, а без него не могла поделиться подозрениями, не рискуя при этом собой.

Она продолжала говорить про Гриффина, будто бы он и был истинной причиной моего ухода.

— Но эту ссору начал Гриффин. Он потребовал ответа, почему его больше нет в твоей постели и в твоём сердце. То ты гонялась за ним по всему Двору, и вдруг он начинает тебя преследовать. Как ты добилась такой быстрой перемены?

— Я отказала допустить его к себе в постель.

В глазах королевы даже не мелькнуло веселье — только пристальный вопрос.

— И этого было достаточно, чтобы он стал гоняться за тобой публично, как разъяренная базарная баба?

— Думаю, он искренне считал, что я его прощу. Что накажу немножко, а потом приму обратно. В последнюю ночь он действительно поверил, что я говорю всерьез.

— И что же ты сказала?

— Что никогда он со мной снова не будет по эту сторону могилы.

Она смотрела на меня все так же, не мигая.

— Ты до сих пор его любишь?

— Нет.

— Но у тебя к нему есть чувства.

Это был не вопрос, а утверждение.

Я покачала головой:

— Чувства-то есть, но не добрые.

— Если ты все еще хочешь Гриффина, можешь его себе взять еще на год. Если за это время у тебя не зачнется ребенок, я попрошу тебя выбрать кого-нибудь другого.

— Я больше не хочу Гриффина.

— В твоём голосе звучит сожаление, Мередит. Ты уверена, что он — не то, чего ты хочешь?

Я вздохнула, оперлась ладонями на стол, глядя на свои руки. Я устала, сгорбилась. И

очень старалась не думать о Гриффине и о том, что сегодня его увижу.

— Если бы он мог чувствовать ко мне то, что чувствовала к нему я, если бы он мог действительно влюбиться в меня, как была влюблена в него я когда-то, я бы хотела его. Но он не может. Он не может быть не тем, кто он есть, и я тоже.

Я посмотрела на королеву.

— Ты можешь включить его в конкурс за твое сердце, а можешь исключить. Как тебе захочется.

Я кивнула и выпрямилась, не горбясь, как какой-то раненый кролик.

— Спасибо тебе за это, дорогая тетенька.

— Почему из твоих губ это слышится как гнуснейшее оскорбление?

— Я не хотела оскорблять...

Она махнула мне рукой, приказывая замолчать.

— Не трудись, Мередит. Особой привязанности между нами нет, и мы обе это знаем. — Она смерила меня взглядом сверху донизу. — Твоя одежда приемлема, хотя не такая, как выбрала бы я.

Я улыбнулась, но не слишком счастливой улыбкой.

— Если бы я знала, что сегодня ночью меня поименуют наследницей, я бы оделась от Томми Хилфайгера.

Она засмеялась и встала с шелестом юбок.

— Можешь купить себе полный гардероб, если тебе хочется. Или засадить придворных портных за новые наряды.

— Мне и так хорошо, — ответила я. — Но за предложение спасибо.

— Независимое ты создание, Мередит. Это мне в тебе никогда не нравилось.

— Я знаю.

— Если бы в западных землях Дойл тебе сказал, что я для тебя сегодня задумала, ты бы приехала добровольно или попыталась бы сбежать?

Я посмотрела прямо на нее:

— Ты поименовала меня наследницей. Ты позволила мне встречаться со стражей. Это не та судьба, которая хуже смерти, тетя Андаис. Или есть еще что-то, о чем ты мне сегодня не сказала?

— Подними табурет, Мередит. Не надо оставлять в комнате беспорядок.

Она проплыла по каменным ступеням вниз, к двери в стене напротив.

Табурет я подняла, но мне не понравилось, что она не ответила на мой вопрос. Что-то еще должно было произойти.

Я окликнула ее, когда она уже почти дошла до двери:

— Тетя Андаис?

Она повернулась:

— Да, племянница?

На ее лице было слегка заинтересованное, снисходительное выражение.

— Если бы то заклинание похоти, которое ты поместила в машину, подействовало, и мы с Галеном совокупились бы, ты бы велела убить его и меня?

Она заморгала. Полуулыбка сползла с ее лица.

— Заклинание похоти? О чем ты говоришь?

Я рассказала.

Она покачала головой:

— Это было не мое заклинание.

Я подняла руку, блеснув кольцом:

— Но оно питалось силой от твоего кольца.

— Я даю тебе мое слово, Мередит, я не клала в Карету никаких заклинаний. Я оставила там кольцо, чтобы ты его нашла, и больше ничего.

— Ты оставила кольцо собственноручно или дала его кому-нибудь положить в Карету? — спросила я.

Не глядя мне в глаза, она ответила:

— Я его сама положила.

И я знала, что она солгала.

— Кто-нибудь еще знает, что ты собираешься снять с них обет целомудрия в том, что касается меня?

Она покачала головой, и длинная волнистая прядь упала на ее плечо.

— Знает Эймон, но больше никто. А он умеет хранить молчание.

Я кивнула:

— Да, это он умеет.

Мы с теткой переглянулись через всю комнату, и я увидела в ее глазах новую мысль.

— Кто-то пытался тебя убить, — сказала она.

Я кивнула:

— Если бы мы с Галеном совершили прелюбодеяние, а ты не сняла бы запрет, ты вполне могла бы за это меня убить. Судьба Галена казалась при этом несущественной.

Гнев озарил ее лицо, как пламя свечи из стеклянного сосуда.

— Ты знаешь, кто это сделал, — сказала я.

— Этого я не знаю, зато я знаю, кому было известно, что тебя поименуют сонаследницей.

— Келу, — сказала я.

— Я должна была его подготовить.

— Да, — согласилась я.

— Он этого не делал, — произнесла королева, и впервые в ее голосе прозвучала эта интонация — интонация любой матери, защищающей свое дитя.

Я только глядела на нее с ничего не выражающим лицом. Ничего лучше я сейчас сделать не могла, потому что Кела я знаю. Он ни за что не отдаст без борьбы свое первородство, хоть по воле королевы, хоть как.

— Что сделал Кел, что тебя рассердило? — спросила я.

— Я говорю тебе, как уже сказала ему, что я на него не сержусь.

Но слишком бурное отрицание слышалось в ее голосе. Впервые за эту ночь Андаис вынуждена была оправдываться. Мне это понравилось.

— Кел этому не поверил? — спросила я.

— Он знает, каковы мои мотивы.

— Тебе не будет угодно поделиться ими со мной?

Она улыбнулась, и это была первая ее искренняя улыбка за весь вечер. Почти смущенное движение губ. Она погрозила мне пальцем в перчатке.

— Нет-нет, мои мотивы — они мои. Я хочу, чтобы ты сегодня выбрала кого-нибудь для своей постели. Бери их с собой в отель, мне все равно кого, но я хочу, чтобы это началось сегодня.

Улыбка исчезла. Снова передо мной была царственная Андаис — непроницаемая, владеющая собой, загадочная и абсолютно очевидная одновременно.

— Ты никогда не понимала меня, тетя.

— И что это, с твоего позволения, должно значить?

— Милая тетенька, это значит, что, если бы ты не отдала этот последний приказ, я бы наверняка кого-нибудь взяла бы в эту ночь с собой в постель. Но если мне приказывают это сделать, я себя чувствую высокородной шлюхой. И мне это не нравится.

Она оправила юбки так, чтобы трен скользил позади, и направилась ко мне. На ходу ее сила стала разворачиваться, искриться по комнате невидимыми вспышками, покусывать мне кожу. От первых двух уколов я вздрогнула, потом встала неподвижно, предоставляя ее силе меня грызть. У меня с собой была сталь, но пары ножей мне никогда бы не хватило, чтобы выстоять против магии королевы. Наверное, это мои обретенные силы не давали делу обернуться куда хуже.

Она прищурилась, встав напротив меня. Поскольку я стояла на возвышении, наши глаза оказались на одном уровне. Магия исходила от Андаис, как движущаяся стена силы. Мне пришлось встать покрепче, как против ветра. Жгучие уколы превратились в постоянное жжение, будто стоишь в печи, не касаясь ее пылающих стен, но зная, что малейший толчок — и кожа начнет пузыриться и сползать.

— Дойл говорил, что твои силы выросли, но я не совсем ему верила. Но вот ты стоишь передо мной, и я должна признать, что ты истинная сидхе — стала ею наконец. — Она поставила ногу на нижнюю ступеньку. — Но не забывай никогда, Мередит, что королева здесь я, а не ты. Как бы сильна ты ни стала, ты никогда не сравнишься со мной.

— Я никогда не полагала иного, миледи, — ответила я чуть-чуть дрогнувшим голосом.

Ее магия ударила в меня. Я не могла вдохнуть. Глаза заморгали, будто я глядела на солнце. Приходилось упираться, чтобы стоять, чтобы не отступить.

— Миледи, скажи мне, что ты желаешь, чтобы я сделала, и я именно так и поступлю. Никоим образом я не думала бросать тебе вызов.

Она шагнула еще на ступеньку, и на этот раз я отступила. Не хотела, чтобы она ко мне притронулась.

— Уже тем, что ты стоишь пред лицом моей силы, ты бросаешь мне вызов.

— Если ты желаешь, чтобы я встала на колени, я встану. Скажи, что угодно тебе, моя королева, и я сделаю это.

Очень мне не хотелось состязаться с ней в магии. Я бы была разбита, и я это знала. Мне нечего было отстаивать.

— Заставь кольцо ожить у меня на пальце, племянница.

На это я не знала, что сказать. В конце концов я протянула ей руку.

— Ты хочешь взять его обратно?

— Тебе даже невдомек, как я этого хочу, но теперь оно твое, племянница. Пусть оно принесет тебе радость.

Это было больше похоже не на благословение, а на проклятие.

Я отошла к дальнему краю стола, ухватилась посильнее, чтобы устоять под растущим давлением магии.

— Чего ты желаешь от меня?

Она не ответила. Андаис повела в мою сторону обеими руками, и давление стало силой, оттолкнувшей меня назад. Я взлетела в воздух, налетела на стену спиной, а мигом позже —

затылком. Несмотря на дождь серых и белых цветов перед глазами, я устояла на ногах.

Когда в глазах прояснилось, передо мною стояла Андаис с ножом в руке. Кончик ножа она приложила к ямке у меня на горле, прижала так, что я ощутила, как лезвие впивается в кожу. Она коснулась ранки пальцем и отняла его с капелькой дрожащей крови на черной коже перчатки. Опустила палец вниз, и капля упала на пол.

— Вот что знай, моя племянница. Твоя кровь — моя кровь, и это — единственная причина, по которой мне небезразлична твоя судьба. Но мне безразлично, нравится тебе то, что я задумала, или нет. Ты должна продолжить нашу кровь, но если ты не захочешь мне в этом помочь, тогда у меня нет в тебе нужды.

Она медленно отодвинула нож, всего на пару дюймов. Приложила лезвие плашмя к моей щеке, острие — почти возле глаза.

Я ощущала на языке собственный пульс, я забыла, что надо дышать. Глядя ей в лицо, я понимала, что она убьет меня не моргнув глазом.

— То, что не полезно мне, выбрасывается, Мередит. — Она прижала клинок к моему лицу так, что, когда я моргала, ресницы задевали острие. — Ты выберешь, с кем будешь спать сегодня. Кого — мне безразлично. Поскольку ты потребовала прав девы, ты свободна вернуться в Лос-Анджелес, но ты выберешь, кого из моей стражи возьмешь с собой. Так что разгляди их сегодня, Мередит, своими изумрудно-золотыми глазами, этими своими благими глазами, и выбери. — Она придвинулась ко мне близко, как для поцелуя, и прошептала последние слова прямо мне в рот: — И дай сегодня кому-то из них, Мередит, потому что если нет, то завтра ты будешь забавлять весь Двор с группой тех, кого выберу я.

Она улыбнулась — той самой улыбкой, которая всегда предвещала что-то злобное и полное боли.

— И хотя бы один из выбранных тобой должен быть в достаточной степени моим созданием, чтобы шпионить за тобой для меня. Если ты вернешься в Лос-Анджелес.

Я едва сумела прошептать:

— Я должна спать с твоим шпионом?

— Да, — ответила она. Клинок чуть сдвинулся ближе, так близко, что перекрывал мне зрение, и я старалась не моргнуть, иначе острие прокололо бы мне веко. — Тебя это устраивает, племянница? Ты не возражаешь, если я заставлю тебя спать с моим шпионом?

Я сказала единственное, что могла сказать:

— Устраивает, тетя Андаис.

— Ты выберешь сегодня себе гарем на пиру?

Глаза у меня застыли неподвижно. Но веко дергало от необходимости моргнуть.

— Да, тетя Андаис.

— Ты переспшишь с кем-то из них до того, как улетишь обратно в свои западные земли?

Я раскрыла глаза пошире и сосредоточилась на том, чтобы только смотреть в ее лицо, смотреть ей в лицо. Нож размытой сталью перекрывал поле зрения правого глаза, но пока я еще видела, видела это лицо, нависшее надо мною нарисованной луной.

— Да.

Она убрала нож и сказала:

— Ну вот и все. Что тут такого было трудного?

Я обмякла, привалившись к стене, закрыв глаза. Я не открывала их, потому что не могла бы скрыть ярость, а мне не надо было, чтобы Андаис ее видела. Я хотела выйти отсюда, просто выйти, просто уйти от нее.

— Я позову Риса проводить тебя на пир. Ты, кажется, слегка взволнована.

Она рассмеялась.

Я открыла глаза, сморгнула слезы, накопившиеся от того, что их нельзя было смаргивать. Она шла вниз по ступеням.

— Я пошлю к тебе Риса, хотя, быть может, при этом заклинании в карете тебе нужен был бы другой страж. Я подумаю, кого послать к тебе. — Она уже от самой внешней двери обернулась и сказала: — А кто будет моим шпионом? Я постараюсь выбрать для тебя кого-нибудь красивого, хорошего в постели, чтобы твое задание не было слишком обременительным.

— Я не сплю с глупыми или злобными духом мужчинами, — сказала я.

— Первое не слишком ограничивает выбор, но второе... выбрать великодушного — это задача непростая. — Она вдруг просияла: — Он может подойти.

— Кто? — спросила я.

— Мередит, ты разве не любишь сюрпризы?

— Вообще-то не очень.

— Ну, тогда я люблю. Я очень люблю сюрпризы. Он будет моим подарком тебе. В постели он сногшибателен — или был таким шестьдесят... нет, девяносто, кажется? — лет назад. Да, я думаю, он отлично подойдет.

Я не дала себе труда снова спросить, кто это.

— Что дает тебе гарантию, что он будет за мной следить, оказавшись в Лос-Анджелесе?

Она остановилась, взявшись за ручку двери.

— Дело в том, что он знает меня, Мередит. Знает, на что я способна в наслаждении — и в боли.

С этими словами она распахнула дверь и велела войти Рису.

Он посмотрел на нее, на меня. Глаза его чуть-чуть расширились, но и все. Лицо он старательно сохранял безразличным, когда шел ко мне и предлагал мне руку. Я с благодарностью ее приняла. Переход к открытой двери, казалось, занял невообразимо много времени. Я хотела выбежать и бежать, бежать. Рис погладил меня по руке, ощутив, как я вся напряглась. Я знала, что и ранку на шее он тоже заметил. Имеет право гадать, откуда она там взялась.

Мы добрались до двери, потом вышли в холл. Я чуть-чуть расслабила плечи.

Андаис сказала нам вслед:

— Повеселитесь, детки. Увидимся на пиру.

Она закрыла за нами двери, они лязгнули, а я вздрогнула.

Рис остановился было:

— Что с тобой?

Я вцепилась в его руку и потянула вперед.

— Уведи меня отсюда, Рис. Уведи поскорее.

Он не стал задавать вопросов — просто пошел дальше по коридору, уводя меня отсюда.

Мы шли тем же путем, что и сюда, но на этот раз коридор был прямым и поуже — совсем другой коридор, Я оглянулась — двустворчатой двери не было. Покои королевы остались где-то в другом месте. На этот миг мне ничего не грозит. Меня затрясло, я не могла остановить дрожь.

Рис обнял меня, прижал к груди. Я уткнулась в него, обхватив руками за талию. Он бережно отвел мне волосы с лица.

— Ты холодная на ощупь. Что она с тобой сделала, Мерри? — Он приподнял мне лицо за подбородок, заглянул в него. — Расскажи, — сказал он тихо.

Я покачала головой:

— Она мне предложила все, Рис, все, что только может хотеть маленькая сидхе. Беда в том, что я в это не верю.

— О чем ты? — спросил он.

Я отодвинулась.

— Вот о чем. — Я показала на горло, на ранку, где засыхала кровь. — Я — смертная, Рис. Если мне предложили луну, это еще не значит, что я доживу до времени, когда положу ее себе в карман.

Он смотрел на меня сочувственно, но я вдруг четко поняла, насколько он меня старше. Лицо его было молодо, но взгляд — нет.

— Это самая серьезная твоя рана?

Я кивнула.

Он протянул руку и дотронулся до пятнышка крови. Оно даже не болело. Не слишком страшная рана. Но очень трудно было объяснить, что самая серьезная рана — не на коже. Королева живет, отвергая правду о том, что представляет собой Кел, но я это знаю. Он никогда не будет делить со мною трон: чтобы один из нас сел на трон, другой должен умереть.

— Она тебе угрожала? — спросил Рис.

Я снова кивнула.

— Ты совершенно не в себе, Мерри. Что она тебе там говорила?

Я глядела на него, и рассказывать не хотелось. Как будто, если сказать вслух, это все станет более реальным. Но не только в этом дело. А еще в том, что, если Рис узнает, ему это не будет особо противно.

— Есть хорошие новости и плохие новости, — сказала я.

— Какие хорошие?

Я рассказала насчет сонаследницы.

Он обнял меня крепко и сильно.

— Это же чудесная новость, Мерри. Какая же может быть плохой после этого?

Я высвободилась из его рук.

— Ты действительно думаешь, будто Кел даст мне жить так долго, чтобы его сместить? Это он стоял за покушениями на мою жизнь три года назад, а тогда у него и близко не было такой серьезной причины хотеть моей смерти.

Улыбка на его лице погасла.

— Теперь ты носишь знак королевы, и даже Кел не решится тебя убить. Тронуть тебя

сейчас — означает мучительную смерть от рук королевы.

— Она там стояла и говорила мне, что я оставила Двор из-за Гриффина. Я пыталась объяснить, что не из-за разбитого сердца я сбежала, а от дуэлей. — Я покачала головой. — Она не слышала, Рис, говорила так, будто я вообще ничего не сказала. Она отвергает реальность в определенных аспектах, Рис, и даже моя смерть этого не переменит.

— То есть ее милый мальчик не мог сделать такой ужасной вещи, — сказал Рис.

— Вот именно. Кроме того, ты же не думаешь, что он лично будет рисковать своей лилейной шеей? Он найдет кого-то другого для этой работы, и в опасности будет другой, а не он сам.

— Наша работа — защищать тебя, Мерри. И мы свое дело знаем.

Я засмеялась — но не от веселья, скорее нервным смехом.

— Тетя Андаис изменила ваши должностные обязанности, Рис.

— То есть?

— Давай я тебе по дороге объясню. Сейчас я хочу оставить побольше расстояния между собой и нашей королевой.

Он снова предложил мне руку.

— Как пожелает дама.

При этих словах он улыбнулся, и я подошла к нему, но вместо того, чтобы взять его под руку, обняла за талию. Он застыл на секунду от неожиданности, потом обнял меня за плечи. Мы пошли по коридору, обнявшись. Мне все еще было холодно, будто истощилось внутреннее тепло.

Есть мужчины, с которыми я не могу идти рука об руку — будто наши тела работают в разном ритме. А с Рисом мы шли по коридору как две половинки одного целого. Я поняла, что просто не могу поверить, будто мне дано разрешение его касаться. Трудно поверить, когда тебе вдруг вручают ключи от царства.

Рис остановился, повернул меня к себе, провел по моим рукам ладонями.

— Ты все еще дрожишь.

— Уже не так, — ответила я.

Он ласково поцеловал меня в лоб:

— Ну, лапушка, расскажи, что тебе сделала Злая Ведьма Востока.

— Лапушка? — улыбнулась я.

— Кисонька? Цыпочка? Душечка?

— Еще того хуже, — рассмеялась я.

Он перестал улыбаться. Посмотрел на кольцо, сверкающее на фоне его белого рукава.

— Дойл говорил, что для него это кольцо ожило. Это правда?

Я глянула на серебряный восьмиугольник и кивнула.

— А у меня на руке оно лежит спокойно.

Я посмотрела ему в лицо. Оно было... несчастным.

— Королева пользовалась этим кольцом для выбора своих консортов, — сказал он.

— Оно реагировало почти на каждого стража, которого я сегодня касалась.

— Кроме меня.

В голосе его так явно слышалась горечь, что я не могла этого так оставить.

— Для этого надо коснуться кожи, — сказала я.

Он потянулся к моей руке, к кольцу. Я убрала руку.

— Не надо, пожалуйста.

— В чем дело, Мерри?

Свет пригас до сумерек. Стены коридора покрывала паутина, блестя серебряными занавесями. Бледные пауки больше моих двух кулаков прятались в ней как распухшие привидения.

— Даже в шестнадцать лет я уже знала, где остановиться. Тебе следовало бы понимать.

— За попытку шлепнуть или пощекотать — изгнание из игры навеки? Детка, это жестоко.

— Нет, это практично. Я не хочу кончить жизнь распятой на андреевском кресте.

Конечно, это был не тот случай. Я могла бы сказала Рису, и можно было бы исполнить это прямо здесь, у стены, и наказания бы не было. По крайней мере Андаис так сказала. Но я не верила тете. Она только мне сказала, что целибат отменен. Еще она мне сказала, что Эймон в курсе, а он — ее консорт, ее создание. Что, если я сейчас прижму Риса к стене, а королева передумает? Это будет безопасно лишь тогда, когда она объявит об этом публично. Тогда, и только тогда, я ей взаправду поверю.

Большой белый паук подкрался к краю паутины. Голова у него была не менее трех дюймов в поперечнике. Мне надо будет пройти прямо под этой тварью.

— Ты видела смертную, замученную до смерти за соблазнение стража, и запомнила это на всю оставшуюся жизнь. Долгая память, — сказал Рис.

— Я видела, что ее любимый палач сделал со стражем, преступившим запрет, Рис. Мне кажется, это у тебя память слишком короткая.

Я остановила его, потянув за руку, чуть не доходя до этого огромного паука. Я могла бы вызвать блуждающий огонек, но вряд ли он произвел бы на паука впечатление.

— Ты не мог бы вызвать что-нибудь посильнее блуждающего огонька? — спросила я.

Я смотрела на ждущего паука — тело его было в поперечнике больше моего кулака. Вдруг паутина над головой показалась тяжелее, как полная рыбы сеть, готовая пролиться мне на голову.

Рис посмотрел на меня с недоумением, потом поднял голову, будто впервые увидел толстые нити, шевеление наверху.

— Ты всегда не любила пауков.

— Всегда, — подтвердила я.

Рис подошел к пауку, который будто поджидал меня. Я осталась стоять посреди коридора, прислушиваясь к тяжелому шороху наверху.

Он ничего не сделал такого, что я бы увидела, — просто коснулся пальцем паучьего брюха. Паук засеменял прочь, потом резко остановился, затрясся, ноги его задергались. Он извивался, дергался, разрывая паутину, потом беспомощно повис на ее обрывках.

Я слышала, как десятки этих тварей засеменяли прочь, спасаясь. Паутина колыхалась, как перевернутый океан. Бог и Богиня, их там сотни.

Белая туша паука стала усыхать, морщиться, спадаться, будто сдавленная огромной рукой. Жирное белое тело превратилось в сухую черную оболочку, и если бы я не знала, что это было, я бы сейчас не узнала паука.

Движение в паутине прекратилось. В коридоре стало тихо, только стоял, улыбаясь, Рис. Тусклый свет будто собрался вокруг его белых локонов и белого костюма, и Рис засветился на фоне серой паутины и еще более серого камня. Он улыбался мне радостно — обычной своей улыбкой.

— Годится? — спросил он.

Я кивнула.

— Я видела однажды, как ты это сделал, но это было в битве и твоя жизнь была под угрозой.

— Тебе жалко этого насекомого?

— Это не насекомое, а арахнид, и мне его не жалко. У меня никогда не было силы нужного рода, чтобы здесь спокойно пройти.

Но... на самом деле я думала, что он вызовет в руки огонь или яркий свет и отпугнет их. Я не думала, что он...

Он протянул мне руку, все так же улыбаясь.

Я смотрела на черную скорлупу, тихо покачивавшуюся в паутине от движения воздуха, вызванного нашими телами.

Рис улыбался все так же, но глаза его стали добрее.

— Я — бог смерти или был им когда-то, Мерри. А ты что думала, я зажгу спичку или буду вопить "бу-бу!"?

— Нет, но...

Я смотрела на протянутую руку. Смотрела дольше, чем было бы учтиво. Но наконец нерешительно потянулась к ней. Наши пальцы соприкоснулись, и он шумно выдохнул.

Рис смотрел на серебряную полосу у меня на пальце. Потом поднял глаза на меня.

— Мерри, можно?

Я всмотрелась в его светло-голубые глаза.

— Почему это так для тебя важно?

Интересно, не пошли ли уже слухи о том, что королева собирается сегодня объявить?

— Мы все надеялись, что она позвала тебя выбрать себе будущего консорта. Я решил, что если кольцо кого-то не узнает, то он дальше в состязании не участвует.

— Это ближе к истине, чем ты думаешь.

— Тогда можно мне?

Он пытался скрыть, насколько его это волнует, и не смог. В общем, его можно понять. И так будет всю эту ночь, как только весть распространится. Нет, не так, а гораздо хуже.

Я кивнула.

Он взял мою руку, медленно понес к губам, говоря при этом:

— Ты знаешь, что я никогда по своей воле не сделаю тебе плохого, Мерри.

И он поцеловал мне руку, губами задев кольцо. Оно встрепенулось — другого слова не подберу. Пламя прошло через меня, через нас обоих. Ощущение это стиснуло мне сердце, забилося в горле пойманной птицей.

Рис остался стоять нагнувшись над моей рукой, но я слышала, как он выдохнул: "Да!" Он разогнулся, глядя невидящими глазами.

Это была самая сильная пока что реакция кольца, и меня это обеспокоило. Говорит ли интенсивность реакции что-либо о вирильности мужчины, вроде какого-то титра спермы в сверхъестественном смысле? Ничего против Риса не имею, но если я буду сегодня с кем-то спать, то это скорее всего будет Гален. А это колечко может себе пульсировать до посинения. Я сама буду решать, кто со мной спит. Пока, естественно, дражайшая тетушка не подойдет ко мне шпиона.

Эту мысль я вытолкнула из сознания — сейчас не до нее. У тети в страже есть сидхе, которым я скорее воткну кинжал, чем поцелую, не говоря уже о большем.

Рис переплел пальцы с моими, прижав ладонь к кольцу. Второй импульс был сильнее,

заставил меня невольно ахнуть. Ощущение — как будто меня нежно гладят где-то в глубине тела. Гладят там, где никогда не достать руке, но магия... магия не стеснена границами тела.

— Как хорошо! — выдохнул Рис.

Я убрала руку:

— Больше так не делай.

— Это было приятно, и ты это знаешь.

Я посмотрела в его горящее энтузиазмом лицо:

— Она хочет, чтобы я не просто нашла себе другого жениха. Она хочет, чтобы я выбрала себе для секса нескольких из всей стражи, тех, кого признает кольцо. Состязание, кто первым даст ей наследника королевской крови — Кел или я.

Он посмотрел пристально, будто пытаюсь прочесть выражение моего лица.

— Я знаю, что ты не стала бы этим шутить, но это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Мне стало спокойнее, когда Рис тоже не поверил.

— Вот именно. Сейчас она говорит, что целибат отменен для моей скромной особы, но свидетелей не было. Я думаю, что она говорила искренне, но пока она не объявит об этом при всем Дворе, я буду действовать так, будто секс — табу по-прежнему.

Он кивнул:

— Что такое еще несколько часов после тысячи лет ожидания?

Я подняла брови:

— Всех мне сегодня не отработать, Рис, так что это больше, чем несколько часов.

— Раз я в очереди первый, так какая мне разница?

Он хотел пошутить, но я не засмеялась.

— Боюсь, что именно таковы будут чувства у всех. Я одна, а вас — двадцать семь.

— А ты должна переспать со всеми нами?

— Она так не говорила, но настаивает, чтобы я спала с ее шпионом, кто бы это ни оказался.

— Некоторых стражей ты терпеть не можешь, Мерри, и они тебе платят взаимностью. Она не может ожидать, что ты станешь спать с ними. Бог и Богиня, если один из тех, кого ты ненавидишь, тебя обрюхатит... — Он не договорил.

— Я попадусь в западню брака с женщиной, которого не выношу, и он станет королем.

Рис заморгал, белая повязка на глазу пустила блики, когда он помотал головой.

— Я об этом не подумал. Честно говоря, я думал только о сексе, но ты права — один из нас будет королем.

Я посмотрела на серые простыни паутины. Они были пусты, но...

— Может быть, не стоит об этом говорить вот под этим?

Он поднял глаза на паутину:

— Дельная мысль. — Он снова предложил мне руку. — Позволено ли будет мне проводить тебя на банкет, миледи?

Я взяла его под руку:

— С удовольствием.

Он похлопал меня по руке:

— Очень надеюсь на это, Мерри, очень надеюсь.

Я засмеялась, и звук странным эхом отдался в коридоре, раскачивая паутину. Как будто потолок поднялся выше, намного выше, в бескрайнюю тьму, которую только паутина

закрывала от нас. Смех мой затих намного раньше, чем мы вышли из-под паутины.

— Спасибо, Рис, что ты понял, чего я боюсь, а не стал думать только о том, что пришел конец сотням лет целомудрия.

Он прижал мою руку к губам:

— Я живу только чтобы служить тебе униженно... или возвышенно, или в любой позе, которую ты выберешь.

Я ткнула его в плечо:

— Перестань!

Он усмехнулся.

— Рис — такого имени нет ни у одного из известных богов смерти. Я вас изучала в колледже, и тебя там не было.

Он вдруг очень внимательно стал рассматривать узкий коридор.

— Теперь мое имя — Рис, Мерри. И не важно, кем я был раньше.

— Еще как важно.

— А почему? — спросил он и стал вдруг серьезным, будто задал очень взрослый вопрос.

А я, глядя, как он светится белым и сияет в сером свете, не ощущала себя взрослой. Ощущала себя усталой. Но в его взгляде был вопрос, требование ответа, и я должна была ответить.

— Я просто хочу знать, с кем имею дело, Рис.

— Ты меня знаешь всю жизнь, Мерри.

— Тогда скажи.

— Мне не хочется говорить о давно ушедшем, Мерри.

— А если я тебя позову к себе в кровать? Тогда ты мне расскажешь свою тайну?

— Ты меня искушаешь.

Я коснулась изборожденного шрамами лица, провела пальцами по грубым рубцам, потом по мягкости полных губ.

— Нет, Рис, не искушаю. Ты красив. Ты мой друг уже много лет. Ты защищал меня, когда я была моложе. И плохой было бы благодарностью, если бы я оставила тебя в celibate, когда могу положить ему конец, плюс еще тот факт, что провести губами вниз по этой стиральной доске твоего живота — моя постоянная сексуальная фантазия.

— Странно, и у меня та же фантазия, — сказал он. Потом подвигал бровями, до жалости плохо изображая Гручо Маркса. — Может быть, зайдём ко мне посмотреть мои гравюры?

Я улыбнулась и покачала головой.

— Ты бывал в кино после того, как фильмы стали цветными?

— Нечасто.

Он протянул мне руку, и я ее приняла. Мы пошли по коридору рука в руке, и это было по-дружески. Я думала, что из всех стражей, которые мне нравятся, Рис станет самым назойливым, когда услышит о возможности секса. Но он оказался настоящим джентльменом. Еще одно доказательство, что я его на самом деле не понимаю.

Двери в конце коридора сегодня были невелики: в рост человека. Иногда они бывают такие, что и слон спокойно пройдет. Были они светло-серые с золотыми краями, очень в стиле Луи какого-нибудь. Я не стала спрашивать Риса, не сменила ли королева убранство. Ситхен, как и Черная Карета, сам себя декорировал.

Рис открыл изящные створки дверей, но мы так и не прошли в них, потому что нас остановил Холод. Не в том дело, что он загораживал их физически, хотя это тоже имело место. Он переоделся в наряд королевы, и при виде его я встала как вкопанная. А Рис, наверное, потому что остановилась я.

Рубашка была полностью прозрачна, до такой степени, что непонятно было, то ли она белая, то ли это белеет кожа под ней. На груди она прилегала плотно, но рукава топорщились прозрачной тканью, стянутые чуть выше локтя широким апплике из сверкающего серебра. Остальная часть рукава спадала прозрачными складками, похожими на хрустальное утро. Сшита была рубашка серебряной нитью, сверкающей в каждом стежке. Штаны серебристого атласа отрезаны несколько ниже талии, и сквозь рубашку виднелись подвздошные кости. Попробуйся Холод надеть белье, оно бы выглядывало из-под штанов. Единственное, почему эти штаны не падали, — они были невероятно тесны. Белые шнурки над пахом, похожие на шнуровку корсета, заменяли молнию.

Волосы Холода были разделены на три секции. Верхняя собрана резной костью так, что серебристые волосы раскинулись вокруг головы подобно струям фонтана. Вторая секция просто стянута назад с обеих сторон и закреплена костяными заколками. Нижний ярус волос висел свободно, но их оставалось так мало, что тонкая серебристая вуаль подчеркивала тело, а не скрывала его.

— Холод, ты так красив, что этого почти не может быть!

— Она с нами обращается как с куклами, которых одевает по своему капризу.

Самое критическое замечание о королеве, которое я от него вообще слыхала.

— А мне нравится, Холод, — сказал Рис. — Вот это ты.

Он глянул на Риса мрачно:

— Это не я!

Никогда я не видела, чтобы этот высокий страж так злился из-за такой мелочи.

— Это всего лишь шмотки, Холод! И ничего с тобой не случится, если ты их будешь носить с изяществом. А вот если ты будешь показывать свое недовольство, то с тобой *может* случиться много чего нехорошего.

— Я выполнил волю моей королевы.

— Если она узнает, насколько тебе это не нравится, она придумает еще многое в том же роде. Ты ее знаешь.

Он скривился так, что сумел добиться морщин на своем идеальном лице. Но тут из дальней комнаты раздался вопль. Даже без слов я узнала голос. Голос Галена.

Я шагнула вперед — Холод не отступил.

— Холод, с дороги, — сказала я.

— Принц велел, чтобы его наказали, но любезно разрешил, чтобы это было не публично. Никто не смеет войти, пока наказание не кончится.

Я посмотрела на Холода в упор. С дороги мне его не столкнуть, а убивать его я не

собиралась. Других вариантов не было.

— Мерри сегодня поименована сонаследницей, — сообщил Рис.

Холод посмотрел на меня, на него.

— Я этому не верю.

Гален снова вскрикнул, и у меня мурашки пошли по коже, руки сжались в кулаки.

— Сегодня ночью я стану сонаследницей, Холод.

Он покачал головой:

— Это ничего не меняет.

— А если бы она тебе сказала, что наш целибат отменяется для Мерри, и только для нее? — спросил Рис.

Холод сумел сделать вид надменный и недоверчивый.

— Я не собираюсь играть с тобой в игру "что, если..."

Снова резко вскрикнул Гален. Вбрана королевы не так-то легко заставить кричать. Я шагнула к Холоду, и он напрягся. Наверное, ожидал драки.

Я легонько провела пальцами спереди по его рубашке, Он дернулся, будто я его ударила.

— Королева сегодня объявит, что я могу выбирать себе в любовники стражей. Она велела мне сегодня же переспать с одним из вас, иначе завтра мне придется играть главную роль в ее милых оргиях. — Я обняла его за талию, чуть прижавшись к нему. — Поверь мне, Холод, сегодня же я буду иметь одного из вас, и завтра, и послезавтра. Обидно будет, если ты не окажешься в этом списке.

Надменность сменилась какой-то жадной — и испугом. Испуга я не поняла, откуда он, но жажда была мне ясна. Он посмотрел на Риса.

— Дай клятву, что это правда.

— Клянусь, — сказал Рис. — Пропусти ее, Холод.

Он посмотрел на меня. Пока что он не ответил на мои прикосновения — моя ласка была как поцелуй в безжизненные губы, — но он отошел с дороги, освободившись от кольца моих рук. Смотрел он на меня, как смотрят на свернувшуюся гремучую змею — никаких резких движений, и все равно никакой уверенности, что она не ужалит. Он боялся того, что происходило в дальней комнате.

Я прошла мимо. Спиной я ощущала, что Рис идет за мной, но видела я только то, что было в середине комнаты. А там располагался водяной садик с большой декоративной скалой посередине. К ней вели ступени, в каждую из которых были намертво вделаны цепи. Гален был прикован к скале. Тело его почти скрылось под медленными взмахами бабочковых крыльев полуфей. Они были похожи на настоящих бабочек на краю пруда, пьющих воду и медленно помахивающих крыльями. Но пили они не воду, а его кровь.

Он снова вскрикнул, и этот крик подстегнул меня. Вдруг передо мной оказался Дойл — он сторожил другую дверь.

— Это нельзя прекратить, раз они начали пить.

— Почему он кричит? Это не должно быть так больно!

Я попыталась проскочить мимо Дойла, и он поймал меня за руку.

— Нет, Мередит. Нет.

Гален закричал долго и протяжно, и тело его выгнулось в цепях. От этого движения несколько полуфей взлетели, и я поняла, почему он кричит. Пах его превратился в кровавое месиво. Они жрали не только кровь, но и плоть.

— Мерзкие твари! — прошипел Рис.

Дойл сильнее сжал мне руку.

— Они его увечат! — попыталась возразить я.

— Заживет.

Я попыталась вырваться, но пальцы Дойла держали как стальные.

— Дойл, прошу тебя!

— Извини меня, принцесса.

Гален взвизгнул, и скала дернулась от рывка его тела, но цепи выдержали.

— Это слишком, и ты это знаешь.

— Принц в своем праве наказывать Галена за неповиновение.

Дойл попытался оттянуть меня в сторону, будто так было бы лучше.

— Нет, Дойл. Если Гален должен это выдержать, я не отвернусь. Теперь отпусти меня.

— Ты обещаешь не делать ничего непродуманного?

— Даю слово.

Он отпустил меня, и когда я тронула его за плечо, он шагнул в сторону, чтобы не загоразивать мне вид. Крылья были всех цветов радуги, а были и такие цвета, которым радуга может только завидовать, — огромные крылья, больше моей ладони, медленно складывающиеся и раскрывающиеся, на миг открывая почти голого Галена. Штаны его были спущены до лодыжек, а другой одежды я не видела. Страшная красота была в этой сцене, будто идеально сделанный срез ада.

Одна четверка крыльев была больше других, как два светлых воздушных змея с ласточкиными хвостами. Сама королева Нисевин пиновала над его пахом. У меня возникла мысль.

— Королева Нисевин! — сказала я. — Не подобает королеве делать грязную работу для какого-то принца.

Она приподняла бледное личико и зашипела на меня. На губах и подбородке краснела кровь Галена, перед белого платья заляпан алым.

Я подняла руку с кольцом:

— Этой ночью я должна быть провозглашена сонаследницей.

— А мне что с того?

Голос ее звучал как колокольчик зла — мелодично и волнующе.

— Королева заслуживает лучшего, чем кровь простого сидхейского лорда.

Она смотрела на меня блеклыми глазками. Как прокаженная она была в этой бледности, как крошка-призрак.

— То, что ты предлагаешь, нежнее этого?

— Не нежнее, но сильнее. Кровь сидхейской принцессы для королевы полуфей.

Она уставилась на меня, крошечной ручкой вытирая кровь с губ. На своих огромных крыльях она поднялась в воздух — остальные продолжали жрать. Нисевин повисла у меня перед лицом, потоки воздуха от крыльев оевали кожу.

— Ты заняла бы его место?

— Нет, принцесса... — начал Дойл.

Я остановила его жестом.

— Я предлагаю королеве полуфей Нисевин свою кровь. Кровь сидхейской принцессы — слишком ценный приз, чтобы им делиться.

Холод и Рис встали рядом с Дойлом и смотрели на нас, будто никогда подобного не видели.

Нисевин облизала губы язычком, похожим на лепесток цветка.

— Ты дашь мне пить твою кровь?

Я показала на нее пальцем:

— Отпустите его, и ты можешь прокалывать мне кожу и пить.

— Принц Кел просил нас, чтобы мы лишили его мужественности.

— Как сказал Дойл, он исцелится. Почему бы это принц просил одолжения у полуфей ради чего-то столь не вечного?

Она летала возле моего пальца ну точь-в-точь как обычная бабочка, осматривающая цветок.

— Об этом надо спрашивать принца Кела. — Она перевела взгляд с моего пальца на лицо. — Жаль, ты не слышала, о чем он нас попросил сперва. Хотел, чтобы мы изувечили его на всю жизнь, но королева не допускает, чтобы ее любовники становились порченным товаром. — Нисевин подлетела ближе, крошечные ручки стали трогать кончик моего носа. — Принц Кел напомнил мне, что когда-нибудь он будет королем. — Она миниатюрными пальчиками стала трогать мои губы. — Я ему напомнила, что он еще не правит и что я не стану рисковать гневом королевы Андаис ради него.

— Что он на это сказал?

— Пошел на компромисс. Мы пробуем сидхейской плоти и крови, что драгоценно, а этот на сегодняшнюю ночь будет негоден для постели королевы. — Она наморщила брови, сложила ручки на груди. — Не знаю, почему он так ревнует к этому, а не к другим.

— Не от постели королевы старается он сегодня отстранить Галена, — сказала я.

Она склонила головку набок, паутина длинных волос качнулась вместе с нею.

— Ты?

Я показала ей кольцо.

— Мне сегодня приказано спать со стражниками.

— И этого ты бы, наверное, и выбрала?

Я кивнула.

Нисевин улыбнулась:

— Кел ревнует тебя.

— Не в том смысле, о котором ты говоришь, королева Нисевин. Так мы договорились — моя кровь в твой прелестный ротик, и Гален свободен?

Она еще несколько секунд полетала у моего лица, потом кивнула:

— Договорились. Протяни руку и дай мне место, куда сесть.

— Сперва освободи Галена, а потом пей сколько душе угодно.

— Как скажешь.

Она отлетела к своим подданным, что-то им сказала, и они разлетелись к потолку ярким цветным облаком. Бледно-зеленую кожу Галена покрывали крошечные красные укусы, тонкие струйки крови текли по телу, будто кто-то пытался соединить точки невидимым пером.

— Раскуйте его и займитесь его ранами, — сказала я.

Рис и Холод двинулись выполнять. Только Дойл остался стоять рядом, будто не доверял нам, никому из нас.

Я протянула руку, чуть подняв согнутую ладонь. Нисевин села на предплечье. Она была тяжелее, чем казалось, но все равно легкой и какой-то хрустящей, будто босые ножки были сделаны из сухих косточек. Обеими руками она обхватила мой указательный палец, потом

опустила лицо к кончику пальца, будто хотела запечатлеть поцелуй. Бритвы крошечных зубов впились мне в палец. Боль была резкая, немедленная. Лепесток язычка стал слизывать кровь с кожи. Она обернула тельце вокруг моей руки, прижимаясь каждым дюймом. В этом было что-то странно сексуальное, будто не только кровь она получала, когда пила.

Остальные полуфеи висели надо мной в воздухе цветным ветром, медленно перемещаясь. Роты измазаны кровью, ручки красные от крови Галена. Нисевин гладила мне руку своими ручками, ножками, в ладонь мне вдавилось ее коленце.

Она подняла голову и вздохнула.

— Я полна плоти и крови твоего любовника, больше мне не удержать. — Она села мне на ладонь, положив голову на палец. — Когда-нибудь в другой раз я дорого бы дала за более долгий поцелуй, принцесса Мередит. В тебе вкус высокой магии — и секса.

Она встала и медленно взлетела с ладони неспешными взмахами крыльев. Потом повисла у меня перед лицом, просто глядя на меня, будто видя что-то, чего не видела я, или пытаюсь найти что-то, чего там не было. Наконец она кивнула и сказала:

— Увидимся с тобой на пиру, принцесса.

С этими словами она взмыла высоко в воздух, и ее подданные метнулись за ней разноцветным шлейфом. Сами по себе растворились массивные двери в другом конце комнаты, и когда яркое облако исчезло за ними, так же сами по себе закрылись.

Тихий звук привлек мое внимание. Гален сидел, прислонившись к дальней стене; штаны его были уже надеты, но не застегнуты. Рис кропил мелкие укусы из бутылки с прозрачной жидкостью, пока голый торс Галена не заблестел на свету.

Он поднял глаза на меня:

— Это правда — о снятии целибата?

— Правда, — ответила я, присаживаясь около него.

Он улыбнулся, но глаза его при этом наполнились болью.

— Сегодня от меня тебе мало будет пользы.

— Сегодня не последняя ночь, — сказала я.

Он улыбнулся шире, но дернулся от боли, когда Рис залил очередную рану.

— Почему Келу так не хотелось, чтобы именно я оказался в твоей постели?

— Наверное, он думал, что если я сегодня не смогу спать с тобой, то буду спать одна.

Гален посмотрел на меня.

Я не стала ждать, пока он скажет что-нибудь, от чего станет еще более неловко.

— Не знаю, слышал ли ты, что я уже говорила другим, но если сегодня я не буду спать с кем-нибудь по своему выбору, завтра я буду забавлять Двор с группой по выбору королевы.

— Тебе придется кого-то сегодня взять в свою постель, Мерри.

— Я знаю.

Я тронула его лицо и нашла его холодным на ощупь и чуть влажным от испарины. Он потерял много крови — ничего фатального для сидхе, но сегодня он будет слишком слаб для многого, не только для секса.

— Если так наказал Кел тебя за неповиновение, каково было наказание Баринтуса?

— Ему запрещено быть сегодня на пиру.

Я приподняла брови:

— Галена изрезали, а Баринтуса просто оставили без ужина?

— Баринтуса Кел боится, а Галена он не опасается, — сказал Холод.

— Просто я слишком мягкий, — сказал Гален.

— Это да, — подтвердил Холод.

— Я же пошутил, — пояснил Гален.

— К сожалению, — заметил Дойл, — это не смешно.

— Нельзя заставлять королеву ждать, — напомнил Рис. — Идти можешь?

— Помогите мне встать, и я пойду.

Дойл и Холод поставили его на ноги.

Гален пошел медленно, походкой ревматика, будто ему было очень больно, но когда ему помогли добраться до двери, дальше он двинулся сам. Раны заживали на глазах, кожа поглощала укусы. Как в кино наоборот или как в кино показывают раскрытие цветка.

Бальзам ускорил этот процесс, но в основном работало его тело. Изумительная машина тела сидхейского воина. Через несколько часов от укусов не останется и следа, через несколько дней он восстановится полностью. Через несколько дней мы с Галеном сможем загасить пылающий между нами жар. Но сегодня будет кто-то другой. Я посмотрела на трех остальных почти взглядом собственника, как заходишь на кухню и ищешь на полках взглядом любимое лакомство. Никто из них не был судьбой хуже пытки. Весь вопрос в том, кто это будет. Как выбрать из прекрасных цветов, если о любви речь не идет? Я понятия не имела. Может, стоит бросить монету?

Двери, открывающиеся от фонтана пыток, вели в просторную приемную. Там было полутемно. Рассеянный свет казался очень тусклым и серым. Что-то хрустнуло под ногой, я посмотрела вниз и увидела листья. Весь пол покрыт мертвой листвой. Я подняла глаза вверх и увидела стебли, переплетающиеся над головой, сухие и безжизненные. Листья все свернулись или опали.

Я притронулась к стеблям возле двери, и в них не было ощущения жизни. Я повернулась к Дойлу.

— Розы мертвы, — прошептала я, как будто это была страшная тайна.

Он кивнул:

— Они уже много лет умирали, Мередит, — сказал Холод.

— Умирали, но не умерли, — возразила я.

Эти розы были последней линией обороны Двора. Если бы враги добрались сюда, эти розы ожили бы и убили бы их или попытались бы убить — удушением или шипами. У молодых, растущих пониже роз шипы были как у всякой ползучей розы, но выше, в переплетении стеблей, имелись такие, у которых шипы достигали размера кинжала. Но розы были не только защитой, они были символом, что когда-то под землей существовали волшебные сады. Плодовые кусты и деревья погибли первыми, как говорили мне, потом травы, и теперь — цветы.

Я стала искать в переплетении стеблей какие-нибудь признаки жизни. Но они были сухими и мертвыми. Я послала в стебли вспышку силы и ощутила ответный импульс, все еще сильный, но неясный, ничего похожего на теплую сущность, которая должна была отозваться. Я осторожно тронула пальцами ближайший стебель. Шипы мелкие, но сухие, как прямые булавки.

— Брось ты гладить розы, — сказал Холод. — Есть проблемы поважнее.

Я повернулась к нему, не выпуская розу из пальцев.

— Если розы умрут, умрут по-настоящему, ты понимаешь, что это будет означать?

— Наверное, лучше тебя, — ответил он, — но я понимаю также, что ничего мы не можем сделать с этими розами или с тем, что мощь сидхе угасает. Но если мы не будем беспечны, то у нас есть шанс в эту ночь спасти себя.

— Без нашей магии мы уже не будем сидхе, — сказала я.

Не глядя, я убрала руку и наколола палец о шип. Рука дернулась, шип сломался у меня в коже. Темную занозу легко было увидеть и легко вынуть ногтем. Ранка даже не очень болела, но появилась капелька крови.

— Больно? — спросил Рис.

— Не очень.

В комнате послышалось тяжелое сухое шипение, будто в темноте ползла большая змея. Звук шел сверху, и мы подняли головы. По стеблям прошла дрожь, и сухие листья посыпались дождем, цепляясь за волосы, за одежду.

— Что это? — спросила я.

— Не знаю, — ответил Дойл.

— Так не перейти ли нам в следующую комнату? — предложил Рис.

Его рука потянулась за мечом, которого не было. Но другая рука взяла меня за руку, и он

потянул меня к ближайшей двери, обратно в коридор. Никто из нас не был вооружен, разве что у Дойла еще оставался мой пистолет. А я почему-то была уверена, что пистолет — не то, что нам сейчас нужно.

Остальные встали возле меня живой стеной. Рука Риса легла на ручку двери, и стебли плеснули по двери, как поднимающаяся вода. Рис отпрыгнул, оттолкнув меня от двери и ищущих стеблей. Дойл схватил меня за другую руку, и мы бросились к дальней двери. Мужчины слишком быстро бежали, чтобы я успела за ними на каблуках. Я споткнулась, но их руки не дали мне упасть или остановиться, я едва касалась ногами пола. Холод бежал впереди.

— Быстрее! — бросил он через плечо.

— Спешим, спешим, — буркнул Рис себе под нос.

Я оглянулась назад, на Галена. Он стоял ко мне спиной, защищая тыл — голыми руками и собственным телом. Но колючки его не трогали. Повсюду ощущалось движение, как в гнезде змей, но тонкие сухие щупальца висели над головой, как осьминожки, тянулись ко мне. Пока Дойл и Рис тащили меня дальше в комнату, колючки спустились к моей голове, зацепили волосы, тянулись к нам. Когда Дойл повернулся посмотреть вверх, я увидела у него на лице алый мазок — свежую кровь.

Шипы ввинтились мне в волосы, пытаюсь утащить меня. Я завопила, дернула голову вниз. Рис схватил мои волосы горстью, и вместе мы смогли освободить их от шипов, оставив несколько прядей.

Холод уже открыл дверь. Оттуда мелькнул яркий свет, лица стали поворачиваться к нам — человеческие и не очень.

— Меч, дайте мне меч! — заорал Холод.

Один из стражников двинулся вперед, кладя руку на меч.

Послышался крик:

— Нет! Держи меч при себе!

Голос Кела.

— Ситхни, дай меч! — рявкнул команду Дойл.

Страж у дверей стал вынимать меч из ножен. Холод протянул за ним руку. Стебли хлынули в открытую дверь сухой шелестящей волной. Был момент, когда Холод мог нырнуть в дверь, мог спастись, но он повернулся к нам. Дверь исчезла под жадной налетающей волной шипов.

Рис и Дойл положили меня на пол, Дойл бросил на меня Риса сверху. Вдруг я оказалась под кучей тел. Волнистым шелком мелькнули перед глазами волосы Риса. Я могла смотреть только в щелку между его волосами и рукавом чьего-то плаща. Меня прижали к полу так сильно, что я не только шевельнуться, но и вздохнуть не могла.

Будь там наверху кто-нибудь другой, а не Дойл и Холод, я бы ожидала криков. Сейчас же я только ждала, когда вес станет легче — когда их стащат с меня колючки. Но вес легче не становился.

Я лежала на животе, прижатая к каменному холодному полу, и смотрела сквозь волосы Риса. Рука, пробившаяся за этот занавес, была без одежды и не такая белая, значит, принадлежала Галену.

Кровь застучала у меня в ушах, я слышала пульс собственного тела. Но шли минуты, и ничего не происходило. Мое сердцебиение стало успокаиваться. Я прижала руки к камням пола. Серый камень был гладок почти как мрамор, истерт за много сотен лет проходящими

ногами. Мне почти в ухо дышал Рис. Послышался шорох одежды — кто-то шевелился над нами. Но над всем этим был шорох колючек, низкое постоянное бормотание, как шум моря.

Рис шепнул мне в ухо:

— Можно мне перед смертью получить поцелуй?

— Кажется, мы еще не погибаем, — ответила я.

— Тебе легко говорить. Ты внизу.

Это сказал Гален.

— А что у вас там наверху? Я ничего не вижу.

— Радуйся, что не видишь, — сказал Холод.

— Да что там происходит? — снова спросила я, попытавшись вложить в голос капельку металла.

— Ничего. — Низкий голос Дойла прокатился до дна кучи тел, будто они передали этот бас прямо мне в хребет, как камертон. — И мне это странно.

— Ты разочарован? — спросил Гален.

— Нет, — ответил Дойл. — Но мне любопытно.

Плащ Дойла исчез из виду, и вес вдруг стал меньше.

— Дойл! — крикнула я.

— Не страшись, принцесса. У меня все хорошо.

Еще ослабло давление на спину, но не сильно. Я не сразу сообразила, что это Холод приподнимается, но с кучи пока не слезает.

— Очень интересно, — сказал он.

Рука Галена исчезла из моего поля зрения.

— Что оно делает? — спросил он.

Я не слышала ничьих шагов, но видела Галена, стоящего на коленях. Руками я раздвинула волосы Риса, как две полы занавеса. Холод стоял рядом с Галеном. Только Дойл стоял один с другой стороны. Я видела его черный плащ.

Рис приподнялся, как в позе для отжимания.

— Странно, — сказал он.

Ну все. Я должна видеть.

— Слезь с меня, Рис. Я хочу посмотреть.

Он опустил голову к моему лицу, так что глядел на меня вверх ногами, приподнявшись на руках, но прижимая меня к полу. В другой ситуации я бы сказала, что он это нарочно. Но платье у меня было достаточно легкое, а у него одежда достаточно тонкой, чтобы ясно было: дело не в этом. От вида его трехцветных глаз так близко и вверх ногами почти кружилась голова; и еще было в этом что-то интимное.

— Я — последнее, что находится между тобой и этой большой плохой штукой, — сказал он. — Я слезу, когда Дойл мне прикажет.

Глядя, как шевелятся его губы выше глаз, я почувствовала, что у меня голова начинает болеть, и закрыла глаза.

— Не говори ты вверх ногами, — попросила я.

— Конечно, — сказал Рис, — ты можешь просто посмотреть вверх.

Он убрал голову, встав надо мной на четвереньки, как кобыла, защищающая жеребенка.

Я не стала подниматься, но закинула шею назад. Мне были видны только змееобразные щупальца роз. Они висели над нами тонкими, пушистыми, коричневыми веревками, тихо покачиваясь туда-сюда, как будто на ветру, но ветра не было, а этот пух — это были шипы.

— Что я должна увидеть помимо того, что розы ожили снова?

Ответил Дойл:

— К тебе тянутся только мелкие шипы, Мерри.

— И что это значит? — спросила я.

Черный плащ Дойла придвинулся ближе.

— То, что я не верю, будто они хотят причинить тебе вред.

— А чего еще они могут хотеть? — спросила я.

Говорить, лежа на пузе, из-под стоящего на четвереньках Риса, — это должно было ощущаться очень глупо, но не ощущалось. Мне хотелось, чтобы кто-то или что-то было между мной и шелестом шипов.

— Я думаю... я полагаю, что они могут хотеть глотка королевской крови, — ответил Дойл.

— В каком смысле — глотка? — спросил Гален, опередив меня.

Он снова сидел на полу, и я видела большую часть его торса. На нем засохла капельками и струйками кровь, но укусы почти зажили, оставив только кровь как свидетельство, что раны были. Перед его штанов пропитался кровью, но двигался он уже лучше, менее болезненно. Все заживало.

Если эти колючки вопьются в мое тело, ничего не будет заживать. Я просто погибну.

— Когда-то эти розы пили кровь королевы каждый раз, когда она здесь проходила, — сказал Дойл.

— Это было сотни лет назад, — возразил Холод, — до того, как мы даже думать стали о переезде в земли запада.

Я оперлась на локти.

— Я тысячи раз проходила под этими розами, и никогда они на меня не реагировали, даже когда еще цвели.

— Ты вошла в силу, Мередит, — сказал Дойл. — Земля узнала тебя, когда приветствовала сегодня вечером.

— Что значит — земля узнала ее? — спросил Холод.

Дойл рассказал.

Рис перегнулся заглянуть мне в лицо в том же неуклюжем положении вверх ногами.

— Класс, — заметил он.

Я улыбнулась, но все равно оттолкнула его голову от себя.

— Эта земля теперь признала меня как силу.

— Не только земля, — сказал Дойл.

Он сел рядом с Галеном, привычным жестом раскинув вокруг себя плащ, будто давно носил плащи до пола. Так оно и было.

Теперь мне было видно его лицо. Он был задумчив, будто рассматривал какую-то серьезную философскую концепцию.

— Все это очень увлекательно, — сказал Рис, — но вопрос о том, является ли Мерри избранным кем-то, можно обсудить позже. Сейчас надо ее отсюда вытащить, пока розы ее не съели.

Дойл посмотрел на меня, черное лицо осталось бесстрастно.

— Без мечей у нас очень мало шансов пробиться к любой двери, протащив с собой Мерри живой. Мы-то переживем самое пристальное внимание роз, а она нет. Поскольку важна ее безопасность, а не наша, мы должны найти ненасильственный способ выхода из

этой ситуации. Если к розам применить насилие, они отплатят тем же. — Он взмахнул рукой вверх, неопределенно указывая на вьющиеся стебли. — Они ведут себя по отношению к нам терпеливо, и я предлагаю это терпение использовать, чтобы подумать.

— Земля никогда не приветствовала Кела, и розы тоже к нему не тянулись, — сказал Холод.

Он прополз вокруг меня, чтобы сесть рядом с Дойлом. Кажется, он не так доверял терпению роз, как Дойл. В этом я была с ним согласна. Я никогда не видела, как розы движутся, разве что чуть дергаются. Я слыхала рассказы, но никогда не думала лично это увидеть. Мне часто хотелось видеть эту комнату, покрытую цветущими ароматными розами. Поосторожнее надо быть в желаниях. Конечно, цветов здесь не было, только шипы. Это не совсем то, чего мне хотелось.

— Если на кого-нибудь нацепить корону, это еще не значит, что он способен править, — произнес Дойл. — В старые дни магия, земля выбирали нам короля или королеву. Если магия отвергала их, если земля не признавала их своими, то какова бы ни была их королевская кровь, надо было выбирать нового наследника.

Я вдруг как-то особенно почувствовала, что они смотрят на меня. Я обвела их взглядом. Почти с одним и тем же выражением они смотрели на меня, и я с некоторым испугом подумала, что, кажется, я знаю, что у них на уме. Нарисованная у меня на спине мишень росла и росла.

— Я не являюсь несомненной наследницей.

— Королева тебя ею сделает сегодня, — ответил Дойл.

Я посмотрела в темнокожее лицо, попыталась прочесть выражение глаз — черных, как вороново крыло.

— Чего ты хочешь от меня, Дойл?

— Во-первых, давай посмотрим, что будет, если Рис откроет путь для шипов. Если они отреагируют бурно, больше не будем дергаться. В конце концов, другие стражи нас выручат.

— Мне сдвинуться? — спросил Рис.

— Да, будь добр, — кивнул Дойл.

Я ухватила за обе руки Риса, удерживая его над собой.

— А что будет, если розы на меня навалятся и постараются разорвать на части?

— Тогда мы упадем на тебя сверху, и розам придется справиться с нами, чтобы добраться до твоего белого тела.

Голос Дойла звучал отстраненно, обыденно и все же заинтересованно. Таким голосом он разговаривал при Дворе прилюдно, когда не хотел, чтобы кто-нибудь догадался о его мотивах. Голос, отточенный столетиями разговора с королевскими особами, которые зачастую бывали не вполне в здравом рассудке.

— И почему мне это так не нравится? — спросила я.

Рис снова опустил лицо вверх ногами.

— А каково, ты думаешь, мне? Я пожертвую этим любимым телом как раз тогда, когда появилась надежда, что кто-то его оценит.

Я не могла не улыбнуться.

Он улыбнулся мне вверх ногами, как Чеширский Кот.

— Если ты отпустишь мои руки, — сказал он, — я обещаю тебе накрыть тебя собой при первом намеке на опасность. — Улыбка стала шире. — Я даже готов накрывать тебя своим теплом — с твоего разрешения — при любой возможности.

Невозможно было не улыбнуться в ответ. Если меня сейчас разорвет на части, то это можно вытерпеть и с улыбкой. Я отпустила его руки.

— Слезай с меня, Рис.

Он нежно поцеловал меня в лоб и встал.

Я осталась лежать на полу одна. Перевернулась набок, глядя вверх. Все они стояли надо мной, но только Рис на меня смотрел. Остальные — вверх, на шипы.

Они покачивались над нами, будто танцевали под музыку, которой мы не слышали.

— Кажется, они ничего не собираются делать, — сказала я.

— Попробуй встать. — Дойл протянул мне руку.

Я посмотрела на эту абсолютно черную руку с бледными, почти молочно-белыми ногтями. Потом посмотрела на Риса:

— Значит, ты бросишься на меня при первом же намеке на опасность?

— Быстрее кролика, — ответил он.

Я перехватила взгляд, который бросил на Риса Гален. Не слишком дружелюбный взгляд.

— Я слышал, что про тебя такое рассказывают, — сказал он. — Что ты быстр.

— Если хочешь в следующий раз оказаться внизу — прошу, — ответил Рис. — Я лично предпочитаю сверху.

В этих игривых словах был какой-то яд, и Рис тоже не был особо дружелюбен.

— Дети! — произнес Дойл с легким предупреждением.

Я вздохнула:

— Объявление еще не сделано, а уже начинаются петушинные бои. А ведь Рис с Галеном еще из самых разумных.

Дойл слегка поклонился, его рука оказалась в дюймах надо мной.

— Будем решать проблемы по одной, принцесса. Поступать по-другому — значит рухнуть под их грузом.

Глядя в его черные глаза, я подала ему руку. Уверенной и невероятно сильной рукой он поднял меня на ноги чуть ли не быстрее, чем я встала сама. Я даже покачнулась, и пришлось ухватиться за него покрепче, чтобы не упасть. Другой рукой он поддержал меня за руку выше локтя. Какой-то миг это было очень близко к объятию. Я посмотрела на Дойла. На его лице не было даже намека, что он поступил так нарочно.

Колючки над головой яростно зашипели. Вдруг оказалось, что я смотрю вверх, цепляясь за Дойла двумя руками, но не для поддержки — от испуга.

— Может быть, тебе следует отдать нам ножи, которые у тебя с собой, чтобы двинуться дальше? — спросил он.

Я глянула на него:

— Насколько дальше мы собираемся двигаться?

— Розы желают отпить твоей крови. Они должны коснуться тебя на запястье или еще где-нибудь, но обычно — на запястье.

Мне это не понравилось.

— Я не помню, чтобы снова предлагала дать кровь.

— Сначала ножи, Мередит, пожалуйста, — попросил он.

Я посмотрела на нависшие колючки. Один тонкий стебель спустился ниже других. Я отпустила Дойла и запустила руку под лифчик, чтобы вытащить нож. Вынула, раскрыла. Холод был удивлен, и не слишком приятно. Рис тоже был удивлен, но приятно.

— Я не знал, что можно спрятать такое оружие под такой легкой одеждой, — сказал

Холод.

— Может быть, нам не придется защищать ее в таком объеме, как я думал, — заметил

Рис.

Гален достаточно хорошо был со мной знаком и знал, что при Дворе я всегда вооружена.

Отдав нож Дойлу, я задрала юбку. В этот момент я почувствовала общее мужское внимание как тяжесть на коже. И подняла глаза на них. Холод отвернулся, будто смутившись. Но остальные таращились на мою ногу, на лицо. Я знала, что они видали и больше голого тела, и более длинные ноги.

— Если будете так внимательно на меня смотреть, я застесняюсь.

— Мои извинения, — сказал Дойл.

— Почему вдруг такое внимание, джентльмены? Вы видали придворных дам еще более обнаженными.

Я подняла юбку выше, до подвязки. Они следили за каждым движением, как кот за птицей в клетке.

— Но придворные дамы для нас недосыгаемы. Ты — другой случай, — сказал Дойл.

А, вот что. Я вынула нож из-за подвязки и отпустила юбку на место. Они проводили подол глазами. Я люблю мужское внимание, но такое пристальное несколько нервировало. Если я доживу до утра, мы с ними об этом поговорим. Но, как сказал Дойл, будем решать проблемы по одной, чтобы не рухнуть под их грузом.

— Этот нож кому?

Три бледные руки протянулись одновременно. Я посмотрела на Дойла. В конце концов, он же капитан стражи. Он кивнул, будто одобряя мое решение предоставить выбор ему. Я знала, кто мне здесь больше других нравится, но не знала, кто лучше владеет ножом.

— Отдай его Холоду, — сказал Дойл.

Я протянула нож рукоятью вперед. Холод взял его, слегка поклонившись. Я впервые заметила, что у него на красивой рубашке видны следы крови. Наверное, прижался к ранам на спине Галена. Рубашку надо замочить, или пятна останутся.

— Я понимаю, что Холод сегодня стоит пристального взгляда, но ты отвлекаешься, Мерри, — сказал Дойл.

— Да, ты прав, — кивнула я.

И посмотрела на нависшие лианы. Под ложечкой засосало, руки похолодели. Я боялась.

— Протяни запястье самой нижней лозе. Мы тебя будем защищать до последнего нашего вдоха. Ты это знаешь.

Я кивнула:

— Знаю.

Я действительно это знала. Я даже в это верила, и все же...

Мой взгляд, следуя по лианам, уходил вверх, в полумрак. Переплетения стеблей толщиной с мою ногу извивались и сплетались, как узлы морских змей. Были там и колючки размером с мою ладонь, поблескивающие в тусклом свете.

Я опустила глаза на тонкие маленькие шипы лианы прямо над головой. Они были маленькие, но их было много — как щетинистая броня из иголок.

Я вдохнула, выдохнула. Потом стала медленно поднимать руку, сжатую в тугий кулак. И едва успела поднять ее на уровень лба, как лиана нырнула вниз, точно змея в нору. Обвила мне руку, и шипы впились в кожу как крючок в рыбью пасть. Боль была резкой и

немедленной, она опередила первую струйку крови. Кровь потекла по руке прикосновением ласкающих пальцев. Мелкий алый дождичек полился вниз по руке густо и медленно.

Гален навис надо мной, руки его трепетали, будто он хотел до меня дотронуться, но боялся.

— Этого хватит? — спросил он.

— Явно нет, — ответил Дойл.

Я посмотрела туда, куда смотрел он, не отрываясь, и увидела второе тонкое щупальце над головой. Оно остановилось, как остановилось первое, — ожидая. Ожидая моего приглашения подойти ближе.

Я посмотрела на Дойла:

— Ты шутишь!

— Эта штука очень давно не ела, Мередит.

— Тебе приходилось выдерживать боль похуже, чем несколько колючек, — сказал Рис.

— Тебе даже это нравилось, — напомнил Гален.

— Контекст был другой, — возразила я.

— Контекст — это все, — произнес он тихо.

Что-то было в его голосе, но у меня не было времени разбираться.

— Я бы на твоём месте дал вторую руку, но я не наследник, — сказал Дойл.

— Я тоже пока что.

Лиана придвинулась ближе, щекоча мне волосы, как любовник, лаской подбирающийся к земле обетованной. Я протянула другую руку, сжав кулак. С голодной быстротой лиана обернулась вокруг запястья. Шипы вонзились в кожу. Лиана сдавила сильнее, и я зашипела сквозь зубы. Рис был прав — я выдерживала боль посильнее, но любая боль — совершенно оригинальна, не похожая на другие пытка. Лианы натянулись, увлекая мои руки вверх. Колючек было столько, будто какой-то зверек пытался прогрызть мне руки насквозь.

Кровь стекала по рукам тонким непрерывным дождиком. Сперва я ощущала каждую струйку отдельно, но потом кожа потеряла чувствительность. Все внимание отвлекалось на боль в запястьях. Лианы подняли меня на цыпочки, только их хватка не давала мне упасть. Резкая боль начала сменяться жжением. Это не был яд, это мое тело реагировало на раны.

Издали я услышала голос Галена:

— Дойл, хватит.

Только когда он заговорил, я поняла, что зажмурилась. Зажмурилась и отдалась боли, потому что только приняв ее, я могла подняться над ней, пройти сквозь нее, туда, где нет боли, где я плаваю в море черноты. Голос Галена вернул меня в реальность, в мучительный поцелуй шипов и ручейки собственной крови. Тело дернулось от внезапности, и колючки ответили на этот рывок, дернув меня вверх, оторвав от пола.

Я закричала.

Кто-то поймал меня за ноги, поддерживая мой вес. Я заморгала, увидела, что держит меня Гален.

— Дойл, хватит!

— Из королевы они никогда столько не пили, — заметил Холод. Он подошел к нам, держа в руке мой нож.

— Если перерезать лианы, они на нас нападут, — сказал Дойл.

— Что-то надо делать! — воскликнул Рис.

Дойл кивнул.

Рукава жакета у меня пропитались кровью. Я смутно подумала, что лучше было бы надеть черное. На нем не так выступает кровь. Голова кружилась, в ушах звенело. Надо бы остановить кровопотерю, пока не начало тошнить. Ничего нет хуже тошноты от потери крови. Двигаться невозможно от слабости, а хочется, невыносимо хочется вывернуть содержимое желудка на пол. Страх постепенно сменялся легким, почти сверкающим ощущением, будто мир заволакивало туманом.

Я была опасно близка к обмороку. Хватит с меня этих шипов, Я попыталась сказать "хватит", но звука не получилось. Я сосредоточилась, пыталась заставить губы двигаться, и они двинулись, образовали слово, но звука не было.

Потом звук появился, но это не был мой голос. Лианы зашипели и зашевелились над головой. Я посмотрела вверх — голова беспомощно откинулась. Лианы клубились надо мной черным морем веревок. Колючки вокруг запястий с резким шипением потянулись вверх. Только руки Галена удержали меня, не дали втянуть в гнездо шипов. Лианы тянули, Гален держал, кровь текла из запястий.

Я завопила. Вопила единственное слово:

— Хватит!

Лианы затряслись, затрепетали у меня на коже. Вдруг комнату заполнили падающие листья. Сухой коричневый снег полетел по воздуху. Послышался резкий острый запах, как от осенней листвы, а под ним, второй волной, густой аромат сырой земли.

Шипы опустили меня на землю. Гален взял меня на руки, принял, когда лианы медленно опустили меня. И руки Галена, и лианы были странно нежны, если могут быть нежными зубы, пытающиеся отгрызть тебе руку.

Удар о стену распахнувшейся двери был для меня первым признаком, что розы отодвинулись от дверей.

Гален держал меня на руках, а лианы еще держали мне руки над головой, когда мы все повернулись на свет от двери.

Он казался ярким, ослепительным, с легкой дымкой на краях. Я знала, что свет кажется ярким только после мрака, и подумала, что дымка — это мое ослабевшее зрение, но тут из этого дыма вышла женщина, и из пальцев ее поднимался дым, будто каждый бледно-желтый палец был задутой свечой.

Ффлур вошла в комнату, одетая в непроглядно-черное платье, от которого ее кожа приобретала оттенок желтого нарцисса. Соломенные волосы развевались вокруг платья сверкающим плащом, который трепало ветром ее собственной силы.

По обе стороны от нее ввалились стражи. У некоторых было оружие, другие бросились с голыми руками. Было двадцать семь мужчин в страже королевы и столько же женщин в страже короля, которые сейчас подчинялись Келу, так как короля не было. Пятьдесят четыре воина, и менее тридцати ворвались в двери.

Даже на грани обморока я попыталась запомнить лица, запомнить, кто поспешил на помощь, а кто отсиживался в безопасности. Любой страж, который в эту дверь не вошел, потерял все шансы на мое тело. Но я не могла разглядеть лиц. Поток новых фигур хлынул из-за спин стражи, и все они были намного ниже и куда меньше похожи на людей.

Пришли гоблины.

Гоблины не принадлежат Келу. Это было у меня последней мыслью перед тем, как все поглотила темнота. Я провалилась в благословенную тьму, как проваливается в глубокую воду камень, который может только падать и падать, потому что дна нет.

В темноте был свет. Белая точка; она плыла ко мне, разгораясь ярче и ярче. Уже стало видно, что это не свет, а белое пламя. Через тьму летел шар белого огня, летел ко мне, и я не могла от него уклониться, потому что тела у меня не было. Я была — что-то, плавающее в прохладной мгле. Огонь омыл меня, и у меня появилось тело. Появились кожа и мышцы, кости и голос. Меня обдало зноем, мышцы закипели, стали лопаться от жара. Огонь вгрызался в кости, наполнял жилы расплавленным металлом и выдирался из меня, выворачивая наизнанку.

Я пришла в сознание от собственного крика.

Надо мной склонился Гален. Только его лицо и удержало меня от безумной паники. Он держал на коленях мою голову, гладил по лбу, отводил волосы с лица.

— Все в порядке, Мерри, все в порядке.

В его глазах стояли слезы, сверкая зеленым стеклом.

Ко мне наклонилась Ффлур.

— Неудачное приветствие приношу я тебе, принцесса Мередит, но, повинуюсь королеве, я должна.

В переводе это означало, что она вызвала меня из тьмы, заставила очнуться — по приказу королевы. Ффлур была из тех, кто очень старается жить так, будто нынешний год не выражается четырехзначным числом. Ее гобелены выставлялись в музее искусств Сент-Луиса. Их фотографии и описания появлялись как минимум в двух крупных журналах. Ффлур отказывалась видеть эти статьи, и ни при каких обстоятельствах нельзя было бы ее уговорить пойти в музей. Она отказывалась от интервью на телевидении, в газетах и в упомянутых журналах.

Только со второй попытки я смогла заставить свой голос произнести что-то, отличное от стога.

— Это ты освободила дверь от роз?

— Я, — ответила она.

Я попыталась улыбнуться ей, но это не очень получилось.

— Ты многим рисковала, Ффлур, чтобы помочь мне. Тебе не за что извиняться.

Она посмотрела на окружающие нас лица. Приложив палец мне ко лбу, она промыслила только одно слово: "Потом". Она хотела поговорить со мной позже, но не хотела, чтобы кто-нибудь знал. Помимо прочих своих талантов, она была целительница. Тем же жестом она могла проверить состояние моего здоровья, так что вряд ли кто-нибудь что-нибудь заподозрил.

Я не рискнула даже кивнуть. Лучшее, что я могла сделать, — глядеть в ее черные глаза, резкий контраст со всей этой желтизной, такой резкий, что они были похожи на глаза куклы. Я смотрела в эти глаза и пыталась взглядом сказать, что поняла ее. Я еще не видела тронного зала, а уже по шею увязла в придворных интригах. Обычное дело.

В облаке кожи и вина надо мной склонилась тетя. Она взяла меня за правую руку, погладила ее, размазывая кровь по своим кожаным перчаткам.

— Дойл мне рассказал, что ты уколола палец о шип, и розы внезапно ожили.

Я посмотрела на нее, пытаюсь понять выражение ее лица, и не поняла. Запястья горели острой болью, которая, казалось, проникает до самых костей. Пальцы королевы играли

поверх свежих ран, и каждый раз, когда кожа перчаток задевала рану, я дергалась.

— Да, я уколола палец. Что же заставило розы ожить, каждый может гадать сам.

Она взяла мою руку обеими своими, на этот раз бережно, глядя на раны с выражением... удивления на лице.

— Я уже поставила крест на наших розах. Еще одна утрата в море утрат.

Она улыбнулась, и улыбка казалась искренней, но я видела, как она с такой же улыбкой пытается кого-нибудь у себя в покоях. То, что улыбка искренняя, еще не значило, что ей можно верить.

— Я рада, что тебе приятно, — сказала я как можно более осторожным голосом.

Тут она засмеялась, прижимая обе руки к ранам. Я вдруг отчетливо ощутила каждый шов перчаток, вдавившихся мне в кожу. Она давила медленно и ровно, пока я слегка не застонала от боли. Это ей, по-видимому, понравилось, и она отпустила меня и встала с шелестом юбок.

— Когда Ффлур перевяжет тебе раны, можешь идти к нам в тронный зал. Я с нетерпением жду тебя возле своего трона.

Она повернулась, и толпа раздалась перед ней, образовав туннель света, который вел в тронный зал. Эймон вышел из толпы черной кожаной тенью, чтобы предложить ей руку.

Протолкавшись мимо черных юбок Ффлур, надо мной склонился маленький гоблин с кольцом глаз на лбу, похожим на ожерелье. Он стрельнул глазами на меня, на нее, на меня, снова на нее, но на что он на самом деле смотрел — это на кровь. Маленький гоблин, едва ли двух футов ростом. Кольцо глаз делало его красавчиком по гоблинским меркам. Они действительно называли такое расположение "ожерелье глаз" и произносили это таким тоном, каким люди говорят о больших грудях или тугой заднице.

Королева может думать о розах все, что ей хочется. Я не верила, что капелька моей крови могла вдохнуть жизнь в умирающие розы. Да, я верила, что королевская кровь спасла меня, но первое нападение... Я подозревала еще одно заклинание, спрятанное среди колючек. Вполне возможно, для кого-то, у кого хватит силы и умений.

Враги у меня есть. Что мне нужно, так это друзья — союзники.

Я уронила руку с бедра, будто потеряла сознание. Свежая рана была в дюймах от рта маленького гоблина. Он дернулся вперед и лизнул рану шершавым языком, как у кошки. Я тихо застонала, и он сжался.

Гален махнул на него рукой, как прогоняют докучливую собаку. Но Ффлур схватила гоблина за загривок.

— Жадное брюхо, что означает подобная дерзость?

Она готова была отшвырнуть его прочь.

Я остановила ее:

— Нет. Он отведал моей крови без разрешения. Я требую возмещения за подобную наглость.

— Возмещения? — переспросил Гален.

Ффлур держала гоблина. Взгляд всех его глаз метался туда-сюда.

— Ничего не означает, ничего. Простите, простите, я больше не буду!

У него были две главные руки и еще две мелкие, с виду бесполезные. Все четыре дергались, сплетая и расплетая когтистые пальчики.

Холод взял гоблина у Ффлур, поднял обеими руками вверх. Моего ножа у него в руках не было. Надо будет не забыть взять у него нож обратно. Но сейчас не до того.

— Я должна перевязать тебе раны, — сказала Ффлур, — иначе ты потеряешь больше крови. Я передала тебе немного своей силы, но тебе это не понравилось, и второй раз тебе вряд ли захочется.

Я покачала головой:

— Пока нет.

— Мерри, — сказал Гален, — пусть она тебя перевяжет.

Я посмотрела на его такое заботливое лицо. Он был воспитан при Дворе, как и я. И должен был понимать, что сейчас не время возиться с ранами. Время действовать. Я посмотрела ему в лицо — не в его красивое, открытое лицо, не на светло-зеленые локоны, не на его улыбку, от которой озарялось все лицо, — я посмотрела так, как, наверное, посмотрел однажды отец, когда решил дать мне в консорты кого-нибудь другого. У меня не было времени объяснять вещи, о которых Галену следовало подумать самому. Я поискала глазами в толпе, которая глазела на меня, как зеваки на автомобильную аварию, — только эти были лучше одеты и более экзотичны.

— Где Дойл?

Справа в толпе началось движение, и Дойл вышел вперед. Я смотрела на него, лежа на полу, и он показался мне очень высоким. Колонна в черном плаще, и только павлиньи перья в ушных кольцах немного ослабляли пугающее впечатление. Выражение его лица, расправленные под плащом плечи — все это был прежний Дойл. Мрак королевы стоял возле меня, и цветные перья казались совершенно неуместными. Он был одет для пира, а оказался в гуще битвы. Его лицо было непроницаемо, но само отсутствие выражения говорило, что он недоволен.

Вдруг я себя снова ощутила шестилетней и слегка напуганной этим высоким черным мужчиной, который стоял рядом с тетей. Но сейчас он не был рядом с ней. Он был рядом со мной. Я опустила обратно на колени Галена, и мне стало уютно от его прикосновения, но за помощью я обратилась к Дойлу.

— Приведи ко мне Курага, если он хочет выкупить этого вора, — сказала я.

Дойл выгнул дугу черной брови:

— Вора?

— Он пил мою кровь без разрешения. Хуже этого у гоблинов считается только кража плоти.

Рис присел с другой стороны от меня:

— Я слышал, что гоблины много плоти раскидывают при сексе.

— Только если это оговорено заранее, — ответила я.

Гален наклонился надо мной, прошептал прямо мне в кожу:

— Если ты ослабеешь от потери крови и не сможешь ни с кем сегодня спать... — Он дотронулся до моего лица. — Я не знаю, смогу ли я спокойно смотреть на тебя в одном из ее секс-шоу. Тебе надо сохранить силы, чтобы сегодня переспать с кем-нибудь, Мерри. Пусть Ффлур перевяжет тебе раны.

Его лицо размыто висело где-то сбоку, губы розовым облаком клубились возле моей шеи. Не то чтобы он был не прав, он просто недостаточно далеко вперед продумывал.

— У меня есть лучшее применение для собственной крови, чем пропитывать бинты.

— О чем это ты? — спросил Гален.

Ответил Дойл:

— Все, что исходит из тела, гоблины ценят выше драгоценностей или оружия.

Гален посмотрел на него, опустил руку к моим ранам. Его грудь качнула мне голову, когда он вздохнул.

— И при чем тут Мерри?

Но в его голосе что-то выдавало, что он знает ответ.

Черные глаза Дойла повернулись от меня к Галену. Он в упор посмотрел на молодого стража.

— Ты слишком юн, чтобы помнить гоблинские войны.

— И Мерри тоже.

Черные глаза повернулись снова ко мне.

— Она юна, но она знает историю. — Он снова повернулся к Галену. — А ты знаешь историю, молодой Ворон?

Гален кивнул. Он подтянул меня к себе на колени, подальше от Ффлур, подальше от всех. Он прижимал меня к себе, держал за руки, и моя кровь окрашивала его.

— Я помню историю. Просто мне это не нравится.

— Все будет хорошо, Гален, — сказала я.

Он посмотрел на меня и кивнул, но так, будто не верил.

— Приведи мне Курага, — сказала я Дойлу.

Он посмотрел на ожидающую толпу:

— Ситхни, Никка, приведите царя гоблинов.

Ситхни повернулся в вихре длинных каштановых волос. Темно-лиловые волосы Никки я не видела, а бледный промельк его сиреневой кожи был бы замечен среди белой и черной кожи придворных. Но раз Дойл его позвал, значит, он здесь.

Толпа расступилась, и появился Кураг бок о бок со своей царицей. Гоблины, как и сидхе, считают своих консортов товарищами по оружию, а не слабаками, которых надо прятать от опасности. У царицы было столько глаз, разбросанных по лицу, что она была похожа на большого паука. Широкий безгубый рот скрывал клыки, которые любому пауку сделали бы честь. У некоторых гоблинов в теле есть яд, и я готова была ручаться, что новая царица Курага из этой породы. Глаза, яд и гнездо рук вокруг тела как клубок змей делал ее почти совершенством гоблинской красоты, хотя она могла похвастаться только одной парой сильных кривых ног. Дополнительные ноги среди гоблинов — красота очень редкая. Кеелин просто не ценит своего счастья.

У царицы гоблинов был довольный вид, говоривший, что вот женщина, которая знает себе цену и не продешевит. Гнездо рук липло к телу Курага, поглаживая, лаская. Одна пара рук сунулась ему между ног, поглаживая через штаны. Факт, что она сочла нужным делать нечто столь явно сексуальное при представлении мне, говорил, что она считает меня соперницей.

Мой отец настаивал, чтобы я хорошо знала гоблинами двор Мы много раз бывали у них при дворе, а они навещали нас Отец говаривал: "В основном на наших войнах воюют гоблины Они — костяк нашей армии, а не сидхе". Это было так со времен последней гоблинской войны, когда был заключен договор действовавший между нами. Кураг был так накортке с моим отцом, что даже попросил моей руки, то есть чтобы я стала его спутницей. Остальные сидхе были смертельно оскорблены кое-кто даже поговаривал о войне. Гоблины же его стремление к невесте столь человекоподобного вида расценили как верх извращения и за его спиной поговаривали насчет поисков нового царя. Но некоторые гоблины видели выгоды того, чтобы царица была сидхейской крови. Потребовались некоторые

дипломатические усилия, чтобы не допустить ни войны, ни моей свадьбы с гоблином. И вскоре после этого было объявлено о моей помолвке с Гриффином.

Кураг навис надо мной. Кожа у него была желтоватая, как у Ффлур. Но вместо идеальной гладкости, похожей на полированную слоновую кость, Кураг был весь покрыт бородавками и буграми, и каждая такая неровность считалась признаком красоты. Из одного большого бугра на плече высывался глаз. "Блуждающий глаз" — называлось такое у гоблинов, потому что глаз ушел с лица. Мне в детстве очень нравился этот глаз. Нравилось, как он движется независимо от лица, от трех других глаз, украшавших резкие, широкие черты. Глаз на плече был фиалковый и с длинными черными ресницами. А над правым соском находился рот с полными красными губами и белыми зубками. Эти губы облизывал тонкий розовый язык, и рот дышал. Если приложить перышко, рот будет сдувать его вверх снова и снова. Пока отец и Кураг беседовали, я развлекалась, наблюдая за этим глазом, ртом и двумя тонкими ручками, которые торчали у Курага справа по обе стороны ребер. Мы и в карты играли — я, этот глаз, этот рот и эти руки. И я думала, что Кураг очень умный, раз у него получается делать такие различные вещи все сразу.

Чего я не знала, пока не выросла, — это что у него ниже пояса была еще пара ножек, дополненная небольшим, но вполне функциональным пенисом. У гоблинов понятия об уходе довольно грубые, сексуальная доблесть у них в большом почете. Когда я не выразила энтузиазма по поводу предложения Курага, он сбросил штаны и показал основной и вспомогательный приборы. Мне тогда было шестнадцать, и я до сих пор помню свой ужас, когда осознала, что в теле Курага заключено иное существо. Существо с достаточным разумом, чтобы играть в карты с ребенком, когда Кураг на это не обращает внимания. В нем сидела целая личность. Личность, которая, будь генетика к ней милостивее, могла бы соответствовать этому красивому фиалковому глазу.

После этого мне всегда было неудобно в присутствии Курага. Дело было не в его предложении и не в зрелище его выдающейся мужественности, немедленно вытянувшейся во фронт.

Дело было во втором его пенисе, большом и раздутом, независимом от Курага и жаждущем меня. Когда я отвергла их — да, именно их, — фиалковый глаз уронил одинокую слезу.

Меня потом неделями мучили кошмары. Дополнительные конечности или органы — это прикольно, но целая дополнительная личность, по кускам заключенная в ком-то другом... нет, это даже словами не выразить. Этот второй рот умел дышать, значит, явно имел доступ к легким, но был лишен голосовых связок. Не знаю, то ли это благословение, то ли последнее проклятие.

— Приветствую Курага, царя гоблинов. Приветствую и близнеца Курага, плоть царя гоблинов.

Тонкие ручки на боку груди царя помахали мне. Я взяла себе правило приветствовать их с того вечера, как поняла, что личность, с которой я играла в карты и в глупые игры вроде сдувания перышка, на самом деле совсем не была Курагом. Насколько мне известно, только я одна здоровалась с ними обоими.

— Мередит, принцесса сидхе, мы оба приветствуем тебя.

Оранжевые глаза смотрели на меня — один, побольше других, как у циклопа, сидел над обоими другими посередине. Смотрел он на меня так, как смотрит любой мужчина на женщину, которую он хочет. Такой наглый, такой откровенный взгляд, что Гален подо мной

напрягся. Рис поднялся и встал рядом с Дойлом.

— Твое внимание делает мне честь, царь Кураг, — сказала я.

Среди гоблинов считается оскорблением, если мужчины не таращатся на чужую женщину. Это значит, что она уродина бесплодная, не стоящая вожделения.

Царица, не убирая рук от Курага, сместила одну из них к боку, где, как я знала, находился второй набор гениталий. Россыпь ее глаз смотрела на меня сердито, а руки обрабатывали гениталии. Дыхание Курага вырывалось резкими выдохами из обоих ртов.

Если мы не поспешим, то увидим, как царица доведет его — их обоих — до оргазма. Гоблины ничего плохого не видят в сексе на публике. Это среди мужчин считается у них признаком силы — кончить несколько раз за время пира, и женщина, которая может этого добиться, ценится. Конечно, и мужчина-гоблин, который может долго выдерживать женское внимание, ценится среди женщин этой расы. Если у гоблина есть сексуальные проблемы вроде преждевременной эякуляции или импотенции, а у женщин — фригидности, то об этом знают все. Ничего не скрывается.

Глаза Курага взглянули на маленького гоблина в руках стража. Учитывая, как сосредоточилось его внимание, царица могла бы с тем же успехом быть в соседней комнате.

— За что схвачен один из моих подданных? — спросил Кураг.

— Здесь не поле боя, а я не мертвечина, — ответила я.

Кураг заморгал. Глаз на плече моргнул на секунду-другую позже остальных. Кураг повернулся к маленькому гоблину.

— Что ты сделал?

— Ничего, ничего, — залопотал малыш.

Кураг повернулся ко мне:

— Расскажи ты, Мерри. Этот врет, как дышит.

— Он пил мою кровь без моего разрешения.

Глаза моргнули снова.

— Это серьезное обвинение.

— Я хочу возмещения за украденную кровь.

Кураг вынул из-за пояса нож:

— Ты хочешь его крови?

— Он пил кровь царственной принцессы Высшего Двора сидхе. Ты серьезно полагаешь, что его низкая кровь — справедливое возмещение за это?

Кураг посмотрел на меня:

— А какое возмещение будет справедливым? — спросил он с подозрением.

— Твоя кровь — за мою.

Кураг оттолкнул от себя руки царицы. Она тихо вскрикнула, и ему пришлось ее отпихнуть так, что она села на задницу. Он даже не посмотрел на нее — не сильно ли она ударилась.

— Делиться кровью — у гоблинов это значит многое, принцесса.

— Я знаю, что это значит.

Кураг прищурил все свои желтые глаза.

— Я могу просто подождать, пока ты потеряешь столько крови, что на самом деле станешь падалью.

Его царица подобралась к нему поближе:

— Я могу ускорить этот процесс.

В руках у нее был нож длиной с мой локоть. Лезвие тускло блеснуло.

Кураг обернулся к ней и рявкнул:

— Не лезь не в свое дело!

— Ты будешь делиться кровью с ней, а она не царица. Это мое дело!

Она ткнула ножом прямо в него. Лезвие мелькнуло серебряной полосой настолько быстро, что глаз не успевал уследить.

Кураг успел лишь отмахнуться рукой, чтобы нож не воткнулся в тело. Лезвие распороло ему руку алым всплеском. Другая рука ударила царицу в лицо наотмашь. Раздался резкий хруст сломанных костей, и она второй раз села на задницу. Нос ее лопнул, как переспелый помидор. Два зуба между клыками вылетели прочь. Если изо рта и пошла кровь, ее не было видно за потоком, хлынувшим из носа. Глаз, ближайший к носу, вывалился из разбитой орбиты и повис на щеке, как шарик на ниточке.

Кураг наступил ногой на нож и ударил ее еще раз. Она свалилась набок и осталась лежать. Не одна была причина, по которой я не хотела выходить за Курага.

Он наклонился над упавшей царицей. Толстые пальцы проверили, дышит ли она еще, бьется ли еще сердце. Кивнув сам себе, он поднял ее на руки и прижал к груди нежно, бережно. Потом рявкнул какой-то приказ, и сквозь толпу протолкался здоровенный гоблин.

— Отвези ее в наш холм. Проследи, чтобы ей обработали раны. Если она умрет, твоя голова будет на шесте.

Глаза гоблина глянули в лицо царя — и опустились. Но в какой-то миг у него на лице читался неприкрытый страх. Царицу избил почти до смерти сам царь, но если она умрет, виноват будет гоблин-страж. Таким образом, царь будет чист от обвинений и сможет выбрать себе новую царицу сразу же. Если бы он просто убил ее на глазах стольких знатных свидетелей, его могли бы заставить отказаться от трона или от жизни. Но она вполне была жива, когда он бережно переложил ее на руки шестерке. Если она умрет, руки короля останутся чисты от крови — метафорически.

Хотя маловероятно, чтобы царица гоблинов умерла. Гоблины — народ живучий.

Второй страж-гоблин, пониже и пошире первого, взял у Курага нож царицы и последовал за первым сквозь толпу. Кураг будет в своем праве казнить их обоих, если царица не выживет. Одно из первых знаний, которые приобретают царственные особы, — это как переложить вину на другого. Переложить вину и сохранить голову. Очень похоже на сложную игру с Королевой Червей из "Алисы в Стране Чудес". Скажешь не то, не скажешь то — и голову тебе долой. В переносном смысле, а то и в прямом.

Кураг повернулся ко мне:

— Моя царица избавила нас от хлопот открывать мне жилу.

— Тогда давай к делу. Я теряю кровь, — сказала я.

Гален все еще держал меня за руки, и я поняла, что он зажимает раны.

Я взглянула на него:

— Гален, все в порядке. — Он продолжал держать. — Гален, отпусти, пожалуйста.

Он посмотрел на меня пристально, открыл рот, будто собираясь возразить, но ничего не сказал и медленно убрал руки, измазанные моей кровью. Но его давление уменьшило ток крови, а может быть, его прикосновение. Может быть, мне не показалось, что его руки несли прохладу, успокоение.

Он помог мне встать. Мне пришлось оттолкнуть его руки, чтобы стоять самостоятельно. Я расставила ноги, чтобы получше держать равновесие на каблуках, и повернулась к Курагу.

Стоя, я едва доходила ему до груди. Сидхе почти все высокие, но большие гоблины действительно огромны.

Ффлур встала за мной вместе с Галеном, Рисом и Дойлом. Холод стоял в стороне, и малыш-гоблин свисал из его руки. Вокруг нас собралась толпа: сидхе, гоблины, прочие, но я смотрела только на царя гоблинов.

— Хотя я приношу тебе извинения за неучтивость моего подданного, — сказал Кураг, — но я не могу предложить тебе свою кровь, не получая ничего взамен.

Я протянула ему правую руку, а левую — красному рту у него на груди.

— Тогда пей, Кураг, царь гоблинов.

Правую руку я подняла как можно ближе к главному рту. От подъема руки так высоко у меня слегка закружилась голова. Левую руку я поднесла к открытому рту на груди, и эти губы сомкнулись вокруг моего запястья, язык стал вылизывать рану, освежая кровь. Этот язык был мягкий и человеческий, совсем не такой, как кошачий шершавый язык маленького гоблина.

Кураг наклонил голову к моему запястью, тщательно избегая пускать в ход руки. Действовать руками — это было бы грубой и откровенной сексуальной увертюрой. Этот язык был шершавый, как наждак, даже грубее, чем язык маленького гоблина. Он царапнул рану, и я тихо застонала. Рот на груди уже прижался к ране и сосал, как младенец из бутылочки. Язык Курага лизал, пока не пошла ровным потоком свежая кровь. Когда он сомкнул губы, моя рука почти исчезла в них. Болезненно прижались к коже зубы царя, когда он стал засасывать. Рот на груди вел себя куда вежливее.

Губы Курага сомкнулись плотно, и когда я привыкала к сосанию, его зубы вспахивали мне рану, а язык болезненно шлифовал ее. Он работал над раной долго. Как на состязании по питью пива: стараешься вылакать как можно больше и чтобы тебя не вывернуло.

Но наконец, наконец Кураг убрал голову от моей руки. Я отобрала и левую руку от его груди. Губы оставили у меня на коже последний поцелуй, и я отодвинулась.

Кураг раздвинул в улыбке тонкие губы, показав желтые зубы с мазками крови.

— Сделай лучше, принцесса, если сможешь, хотя у меня всегда сидхе оказывались слишком чопорными, чтобы работать языком как следует.

— Не с теми сидхе имел ты дело, Кураг. У меня они все оказывались... — я понизила голос до хриплого шепота и глазам придала соответствующее выражение, — орально одаренными.

Кураг хихикнул, тихо и нехорошо, но с предвкушением.

Меня слегка шатало, но я стояла на ногах, а только это и требовалось. Но мне надо будет вскоре сесть, чтобы не упасть.

— Моя очередь, — сказала я.

Кураг осклабился шире:

— Соси меня, милая Мерри, соси крепко!

Я бы покачала головой, если бы не знала, что от этого она закружится еще сильнее.

— Ты не меняешься, Кураг.

— А зачем? — спросил он. — Ни одна женщина, с которой я спал за последние восемьсот лет, не ушла от меня недовольная.

— Только окровавленная, — сказала я.

Он моргнул, потом снова засмеялся:

— А без крови — какой смысл?

Я постаралась не улыбнуться, но не сдержалась.

— Бахвальство гоблина, который еще даже своей крови не предложил.

Он протянул мне руку. Кровь текла густым красным потоком. Рана, которую он предложил мне, была глубже, чем казалась, — зияющая полоса, как третий рот.

— Твоя царица хотела тебя убить, — сказала я.

Он посмотрел на рану, все еще ухмыляясь:

— Ага.

— А тебе, похоже, приятно.

— А тебе, похоже, принцесса, хочется оттянуть момент, когда ты своим чистеньким ротиком приложишься ко мне.

— Кровь сидхе сладка, кровь гоблинов горька, — произнес Гален.

Есть у нас такая старая поговорка. И неверная.

— Пока кровь красная, она вся для меня одного вкуса, — сказала я и опустила рот к открытой ране.

Я не могла охватить рану ртом, как охватывал мою рану Кураг. Но взять его кровь — это требовало больше, чем простого касания губ. Отнестись к питью крови иначе, как к акту страсти, которым оно должно быть, как к чести, которой оно должно быть, — смертельное оскорбление.

Это особое искусство — сосать кровь из раны столь глубокой. Надо начинать медленно, вработаться в рану. Я стала лизать кожу возле самого мелкого края раны медленными и длинными движениями. Один из приемов, когда пьешь много крови, — глотать часто. Второй — сосредоточиться на каждой задаче отдельно. Я сосредоточилась на том, какая грубая кожа у Курага, на здоровенном шероховатом бугре, который соседствовал с раной как узел в коже. Я изучала этот узел, секунду катала его во рту, что было больше, чем я должна была сделать, но я набиралась мужества перейти к ране. Немножко крови я люблю, немножко боли, но эта рана была глубокая, свежая и несколько излишне... обильная, чтобы быть приятной.

Я еще два раза лизнула неглубокий конец раны и сомкнула над ней губы. Кровь потекла слишком быстро, и мне пришлось судорожно сглатывать, дыша через нос, и все равно слишком еще было много этой сладковатой, с металлическим вкусом жидкости. Слишком много, чтобы не мешала дышать, слишком много, чтобы проглотить. Я чуть не поперхнулась и постаралась думать о чем-нибудь другом, о чем угодно. Края раны были очень чистыми и гладкими. Уже по одному этому было ясно, как остер этот нож. Мне стало бы легче, если бы я могла помочь себе руками, получала информацию от других органов чувств. Я ощущала, как мои руки напрягаются, будто ищут, во что вцепиться. И я не могла подчинить их себе до конца. Что-то надо было делать.

Чья-то рука зацепила мои пальцы, и я схватилась за нее, сжала. Вторая рука повисла в воздухе, но и ее тоже перехватили. Я подумала, что это Гален — по идеальной гладкости тыльной стороны ладони, но сама ладонь и пальцы были в мозолях от меча и щита — слишком грубых для Галена. Эти руки упражняются с оружием дольше, чем Гален живет на свете. Я держалась за них, они отвечали на мое пожатие, держали меня в ответ.

Мой рот мой не отрывался от руки Курага, но внимание я переключила на руки, на силу, что держала меня. Я ощущала, как она удерживает мои руки за спиной, чуть приподнимая, на самом краю боли. Чудесное отвлечение, как раз то, что мне было нужно.

Я с судорожным вздохом оторвалась от раны, наконец-то имея возможность как следует

вдохнуть. Чуть было не закашлялась, но державший меня дернул мне руки кверху, и я снова ахнула вместо этого. Миг прошел, и снова все было в порядке. Опасность оконфузиться, выbleвав всю эту добрую кровь, миновала меня.

Руки, державшие меня, опустились вниз, боль прошла. Теперь я могла просто держаться за них.

— Хм-м, — произнес Кураг. — Отличная работа, Мерри. Ты истинная дочь своего отца.

— Высокая похвала в твоих устах, Кураг.

Я шагнула назад, оступилась. Руки удержали меня, дали опереться на грудь своего владельца. Я, еще не повернувшись, знала, кто это. Дойл смотрел на меня сверху, а я прислонялась к его телу, все еще цепляясь за него руками.

Одними губами я сказала ему:

— Спасибо.

Он чуть кивнул. Он не сделал ни одного движения, чтобы отпустить меня, а я не сделала ни одного движения, чтобы отстраниться. Я страшно боялась, что стоит мне отпустить его руки или шагнуть от него, как я свалюсь. Но дело было еще и в том, что в этот момент я ощущала себя в безопасности. Я знала, что, если я упаду, он меня подхватит.

— Моя кровь в твоем теле и твоя — в моем, Кураг, — сказала я. — Кровное родство между нами до следующей луны.

Кураг кивнул:

— Твои враги — мои враги. Твои любимые — мои любимые. — Он шагнул вперед, навис надо мной, даже над Дойлом. — Кровный союз между нами на одну луну, если...

Я вскинула на него глаза:

— Что значит "если"? Ритуал совершен.

Кураг поднял все три глаза на Дойла.

— Твой Мрак знает, что значит "если".

— Пока что он — Мрак королевы, — сказала я.

Глаза Курага покосились на меня, потом обратно на Дойла.

— Не королеву держит он сейчас за руки.

Я попыталась отодвинуться от Дойла, но он крепче сжал мне руки. Я заставила себя успокоиться и прислониться к нему.

— Не твое дело, за что он меня держит, Кураг.

Кураг прищурился:

— Он — твой новый консорт? До меня дошел слух, что для этого ты вернулась ко Двору — выбрать нового консорта.

Я обернула руки Дойла вокруг моей талии.

— У меня нет консорта. — Я плотнее прильнула к Дойлу. Он на миг напрягся, и потом тело его расслабилось, мышца за мышцей, пока он не стал ощущаться за мной как тяжелое тепло. — Но можно сказать, я присматриваюсь к товару.

— Хорошо, хорошо, — произнес Кураг.

Я ощутила, как снова напрягся Дойл, хотя вряд ли это было заметно со стороны. Чего-то я здесь не понимала. Но что?

— Нет консорта — это значит, что я могу потребовать еще одной вещи, иначе союз разорван.

— Не делай этого, Кураг, — предупредил Дойл.

— Я обращаюсь к праву плоти, — сказал Кураг.

— Он взял твою кровь, притворившись, — произнес Холод. — Он знает, кто твои враги, и боится их.

— Ты называешь Курага, царя гоблинов, трусом? — спросил Кураг.

Холод сунул гоблина, которого держал, под мышку, освободив руку, но в ней пока не было оружия.

— Да, я называю тебя трусом... если ты укроешься за плотью.

— Что такое право плоти? — спросила я и попыталась отойти от Дойла, но он придержал меня. Я взглянула на него: — Что тут происходит, Дойл?

— Кураг пытается скрыть свою трусость за очень древним обрядом.

Кураг усмехнулся им обоим. Назвать кого-нибудь трусом — это при обоих Дворах означает дуэль. Кураг был куда более разумен.

— Я не боюсь никого из сидхе, — ответил он. — Я взываю к плоти не чтобы уклониться от ее врагов, стражники, но дабы воистину соединиться с нею плотью.

— Ты уже женат, — сказал Холод. — Супружеская измена — преступление у сидхе.

— Но не у гоблинов, — возразил Кураг. — Поэтому здесь не важно мое семейное положение, важно ее.

Я оттолкнулась от Дойла. Это движение было слишком внезапным, и я покачнулась. Ффлур удержала меня от падения, подхватив под локоть.

— Теперь я перевяжу тебе раны, — заявила она.

Я не стала спорить.

— Спасибо, — сказала я ей. Когда она начала перевязывать, я обернулась к мужчинам: — Кто-нибудь, будьте добры, объясните мне, о чем он говорит.

— С радостью, — ответил Кураг. — Если твои враги — мои враги, и я должен защищать тебя от мощных сил, то мои любимые должны стать твоими любимыми. Мы соединим плоть, как соединили кровь.

— Ты имеешь в виду секс? — спросил Гален.

— Да, секс, — кивнул Кураг.

— Нет, — сказала я.

— Ну нет! — сказал Гален.

— Нет единения плоти — нет союза, — ответил Кураг.

— Среди сидхе, — сказал Дойл, — твои брачные обеты считаются священными. Мередит так же не может участвовать в обмане твоей жены, как не могла бы обмануть собственного мужа. Правило плоти действует только тогда, когда обе стороны свободны.

Кураг скривился:

— Черт, ты не стал бы так явно врать. Обидно. — Он посмотрел на меня. — Ты всегда от меня ускользаешь, Мерри.

— Только потому что ты все время прибегаешь к жульничеству, пытаясь залезть мне под юбку.

Подошел слуга с чашей чистой воды и встал рядом с Ффлур, которая обмывала мои раны. Она открыла бутылку антисептика и смочила оба моих запястья. Красноватая жидкость потекла в воду, плавая на поверхности каплями новой крови.

— Я тебе когда-то сделал честное предложение руки и сердца, — возразил Кураг.

— Мне тогда было шестнадцать, — ответила я. — Ты меня напугал до чертиков.

Ффлур обтерла мне запястья насухо.

— Я для тебя слишком мужчина?

— Вы двое — слишком для меня мужчина, в этом ты прав, Кураг.

Его рука двинулась к боку, где у него были дополнительные гениталии. Одно сильное поглаживание — и у него вздулся бугор под штанами в таком месте, где остальным мужчинам не о чем было бы тревожиться.

— Воззвание к плоти прозвучало, — сказал Кураг, все еще поглаживая себя сбоку. — И оно не может быть заглушено, пока не получит ответа.

Я посмотрела на Дойла:

— Что это значит?

Дойл покачал головой:

— Не могу сказать.

Подошел второй слуга с подносом, где лежали перевязочные материалы, и держал поднос, пока Ффлур наматывала чистые бинты. Слуга работал кем-то вроде сестры, подавая ей ножницы и пластырь.

— Я знаю, что делает Кураг, — сказал Холод. — Он все еще пытается не воевать с твоими врагами.

Кураг обернулся к Холоду, кипя от ярости.

— Мерри нужна любая сильная рука, готовая встать у нее за спиной. И это твое счастье, Убийственный Холод.

— Значит, ты будешь соблюдать союз и станешь такой сильной рукой? — спросил Холод.

— Говорю правду, — ответил Кураг. — Раз я не могу лечь с Мерри, я лучше не буду соблюдать союз.

Перекошенное многоглазое лицо стало вдруг серьезным, даже разумным. Я впервые поняла, что Кураг и не такой глупец, как притворяется, и не управляется собственными железами, как пытается показать. В этих желтых глазах на миг засветилась острая пронизательность, и взгляд их был так не похож на тот, что был секунду назад, что я даже отшатнулась, будто он пытался меня ударить. Потому что под этим серьезным видом было еще кое-что. Страх.

Что же творится при Дворах, если Кураг, царь гоблинов, боится?

— Если ты не соблюдешь союза, — сказал Холод, — то весь Двор будет знать, что ты — бесчестный трус. Твоему слову больше не поверит никто и никогда.

Кураг оглядел собравшихся. Некоторые ушли вслед за королевой ярким цветным шлейфом лизоблюдов, но многие и остались. Смотреть. Слушать. Шпионить?

Царь гоблинов медленно обвел глазами круг лиц, потом вернулся ко мне.

— Я воззвал к плоти. Объедини плоть с одним из моих гоблинов, неженатых гоблинов, и я почту союз крови.

Гален встал рядом со мной.

— Мерри — принцесса сидхе, вторая в очереди к трону. Принцессы сидхе не спят с гоблинами.

В его голосе слышался жар, гнев.

Я тронула его за плечо:

— Гален, все в порядке.

Он обернулся:

— Как это — все в порядке? Как он посмел выдвинуть такое требование?

Среди собравшихся сидхе прошел тихий злобный рокот. Кучка гоблинов, которым

позволено было сопровождать царя в наш холм, сгрудилась у него за спиной.

Дойл у меня за спиной наклонился ко мне и шепнул:

— Это может плохо кончиться.

Я оглянулась на него:

— Так что же мне делать?

— Быть принцессой и будущей королевой, — ответил он.

Гален это услышал и повернулся к Дойлу:

— К чему ты ее склоняешь?

— К тому же, что делает она с нами по просьбе королевы Андаис, — ответил он и посмотрел на меня. — Я бы не стал просить, если бы жертва не стоила цели.

— Нет! — воскликнул Гален.

Тогда Дойл повернулся к нему:

— Что тебе дороже — ее добродетель или ее жизнь?

Гален глядел на него злобно, и почти видна была происходившая в нем внутренняя борьба.

— Жизнь, — сказал он наконец, даже не сказал, а будто выплюнул горечь.

Если я получу в союзники гоблинов, а Кел сможет как-то меня убить, то у него будет кровная вражда с Курагом и его двором. Такая перспектива заставит Кела задуматься, да и кого угодно заставит. Мне нужен этот союз.

— Плоть одного из твоих гоблинов в моем теле — я согласна.

Кураг осклабился:

— Его плоть в твоём милом теле. Да будет твоя плоть и его плоть одно, и народ гоблинов станет твоим союзником.

— Чью плоть должна я разделить? — спросила я.

Кураг задумался. Глаз на плече расширился, две тоненькие ручки на боку задергались, показывая.

Кураг повернулся к кругу гоблинов и стал обходить его, следуя указаниям ручек своего близнеца. Я не видела, около кого он в конце концов остановился. Он пошел обратно вдоль тесной кучки гоблинов, и лишь когда этот гоблиночек высунулся у Курага из-за спины, я его увидела.

Он был всего четыре фута ростом, с бледной кожей, блестящей перламутром. Узнавать на вид кожу сидхе я умею. Волосы его курчавились над шеей, черные и густые, но обрезанные выше плеч. Лицо странно треугольное, с большими миндалевидными глазами, синими как сапфир с черной полосой зрачка посередине всей этой синевы. Он был одет только в набедренную повязку с серебристой оторочкой, что у гоблинов значило, что обнаженные места имеют какие-то деформации. Гоблины деформаций не прячут, они ими гордятся.

Он подошел ко мне, напоминающий изящную совершенную мужскую статуэтку. Если у него и были деформации, я их не видела. Если не считать роста и глаз, он вполне мог бы быть придворным.

— Это Китто, — сказал Кураг. — Его мать — благородная дама сидхе, изнасилованная во время последней войны с гоблинами.

Отсюда следовал вывод, что Китто почти две тысячи лет. А с виду никак не скажешь.

— Здравствуй, Китто, — сказала я.

— Здравствуй, принцесса.

Он говорил со странным присвистом, будто ему трудно было выговаривать слова. Губы полные, розовые и совершенно как лук амура, но они едва шевелились во время разговора, будто что-то он не хотел показывать у себя во рту.

— Прежде чем ты согласишься, — сказал Кураг, — посмотри все целиком.

Китто повернулся и показал, почему на нем набедренная повязка. От самых волос на затылке начиналось поле радужных чешуек, и оно тянулось до крестца. Плотные ягодицы были идеальны на вид, но блестящие чешуйки объяснили мне, почему у него продолговатые зрачки и трудности с произнесением шипящих.

— Змеегоблин, — сказала я.

Китто повернулся ко мне лицом и кивнул.

— Открой рот, Китто. Я хочу увидеть все, — велела я.

Он опустил глаза в пол на секунду, потом поднял их на меня. Широко разинул рот, блеснув изящными клыками. Высунулся красный язык с черными кончиками.

— Досстаточно? — спросил он.

— Да, — кивнула я.

— Это невозможно, — вдруг сказал Рис.

Он до сих пор стоял так тихо, что я о нем вообще забыла.

— Мне решать, — ответила я.

Рис тронул меня за плечо, отвел в сторонку.

— Посмотри как следует на мой шрам на лице. Я помню, я рассказывал тебе тысячи героических историй насчет того, откуда он взялся, но правда — в том, что королева наказала меня. Она отдала меня гоблинам на ночь поразвлечься. Я подумал: а почему нет? Бесплатный секс, пусть даже с гоблинами. — Он подмигнул здоровым глазом. — У гоблинов понятие о сексе хуже, чем ты можешь вообразить, Мерри.

Он провел пальцами по шраму, и глаз его смотрел куда-то вдаль, в воспоминания.

Я дотронулась до конца шрама на щеке, перехватила руку Риса.

— Это с тобой сделали гоблинки во время секса?

Он кивнул.

— Ох, Рис! — тихо сказала я.

Он потрепал меня по руке и покачал головой:

— Не надо жалости. Я просто хочу, чтобы ты знала, на что соглашаешься.

— Я понимаю, Рис. Спасибо, что сказал.

Я потрепала его по щеке, сжала его руку и прошла мимо него к ожидающим гоблинам. Я шла прямо и уверенно, но в голове у меня что-то вертелось, что очень подмывало за что-нибудь ухватиться. Но если ведешь переговоры с противником на войне, то надо выглядеть сильной и, уж во всяком случае, не так, будто сейчас от ветра свалишься.

— Плоть Китто — в моем теле. Я правильно поняла?

Кураг кивнул, и вид у него был самодовольный, будто он знал, что уже победил.

— Я согласна принять плоть Китто в свое тело.

— Согласна? — спросил Кураг с нескрываемым удивлением. — Ты соглашаешься объединить плоть с гоблином?

Я кивнула:

— Соглашаюсь при одном условии. Он сузил глаза:

— Что за условие?

— Если наш союз продлится на весь сезон.

Я почувствовала, что Дойл придвинулся ближе. Рябь удивления пошла по комнате кругами, шевелением и перешептываниями.

— Целый сезон, — повторил задумчиво Кураг. — Нет, слишком долго.

— Одиннадцать лун от сегодня, — предложила я.

Он замотал головой:

— Две луны.

— Десять, — сказала я.

— Три.

— Давай серьезно, — попросила я.

— Пять.

— Восемь.

— Шесть, — осклабился он.

— Договорились.

Кураг молча посмотрел на меня секунду.

— Договорились, — повторил он тихо, будто только теперь понял, что совершил ошибку.

Я возвысила голос, чтобы он стал слышен во всем зале, встала, расставив ноги покрепче. Поза, наверное, казалась агрессивной, но я не пыталась быть агрессивной. Я просто хотела, чтобы тело не качалось в такт головокружению.

— Союз заключен!

Кураг тоже возвысил голос.

— Заключен он будет, лишь когда ты объединишь плоть с моим гоблином.

Я протянула Китто руку. Он положил сверху свою — легкое касание гладкой кожи. Я поднесла его руку к лицу. Попыталась нагнуться и поцеловать ему руку, но комната поплыла. Мне пришлось выпрямиться и поднести его руку к губам двумя своими, расставив его изящные пальчики. Никогда не видала мужской руки, чтобы была меньше моей. Пососать пальчик — ничего более сексуального я сейчас сделать не могла, но на сегодня я уже плоти насосалась. И я поцеловала его открытую ладонь. Следов помады не осталось, что указывало, что она вся стерлась об руку Курага.

Странные глаза Китто расширились.

Я отняла рот от его руки — медленно, поднимая при этом глаза на Курага из-за руки малыша, как из-за веера.

— Мы объединим плоть, Кураг, не беспокойся. Теперь идем со мной, Китто. Королева ждет меня со всеми моими мужчинами.

Он метнул взгляд на Курага и вновь посмотрел на меня:

— Это честь для меня.

Я перевела взгляд на его царя:

— Вот что вспомни, Кураг, когда я в следующие ночи буду соединяться плотью с Китто: это твоя похоть и твоя трусость дали ему меня, а мне его.

Лицо Курага сменило цвет с желтого на оранжево-красный. Огромные лапы сжались в кулаки.

— Стерва ты, — сказал он.

— Я много ночей провела при твоём дворе, Кураг. И знаю, что, если бы я разделила себя с другим сидхе, тебе это было бы все равно. Для тебя настоящий секс — это соединение плоти с гоблином, а все остальное — так, прелюдия. И вот ты дал меня другому гоблину,

Кураг. В следующий раз, когда попытаешься обманом залучить меня в свою постель, вспомни, куда привели тебя и меня твои попытки.

Я почувствовала, что силы оставляют меня, и закончила речь. Потом сделала неверный шаг вперед, споткнулась. Сильные руки тут же подхватили меня — Дойл с одной стороны, Гален с другой. Я посмотрела на них обоих и тихо прошептала:

— Мне нужно сесть, и поскорее.

Дойл кивнул. Гален, держа меня под локоть, другой рукой обнял меня за талию. Дойл продолжал держать меня под руку, но крепче. Я перенесла вес верхней части тела на их руки, но для посторонних глаз я осталась стоять нормально. Это я давно отработала, когда меня стражи приводили к королеве, и она требовала, чтобы я стояла на ногах, а у меня одной не получалось. Некоторые из стражей помогали проделать этот фокус, другие — нет. Сейчас идти своими ногами — это будет интересно.

Дойл и Гален развернули меня к открытой двери. Один каблук со скрипом волочился по камням. Нет, от меня требовалось держаться лучше. Я сосредоточилась на том, чтобы не волочить ноги, но Гален и Дойл держали меня. Мир сузился, и в нем была только одна задача — переставлять каждую ногу впереди другой. Боги мои, как я хотела бы оказаться дома! Но королева ждала, а снисходительность к тем, кто заставляет ее ждать, в число добродетелей королевы не входит.

Я увидела краем глаза, как идет за нами чуть сбоку Китто. Согласно этикету гоблинов, он был моим консортом, моей игрушкой. Да, он мог бы меня изувечить во время секса, но только если бы у меня хватило глупости пустить его к себе в постель, не обговорив контракт, что можно и чего нельзя. Рис мог бы избежать увечий, если бы знал гоблинов, но большинство сидхе видят в них просто варваров, дикарей. Мало кто изучает законы дикарей, а мой отец изучал.

Конечно, я не собиралась иметь секс ни с какой породой гоблинов. Я собиралась поделиться с ним плотью — в буквальном смысле слова. Гоблины любят плоть больше, чем кровь или секс. Поделиться плотью означает одновременно и секс, и великий дар права на укус, след от которого останется до смерти твоего любовника или любовницы. Это был способ отметить своего любовника, показать, что он был с гоблином. У многих гоблинов были специальные рисунки шрамов, которые они ставили на всех своих любовниках, чтобы их победы были сразу видны.

Но что бы ни пришлось мне сделать для скрепления договора, на ближайшие полгода гоблины — мои союзники. Мои, а не Кела, не даже королевы. Если война начнется в ближайшие полгода, королеве придется договариваться со мной, если она захочет, чтобы гоблины воевали на ее стороне. Это стоит капельки крови, а может, и фунта мяса, если не придется отдавать все сразу.

Сразу за дверью в камне была впадина. Именно здесь разворачивались ноги в течение тысяч лет, поворачиваясь на каблуках, чтобы взойти на низкий помост в другом конце комнаты. Я бы могла пройти по этому полу в абсолютном мраке, но сегодня я зацепилась за впадинку в полу. Зажатая между двумя стражами, я должна была бы быть как внутри стены, но лодыжка подвернулась, и меня бросило на Дойла так резко, что я увлекла за собой Галена. На миг Дойл удержал нас, но мы тут же рухнули кучей на пол.

Китто подскочил первым, протягивая руку Галену. Я увидела, с каким лицом Гален на эту руку глянул, но он ее принял. Он позволил гоблину помочь ему встать. Среди стражей есть и такие, которые плюнули бы в эту протянутую руку.

Холод, в одной руке держа мой нож, другую протянул мне и помог подняться. Он на меня не смотрел — он медленно озирался по сторонам, высматривая угрозы.

Капкан был поставлен умело. Если бы заклинание оказалось не таким злобным, я бы списала это падение на неуклюжесть, вызванную потерей крови, но оно было слишком большим, слишком сильным. Два стража королевы не упадут безобразной грудой только потому, что женщина, идущая между ними, споткнулась.

Рука Холода заставила меня перенести вес на обе ноги, а одна из них для этого не годилась. Боль пронзила левую лодыжку. Я зашипела, припадая на одну ногу. Холоду пришлось подхватить меня за талию, прижать к себе, обнять. Он все еще высматривал нападение — но нападения не произошло. Не здесь, не сейчас.

Рис пошел вперед, рассматривая пол в поисках других ловушек. Мы старались не двигаться, пока он не кивнул, все еще пригибаясь к полу.

Дойл уже встал. Он не вынимал ножа. Посмотрев мне в глаза, он спросил:

— Ты сильно повредила ногу, принцесса?

— Растяжение лодыжки, может быть, колена тоже. Холод меня сгрел в охапку раньше, чем я разобралась.

Эти слова заработали мне взгляд Холода и слова:

— Я могу тебя поставить на пол, принцесса.

— Я бы предпочла, чтобы меня отнесли к стулу.

Он посмотрел на Дойла:

— Это ведь дело не для ножей?

— Нет, — ответил Дойл.

Холод одной рукой закрыл нож. Насколько я понимаю, он никогда не держал складного ножа никакой конструкции, но движение у него получилось ловкое и уверенное. Он сунул нож сзади за пояс и подхватил меня на руки.

— Какое ты кресло предпочитаешь? — спросил он.

— Вот это, — ответила королева.

Она стояла перед тронном на помосте у дальней стены. Трон возвышался над всеми прочими предметами в зале, как подобало ее положению. Но были на помосте еще два трона чуть пониже ее собственного, обычно отведенные для консорта и наследника. Сегодня же Эймон стоял рядом с королевой, и трон его был пуст.

На другом малом троне сидел Кел. За его спиной находилась Сиобхан. Кеелин у его ног на мягкой табуреточке, как комнатная собачка. Кел смотрел на мать, и что-то в его лице

читалось близкое к панике.

Розенвин пододвинулась ближе к Сиобхан. Она была у Кела заместительницей капитана стражи, занимала тот же пост, что и Холод. Ее волосы, напоминающие сахарную вату, лежали короной кос на голове, как чаша, сплетенная из розовой пасхальной травки. Кожа у нее была цвета весенней сирени, глаза — расплавленное золото. Я ее считала красивой, когда была маленькой, пока она мне ясно не дала понять, что я — низшее существо. Шрам в виде ладони у меня на ребрах остался от Розенвин, и это она чуть не раздавила мне сердце.

Кел встал так резко, что Кеелин покатила вниз по ступенькам, поводок ее натянулся. Он даже не посмотрел на нее, пока она вставала.

— Мама, ты этого не сделаешь!

Она глянула на него, все еще показывая нам рукой на пустое кресло Эймона.

— Я сделаю, что пожелаю, сын мой. Или ты забыл, что королева здесь пока что я?

В ее голосе прозвучала интонация, от которой любой, кроме Кела, бросился бы ниц на пол, ожидая удара. Но это был Кел, а с ним она всегда обращалась мягко.

— Кто правит сейчас, я знаю, — ответил Кел. — Меня беспокоит, кто будет править потом.

— И это тоже только моя забота, — ответила она все тем же таким спокойным, таким опасным голосом. — И мне интересно, кто мог поставить такое мощное заклинание прямо в тронном зале и так, что никто больше не заметил.

Она оглядела обширное помещение, останавливая взгляд на каждом лице, сидящем на низком троне. По обе стороны зала стояли шестнадцать кресел на помостах, и вокруг них — скопления кресел поменьше, но в главных креслах сидели главы каждой царственной семьи. Королева внимательно глядела на них, особенно на тех, кто был ближе к двери.

— Очень мне интересно, как можно было нашептать такое заклинание и никто этого не заметил.

Я посмотрела на сидящих у дверей сидхе; они отводили глаза. Они знали. Они видели. И ничего не сделали.

— Такое сильное заклинание! — Андаис покачала головой. — Если бы мою племянницу не поддерживали двое стражей, она могла бы упасть и шею сломать. — Холод стоял, держа меня на руках, но не делал попытки приблизиться. — Принеси ее сюда, Холод. Пусть воссядет возле меня, как ей надлежит.

Холод понес меня вперед. Дойл и Гален шли от него справа и слева. Рис и Китто шли арьергардом.

На нижней ступени трона Холод преклонил оба колена. Он стоял на коленях, держа меня на руках, и без всякого напряжения, будто мог так простоять всю ночь и руки не задрожат. Я мельком подумала, что у него, наверное, и ноги не онемеют от такого долгого стояния на коленях.

Остальные упали на колени чуть позади и по обе стороны от нас. Китто даже не просто встал на колени, а распростерся на полу ниц, раскинув слегка ноги, будто кающийся грешник какой-то секты. До этого я не до конца понимала его проблемы. Существуют вполне определенные типы поклонов и реверансов, которые полагается отдавать в зависимости от того, кто отдает и кому. Китто не принадлежал к королевской крови даже среди гоблинов, иначе Кураг об этом упомянул бы. Это было двойное оскорбление — отдать меня гоблину, который еще и простолюдин. Китто не было позволено касаться ступеней трона без прямого приглашения. Только члены других царственных домов сидхе имели

право опускаться в тронном зале на колени, не склоняя тело.

Китто не знал, какой здесь протокол, и выбрал поэтому наиболее подчиненную позу. В этот момент я поняла, что он вполне согласится на плоть вместо секса. Его гораздо более интересовало остаться в живых, чем как бы то ни было потешить свою ложную гордость.

— Иди и воссядь, Мередит. Сделаем это объявление, пока не сработал еще какой-нибудь капкан.

При этих последних словах она посмотрела на Кела. Я тоже отнесла бы заклинание на его счет, но только потому, что, когда со мной случалась при Дворе какая-нибудь гадость, прежде всего на ум приходил он. Андаис всегда смотрела на него по-иному. Что-то между ними произошло такое, что изменило отношение Андаис к ее единственному сыну. Что же он мог такое сотворить, чтобы обернуть ее против себя?

Одним непринужденным движением Холод поднялся на ноги и понес меня вверх по ступеням. Я ощущала, как движутся его ноги. Он бережно опустил меня в кресло, вытащил из-под меня руки, потом опустился передо мной на одно колено, держа мою левую ногу на своем колене.

Я оглядела зал. Меня никогда не допускали на помост, и я никогда не видела зал в этом ракурсе. Не было ощущения особенной высоты или особенного величия, но было ощущение собственного права.

— Принесите Мередит табурет, чтобы положить ногу. Когда я оглашу свою волю, Ффлур может ее осмотреть.

Она ни к кому в отдельности не обращалась, но тут же к нам поплыла скамеечка для ног с мягким сиденьем. Я старалась не смотреть, намеренно отводя глаза от плывущей скамеечки. Призрачная белая тень держала ее в тоненьких ручках. Белая дама поставила скамейку рядом с ногой Холода. Я ощутила давление, будто тяжесть грома наполнила клочок воздуха, — это было ощущение призрака, стоящего слишком близко. Мне не надо было видеть ее, чтобы знать, где она. Давление ослабло, и я знала, что белая дама поплыла прочь.

Холод опустил мою ногу на очень низкую скамеечку. Я подавила стон боли, но зато боль помогла голове проясниться. Меня уже не пыталось покинуть сознание.

Третье покушение на меня за одну ночь. Кто-то очень решительно настроен.

Холод встал за мной, как Сиобхан стояла за Келом, как Эймон встал позади королевы.

Андаис смотрела вдаль, поверх голов собравшейся знати. Гоблины и низшие народы, те, кого вообще пригласили, рассыпались за резными длинными столами по обе стороны комнаты. Но даже царю Курагу не полагался здесь трон. Здесь он был всего лишь одним из многих.

— Да будет известно, что принцесса Мередит, дочь моего брата, отныне моя наследница.

Шум подавленных охов и ахов пролетел по залу как ветер, потом стих, и снова воцарилась тишина. Тишина такая плотная, что белые дамы поднялись в воздух полувидимыми облачками и затанцевали на ней.

Кел уже вскочил на ноги:

— Мама!

— Мередит наконец вошла в силу. Она — носительница руки плоти, каким был до нее ее отец.

Кел все еще стоял.

— Моя кузина воспользовалась рукой плоти в смертельном бою и покрыла себя кровью перед лицом не менее двух свидетелей-сидхе.

Он снова сел, довольный собой.

Королева посмотрела на него так холодно, что его самоуверенность сползла с физиономии, оставив тревогу.

— Ты говоришь так, будто я не знаю законов собственного королевства, сын мой. Все произошло в согласии с нашими традициями. Шолто! — позвала она.

Шолто встал с большого кресла у дверей. С одной стороны от него стояла Черная Агнес, с другой — Сегна Золотая.

Огромными нетопырями свисали с потолка ночные летуны. Другие создания слушали клубились вокруг него. Гетхин помахал мне рукой.

— Да, королева Андаис? — произнес Шолто.

Волосы его были стянуты в хвост и отведены назад от лица, столь же красивого и надменного, как у любого из находившихся в зале.

— Расскажи Двору то, что рассказывал мне.

Шолто рассказал, как Нерис на меня напала, хотя умолчал почему. Он изложил отредактированную версию событий, но этого было достаточно. Однако Дойла он не упомянул, и мне показалось это странным — упустить такой важный момент.

Королева встала:

— Мередит во всем теперь равна Келу, моему сыну. Но, поскольку у меня только один трон, подлежащий наследованию, он отойдет к тому из них, кто первый окажется с ребенком. Если Кел в течение трех лет подарит ребенка одной из дам Двора, он будет вашим королем. Если первой затяжелеет Мередит, вашей королевой будет она. Дабы предоставить Мередит выбор из мужчин Двора, я снимаю со своих стражей обет целомудрия — для нее и только для нее.

Призраки вились над головой как веселые облака, и тишина становилась глубже, будто мы все на дне глубокого сверкающего колодца. Выражение на лицах мужчин менялось от удивления, презрения к потрясению — у некоторых к неприкрытому вожделению. Но почти все мужские лица повернулись ко мне.

— Она вольна выбирать любого из вас. — Андаис опустила на свой трон, расправив юбки. — На самом деле, я полагаю, она уже начала свой выбор. — Светло-серые глаза обратились ко мне. — Это так, племянница?

Я кивнула.

— Тогда вызови их вперед, пусть воссядут рядом с тобой.

— Нет, — возразил Кел. — Она должна иметь двух свидетелей из сидхе. Шолто — только один.

— Я второй, — произнес Дойл, все еще на коленях.

Кел медленно опустился на свой трон. Даже у него не хватило бы наглости сомневаться в слове Дойла. Он таращился на меня, и ненависть в его взгляде буквально жгла мне кожу.

Я отвернулась от его ненавидящего взгляда и обратила взор к мужчинам, все еще стоящим на коленях перед помостом, Я протянула им руки, и Гален, Дойл и Рис поднялись и зашагали по ступеням ко мне. Дойл поцеловал мне руку и занял свой пост рядом с Холодом у меня за спиной. Гален и Рис сели у моих ног, как Кеелин сидела возле Кела. По мне, это было излишне сервильно, но я не знала, что еще можно было бы сделать. Китто остался лежать на полу, не двигаясь.

Я повернулась к тете:

— Королева Андаис, это Китто, гоблин. Он входит в мое соглашение с Курагом, царем гоблинов, о союзе между царством гоблинов и мною, заключенном на шесть месяцев.

Андаис возвела глаза к потолку:

— Ты не теряла времени зря, Мередит.

— Мне казалось, что мне нужны сильные союзники, моя королева.

Мои глаза все время возвращались к Келу, хотя я старалась не смотреть на него.

— Потом ты должна мне рассказать, как тебе удалось вырвать у Курага шесть месяцев, но сейчас — зови своего гоблина.

— Китто! — позвала я, протягивая руку. — Встань и подойди к моей руке.

Он поднял лицо, не шевельнув телом. Это движение казалось до боли неуклюжим. Глаза его покосились на королеву, уставились на меня. Я кивнула:

— Все нормально, Китто.

Он снова поглядел на королеву. Она покачала головой:

— Встань с пола, мальчик, чтобы доктор мог осмотреть раны твоей госпожи.

Китто встал на четвереньки. Никто на него не прикрикнул, и он встал на колени, потом на одно колено, потом очень осторожно — на ноги, взошел — почти взлетел — по лестнице и сел у моих ног.

— Ффлур, осмотри принцессу, — велела Андаис.

Ффлур взошла на помост, сопровождаемая с двух сторон двумя белыми дамами. Одна из них держала поднос с бинтами и была из этих двоих более плотной. Она даже казалась почти живой в своей белизне и прозрачности. Вторая была почти невидимой, и она держала закрытый ларец в воздухе, будто ей помогала магия брауни, но никакие брауни здесь магию не создают. При Неблагом Дворе ничего столь земного не водится.

Ффлур сняла с меня туфлю и стала вертеть ступню, от чего я заерзала в кресле. Я сумела не вопить "ой", но очень хотелось. К счастью, повреждена была только лодыжка, все остальное работало.

— Тебе придется снять чулок, чтобы я могла перевязать лодыжку, — сказала Ффлур.

Я стала было закатывать юбку и нашаривать край чулка, но Гален остановил меня, положив свои руки на мои.

— Позволь мне, — сказал он.

Он не предполагался сегодня у меня в постели, но выражение его глаз, хриплость голоса, тяжесть его рук на моих были как обещание будущего.

Рис положил мне руку на другое колено:

— А почему это тебе такая честь — снимать с нее чулок?

— Потому что я первым об этом подумал.

Рис улыбнулся и покачал головой:

— Хороший ответ.

Гален улыбнулся в ответ. От этой улыбки все его лицо осветилось, будто кто-то зажег свечку внутри. Это сияющее лицо повернулось ко мне, и веселье из глаз исчезло, сменившись чем-то более темным и серьезным.

Он стоял передо мной вдали от раненой ноги, а Рис — рядом с другой ногой. Руки Галена прижимали мне ладони к бедру. Он приподнял мои руки, поцеловал каждую из них и переложил их на подлокотник трона, чуть прижав пальцы к дереву, будто молча прося не двигать руками.

Из-за того, что у меня нога была вытянута на скамеечку, Гален стоял с одной стороны, открывая вид почти на весь зал. Он поднял мне подол вверх, открывая ногу и подвязку. Подвязку он сдвинул с моей ноги и натянул себе на руку. Пальцы Галена коснулись чулка чуть выше колена, скользнули по гладкой ткани, и обе его руки прижались к моей ноге посередине ляжки горячей тяжестью. Наши взгляды встретились, и сердце у меня забилося быстрее.

Гален опустил глаза, чтобы видеть, как его руки медленно поднимаются вверх. Пальцы вошли под подол моей юбки, потом скрылись из виду кисти рук почти до запястий, и пальцы нащупали край чулка.

Руки Галена казались больше, чем были на самом деле, когда прижимались ко мне. Когда его пальцы сдвинулись с эластика на голую кожу, я непроизвольно дернулась.

Глаза Галена снова вернулись к моему лицу, будто спрашивая, не приказываю ли я прекратить. Ответом было и да, и нет. Ощущение его рук у меня на теле, знание, что он не обязан будет остановиться, пьянило, наполняло восторгом. Будь мы одни и если бы у меня ничего не болело, я бы отбросила осторожность и всю одежду. Но нас окружала сотенная толпа, а для меня это слишком большая аудитория.

Мне пришлось закрыть глаза, чтобы заставить себя покачать головой.

Его пальцы так медленно шли вверх, один из них гладил край впадины на самом верху ляжки изнутри. Мое дыхание перехватило быстрым прерывистым вздохом.

Я открыла глаза и посмотрела на него. На этот раз я смогла заставить себя покачать головой. Не здесь. Не сейчас.

Гален улыбнулся, но только мне. Так улыбается мужчина, когда уверен в тебе и знает, что только недостаток уединения отделяет его от твоего тела.

Он взялся пальцами за край эластика и начал его скатывать вниз медленно и осторожно.

Позади нас раздался голос:

— Кажется, принцесса уже сделала выбор. — Это говорил Конри, никогда не относившийся к числу моих любимцев. Он стоял — высокий, темный, красивый, и глаза его были как трехцветное расплавленное золото. — При всем моем уважении, ваше высочество, ты дала нам обещание плоти, а мы вынуждены сидеть и смотреть, как свои права на приз предъявляет другой.

— Мередит — маленькая трудолюбивая пчелка между вами, прекрасные мои цветы, — сказала Андаис и рассмеялась, и смех был издевательский, радостный, жестокий и в чем-то интимный. От него у меня пошли мурашки по коже, пока Гален снимал чулок с моей ноги.

Он отодвинулся, освобождая Ффлур место возле моей щиколотки. Гален поднес чулок к лицу и потерся о его черную ткань, глядя при этом на Конри.

Конри никогда не был моим другом. Он был другом детства Кела и верным сторонником истинного наследника.

Я видела ярость в его золотых глазах, ревность — не ко мне лично, а к единственной женской особи, к которой им дали доступ. Ощущалось физически, как растет в зале напряжение, раздувается, лезет вверх, как перед бурей. Белые дамы всегда реагируют на напряжение или перемены при Дворе. Сейчас они закружились по краям комнаты в призрачном танце над полом. Чем сильнее заинтересованы белые дамы, тем больше их ажиотаж — и тем более великие события происходят. Они как пророки, которые предсказывают всего за несколько секунд.

А что можно сделать, получив предупреждение за секунды? Иногда — многое, иногда — ничего. Фокус в том, что надо видеть грядущую опасность, чтобы ее предотвратить. Секунды, чтобы увидеть и отвести, а я опять оказалась слишком медлительной и опоздала.

Голос Конри проревел:

— Я вызываю Галена на смертный бой!

Гален начал было вставать, но я поймала его за руку:

— Что ты надеешься обрести с его смертью?

— Занять его место рядом с тобой.

Я засмеялась — не могла сдержаться. Но выражение мрачной ярости на лице Конри охладило мое веселье. Я потянула Галена за руку, заставляя снова встать на колени рядом со мной. Ффлур воспользовалась моментом и затянула бинты, и мне пришлось перевести дыхание перед тем, как заговорить.

— Значит, Гален Зеленоволосый — трус? — фыркнул Конри. Он уже сошел со своего кресла, с помоста, на пол.

Я потрепала Галена по руке, удерживая его при себе.

— Тебе всегда не хватало чувства юмора, Конри, — сказала я.

Он прищурился:

— О чем это ты?

— Спроси меня, почему я смеялась.

Он всмотрелся в меня, потом кивнул.

— Ладно. Так почему ты смеялась?

— Потому что мы с тобой — не друзья. Куда скорее — враги. Я не сплю с теми, кто мне не нравится. А ты мне не нравишься.

Вид у него был непонимающий. Я вздохнула:

— Я вот что хочу сказать: если ты убьешь Галена, это тебе не даст его места в моей постели. Я тебя недолюбливаю, Конри, а ты — меня. С тобой я ни при каких обстоятельствах спать не стану. Так что сядь и помолчи; дай сказать кому-нибудь другому, у кого, черт побери, есть шанс попасть в мою постель.

Конри остался стоять с открытым ртом, не зная, что делать. Он был одним из тех стражей, кто лучше всех разбирается в интригах Двора. К Келу он присосался намертво. Королеве он льстил почти за гранью приличий. Он знал, с кем из знати обращаться учтиво, а кого можно игнорировать или даже третировать. Я попадала в последнюю категорию, потому что нельзя быть другом и Келу, и мне — Кел бы этого не позволил. И сейчас на лице Конри явно читалось понимание, что он куда хуже разобрался в механике Двора, чем ему казалось. Мне его смятение было приятно.

Но он оправился.

— Мой вызов в силе. Если я не могу попасть в твою постель, то Гален тоже тебя не получит.

Я чуть крепче сжала руку Галена:

— Зачем драться, если все равно тебе не светит трофеем?

Конри улыбнулся, и улыбка эта не была приятной.

— Потому что его смерть заставит тебя страдать, а это почти так же приятно, как твое тело рядом с моим.

Гален встал, высвободился из моей хватки. Он пошел вниз по ступеням, и я за него испугалась. Конри был жестокий и наглый подонок, но при этом — один из лучших

фехтовальщиков при Дворе.

Я встала, подпрыгнув, потому что не могла опереться на левую ногу. Рис меня подхватил, чтобы я не упала.

— И все же я являюсь причиной этой дуэли, Конри.

Он кивнул, не сводя глаз с идущего к нему Галена.

— Разумеется, принцесса. И знай, что, когда я его убью, я это сделаю вопреки тебе.

Тут меня осенила одна из тех блестящих идей, что, бывает, рождаются паническим страхом.

— Ты не имеешь права вызывать консорта царственной особы на смертный бой, Конри, — сказала я.

— Он не будет консортом царственной особы, пока ты не беременна.

— Но если я активно пытаюсь зачать с ним ребенка, то он — мой консорт, потому что мы никак не можем знать, не беременна ли я в данную секунду.

Конри повернулся ко мне, ошеломленный.

— Но ты же не... то есть...

Снова раздался смех королевы:

— Мередит, Мередит! Ты действительно потрудились как пчелка. — Она встала. — Если есть хотя бы отдаленная возможность, что Гален зачал ребенка с моей племянницей, то он, конечно же, консорт царственной особы, пока не доказано обратное. Если ты его убьешь, а она окажется с ребенком, то ты лишишь двор Царственной и фертильной пары. Я лично прослежу, чтобы твоя голова отправилась гнить в кувшине на полку в моих покоях.

— Я не верю, — провозгласил Кел. — У них сегодня не было секса.

Андаис повернулась к нему:

— И не было закливания похоти в машине, когда они ехали на заднем сиденье?

Кровь волной отлила от лица Конри, он болезненно побледнел. Одно этого было достаточно. Закливание похоти было его работой. Хотя мало кто из сидхе усомнился бы, кто приказал ему.

— Не только Мередит сегодня ночью трудилась как пчелка.

Голос королевы нагрелся возникающей и по-настоящему утонченной яростью.

Кел выпрямился на троне и при этом сумел уйти глубже в кресло. Сиобхан вышла из-за его спины и встала рядом — не между принцем и королевой. Но движение было такое, будто она собиралась это сделать. Сиобхан объявила перед всем Двором, на чьей она стороне. Андаис этого не забудет и не простит.

Розенвин заколебалась и не сразу последовала примеру своей начальницы. Она в конце концов встала рядом с Сиобхан, но нежелание выбирать между принцем и королевой было явственно видно. Лояльность Розенвин прежде всего принадлежала самой Розенвин.

Эймон встал рядом с королевой, а Дойл придвинулся на шаг к королеве, будто не уверенный, куда ему следует встать. Никогда раньше я не видела, чтобы он усомнился, в чем состоит его долг. Я видела, как королева посмотрела ему в лицо, и подумала, что его нерешительность задела королеву. Он тысячу лет был ее телохранителем, ее правой рукой, ее Мраком. Сейчас же он сомневался, должен ли он отойти от меня и встать с нею.

— Хватит этого, — произнесла Андаис, и ярость плеснула в этих простых словах. — Я вижу, у тебя еще одно завоевание, Мередит. Мой Мрак не колебался ни разу тысячу лет своей службы, а сейчас он переминается с ноги на ногу, не зная, кого из нас защищать, если дело обернется плохо.

От ее взгляда я покрепче ухватилась за руку Риса.

— Радуйся, что ты кровь от крови моей, Мередит. Для любого другого привлечение моих вернейших слуг на свою сторону кончилось бы смертью.

Это очень было похоже на ревность, но все годы, когда я уже выросла и могла понимать, она ни разу не обращалась с Дойлом иначе как со слугой, со стражем. Никогда она не обращалась с ним как с мужчиной. За тысячу лет он ни разу не был ее избранным любовником. А сейчас она ревнует.

Выражение лица у Дойла было мирное, растерянное, удивленное. Я в этот момент поняла, что когда-то он любил ее, но это уже в прошлом и дело тут не во мне. Андаис его отторгла попросту тем, что не обращала на него внимания. Слишком это был интимный момент для такого публичного представления.

Среди людей мы отвернулись бы, создавая им иллюзию уединения, но у сидхе так не принято. Мы глядели, мы ловили каждый нюанс выражения лиц, и наконец, через какие-то минуты, Дойл шагнул назад, встал около меня и положил мне руку на плечо. Это не был особенно интимный жест, тем более после представления, которое устроил только что Гален, но для Дойла и в такой момент он был интимным. Он, как Сиобхан, выбрал, кому будет верен, и сжег мосты.

Я знала и раньше, что Дойл будет защищать меня ценой собственной жизни, потому что так приказала королева. Теперь я знала, что он будет меня защищать потому, что, если я погибну, королева никогда уже ему не поверит. Он никогда не станет снова ее Мраком. Теперь он мой, к добру или к худу. Совершенно новый смысл старой фразы "Покуда смерть не разлучит нас". Моя смерть теперь почти наверняка означала и его смерть.

Я не сводила глаз с тети, но голос возвысила, чтобы он был слышен во всем зале:

— Все они — мои консорты.

Хор протестов разнесся по комнате, их перекрыл мужской голос, крикнувший:

— Со всеми с ними тебе не переспать!

И выкрик: "Шлюха!" — кажется, женским голосом.

Я подняла руку жестом, которым иногда пользуется моя тетя. Зал не затих намертво, но я смогла говорить дальше.

— Моя тетя, в ее августейшей мудрости, предвидела, что могут возникнуть дуэли. Что повесить морковку в виде женской близости перед лицом стражей — это может привести к большому кровопролитию. Мы могли бы потерять лучших и талантливейших из нас.

— Будто ты такой уж трофей! — выкрикнул женский голос.

Я рассмеялась, ухватив пальцами плечо Риса, будто набалдашник трости. Китто подскочил и предложил мне свою руку для опоры — я ее с благодарностью приняла. Боль от лодыжки стала подниматься вверх.

— Я узнала твой голос, Дилис. Нет, я не такой уж трофей, но я женщина и не запретна для них — в отличие от прочих. Это превращает меня в ценный приз, нравится это кому-то или нет. Но моя тетя предупредила проблему.

— Да, — подтвердила Андаис. — Я велела Мередит выбрать из вас не одного, не четырех, не пятерых, но многих. И ей должно использовать вас как личный... гарем.

— Дозволено ли нам будет отказаться, если она нас выберет?

Я поглядела в толпу, но не разглядела, кто спросил.

— Вы вольны отказаться, — ответила Андаис. — Но кто из вас отказался бы от шанса стать следующим королем? Ибо, если она родит ребенка от одного из вас, тот будет уже не

консортом особы царской крови, но монархом.

Гален и Конри все еще стояли в трех ярдах друг от друга, переглядываясь с неприязнью.

— Мы уже знаем, кого она хочет себе в короли. Она это излишне ясно сегодня дала понять, — сказал Конри.

— Я дала понять только, — возразила я, — что не буду спать с тобой, Конри. Остальное, как говорится, у кого получится.

— Ты не сделаешь Галена своим царственным консортом, — сказал Кел, и в голосе его звучало удовлетворение. — Если ты забеременела, это был его последний раз.

Я поглядела на него, пытаюсь понять, откуда такая вражда, и не смогла.

— Я договорилась с королевой Нисевин до того, как дело зашло слишком далеко.

— И что ты предложила Нисевин?

Крошечная королева поднялась над толпой с полки, где стоял ее миниатюрный трон, похожий на кукольный дом, окруженная своим двором:

— Кровь, принц Кел. Не кровь низшего дворянина, но кровь принцессы.

— У всех нас в жилах есть метка Темного Двора, кузен, — сказала я.

Сиобхан выступила вперед, спасти господина, защищать его словами, как защищала бы мечом.

— А если гоблин сделает ей ребенка?

Этот вопрос задала Сиобхан.

Королева повернулась к ней:

— То гоблин будет королем.

Возмущенный ропот пробежал по Двору — бормотания, проклятия, восклицания ужаса.

— Мы никогда не станем служить королю из гоблинов! — провозгласил Конри.

Протест поддержали другие.

— Отказ от выбора королевы есть измена, — сказала Андаис. — Отправляйся в Коридор Смертности, Конри. Мне кажется, урок за неповиновение и так несколько запоздал.

Он уставился на нее, потом обратил лицо к Келу, и это была ошибка.

Андаис топнула ногой:

— Я здесь королева! Не оглядывайся на моего сына, иди и поручи себя нежной заботе Езекиала, Конри. Иди немедленно, или тебя постигнет худшая судьба.

Конри низко поклонился и вышел, не разгибаясь, сквозь открытые до сих пор двери. Больше ему ничего не оставалось делать — дальнейший спор с королевой стоил бы ему головы.

В напряженном молчании раздался голос Шолто:

— Спроси Конри, кто велел ему оставить в Черной Карете заклинание похоти.

Андаис повернулась к Шолто подобно буре, готовой обрушиться на берег. Сидя рядом с ней, я ощутила, как накапливается в ней сила магии, покалывая мне кожу. Голая спина Галена покрылась гусиной кожей.

— Не бойся, я накажу Конри, — ответила королева.

— Но не его хозяина, — сказал Шолто.

Весь Двор затаил дыхание: Шолто говорил то, что знали все. Много лет Кел отдавал приказания; его лизоблюдов наказывали, если они попадались, но его — никогда.

— Это мое дело, — сказала Андаис, но в ее голосе слышалась нотка неуверенного страха.

— Кто велел мне сказать, что ваше величество желает отправить слугу в западные земли

и убить там принцессу Мередит? — спросил Шолто.

— Не надо, — сказала королева, но голос ее был слаб, как будто они пыталась сама себя уговорить, что это всего лишь кошмарный сон.

— Чего не надо, ваше величество? — спросил Шолто.

— Кто мог достать Слезы Бранвэйн и отдать их смертным, чтобы они ими ловили других фейри? — произнес Дойл.

Густая тишина наполнилась танцующими призраками, вертевшимися все быстрее и быстрее. Лица обернулись к помосту — бледные от страха, горящие интересом, испуганные, — все они ждали. Ждали, что сделает королева.

Но заговорил Кел. Он наклонился ко мне и прошипел:

— А теперь твоя очередь, кузина?

Голос его сочился невероятной ненавистью.

Я поняла: он думает, что я видела его в Лос-Анджелесе, но, как Шолто, просто ждала подходящего момента его разоблачить. Я набрала воздуха, но Андаис схватила меня за плечо, наклонилась и прошептала:

— Не говори о секте.

Она знала. Она знала, что Кел позволил людям себе поклоняться. Я лишилась дара речи. Несказанным осталось между нами, что она, чтобы защитить своего сына, подвергла риску нас всех. Потому что, если в человеческом суде будет доказано, что кто-то из сидхе разрешил поклоняться себе на американской земле, нас изгонят. И не только сидхе, а всех фейри.

Я глядела в ее трехцветно-серые глаза и видела не Королеву Воздуха и Тьмы, но мать, боящуюся за свое единственное дитя. Она всегда слишком любила Кела.

Я шепнула в ответ:

— Секте надо положить конец.

— Ее больше нет, даю тебе в том свое слово.

— Он должен быть наказан.

— Но не за это, — шепнула она.

Я подумала секунду, пока ее рука сжимала пропитанную кровью ткань моего рукава.

— Тогда он должен быть наказан за то, что отдал Слезы смертному.

Она сжала руку так, что мне стало больно. Если бы в ее глазах не было такого страха, я бы решила, что она мне угрожает.

— Я накажу его за покушение на твою жизнь.

Я отрицательно покачала головой.

— Нет, я хочу, чтобы он был наказан за передачу смертному Слез Бранвэйн.

— Это же смертный приговор, — прошептала она.

— Есть два возможных наказания, моя королева. Я согласна, чтобы ему сохранили жизнь, но я хочу, чтобы он полностью испытал на себе пытку.

Она отшатнулась, побледнев, глаза ее расширились. За это преступление полагалась совершенно особая казнь. Виновного раздевали догола, приковывали в темной комнате и вымазывали целиком Слезами. Тело наполняется жгучим желанием, магической похотью — и никто его не коснется, не тронет, не облегчит. Говорили, что сидхе может сойти от этого с ума. Но это было лучшее — или худшее, — что я могла сделать.

— Шесть месяцев — это слишком долго, — сказала она. — Его разум не выдержит.

Впервые я от нее услышала признание, что Кел слаб или по крайней мере не силен.

Мы стали торговаться, почти как недавно с Курагом, и сговорились на трех месяцах.

— Пусть будет три месяца, моя королева, но если мне или моим будет нанесен за это время любой вред, Кел распрощается с жизнью.

Она отвернулась, посмотрела на своего сына, который разглядывал нас пристально, гадая, о чем мы говорим. Потом она повернулась ко мне:

— Согласна.

Андаис медленно выпрямилась, почти так, как если бы вдруг сказался возраст. Тело ее никогда не постареет, но на душевном состоянии годы сказываются. Отчетливым и холодным голосом она объявила о преступлении Кела и наказании за него.

Он вскочил:

— Я этому не подчинюсь!

Она резко повернулась к нему, хлестнув магией, отбросила его в кресло, уперлась в грудь невидимыми руками силы, да так, что он не мог даже вздохнуть.

Сиобхан шевельнулась — и Дойл с Холодом встали между ней и королевой.

— Ты дурак, Кел, — сказала Андаис. — Сегодня я спасла твою жизнь. Не заставляй меня об этом пожалеть.

Она отпустила его внезапно, и он сполз на пол рядом с Кеелин.

Андаис снова обратилась к своему Двору:

— Мередит сегодня возьмет с собой в отель кого пожелает. Она — моя наследница. Наша земля приветствовала сегодня ее возвращение. Кольцо у нее на руке снова живет и полно магии. Вы видели розы, видели, как они ожили сегодня впервые за много десятков лет. Видели все эти чудеса — и позволяете себе ставить под сомнение мой выбор? Смотрите, как бы сомнения не привели вас к смерти.

С этими словами она села и жестом велела всем тоже сесть. Все сели.

Белые дамы стали вносить отдельные столики, расставляя их перед тронами. Блюда поплыли в призрачных руках.

Гален снова встал с нами у края помоста. Конри уже терпел свое наказание и на пиру отсутствовал, но не Кел. Ему и его присным было позволено насладиться пиром перед исполнением приговора. Такое право имеет принц по этикету Неблагого Двора.

Королева начала есть, и все остальные тоже. Королева сделала первый глоток вина — все приложились к бокалам.

Когда подали суп, королева, остановив в руке ложку, посмотрела на меня. Это не был гневный взгляд — скорее озадаченный, — но уж точно не довольный. Наклонившись ко мне поближе, так, что ее волосы щекотали мне ухо, она шепнула:

— Дай кому-то из них сегодня, Мередит, иначе займешь место рядом с Кел ом.

Я отодвинулась, чтобы видеть ее лицо. Она все это время знала, что мы с Галеном в машине ничего не сделали. Но она помогла мне спасти его от вызова Конри, и за это я была ей благодарна. И все равно Андаис ничего без мотива не делает, так что я ломала голову: откуда вдруг такой акт милосердия? Мне бы очень хотелось спросить ее, но милость королевы — штука непрочная, как мыльный пузырь. Если в него слишком сильно тыкать, он просто лопнет, и его не будет. Я не стану протыкать этот кусочек доброты, я его просто приму.

Мы снова сидели в Черной Карете. Темнота все еще царила на небе, но уже ощущался в воздухе рассвет, почти как вкус соли возле моря. Его не видно, но все равно знаешь, что оно близко. Приближался рассвет, и я лично была этому рада. При Неблагом Дворе есть создания, которые не могут показаться при свете дня, те твари, которых Кел мог пустить по моему следу, хотя Дойл сомневался, что принц в эту ночь на что-нибудь подобное решится. Но фактически наказание Кела не начнется раньше вечера, так что и три месяца пока не начались. А это значило, что, когда ребята пошли собирать вещи, они взяли все свое оружие. Холод просто звякал на ходу. Остальные собрались несколько приличнее, но именно несколько.

Огромный меч Холода по имени Геамдрах По'г — "Поцелуй Зимы" — засунули между ним и дверцей машины. Иначе бы он не влез, даже пристегнутый за спиной. Этот меч не был смертельным оружием, как Смертный Ужас, но он мог украсть у фейри страсть, оставив жертву холодной и пустой, как зимний снег. Бывали времена, когда перспектива стать бесстрастным, утратить свою искру, пугала больше, чем смерть.

Дойл вел машину, а Рис ехал впереди, с ним. Дойл приказал Рису ехать позади со всеми нами, но Холод настоял, чтобы сзади разрешили сесть ему. Это было... непонятно.

Теперь он забился в дальний угол сиденья, привалился к двери, выпрямив спину, и его серебряные волосы блестели в полумраке. Гален сидел с другой стороны. Почти все его раны уже зажили, а те, что еще не закрылись, не были видны под переодетыми джинсами. Под рубашку он надел белый топ. Рубашку он заправил в джинсы, но оставил расстегнутой, так что была видна рубчатая ткань топа. Единственное, что осталось на нем из придворной одежды, это были сапоги до колен из очень мягкой кожи цвета темной лесной зелени. Кисточки, украшавшие голенища сапог, висели двумя заплетенными косичками, очень напоминающими об американских индейцах. Коричневый кожаный пиджак, который Гален носил годами, лежал сложенным на коленях.

На сиденье было место и для Китто, но он свернулся в уголке на полу, подобрав колени поближе к груди. Гален ему одолжил рубашку с длинными рукавами, чтобы прикрыть серебряные трусики. Рубашка была велика, и рукава болтались ниже кистей. От него видны были только босые ножки, высывающиеся из-под подола. Свернувшись в темноте на полу, он выглядел восьмилетним мальчишкой.

На вопросы вроде "Все ли с тобой в порядке?" и "Ты уверен?" он отвечал только "Да, госпожа". Кажется, он так отвечал вообще на все, но видно было, что по какой-то причине он несчастен. Я бросила попытки что-нибудь из него вытянуть. Я устала, лодыжка болела. Даже не лодыжка, а вся нога снизу и до колена. Рис и Гален по очереди прикладывали к ноге лед во время веселья после пира. Танец, который должен был мне помочь выбрать среди мужчин, пролетел впустую, потому что танцевать я не могла. Даже если бы не нога, я все равно до смерти устала и плохо себя чувствовала.

Я прислонилась к плечу Галена, почти задремывая. Он поднял руку обнять меня за плечи, но скривился и не стал:

— Ой!

— Укусы все еще болят? — спросила я.

Он кивнул и медленно опустил руку:

— Ага.

— А я не ранен.

Мы повернулись на голос Холода.

— Что? — спросила я.

— Я не ранен, — повторил он.

Я уставилась на него. Его лицо было обычным надменным совершенством, от невероятно широких скул и до сильной челюсти с намеком на ямочку. Это было лицо, которому пошла бы прямая и тонкая линия губ. А вместо этого губы оказывались полными и чувственными. Ямочка и рот спасали его лицо от излишней суровости. Сейчас его лицо было исполнено в самых резких чертах, какие я только на нем видела, спина прямая, словно аршин проглотил, рука стискивает ручку двери так, что пальцы побелели. Он до этого смотрел на меня, чтобы сделать предложение, но сейчас повернулся в профиль.

Глядя на него, я поняла, что Убийственный Холод сейчас нервничает. Нервничает из-за меня. Что-то уязвимое было в его манере, будто ему дорогого стоило подставить мне плечо для опоры.

Я оглянулась снова на Галена. Он приподнял брови, попытался пожать плечами, но не смог довести жест до конца. Пришлось ему только покачать головой. Приятно знать, что Гален тоже не в курсе, что происходит.

Мне не было особенно удобно приткнуться голову на плечо Холоду, но... он ведь мог броситься тогда в дверь, спастись, когда напали шипы, и он этого не сделал. Он остался с нами, со мной. У меня не было особых иллюзий, что Холод давно и втайне лелеял в глубине души великую любовь ко мне. Это просто было бы неправдой. Но сейчас оковы сняты, и если я скажу "да", то для Холода впервые за долгое время станет возможен секс. Он настоял на том, чтобы ехать рядом со мной, и сейчас предложил мне плечо для опоры. Холод по-своему пытался за мной ухаживать.

Это было как-то неуклюже-мило. Но Холод не вел себя мило. Он был надменен и полон гордости. И даже такая небольшая увертюра должна была для него стоить дорого. Если я отвергну предложение, станет ли он еще когда-нибудь рисковать собой ради меня? Предложит ли мне себя даже в такой малости когда-нибудь снова?

Я не могла так его разочаровать, и в тот момент, когда я это подумала, я уже знала, как ненавистно было бы ему, что причиной, по которой я подвинулась к нему по сиденью, не были мое вожелание или его красота, но нечто, слишком близкое к жалости.

Я подвинулась к нему, и он поднял руку, так что я смогла под нее подлезть. Он был чуть повыше Галена, так что на самом деле я не на плечо его положила голову, а на выпуклость груди.

Ткань рубашки царапала мне щеку, и я не могла устроиться уютно. Я никогда не была так близка к Холоду, и было это... неловко. Как будто нам не устроиться. Он тоже это ощутил, потому что мы стали оба как-то искать положение. Он перенес руку с моей спины на талию. Я попыталась поднять голову выше по его груди, опустить ниже. Попыталась приткнуться к нему поближе, отодвинуться дальше. Ничего не получалось.

Наконец я рассмеялась. Он замер, рука у меня на спине напряглась. Я услышала, как он сглотнул слюну. Видит Богиня, он нервничал.

Я попыталась встать на колени рядом с ним, но вспомнила про больную ногу и смогла только одну ногу подобрать под себя — осторожно, чтобы каблуки не порвали остатки чулок или атлас трусиков.

Холод снова повернулся ко мне только профилем. Я взяла его за подбородок и повернула к себе. Так близко я даже в темноте разглядела в его глазах обиду. Кто-то когда-то сделал ему больно. И эта боль сейчас была в нем — обнаженная и кровоточащая.

Мимические мышцы у меня на лице расслабились, смех затих.

— Я потому смеялась, — начала я, — что...

— Я знаю, почему ты смеялась, — сказал он и отодвинулся. Он прижался поближе к двери машины, хотя сидел так же прямо и чопорно. Чем-то напоминало, как Китто свернулся на полу.

Я осторожно тронула его за плечо. Тонкий занавес его волос падал на плечи, он был похож на шелк на ощупь. Цвет волос был таким резко металлическим, что не ожидаешь мягкости. А они были еще мягче, чем у Галена. Совершенно иной текстуры.

Он смотрел, как я глажу его волосы.

Я подняла на него глаза:

— Дело в том, что мы просто оказались на неуклюжей стадии первых свиданий. Мы никогда не держались с тобой за ручки, не целовались и не знаем, как нам устроиться друг с другом поуютнее. А с Галеном мы все эти подготовительные этапы давно прошли.

Он от меня отвернулся, высвобождая волосы из моих рук, хотя, я думаю, последнее не было намеренно. Он упорно смотрел в окно, хотя оно было как черное зеркало и лишь показывало мне его отражение, напоминавшее белых дам при Дворе.

— И как же преодолевается эта неловкость?

— Наверняка ты когда-нибудь с кем-нибудь встречался, — сказала я.

Он покачал головой:

— Это было более восьмисот лет назад, Мередит.

— Восемьсот, — повторила я. — Я думала, что запреты наложены уже тысячу лет как.

Он кивнул, не оборачиваясь, глядя на свое отражение в стекле.

— Восемьсот лет назад меня избрали консортом. Я служил ей три раза по девять лет, потом она выбрала другого.

Последние слова он произнес с едва заметным колебанием.

— Я не знала, — сказала я.

— И я не знал, — отозвался Гален.

Холод только смотрел в окно, будто замороженный отражением своих серых глаз.

— Первые двести лет я был как Гален, заигрывал с женщинами при Дворе. Потом она меня выбрала, а когда она отбросила меня в сторону, воздержание стало куда труднее. Память о ее теле, о том, что мы... — Голос его дрогнул. — Так что я ничего не делаю. Ни к кому не прикасаюсь. Более восьмисот лет я не знаю ничьего прикосновения. Никого не целовал. Никого не держал за руку. — Он прижался лбом к стеклу. — Я не знаю, как это прекратить.

Я встала на колени — так, что мое лицо оказалось рядом с его лицом в окне. Я положила подбородок ему на плечо, руки поставила по обе стороны от него.

— Ты хочешь сказать, что не знаешь, как начать.

Он поднял лицо и взглянул на мое отражение.

— Да, — прошептал он.

Я обняла его за плечи, прижала к себе. Я хотела сказать, что сочувствую ему, что она с ним так поступила. Хотела выразить свою жалость, но знала, что стоит ему унюхать запах этого чувства, как все будет кончено. Никогда он уже больше мне не откроется.

Я потерлась щекой о невозможную мягкость его волос.

— Все хорошо, Холод. Все будет хорошо.

Он прислонился головой к моей щеке. Я обняла его, взявшись одной рукой за запястье другой. Медленно, осторожно он накрыл мои руки своими, и когда я не шевельнулась и не напряглась, он взял мои руки и прижал к своей груди.

У него ладони взмокли — о, только чуть-чуть. Сердце его билось так сильно, что колотилось почти у меня в руках. Я коснулась губами его щеки — так легко, что это даже трудно было назвать поцелуем.

Он выдохнул — шумно и с облегчением, и грудь его взлетела и опала под моими ладонями. Он повернулся ко мне, и наши лица оказались рядом, совсем близко. Я заглянула ему в глаза, лаская взглядом его лицо, будто запоминая его, и в каком-то смысле это я и делала. Это была первая ласка, первый поцелуй. И никогда этого больше не будет, не будет этой новизны.

Холод мог бы сам придвинуть губы на это ничтожное расстояние, но он так не поступил. Он изучал меня глазами, как я его, но не сделал никакого движения к следующей фазе. Это я наклонилась к нему, это я сократила дистанцию между нашими губами. Я его поцеловала — нежно. Губы его были совершенно неподвижны под моими, и только полуоткрытый рот и лихорадочное биение сердца говорили, как он этого хочет. Я стала отодвигаться, и его рука скользнула по моей вверх, потом дальше, к затылку. Он вцепился мне в волосы, сжав пальцы, ощупывая густоту волос, как раньше я ощупывала его серебристую вуаль. Глаза его расширились самую чуточку, показывая белки. Он приблизил мое лицо к себе, и мы поцеловались — на этот раз он отвечал на поцелуй. Его губы прижимались ко мне.

Я открыла рот, прижалась к его губам и лизнула языком — быстрое влажное прикосновение. Он раскрыл губы мне навстречу, и поцелуй стал сильнее. Рука его осталась у меня в волосах, но другая обернулась вокруг талии и притянула меня к нему на колени. Он меня целовал так, будто хотел проглотить от губ и дальше. Мышцы его шеи ходили у меня под пальцами, пока он целовал меня губами, языком, как будто во рту у него были такие детали анатомии, которых я никогда не ощущала раньше. Я повернулась у него в руках, села на колени поудобнее. Он тихо застонал, и его руки подняли меня, так что ноги упали по обе стороны от него, и вдруг я оказалась на коленях, расставив ноги над ним, и поцелуй влажной горячей лентой тянулся, не прерываясь. Больной ногой я задела сиденье, и мне пришлось оторваться, чтобы вздохнуть полной грудью.

Холод прижался лицом к моей груди, дыша резко и прерывисто. Я прижимала к себе его лицо, обнимала за плечи. И моргала, как будто спросонья.

У Галена чуть челюсть не отвисла. Я боялась, что он будет ревновать, но он слишком был поражен для этого. То есть удивленных у нас было уже двое. Я едва могла поверить, что это Холода держу я в своих объятиях, что это рот Холода оставил у меня на коже воспоминание горячее, как ожог.

Китто глядел на меня огромными синими глазами, и на лице его выражалось не удивление, а жар. Я вспомнила: он же еще не знает, что в эту ночь настоящего секса не получит.

Первым оправился Гален. Он заплотировал и сказал с чуть нервозным смешком:

— По десятибалльной шкале я бы поставил двенадцать, а ведь я всего лишь смотрел.

Холод прижал меня к себе, все еще тяжело дыша, как после долгого бега. Он заговорил с

едва заметным придыханием, будто еще не пришел в себя:

— Я думал, я уже забыл, как это делается.

Тут я засмеялась — тем глубоким, низким, сочным смехом, от которого мужчины теряют голову, но я не притворялась. Тело мое еще пульсировало от избытка крови, избытка жара. Я прижимала к себе Холода. Тяжесть его лица на моей груди, его рот, склоненный ко мне так, что жар дыхания будто прожигал ткань кофточки, и я более чем наполовину хотела, чтобы этот рот опустился ниже, стал целовать мне груди.

Я смогла обрести голос:

— Поверь мне, Холод, ты ничего не забыл. — И я снова рассмеялась. — И если ты когда-нибудь целовался лучше, чем сейчас, мне бы такого поцелуя не пережить.

— Я бы хотел ревновать, — сказал Гален. — Черт побери, я был настроен ревновать, но скажи мне, Холод, ты не мог бы просто меня научить, как это делается?

Холод поднял голову, чтобы видеть меня, и его лицо было полно сияющей радости, на дне которой едва угадывалось что-то темное и удовлетворенное. От этого лицо изменилось, стало более... человеческим, но менее идеальным.

Тихо, интимно он произнес:

— И ведь это было только касание плоти. Без силы, без магии.

Я посмотрела в его глаза — и сглотнула слюну. Вдруг теперь занервничала я.

— Это само по себе магия, Холод, — сказала я, и слова прозвучали с придыханием.

Он покраснел — залился розовым от горла до лба. Это было прекрасно. Я поцеловала его в лоб и позволила помочь мне водрузить мою раненую ногу опять ему на колено. Потом я села на сиденье, а он продолжал обнимать меня за плечи. Тело мое устроилось под его рукой так, будто всегда там было.

— Видишь, теперь как уютно, — сказала я.

— Да, — подтвердил он, и даже это одно слово несло такой жар, от которого у меня под ложечкой засосало, и пониже — тоже.

— Тебе следует положить ногу повыше, — сказал Гален. — Я готов предложить собственные колени.

Я вытянула ноги, и он положил их к себе на колени. Но это было неудобно, когда я опиралась спиной на Холода.

— У меня спина в эту сторону не гнется, — сказала я.

— Если не поднять лодыжку повыше, она распухнет, — сказал Гален. — Держи ногу у меня на коленях и ложись. Я уверен, Холод не возразит, чтобы ты положила голову к нему на колени.

В последних словах слышалась приличная доля язвительности.

— Нет, — ответил Холод, — не возражу.

Если он и заметил язвительность, то не подал виду.

Я легла, держа руку на подоле юбки, чтобы она не задралась. Подняв ноги на колени к Галену, я была очень рада, что юбка длинная, отчего вид у меня получался более скромный. Я настолько устала, что ничего сейчас не имела против скромности.

Голову я положила Холоду на бедро, висок лег ему на живот. Рука его скользнула вдоль моего живота, пальцы нащупали мою руку, и мы держались за ручки, глядя в лицо друг другу. Это было почти что слишком интимно. Я сдвинула голову в сторону, полностью прижавшись щекой к его бедру. Свободная рука его играла с моими волосами, тихо их подергивая.

— Могу я снять с тебя туфлю? — спросил Гален.

Я посмотрела на него вдоль всего своего тела:

— Зачем?

Он чуть приподнял бедра, и я ощутила, что острый каблук упирается в часть тела слишком мягкую, чтобы это было бедро. Он прижимался к острому каблуку, взгляд его ощущался у меня на лице как тяжесть.

— Несколько островат каблук, — сказал он.

— Тогда перестань к нему прижиматься, — ответила я.

— Мне еще довольно трудно двигаться, Мерри.

— Ой, прости, Гален! Конечно, можешь снять с меня туфлю.

Вспыхнула его улыбка. Он снял туфлю с моей ноги, поднял ее, посмотрел, покачал головой.

— Мне нравится, как ты смотришься на каблуках, но плоские платформы могли бы спасти тебя от растяжения.

— Ей повезло, что она отделалась растяжением, — сказал Холод. — Заклинание было мощное, хотя и плохо построенное.

Я кивнула, моя голова качнулась у его ноги.

— Да, вроде как стрелять по белкам картечью. Убить ты их убьешь, но мало что останется от добычи.

— Сила у Кела есть, но управлять он ею почти не умеет, — заметил Холод.

— А мы уверены, что это Кел? — спросил Гален.

Мы оба посмотрели на него:

— А ты нет? — спросила я.

— Я просто говорю, что не надо все валить на Кела. Он твой враг, но он может быть не единственным. Я не хочу, чтобы мы так пристально смотрели в его сторону, что просмотрели бы угрозу с другой стороны.

— Хорошо сказано, — одобрил Холод.

— Послушай, Гален, ты почти умную вещь сказал! — поразила я.

Гален легонько шлепнул меня по стопе.

— Эти комплименты тебя и близко к моему телу не подведут.

Я подумала было, что стоило бы ткнуть ногой ему в пах и потоптаться — доказать, что я уже достаточно близко к его телу, но я не стала. Он был ранен, и это значило бы причинять боль без цели.

Китто следил за нами внимательным взглядом синих глаз. Что-то было в этом лице, в том, как он внимательно себя держал, что я готова была ручаться: он может описать все, что мы делали, повторить все, что мы говорили. Будет ли он докладывать Курагу? Насколько этот малыш "мой"?

Он увидел, что я на него смотрю, и встретил мой взгляд. Он глядел не испуганно — дерзко, с ожиданием. Кажется, ему стало спокойнее, когда я поцеловала Холода, хотя я и не понимала почему.

Кажется, от моего взгляда он еще осмелел. Он подполз вперед, ко мне. Глаза его стрельнули на Галена, на Холода, но он встал на колени, оседлав бугор посередине пола.

И заговорил, очень тщательно выговаривая слова, стараясь не показывать ни клыков, ни раздвоенного языка.

— Ты сегодня трахалась с зеленоволосым сидхе.

Я стала было возражать, но Гален тронул меня за ногу, слегка сжал. Он был прав — мы не знали, насколько можно доверять этому гоблину.

— Ты целовалася... — У него получился свистящий звук, и он запнулся, потом начал снова: — Ты сегодня целовалась с серебряноволосым сидхе. Я просил бы позволения поддержать в этом деле честь гоблинов. Пока мы не разделим с тобой плоть, договор между тобой и моим царем не утвержден окончательно.

— Придержи язык, гоблин! — одернул его Холод.

— Нет, — остановила я его, — все в порядке, Холод. Китто еще очень вежлив для гоблина. В их культуре принята полная откровенность во всем, что касается секса. Кроме того, он прав. Если с Китто что-нибудь случится до того, как мы объединим плоть, гоблины не будут связаны договором.

Китто поклонился так, что коснулся лбом сиденья, зацепив волосами руку Холода, которой он все еще держал мою. Он потерся лбом о сиденье вдоль моего тела, как кошка.

Я потрепала его по голове:

— Не мечтай насчет сделать это в машине. Я групповым сексом не занимаюсь.

Он медленно выпрямился, бездонные синие глаза уставились на меня.

— Когда приедем в отель? — предположил он.

— У нее нога вывихнута, — сказал Гален. — Я думаю, это может подождать.

— Нет, — сказала я. — Нам нужны гоблины.

Рука Галена, лежащая на моей ноге, выдала его напряжение.

— Мне это не нравится.

— Пусть не нравится, Гален, важно только понимать, насколько это необходимо.

— И мне не нравится, что этот гоблин тебя коснется, — произнес Холод, — но убить гоблина было бы просто. Их проще убивать, чем сидхе, если пользоваться магией.

Я посмотрела на хрупкое тело Китто. Я знала, что он может помахать кулаками почти с кем угодно и потом ухромать прочь живым, но магия... Это не сильная сторона у гоблинов.

Я устала, очень устала. Но мне больших трудов стоил альянс с гоблинами. Лишаться его из-за брезгливости я не собиралась. Вопрос был только в том, какую часть своего тела я готова подставить под его клыки? Фунт мяса я отдавать не хотела, но укус — на него Китто имел право. Куда прикажете вас укусить?

Идти я не могла из-за ноги, и в вестибюль отеля меня внес Дойл. Китто держался ко мне поближе. Рис отпускал по этому поводу сердитые комментарии. Если Рис так и будет катить бочку на всех гоблинов, то будет еще труднее, чем сейчас. А мне это не надо было. Мне надо было что-нибудь, от чего стало бы легче.

А тот, кто ждал в вестибюле, задачу мне никак не облегчал.

Гриффин сидел в мягком кресле, вытянув длинные ноги и откинув голову на спинку. Глаза его были закрыты, когда мы вошли, будто он спал. Густые волнистые волосы цвета меди рассыпались по плечам. Я помнила времена, когда они доходили до земли, и мне было горько, когда он их обрезал. Сегодня я смогла не искать его в толпе — одного взгляда было достаточно, чтобы увидеть отсутствие этой рыжей, почти красной шевелюры. Зачем он здесь? Почему его не было на пиру?

Я смотрела на него, на черную полосу ресниц закрытых глаз на бледных веках. Он тратил зря гламор, пытаюсь сойти за человека. Но даже приглушив себя магией, он сиял. Одет он был в джинсы и ковбойские сапоги, белую рубашку, застегнутую на все пуговицы, и джинсовую куртку с кожаными накладками на плечах и рукавах. Я ждала, что у меня стеснится в груди, захватит дыхание при виде его. Потому что он не спал — он принял позу, в которой сразу был виден весь эффект. Но в груди у меня не стеснилось, и с дыханием тоже было все в порядке.

Дойл остановился, держа меня на руках, перед самым краем поддельного азиатского ковра, на котором стояло кресло. Я смотрела на Гриффина сверху, с рук Дойла, и ничего не чувствовала. Семь лет моей жизни — и вот я могу смотреть на него и не ощущать ничего, кроме ноющей пустоты. И задумчивой печали, что все это время, всю эту энергию я потратила на вот этого. Я боялась увидеть его снова, боялась, что все старые чувства нахлынут снова или что я взбешусь, когда его увижу. Но ничего этого не было. У меня навсегда останутся сладкие воспоминания о его теле, куда менее сладкие воспоминания о его измене, но мужчина, который сидел передо мной в тщательно продуманной позе, уже не был моей любовью. Это понимание принесло и глубокое облегчение, и тяжелую печаль.

Он медленно открыл глаза, потом губы его изогнулись в улыбке. Вот от этой улыбки у меня в груди кольнуло, потому что когда-то я верила, что она предназначена только для меня. И взгляд медово-карих глаз тоже был мне знаком. Слишком знаком. Он смотрел так, будто я никогда никуда и не девалась. Он смотрел на меня с той же уверенностью, что раньше Гален. Глаза его наполнились знанием моего тела и обещанием, что скоро он это знание освежит.

От этого даже гипотетические остатки моей нежности к нему благополучно испарились.

Молчание затянулось слишком долго, но я не видела нужды его прерывать. Я знала, что, если я ничего не скажу, первым заговорит Гриффин. Он всегда обожал звук собственного голоса.

Он встал одним текучим движением, чуть сутулясь, и потому казался слегка ниже своих шести футов трех дюймов. Улыбнулся мне во весь рот, и глаза его заискрились, на щеках показались ямочки.

Я смотрела на него с неподвижным лицом. Тут помогло, что я смертельно устала и едва

могла шевелить мозгами, но дело было не только в этом. Я была изнутри пуста и позволила себе выразить это на лице. Я давала ему видеть, что он для меня ничего не значит, хотя, зная Гриффина, не думаю, что он в это поверил.

Он шагнул вперед, протягивая руку, будто собираясь обменяться со мной рукопожатием. Я посмотрела на него в упор, пока его рука не опустилась, и впервые я увидела, что он не в своей тарелке.

Обведя взглядом всех нас, он снова повернулся ко мне.

— Королева настояла, чтобы меня сегодня там не было. Она думала, что это может тебя расстроить. — Уверенность уходила из его глаз, оставляя тревогу. — Что я сегодня пропустил?

— Что ты здесь делаешь, Гриффин?

Мой голос был так же пуст, как и сердце.

Он переступил с ноги на ногу. Явно сцена счастливого воссоединения развивалась не по его сценарию.

— Королева сказала, что сняла запрет со стражи для тебя лично.

Он покосился на Дойла, на остальных. Нахмурился, увидев гоблина. Все это ему не нравилось. И не нравилось, что я у кого-то на руках. Во мне шевельнулось некоторое чувство удовлетворения. Да, мелочно, но так было.

— Какое отношение имеет снятие запрета к ответу на мой вопрос, Гриффин?

Он нахмурился, не понимая.

— Что ты здесь делаешь? — повторила я вопрос.

— Королева сказала, что пошлет с тобой одного из стражей по ее собственному выбору. — Он снова попытался улыбнуться, но улыбка под моим взглядом растаяла.

— Ты пытаешься мне сказать, что королева послала тебя в качестве шпиона?

Он поднял голову, выставив подбородок. Признак, что он не слишком доволен.

— Я думал, тебе будет приятно, Мерри. Есть много стражей, с которыми куда хуже делить постель.

Я покачала головой, снова прислонилась лицом к плечу Дойла.

— Я слишком устала для таких разговоров.

— Что прикажешь нам сделать, Мередит? — спросил Дойл.

Глаза Гриффина похолодели, и я поняла, что Дойл назвал меня по имени, без титула — нарочно. От этого я улыбнулась.

— Отнесите меня в номер и свяжитесь с королевой. С этим меня никто не заставит лечь в одну постель, ни по какой причине.

Гриффин шагнул к нам, продолжая гладить мои волосы. Дойл повернулся, отводя меня от руки Гриффина.

— Она была моей спутницей семь лет, — произнес Гриффин, и в его голосе слышалась злость.

— Тогда надо было ее ценить как драгоценный дар, каковым она и является.

Гриффин встал перед Дойлом, перекрывая нам путь к лифтам.

— Мерри, Мерри, неужели ты ничего...

— Не чувствую? — договорила я. — Чувствую. Чувствую желание убраться отсюда, пока толпа не собралась.

Он глянул в сторону конторки портье. Ночная дежурная смотрела на нас во все глаза. К ней подошел мужчина и тоже стал смотреть, будто они опасались скандала.

— Я здесь по воле королевы. Только она может отослать меня прочь, но не ты.

Глядя в его злобные глаза, я засмеялась.

— Отлично, отлично. Пойдемте в номер всей гурьбой и позвоним ей оттуда.

— Ты твердо решила? — спросил Дойл. — Если ты хочешь, чтобы он остался в вестибюле, мы это можем организовать.

Некоторый оттенок в его голосе подсказывал, что Дойл хочет Гриффину дать как следует, ищет лишь повода его наказать. Не думаю, чтобы это было из-за меня. Скорее дело в том, что Гриффин имел то, что все они хотели — доступ к женщине, которая его обожает, — и он это выбросил на помойку у них на глазах.

Холод встал за спиной у Дойла. Китто присоединился к нему. Рис подошел с другой стороны, а Гален начал обходить Гриффина с тыла.

Гриффин внезапно напрягся, рука его поползла к поясу брюк и стала уходить под пиджак.

— Если твоя рука скроется из виду, — предупредил его Дойл, — я сочту, что ты задумал недоброе. Тебе не понравится, если я так сочту, Гриффин.

Гриффин пытался держать всех в поле зрения, но он уже дал обойти себя с флангов и тыла. Держать под обзором полный круг невозможно. Это было настолько неосторожно, что нельзя выразить словами, а Гриффин уж каким-каким, но неосторожным не бывал никогда. Впервые я подумала, действительно ли он так был огорчен нашим разрывом, что стал беспечным, настолько огорчен, что это может стоить ему серьезных повреждений и даже смерти.

Идея эта была даже заманчива с каким-то социопатическим оттенком, но я не хотела его смерти. Я только хотела, чтобы он убрался.

— Как ни заманчиво было бы посмотреть, как вы будете друг из друга пыль выбивать, давайте этого делать не будем, а сделаем вид, что это уже сделано.

— Какие будут твои приказания? — спросил Дойл.

— Все поднимемся наверх, свяжемся с королевой, малость почистимся, а там посмотрим.

— Как прикажешь, принцесса, — сказал Дойл.

Он понес меня к лифтам. Остальные шли следом, образовав полукруглую сеть, чтобы отвести Гриффина в сторону от нас. Не ожидая приказа, Рис и Гален заняли в лифте места по обе стороны Гриффина.

Дойл встал сбоку, спиной к зеркальной стене, так что он видел сразу и Гриффина, и закрытую дверь. Холод точно так же встал с другой стороны двери. Китто ел глазами Гриффина, будто впервые его видел.

Гриффин прислонился к стене, сложив руки на груди, скрестил ноги — картина полной расслабленности. Но глаза его не были расслаблены. И напряжение плеч тоже не удавалось скрыть никаким притворством.

Я посмотрела на него, стоящего между Галеном и Рисом. Он был на три дюйма выше Галена и еще намного выше Риса.

Поймав мой взгляд, он сбросил с себя гламор, медленно, как в стриптизе. Сколько раз я видела, как он делает это голым, — не сосчитать. Как будто видишь свет, расходящийся у него из-под кожи. Всегда сперва стопы, потом мышечная гряда икр, до сильных бедер, вверх, вверх, пока каждый дюйм кожи не начинал светиться полированным алебастром, в котором горит свеча, и так ярко, что будто даже тени ложились от предметов.

Память о его теле, нагом и сияющем, выжжена была в моем сознании, и то, что я закрыла глаза, не помогло. Слишком долго это воспоминание было мне дорого. Я открыла глаза и увидела, как медно-красные волосы начинают светиться, будто сквозь них проведен тоненький металлический провод. Густые толстые волны волос потрескивали и шевелились от силы. Глаза перестали быть медово-карими, они стали трехцветными: карими возле зрачка, потом расплавленное золото и старая бронза. От вида сияющего Гриффина у меня дыхание стеснилось в груди. Он всегда был красив, и никакая ненависть не могла этого изменить.

Но одной красоты недостаточно, даже наполовину недостаточно.

Никто ни слова не говорил, пока лифт не остановился. Тут Гален поймал Гриффина за руку, а Рис проверил коридор перед тем, как Дойл меня вынес.

— Зачем такие предосторожности? — спросил Гриффин. — Что сегодня случилось?

Рис проверил дверь, потом взял у меня карту с ключом и открыл дверь. Он проверил номер, пока мы все ждали в холле. Если у Дойла и устали руки меня держать, это не было заметно.

— Номер чист, — сказал Рис.

Он взял Гриффина за другую руку, и они ввели его в номер. Мы вошли за ними.

Дойл положил меня на кровать, прислонил к ее спинке. Достав из-под одеяла подушку, Дойл подложил ее мне под ногу. Потом снял плащ и положил его в ногах кровати. На голой груди у него была все та же система кожаных ремней с металлическими шипами, в ушах блестели все те же серебряные кольца, и павлиньи перья все так же задевали плечи. Мне впервые пришло в голову, что я никогда не видела Дойла в другом уборе. Не только в одежде, но я даже не знаю, использует ли он гламор. Дойл никогда не старался быть не тем, что он есть.

Я посмотрела на Гриффина, все еще сияющего, все еще прекрасного. Гален и Рис усадили его в кресло. Гален облокотился на столик возле кресла. Рис привалился к стенке. Никто из них не светился, но я знала, что Гален по крайней мере не пытался сойти за человека.

Китто взобрался на кровать и свернулся подле меня, закинув одну руку мне на талию, опасно близко к тому, что пониже. Но он не пытался использовать это положение. Уткнувшись лицом мне в бедро, он казался довольным, будто собирался уснуть.

Холод сел в дальнем конце кровати, оставив ноги на полу, но не допуская, чтобы на постели оказался только гоблин. Он скрестил руки на груди под следами крови. Так он и сидел — высокий, прямой и щемяще-красивый, но не светился, как Гриффин.

Вдруг меня осенило: Гриффин не убирал гламор, он его добавлял. Всегда, когда я думала, что он убирает обман, он укутывал себя самым большим обманом. Почти никто из сидхе не умеет использовать гламор, чтобы улучшить свой вид в глазах других сидхе. Попытаться можно, но это будет зряшная работа. Даже я теперь, когда пришла в силу, видела, что его сияние — обман.

Я закрыла глаза, оперлась головой о стену.

— Убери гламор, Гриффин. Сиди как хороший мальчик.

Я сама слышала, каким усталым голосом говорю.

— У него отлично получается, — сказал Дойл. — Лучше я вряд ли у кого видел.

Я открыла глаза и посмотрела на Дойла.

— Приятно слышать, что представление предназначалось не мне одной. А то я

чувствовала себя полной дурой.

Дойл оглядел комнату.

— Джентльмены? — спросил он.

— Он светится, — сказал Гален.

— Как светляк в июне, — подтвердил Рис.

Холод кивнул.

Я тронула Китто за волосы:

— Ты его видишь?

Китто приподнял голову, глаза его были полузакрыты.

— Для меня все сидхе красивы.

Он снова ткнулся в меня лицом, чуть ниже по бедру, чем был раньше.

Я посмотрела на Гриффина, все еще сияющего и такого красивого, что хотелось заслонить глаза рукой, как от солнца. Мне хотелось на него заорать, крикнуть, что я думаю о его лжи и обмане, но я не стала. Гнев укрепил бы его в уверенности, будто он что-то еще для меня значит. А это было не так — то есть я чувствовала совсем не то, что ему хотелось бы. Я чувствовала себя обманутой дурой и злилась.

— Свяжись с королевой, Дойл, — попросила я.

Туалетный столик стоял перед кроватью, большим зеркалом обращенный ко мне. Дойл встал в середине зеркала. Я все еще видела в стекле себя. Разглядывая свое отражение, я думала, почему я так мало изменилась. Конечно, волосы надо бы причесать, макияж освежить, помада совсем стерлась, но лицо оставалось тем же. Невинность исчезла из него много лет назад, и очень мало осталось способности удивляться. Испытывала я только жуткое оцепенение.

Дойл приложил руки над стеклом. Я ощутила, как поползла по комнате магия, будто мурашки по коже. Китто поднял голову посмотреть, положил щеку мне на бедро.

Сила выросла до давления — такого, что хотелось продуть уши, чтобы его выровнять, но единственное на самом деле, чем можно было снять это давление, — использовать его. Дойл погладил зеркало, и оно заколебалось, как вода в сосуде. Его пальцы были как камешки, брошенные в пруд, и от них пошли круги. Дойл слегка шевельнул руками, запястьем и пальцами, и зеркало перестало быть прозрачным. Поверхность стала молочно-белой, как туман.

Туман прояснился, и показалась королева, сидящая на краю кровати, и глядела она на нас будто сквозь зеркало в рост у себя в покоях. Она сняла уже перчатки, но остальной наряд был на ней. Она ждала нашего вызова — я готова была ручаться любой частью тела. Сбоку от нее виднелось голое плечо Эймона, он лежал на боку, будто спал. Мальчик-блондинчик стоял возле нее на коленях, приподнявшись на локтях. Он тоже был голый, но не под одеялами. Тело у него было сильное, но худое — мальчишеское тело с мускулатурой мужчины. Я снова подумала, есть ли ему уже восемнадцать.

Дойл отошел в сторону, чтобы королева первой увидела меня.

— Привет, Мередит!

Ее глаза оглядели всю сцену: полуодетого гоблина и Холода со мной на кровати. Она улыбнулась, и это была улыбка удовольствия. Я поняла, что декорации у нее и у меня одинаковы. У нее двое мужчин в кровати, и у меня тоже. Я только надеялась, что она больше наслаждается этой ситуацией. А может быть, и не надеялась.

— Здравствуй, тетя Андаис.

— Я думала, ты уже залезла в постель с одним или несколькими из своих мальчиков. Ты меня разочаровала.

Она погладила мальчишку по голой спине, провела рукой по овалу ягодиц. Ленивый жест, как собаку по спине потрепать.

Я заговорила самым нейтральным, тщательно лишенным эмоций голосом:

— Когда мы приехали, здесь был Гриффин. Он сказал, что послала его ты.

— Так и есть, — ответила она. — Ты согласилась спать с моим шпионом.

— Я не соглашалась спать с Гриффином. Я думала, что после нашего разговора ты поняла, какие у меня к нему чувства.

— Нет, — ответила Андаис. — Нет, я этого совсем не поняла. На самом деле я не думаю, что ты сама это понимаешь.

— Никаких, — ответила я. — Единственное, чего я от него хочу, — это чтобы он не показывался мне на глаза, и спать я с ним не собираюсь ни при каких обстоятельствах. — Не успела я это сказать, как до меня дошло, что она может теперь на этом настаивать просто ради упрямства. И я быстро добавила: — Я хочу знать, что на него снова наложен целибат. Он был освобожден десять лет назад, чтобы иметь возможность спать со мной, но он злоупотребил этой свободой, чтобы трахать всех, кто соглашается. Я хочу, чтобы он знал: я сплю с другими стражами, им разрешено иметь секс, а ему — нет. И если я не соглашусь с ним лечь, то он обречен жить без секса до конца своей ох какой долгой жизни.

Я улыбнулась, говоря эти слова, и поняла, что говорю правду. Прости меня Богиня, это мстительно, но это действительно то, что я чувствовала.

Андаис снова засмеялась:

— Ох, Мередит, ты куда больше одной крови со мной, чем я смела надеяться. Да будет по твоей воле. Отправь его обратно на его одинокое ложе.

— Ты слышал, — обратилась я к нему. — Убирайся.

— Если не я, — сказал Гриффин, — то будет кто-то другой. Может быть, тебе стоит ее спросить, кого она пришлет мне на замену.

Я глянула на тетушку:

— Кого ты пришлешь ко мне вместо Гриффина?

Она протянула руку, и на свет выступил мужчина, который будто терпеливо ждал этого зова. Кожа у него была цвета весенней сирени, а волосы до колен — цвета розовой травки пасхального яичка. И глаза как озера жидкого золота. Это был Паско, брат-близнец Розенвин.

Я смотрела на него, он на меня. Никогда мы с ним не были друзьями. На самом деле раз или два я думала, что мы враги.

Гриффин рассмеялся:

— Мерри, это несерьезно. Ты предпочтешь трахаться с Паско, а не со мной?

Я посмотрела на Гриффина. Он перестал светиться и выглядел почти обычно. И был зол, так зол, что даже руки у него мелко дрожали, когда он показывал на зеркало.

— Гриффин, лапушка, — сказала я, — есть чертова уйма мужчин, которых я предпочла бы тебе в своей постели.

Королева засмеялась, потянула Паско за руку и усадила его к себе на колени — как Санта Клаус на рождественской распродаже сажает на колени ребенка. Она смотрела на меня, поглаживая сахарную вату волос Паско.

— Ты согласна принять Паско как моего соглядатая?

— Согласна.

У Паско чуть выкатились глаза, будто он ожидал хоть каких-то с моей стороны возражений. Но я сегодня уже не была на них способна.

Андаис погладила Паско по спине.

— Кажется, ты его удивила. Он говорил, что ты никогда не согласишься делить с ним ложе.

Я пожала плечами:

— Это нельзя назвать судьбой, которая хуже смерти.

— Весьма верно, племянница моя. — Наши глаза встретились сквозь отсутствующее зеркало. Она кивнула и подтолкнула мужчину, сидящего у ее ног, заставив встать. Потом шлепнула его по ягодицам, и он вышел из кадра. — Скоро он у тебя будет.

— Отлично, — сказала я. — Теперь, Гриффин, исчезни.

Гриффин замялся, потом вошел в кадр зеркала. Посмотрел на королеву, на меня. Открыл рот, будто хотел что-то сказать, потом закрыл — и это было самое умное, что он мог сделать.

Он поклонился и произнес:

— Повинуюсь, моя королева. — И повернулся ко мне: — Еще увидимся, Мерри.

Я покачала головой:

— Зачем?

— Ты меня когда-то любила, — произнес он почти вопросительно, почти с мольбой.

Я могла бы солгать — на мне не было чар, — но не стала.

— Да, Гриффин, я любила тебя когда-то.

Он посмотрел на меня, перевел глаза на кровать с ее шведским столом мужчин.

— Мне очень жаль, Мерри, что так вышло.

Слова прозвучали искренне.

— Жаль, что ты потерял меня, жаль, что убил мою любовь к тебе, или жаль, что больше меня не трахнешь?

— Все вместе, — ответил он. — Все вместе.

— Умный мальчик. А теперь уходи, — сказала я.

Что-то мелькнуло на его лице, похожее на страдание, и я впервые подумала, что, может быть — только может быть, — он понял, что поступил неправильно.

Он открыл дверь, шагнул наружу, и когда дверь за ним закрылась, я поняла, что он ушел. Не просто ушел в том смысле, что его не будет рядом. Он перестал быть для меня моим милым, перестал отличаться от других.

Я вздохнула и снова привалилась к стенке. Китто подвинулся ближе, подсунул под меня босую ногу. Я подумала, будет ли, черт побери, мне этой ночью хоть минутка побыть одной.

Я снова посмотрела в зеркало:

— Ты же знала, что я не приму Гриффина как твоего соглядатая, не приму, если это значит иметь с ним секс.

Она кивнула:

— Мне нужно было знать твои истинные чувства к нему, Мередит. Нужно было проверить окончательно, не влюблена ли ты все еще в него.

— Зачем? — спросила я.

— Потому что любовь может помешать вождению. Теперь я знаю, что ты изгнала его из своего сердца. И я этим довольна.

— Я просто без ума от радости, что ты довольна.

— Осторожнее, Мередит. Мне не нравится язвительность в мой адрес.

— А мне не нравится, когда мне вырезают сердце ради развлечения.

Я еще не успела это сказать, когда поняла, что говорить не надо было.

Ее глаза сузились.

— Когда я вырежу тебе сердце, Мередит, ты об этом узнаешь.

Зеркало заволокло туманом, и вдруг снова явилась отражающая поверхность. Я таращилась в зеркало на свое отражение, и сердце стучало у меня в глотке.

— Когда мне вырезают сердце, — повторил Гален. — Не-удачный, очень неудачный выбор слов.

— Я знаю.

— На будущее, — заметил Дойл, — сдерживайся. Андаис не нуждается ни в каких подсказках насчет идей подобного рода.

Я отпихнула Китто от себя. Потом осторожно спустила ногу с кровати и начала вставать, опираясь на ночной столик.

— Что ты делаешь? — спросил Дойл.

— Собираюсь смыть с себя сколько получится этой крови и грязи и лечь в постель. — Я оглядела собравшихся мужчин. — Кто мне поможет принять ванну?

Вдруг повисла очень плотная тишина. Мужчины переглядывались, будто не зная, что делать и что говорить. Гален шагнул вперед, протянул мне руку, чтобы помочь встать. Руку я приняла, но покачала головой.

— Гален, ты со мной сегодня быть не можешь. Нужен кто-то, кто сможет закончить то, что мы начинаем.

Он на миг опустил глаза к полу, потом поднял их.

— А!

Он помог мне снова сесть на кровать, потом подошел к креслу, где бросил свою куртку.

— Я пойду попрошу портье дать мне соседний номер с этим, а потом пойду пройду. Кто со мной?

Все они переглянулись. Кажется, никто не знал, как тут себя вести.

— И как королева выбирала между вами всеми? — спросила я.

— Она просто указывала стража — или стражей, — которых желала на этот вечер, — ответил Дойл.

— Разве у тебя нет предпочтений? — спросил Холод, и что-то почти обиженное было в его тоне.

— Ты говоришь так, будто здесь есть плохой вариант. Плохого варианта нет, вы все прекрасны.

— Я уже получил от Мередит разрядку, — сказал Дойл, — так что на сегодня я откланяюсь.

Тут все обратили взгляды к нему, и Дойлу пришлось очень кратко объяснить, что он имел в виду. Холод и Рис снова переглянулись, и вдруг в комнате повисло напряжение, которого только что не было.

— В чем дело? — спросила я.

— Ты должна выбрать, Мередит, — сказал Холод.

— Почему это? — удивилась я.

Ответил Гален:

— Если ты предоставишь такой выбор всего двоим, очень велика опасность дуэли.

— А их не двое, а трое, — сказала я.

Они все посмотрели на меня, потом медленно перевели взгляды на кровать, где все еще оставался гоблин. Он был так же удивлен, как и они, таращился огромными глазами. И был почти напуган.

— Я бы никогда не стал соревноваться с сидхе.

— Китто пойдет в ванную, независимо от того, кто еще там будет, — сообщила я.

Все глаза устремились на меня.

— Что ты сказала? — спросил Дойл.

— Ты слышал. Я хочу заключить союз с гоблинами, а это значит, что я должна поделиться плотью с Китто. Именно это я и собираюсь сделать.

Гален пошел к дверям:

— Я позже найду.

— Подожди меня, — окликнул его Рис.

— Ты уходишь? — спросила я.

— Как бы я ни хотел тебя, Мерри, с гоблинами я не якшаюсь.

Он вышел вместе с Галеном. Дверь за ними закрылась, Дойл ее запер.

— Это значит, что ты остаешься? — удивилась я.

— Я буду сторожить наружную дверь, — ответил он.

— А если нам понадобится кровать? — спросил Холод.

Дойл задумался, потом пожал плечами:

— Если вам понадобится кровать, я могу подождать за дверью номера.

Еще какое-то время шли переговоры и уточнения. Холод хотел четко оговорить, что ему не придется притрагиваться к гоблину. Я согласилась. Холод поднял меня на руки и понес в ванную. Китто уже был там, напускал воду в ванну. Когда мы вошли, он поднял глаза. Рубашку Галена он уже снял и остался в своей серебряной перевязи. Нам он ничего не сказал, только смотрел огромными синими глазами, одной рукой размешивая льющуюся из-под крана воду.

Холод оглядел тесноватое помещение, потом посадил меня на столик возле раковины. Он стоял передо мной, и вдруг как-то стало неловко. Поцелуй в машине — это было чудесно, но это было первое наше с Холодом прикосновение. А теперь нам предстоял секс — да еще и на публике.

— Правда неловко? — спросила я.

Он кивнул. От этого движения занавес его серебряных волос скользнул по телу.

Холод медленно, осторожно протянул руку к моему жакету. Он сдвинул бархат у меня с плеч, медленно спустил его вниз по рукам. Я стала помогать ему вынуть мои руки из рукавов, но он сказал:

— Нет, дай я.

Я снова опустила руки, и он стянул один рукав, потом другой и бросил жакет на пол. Кончиками пальцев он погладил мне голую кожу плеч. От этого у меня мурашки побежали до самых пальцев.

— Распусти волосы, — попросила я.

Он снял первую костяную заколку, потом вторую, и волосы упали вокруг сияющей новогодней канителью. Я протянула руку, зачерпнула их в горсть. На вид они были как серебряная проволока, но на ощупь мягче атласа и с текстурой витого шелка.

Он шагнул ближе, наши ноги соприкоснулись. Холод погладил меня ладонями по голой спине. Он касался меня так осторожно, будто боялся гладить.

— Если ты согласишься наклониться, я расстегну молнию.

Я наклонилась, уперлась головой ему в грудь. Ткань рубашки слегка царапалась, но руки, которые расстегивали мне платье, действовали медленно и ласково. Пальцы скользнули в раскрывшееся платье, кружа по гладкой коже спины.

Я попыталась вытащить его рубашку из брюк, но она не вылезала.

— Рубашка не вытаскивается, — пожаловалась я.

— Она пристегнута, чтобы лежала гладко, — объяснил он.

— Пристегнута?

— Мне придется сначала снять штаны, чтобы снять рубашку, — сказал он и покраснел — чудесный цвет бледно-красной розы.

— Что с тобой, Холод?

Шум воды прекратился. Китто объявил:

— Ванна готова, госпожа.

— Спасибо, Китто. — Я поглядела на Холода. — Ответь, пожалуйста.

Он опустил глаза под занавесом блестящих волос. Потом отвернулся от меня к дальней стене, так что даже гоблин не видел его лица.

— Холод, пожалуйста, не заставляй меня спрыгивать со стола, чтобы заставить на себя смотреть. Я не хочу вывихнуть вторую лодыжку.

Он ответил, не поворачиваясь:

— Я себе не доверяю, когда я с тобой.

— В чем именно?

— В том, что может сделать мужчина с женщиной.

Я так и не поняла.

— Все равно не понимаю, Холод.

Он резко обернулся ко мне, в серых глазах клубилась буря гнева.

— Я хочу на тебя наброситься, как бешеный зверь. Не хочу быть ласковым. Я просто — хочу.

— То есть ты боишься, что не сдержишься, и меня... — я поискала слово, но нашла только такое, — ...изнасилуешь?

Он кивнул.

Я засмеялась — ничего не могла поделать. Я знала, что ему это не понравится, но не могла с собой справиться.

Он снова сделал надменное и далекое лицо, глаза его похолодели, хотя остались сердитыми.

— Чего ты хочешь от меня, Мередит?

— Извини меня, Холод, но невозможно изнасиловать желающую.

Он нахмурился, будто не понял фразы.

— Я хочу сегодня с тобой заниматься сексом. Таков наш план. Какое же тут может быть изнасилование?

Он покачал головой, волосы колыхнулись искрящейся волной.

— Ты не понимаешь. Я боюсь, что не смогу себя сдерживать.

— В каком смысле?

— В любом!

Он отвернулся, обхватив себя руками.

Наконец-то до меня начало доходить, что он хочет сказать.

— Тебя беспокоит, что ты не сможешь достаточно долго продержаться, чтобы я получила удовольствие?

— Это, и еще...

— Что, Холод, что?

— Он тебя хочет трахнуть, — сказал Китто.

Мы оба повернулись к гоблину, стоящему на коленях возле ванны.

— Я это знаю, — ответила я ему.

Китто покачал головой:

— Не секс, а просто трах. Он так давно без этого, что просто хочет это сделать.

Я посмотрела на Холода — он отвел глаза.

— Это и есть то, чего ты хочешь?

Он повесил голову, скрылся за водопадом волос.

— Я хочу содрать с тебя трусы, посадить на раковину и засунуть. У меня не ласковое сегодня состояние, Мередит, а полубезумное.

— Так давай, — сказала я.

Он повернулся и уставился на меня:

— Как ты сказала?

— Давай делай как тебе хочется. Восемьсот лет — можно себе позволить небольшую фантазию.

Он нахмурился:

— Но тебе это не будет в радость.

— Это уж предоставь мне. Ты забыл, что я происхожу от богов плодородия. Сколько бы раз ты в меня ни вошел, я смогу снова пробудить в тебе желание одним прикосновением руки, использованием толики силы. И то, что мы начинаем ночь здесь, не означает, что здесь мы ее и закончим.

— Ты мне позволишь это сделать?

Я посмотрела на него с его широкими плечами, рельефной грудью, видной под завесой волос, узкой талией, неширокими бедрами, заключенными в невероятно обтягивающие штаны. Я подумала о том, как он сбросит эти штаны, как я впервые увижу его голым, как он будет проталкиваться в меня, жадно, столь полный желаний, что ничего он не будет замечать, ничего иного не делать, как запихиваться в меня. Мне пришлось перевести дыхание, перед тем как ответить:

— Да.

Он двумя шагами оказался рядом со мной, поднял меня со столика и опустил на пол. Мне пришлось балансировать на больной ноге, но он не дал мне времени возразить. Одним резким движением он сорвал платье с моих рук — мне пришлось ухватиться за край столика, чтобы не упасть. Он сдернул платье, дал ему сползти на пол вокруг моих ног. Потом схватился за черный атлас трусиков и потянул их туда же, вниз.

В затуманенном зеркале я видела Китто — он смотрел во все свои огромные глаза, не проронив ни звука, будто боялся разрушить чары.

Холоду пришлось развязывать штаны, и это заняло время. Когда он сумел их развязать и содрать с себя, он уже тихо постанывал. Рубашка была застегнута в паху, и он просто разорвал ее. И был он длинный, твердый и более чем готовый. Я еще увидела его мельком

через плечо, но тут его руки схватили меня за пояс и повернули лицом к запотевшему зеркалу.

На миг я ощутила, как он в меня входит, и вот он уже был во мне. Он впихивался через зажатое тело, проталкивался силой. Я ему дала разрешение, я хотела его, но без прелюдии это была боль вместе с наслаждением. Давление, оставлявшее синяки и ссадины, заставило меня ахнуть и от боли, и от желания. Когда он залез в меня как только мог далеко, он шепнул:

— Ты тугая... не готова еще... но ты влажная.

Я ответила с придыханием:

— Я знаю.

Он выдвинулся назад — частично, потом снова внутрь, и потом не было ничего, кроме его тела внутри меня. Голод его был огромен и свиреп, и таков же был он. Он вбивался в меня сильно и резко, как только мог. От этого у меня стоны вылетали из горла, от самой этой силы, и от ощущения, когда он двигался во мне, через меня, сквозь меня. Мое тело открылось ему — уже не тугое, только влажное.

Он руками спустил меня по столику, потом приподнял так, что почти все мое тело оказалось на столике. Я уже не касалась ногами земли. Он колотился в меня так, будто пробивал себе дорогу не просто внутрь, а насквозь и наружу. Плоть в плоть, так сильно и быстро, что я плясала на тонкой грани боли и наслаждения. Я все ожидала, что он завершит свой голод одним долгим отчаянным взрывом, но этого не происходило. Он приостановился, чуть подвинул меня сильными руками на столике — небольшое изменение, будто он подыскивал нужное место, — и снова ворвался в меня одним длинным сильным движением, и я закричала. Он нашел эту точку в моем теле, и колотил в нее, в нее, в нее, так же сильно и быстро, как раньше, но теперь уже постанывала я. Натяжение стало расти, разбухать, как будто во мне росло что-то теплое, росло больше и больше, растекаясь по коже тысячей ласкающих перышек, и я визжала, извивалась, дергалась, испускала звуки бессловесные, бессмысленные, бесформенные. Это была песнь плоти — не любви, не желания даже, а чего-то еще проще, еще примитивнее.

Глянув в зеркало, я увидела, что у меня светится кожа и глаза горят зелено-золотым огнем. И Холод был виден в этом зеркале. Он был вырезан из алебаstra и слоновой кости, сверкающая, сияющая игра белого света плясала у него на коже, будто из него выплескивалась сила. Он перехватил мой взгляд в зеркале, и эти сверкающие серые глаза — как облака, подсвеченные луной, — стали сердитыми. Он прикрыл мне глаза ладонью, отвернул мне лицо, чтобы я его не видела, и руку не убирал, зажав меня в ладонях, и тело его прижало меня. Я не могла двинуться, не могла освободиться, не могла остановить его. Я этого и не хотела, но осознавала. Для него было важно, чтобы он был хозяином положения, чтобы он говорил, когда и как, и даже то, что я на него посмотрела, было вмешательством. Этот миг принадлежал ему — я была лишь плотью, в которую он себя загонял. От меня требовалось быть ничем и никем, кроме того, что удовлетворяло его нужду.

Я слышала, как он дышит чаще, как начинает двигаться сильнее, дальше, резче, и я закричала, и он все равно не остановился. Я ощутила изменение ритма тел, по нему прошла дрожь, и меня не стало. Разбухающее тепло залило меня всю, прошло насквозь, забилося глубоко внутри, заставило выгнуться в судороге, задергаться, не в силах овладеть собой, и только его руки держали еще меня, не давали развалиться на части. Но раз мое тело не могло шевельнуться, наслаждению пришлось искать другой выход: оно хлынуло изо рта воплями,

горловыми душераздирающими воплями, снова и снова, и я едва успевала переводить дыхание.

Холод надо мной тоже вскрикнул, наклонился над столиком, упираясь руками по сторонам от меня и опустив голову. Волосы его разлились по мне теплым молоком. Я лежала совершенно пассивно, все еще зажатая под его телом, и пыталась снова научиться дышать.

Он первым обрел голос и произнес прерывистым шепотом:

— Спасибо.

Хватило бы мне дыхания, я бы рассмеялась. В горле так пересохло, что голос получился хриплым:

— Поверь мне, Холод, это мне было в радость.

Он наклонился и поцеловал меня в щеку.

— В следующий раз я попробую сделать лучше.

Он убрал руки, давая мне двигаться, но не выходил из меня, будто ему не хотелось вылезать.

Я посмотрела на него, думая, что он шутит, но он был абсолютно серьезен.

— Лучше, чем сейчас? — спросила я.

— О да, — ответил он торжественно.

— Королева была душой, — сказала я тихо.

Тогда он улыбнулся:

— Я всегда так думал.

Я проснулась под разливом серебряных волос, протянувшихся по моему лицу сверкающей паутиной. Слегка повернула только голову, оставив эти волосы у себя на лице. Холод лежал на животе, отвернувшись от меня. Простыня закрутилась у него вокруг талии, оставив верхнюю часть тела обнаженной. Волосы протянулись сбоку от него, лежа как его второе тело между нами и наполовину на мне.

Правда, в кровати действительно было второе тело, точнее, третье. Китто лежал с другой стороны от меня. Он свернулся в калачик на боку, отвернувшись от меня, и сжался так, будто во сне от чего-то прятался. А может быть, он просто замерз, потому что лежал голый. Тело у него было бледное, как фарфоровая статуэтка. Я никогда не была так близко к мужчине, при виде которого на ум приходят слова вроде "миниатюрный". Плечо у меня болело там, где он оставил свою метку: четкий отпечаток зубов на коже. Вокруг нее вздулся синяк, красновато-лиловый, почти горячий на ощупь. Это не был яд, просто по-настоящему глубокий укус. От него останется шрам, и для этого все и делалось.

В какой-то момент во время третьего или четвертого раза с Холодом я позвала к нам Китто. При этом я подождала, пока Холод доведет меня до состояния, в котором боль и удовольствие сливаются, и дала Китто выбрать свой кусочек мяса. Когда он это сделал, больно не было, что уже говорит о том, как я далеко зашла этой ночью. Стало чуть-чуть болеть, когда мы наконец забылись сном, сейчас, утром, болело сильнее. И болел не только укус. Болело все тело, что говорило мне, что я им злоупотребила. Точнее, дала злоупотребить Холоду.

Наслаждаясь этой небольшой болью, я потянулась, проверяя, что именно болит. Боль напоминала крепатуру после хороших упражнений с тяжестями и бегом, только болело в других местах. Не могу припомнить, когда я в последний раз просыпалась с ощущением секса, поющего во всем теле как шелковый кровоподтек. Давно, наверное.

Китто счел за честь, что я позволила ему себя отметить, чтобы все теперь знали, что он был моим любовником. Не знаю, понял ли он, что сношение со мной ему никогда не светит, но этого он сегодня ночью и не просил. На самом деле он был абсолютно покорен, делал, что его просили или приглашали делать, никогда не выходя за эти пределы. Идеальная аудитория, потому что, пока его не звали, его просто не было, а когда звали, он выполнял указания лучше любого мужчины, с которым мне приходилось бывать.

Я села, и волосы Холода соскользнули с меня, погладив как живые. Я запустила пальцы в свои позорно короткие волосы. Сейчас, когда я вновь открылась как принцесса Мередит, я могу их отрастить снова. От прикосновения к волосам заныли запястья, и это к сексу отношения не имело. Бинты на руках пережили ванны, и надо было бы сначала снова перевязать запястья, но сегодня утром следы колючек уже почти стерлись, зажили, как будто были недельной или большей давности, а не были нанесены меньше суток назад. Я потрогала заживающие раны. Так быстро у меня никогда порезы не проходили. Китто, наверное, укусил меня после четвертого раза, иначе укус зажил бы уже сильнее. Забавно, что меня исцеляет именно секс. Впрочем, мы пока этого еще не знаем наверняка.

Мне остался уголок простыни, но все остальное было намотано на Холода. Он из тех, кто тянет одеяло на себя, а в комнате было прохладно. Я потянула простыню и за все свои труды была вознаграждена лишь сонным мычанием протеста. Поглядев на гладь его спины, я

додумалась, как можно отобрать у него одеяла.

Я лизнула его вдоль спины вниз — он тихо застонал. Я наклонилась над ним и стала проводить языком влажную черту вдоль его позвоночника.

Холод медленно поднял голову с подушки, как разбуженный от глубокого и темного сна. Глаза его еще не навелись на резкость, но когда он на меня посмотрел, медленная и довольная улыбка заиграла у него на губах.

— Тебе еще не хватило?

Я припала к нему всем телом, хотя ниже талии нам мешали соприкоснуться простыни.

— Никогда не хватит.

Он засмеялся — тихим, приятным горловым смешком — и перекатился на бок, подпершись локтем. И при этом освободил простыню. Я вытащила ее из-под него, чтобы накрыть Китто, который вроде бы крепко спал.

Рука Холода обняла меня за талию, увлекая обратно на кровать. Я опустилась спиной на подушки, и он наклонился тихо поцеловать меня в губы. Я завела руки ему за плечи, за спину, привлекая его к себе.

Он положил колено мне на ноги, между ними, сделал первое движение, чтобы оказаться сверху, как вдруг застыл, и выражение его лица резко изменилось на внимательное, почти испуганное.

— В чем дело, Холод?

— Тихо.

Я затихла. Он — телохранитель. Что там — люди Кела? Сегодня последний день, когда Кел может меня убить, не расплатившись за это жизнью. Холод скатился с кровати, подхватил с пола свой меч, Поцелуй Зимы, и метнулся к окну размытой серебряной молнией.

Я вытащила из-под подушки пистолет. Китто проснулся и дико оглядывался по сторонам.

Холод отдернул от окна шторы, и меч его не успел дойти до стекла, как он снова застыл. На той стороне окна был человек с фотоаппаратом. На миг я увидела, как он вскинул удивленное лицо, но тут кулак Холода пробил окно и схватил репортера за шиворот.

— Холод, не убивай его!

Я подбежала к окну, голая, все еще с пистолетом в руке. С грохотом распахнулась за спиной дверь, и я обернулась, уже сняв пистолет с предохранителя и наставляя его на дверь.

В дверях стоял Дойл с мечом в руке. На миг мы застыли, глядя друг другу в глаза (Дойл успел заметить пистолет), потом я опустила ствол к полу, и Дойл, захлопнув ногой дверь, шагнул в комнату. Он не стал вкладывать меч в ножны, а бросил его на кровать, направляясь к Холоду.

Лицо репортера приняло тот багрово-синий оттенок, который ясно говорил, что дышать он не может. Лицо Холода нельзя было узнать — так оно перекосилось яростью и гневом.

— Холод, ты его задушишь!

Дойл уже стоял рядом с ним.

— Холод, если ты убьешь этого репортера, королева накажет тебя за это.

Холод ни меня, ни его не слышал, будто был где-то далеко, где не было ничего, кроме его руки на горле этого человека.

Дойл зашел сзади и ногой пнул его в поясницу. Удар был такой, что Холод наполовину влетел головой в окно, разбивая остаток стекла, но репортера выпустил.

Он повернулся с окровавленной рукой, и глаза его стали дикими.

Дойл встал в боевую стойку, без оружия. Холод бросил меч на пол и тоже принял стойку. Китто свернулся посередине кровати и смотрел вытаращенными глазами.

Я подошла к шторам, чтобы их закрыть, и увидела, что к нам стаей гончих несутся репортеры — некоторые на ходу щелкали фотоаппаратами, другие вопили:

— Принцесса! Принцесса Мередит!

Я закрыла шторы, чтобы между ними не осталось щели, но это долго не протянется. Надо быстро убираться в соседний номер, где спали Гален и Рис. На деревянной спинке кровати лежал мой пистолет. Я пошла к нему, Китто меня увидел и нырнул под кровать с другой стороны.

Выстрелила я только один раз, и эхо загредело в комнате. Эти двое повернулись ко мне, сверкая белками диких глаз. Я направила ствол в потолок.

— Там репортеров штук сто, и сейчас они на нас навалятся. Надо бежать в другой номер, и быстро!

Никто со мной не стал спорить. Мы с Холодом и Китто похватали простыни и одежду и успели в соседний номер раньше, чем в открытое окно стали лезть репортеры. Дойл шел в арьергарде с оружием. Потом он, Гален и Рис вернулись за багажом. Я вызвала полицию и сообщила, что в наш номер вломились репортеры.

Мы, трое голых, оделись в ванной по очереди — не ради приличий, но потому что там не было окон.

Когда я появилась из ванной с охапкой туалетных принадлежностей, Дойл и Гален сидели в единственных двух креслах в номере. Больше никого не было. Они оба сидели с типичными физиономиями охранников — непроницаемыми и ничего не выражающими. Но что-то было в их манере держаться, что-то непривычное.

— Что случилось? — спросила я.

Я ходила нормально — забыла, что лодыжка у меня вроде бы вывихнута или растянута, пока Гален не напомнил. Эти оба промолчали, и я занервничала.

Они переглянулись. Дойл встал. Он сегодня был в черных джинсах и черных ботинках. Их можно было бы даже принять за туфли, если не знать точно, на что смотришь. Рубашка черная, с длинными рукавами, шелковая и с виду похожая на шелк, переливающаяся на фоне черной кожи Дойла. Чернота наплечной кобуры отлично сливалась с этим фоном. Даже пистолет у него был черный — десятимиллиметровая "беретта", старая модель.

Волосы казались очень короткими, подстриженными почти до кожи, но на самом деле это была его обычная тугая косичка, свисающая сзади и теряющаяся на фоне джинсов. Остроконечные уши блестели серебряными кольцами. Они да еще серебряная пряжка пояса только и нарушали полную черноту. Правда, сейчас у него на одном ухе висела серебряная цепочка с рубином.

— У нас проблема, — объявил Дойл.

— Да, репортеры щелкнули меня с Холодом вдвоем в кровати. Это, можно сказать, действительно проблема.

— Там не просто один репортер, — сказал Холод.

— Я их видела — как стая акул на запах крови. — Я стала запихивать свои вещи в чемодан, лежащий на кровати. — Мне случалось быть предметом внимания СМИ, но не столь интенсивного.

Холод положил ногу на ногу, показав светлые туфли — но не носки. Холод никогда не

носит брюк столь коротких, чтобы видны были носки, — это не комифо. Сшитый на заказ пиджак точно соответствовал брюкам, из кармана выглядывал платочек. Белую рубашку удерживал у ворота серый галстук с серебряной булавкой. Волосы Холод убрал в тугий пучок, открыв чистые и сильные черты лица. Он был ослепительно красив, когда волосы не отвлекали внимание зрителя. Вид у него был уверенный, спокойный — куда девался тот самец, который чуть не раздавил меня ночью в ванной? Но я знала, что этот другой Холод присутствует под надетой маской и ждет разрешения выйти.

Я запихнула последние предметы туалета в чемодан, закрыла его и стала застегивать молнию. Потом посмотрела на ребят:

— Мальчики, у вас вид такой, будто случилось что-то очень, очень плохое. И я еще об этом не знаю. Где все?

Ответил Холод:

— Они охраняют дверь и окно. Пытаются сдержать репортеров, но проигрывают битву, Мередит.

Дойл оперся руками на ночной столик, опустил голову. Толстая коса волос шевельнулась у ног, как верная собака.

— Вы меня пугаете. Говорите, что случилось.

Холод показал на газету, лежащую рядом на столике. Ленивым таким движением, но...

— Это "Сент-Луис пост-диспетч"? — спросила я.

Дойл бросил быстрый взгляд на Холода, который поднял руки, показывая, что они пусты.

— Она должна знать.

— Да, это она, — ответил Дойл сдавленным голосом.

— Я вчера говорила с Барни Дженкинсом. Он сказал, что разоблачит меня как принцессу фейри. Насколько я понимаю, у него слово с делом не расходятся.

Дойл повернулся, оперся на столик ягодицами, сложив руки на животе, так что правая небрежно легла на пистолет. Для него это нервный жест. Пусть это выглядело угрозой — когда он стоял за спиной королевы, поглаживая пистолет, — и даже было ею, но все равно это был нервный жест.

Я подошла к столу:

— Парни, а что за важность? Дженкинс — мудило, но врать напрямую он не станет, тем более в "Пост".

— Прочти и скажи потом, что нам не о чем беспокоиться, — предложил Дойл.

На первой полосе — фотография меня и Галена в аэропорту. Но остановила мои глаза газетная шапка:

ПРИНЦЕССА МЕРЕДИТ ПРИЕЗЖАЕТ ДОМОЙ НАЙТИ СЕБЕ МУЖА

И под фотографией — шрифтом помельче:

"Это не он?"

Я повернулась к Дойлу и Холоду.

— Дженкинс мог строить догадки. Мы с Галеном знали, что в аэропорту были фотографы. — Я посмотрела на них, но они оставались все в том же трауре и тревоге. — Да что с вами такое? Нам всем случалось попадать в газеты.

— Не так, — заметил Холод.

— То ли лучше, то ли хуже, — добавил Дойл. — Прочти статью.

Я начала пробегать статью, но споткнулась на первом же абзаце.

— Гриффин дал интервью Дженкинсу! — ахнула я и вынуждена была сесть на край кровати. — Да поможет нам Богиня.

— Вот именно, — сказал Дойл.

— Королева уже говорила с нами. Она проследит, чтобы он понес наказание за злоупотребление твоим доверием. И назначила на сегодня на вечер пресс-конференцию, — сообщил Холод.

— Пожалуйста, прочти статью, Мередит, — напомнил Дойл.

Я прочла статью. Прочла дважды. Меня возмутило не то, что Гриффин сообщил личные подробности, но что он это сделал без моего разрешения. Он мою личную жизнь сделал достоянием всех и каждого. У сидхе довольно причудливые правила насчет неприкосновенности частной жизни. Мы не так ценим интимные секреты, как люди, но за нашей личной жизнью следить не принято. За это когда-то полагалась смертная казнь. Для Гриффина это "когда-то" может оказаться здесь и сейчас. Королева сочтет болтовню с репортерами совсем не комильфо. В общем, я сидела на кровати, уставившись в газету, но не видя ее. Потом подняла глаза на моих спутников.

— Он сообщает детали наших отношений — намеки, очень грязные намеки. Мне еще повезло, что это приличная газета, а не таблоид.

Они переглянулись.

— Ребята, скажите мне, что вы шутите!

Холод полез рукой себе за спину, будто он читал это, когда я выходила из ванной. И протянул газету мне.

Я подождала, пока газета свалится на пол рассыпанной кучей, и взяла у него из рук цветастую скользкую бумагу. Фото на первой полосе изображало нас с Гриффином в постели. Только его руки как-то прикрывали мне грудь и ничего больше. Я смеялась. Мы оба смеялись. Я вспомнила фотографии, вспомнила его любовь к фотографиям. Некоторые у меня еще оставались, но не все. Не все.

Я услышала свой голос — он был очень спокоен, хотя шел откуда-то издалека.

— Как? Как они смогли так быстро состряпать статью? Я думала, газеты так быстро не выходят.

— Очевидно, это возможно, — сказал Дойл.

— Ребята, скажите мне, что это единственная фотография.

— Мне очень жаль, Мередит, — ответил Дойл.

Холод хотел было погладить меня по руке, но его рука опустилась обратно.

— У меня слов нет, Мередит, как я тебе сочувствую.

Я заглянула в его серые глаза. Действительно, я увидела в них сочувствие, а вот чего не увидела — это злости. Единственное, чего мне сейчас хотелось.

— Королева об этом знает?

— Знает, — ответил Дойл.

Я держала газету в руках, хотела развернуть ее, посмотреть, что там еще за фотографии, и не могла себя заставить. Не могла заставить себя посмотреть.

Я сунула газету в руки Холода:

— Насколько это все... плохо?

Он посмотрел на Дойла, снова на меня. Надменная отстраненная маска слегка приподнялась, и тот Холод, с которым я сегодня проснулась утром, выглянул из серых глаз.

— В таблоиде откровенной наготы нет нигде. Но если не считать этого, то плохо.

Я спрятала лицо в ладони, оперлась локтями на колени.

— О Боже, если Гриффин мог продать их Дженкинсу, таблоидам, то он мог продать их куда угодно. — Я подняла голову, как пловец, выныривающий из глубины. Вдруг стало трудно вдохнуть. — В Европе есть журналы, которые готовы были бы напечатать все фотографии. Мне все равно, что я там голая, но это было личное — только Гриффин и я. Если бы я хотела опубликовать фотографии, я бы их продала "Плейбою" много лет назад. Бог и Богиня, как Гриффин мог?

И тут у меня мелькнула ужасная мысль. Я повернулась к Холоду.

— Скажи, ты же отобрал камеру и пленку у того репортера, которого сегодня чуть не задушил?

Он не отвел глаза, но ему очень хотелось это сделать.

— Прости меня, Мередит. О камере я должен был подумать в первую очередь, но я позволил гневу затмить свой разум. Я готов на что угодно, чтобы исправить эту свою ошибку.

— Холод, они же напечатают фотографии, это ты понимаешь? Фотографии нас с тобой и — черт побери! — вместе с Китто в одной кровати. Их тиснут во всех таблоидах, и те, что с обнаженкой, попадут в Европу.

Мне хотелось ругаться или орать, но я не могла придумать таких слов, от которых мне стало бы легче.

— Гриффин скоро узнает, что сделает с ним за это королева, — сказал Дойл. — И ему еще повезет, если королева не убьет его.

Я кивнула, стараясь дышать ровно, заставляя себя сосредоточиться на вдохах и выдохах. Добивалась спокойствия, но сегодня оно все время ускользало. Я кивнула:

— Он постарается как можно сильнее навредить, пока его не поймают... — Мне пришлось сделать три быстрых вдоха, и голос стал звучать хоть и сдавленно, но не истерично. — Я думаю, он давно уже сбежал.

— Мы его найдем, — сказал Холод. — Не так уж мир велик.

Эти слова вызвали у меня смех, но он тут же сменился слезами. Я рухнула на пол, между рассыпанными страницами "Пост-диспетч". Больно ударилась об пол — у меня еще все тело болело после бурной ночи. Боль помогла мне осознать, что все еще не так плохо. Да, ужасно, но у меня все еще есть право на мужчин при Дворе. Меня приняли обратно в мир фейри. Королева дала свое слово — и использовала свою власть, — чтобы оградить меня от бед. Могло быть хуже; по крайней мере я пыталась себя в этом убедить.

Я смогла подчинить себе дыхание, но не гнев.

— Я не хотела ему вреда вчера вечером, но сейчас...

Выхватив таблоид у Холода, я заставила себя заглянуть внутрь. Не частичная обнаженность наших тел резанула меня по сердцу — а счастье на наших лицах, в положении наших тел. Мы были влюблены, и это было видно. Но если он мог так со мной поступить, значит, он меня никогда не любил. Вожделел, желал, хотел мною владеть — может быть, но любовь... любовь на такое не способна.

Я подбросила страницы в воздух и смотрела, как они медленно опускаются к полу.

— За это я хочу его смерти. Только не говорите об этом королеве. Через несколько дней я, может быть, передумаю, и не хочу, чтобы она сразу сделала что-нибудь непоправимое.

Мой голос был холоден от злости — той злости, что поселяется в сердце и уже никогда не уходит. Горячая ярость овладевает всем твоим существом, и она — ближайший

родственник жаркой страсти, но холодная ярость — это родная сестра ненависти. Я ненавидела Гриффина за то, что он сделал, но не настолько ненавидела.

— Я не хочу, чтобы она прислала мне в корзине его голову или сердце. Не хочу.

— Она, быть может, и без того решила его убить.

— Пусть так, но тогда его кровь на ней, а не на мне. Я не буду просить его смерти.

Пусть она сама это сделает.

Холод присел рядом со мной, глядя на меня глазами цвета серой бури. Взял меня за руку. Его руки были теплы на ощупь, значит, у меня руки похолодели. Может быть, я была расстроена и потрясена сильнее, чем я думала.

— Я уверен, что наша королева уже решила его судьбу, — сказал он.

— Нет, — ответила я и встала, оторвавшись от его рук, от его глаз. Я обняла себя руками, потому что не доверяла им; и я начинала сомневаться и во всех других. — Нет, если она поймает его прямо сейчас, то может его убить. Но чем дольше он будет избегать поимки, тем изобретательнее станет королева.

Холод, оставаясь на полу, глядел на меня.

— Я бы на его месте предпочел, чтобы меня поймали сразу, пока еще возможна быстрая смерть.

— Он будет бежать, — сказала я. — Будет бежать так далеко и так быстро, как только сможет. Будет тянуть время и надеяться на чудо, которое его спасет.

— Ты так хорошо его знаешь? — спросил Холод.

Я посмотрела на его лицо и засмеялась — несколько диким смехом.

— Думала, что знаю. Может быть, я никогда его не знала вообще. Может быть, все это было ложью.

Я глядела на Холода и думала, как хорошо, что я его не люблю, как хорошо, что это всего лишь плоть. Сейчас я верила похоти больше, чем любви.

Дойл встал, бережно взял меня за локти.

— Не позволяй Гриффину вызвать у тебя сомнения в себе, Мередит. Не позволяй ему заставить тебя сомневаться в нас.

Я посмотрела в его темное лицо:

— Почему ты решил, что я сейчас думаю об этом?

— Потому что я на твоём месте думал бы именно так.

— Нет, ты на моём месте думал бы, как его убить.

Дойл обнял меня, прижал к себе, прижал лицом к своим волосам. Я напряглась, но не отодвинулась.

— Скажи, что ты хочешь его смерти, и она наступит. Назови любую часть его тела, и я тебе ее принесу.

— Мы тебе ее принесем, — произнес Холод, вставая.

Меня чуть отпустило, и я обняла Дойла одной рукой за талию, прислонилась лицом к шелку его рубашки. Мне было слышно, как бьется его сердце — ровно и чуть поспешно.

В дверь постучали. Дойл кивнул, и Холод пошел к двери. Дойл вынул пистолет, потом сдвинул меня в сторону, не отпуская из своих объятий, так что его тело закрыло меня от двери.

— Открой, это я, Гален.

Холод выглянул в глазок, держа в руке большой сорокачетырехкалиберный с никелированными накладками.

— Там он и Рис.

Дойл кивнул и опустил пистолет, не убирая его, однако. Уровень напряжения был высок, и очень. Я думаю, мы ожидали нового нападения со стороны Кела и компании. Я, во всяком случае, ожидала, а я была параноиком только по необходимости. Стражи были параноиками по профессии.

За двумя стражами вошел Китто. Он был одет в темно-синие джинсы, бледно-желтую тенниску с маленьким аллигатором на груди и белые кроссовки. Все новенькое, отглаженное и только что распакованное.

Гален глянул на газеты, потом на меня:

— Мерри, мне очень жаль.

Дойл отпустил меня, и я смогла подойти к Галену. Я зарылась лицом ему в грудь, обняла обеими руками и застыла. С Дойлом я ощущала безопасность, с Холодом — страсть, но уют — уют мне мог дать только Гален.

Я хотела вцепиться в него — закрыть глаза и просто за него держаться. Но нас ждала пресс-конференция, и королева ждала нас ко Двору, чтобы обсудить ту версию правды, которую мы сообщим прессе. В пресс-конференциях мне было привычно участвовать с детства, и никогда среди них не было такой, чтобы мы говорили там правду и всю правду, и да поможет нам Богиня. Не было способа расчистить грязь, которую облил нас Гриффин. Наказать его можно, но статья и фотографии уже вышли, и это ничем не изменишь. Я пока что понятия не имела, какая очищенная версия правды может объяснить фотографию меня с Холодом и Китто в обнаженном виде. Но если кто-нибудь и может придумать вранье, отвечающее такой задаче, то только моя тетушка и никто больше. Андаис, Королева Воздуха и Тьмы, может придать любому скандалу такой поворот, от которого у прессы голова пойдет кругом. Репортеры, ослепленные ее обаянием, будут писать то, что она им нашепчет, хотя отмыть начисто такой скандал — это напряжет даже ее способности. Я когда-то жила надеждой увидеть, как моя тетка плюхнется в лужу. Сейчас я надеялась, что она выкрутится с блеском. Лицемерие с моей стороны? Может быть. А может быть, всего лишь прагматизм.

К полуночи последние репортеры уже разбрелись, по горло наполненные старым вином, дорогами закусками и лапшой, которую тетушка навешала им на уши. Но сделано это было стильно. Она была одета в строгий деловой костюм, но без блузки, и ложбина на груди виднелась в вырезе жакета — шик девушки по вызову. Она была в восторге, что я решила навестить родной дом. В восхищении, что я наконец согласилась заключить союз с каким-нибудь счастливецом из сидхе. Огорчена недостойным поведением Гриффина. Один репортер спросил ее о якобы имевшем место фейрийском афродизиаке, от которого чуть не сошел с ума целый полицейский участок в Лос-Анджелесе. Ей об этом ничего не было известно. Андаис никому, кроме себя, не разрешила отвечать на вопросы. Насчет меня, я полагаю, она опасалась, что я скажу что-нибудь не то. Мужчины вообще присутствовали только для мебели.

Кел сидел от нее справа, я — слева. Мы обменивались улыбками. Все мы трое позировали для фотографий: он — в своем сшитом на заказ черном костюме, я — в таком же черном, на заказ сшитом, платье с коротким жакетом, усыпанном настоящими черными жемчужинами, и Андаис в своем деловом костюме девушки по вызову. Вид такой, будто мы собираемся на очень дорогие и очень шикарные похороны. Если я стану когда-нибудь королевой, я введу при Дворе новые цвета. Что угодно, только не черное.

Двор в эту ночь был очень тих. Кела увели прочь — готовить к наказанию. Королева увела к себе Дойла и Холода для доклада. Гален прихрамывал к концу пресс-конференции, и Ффлур увела его смазать раны для ускорения заживления. Охранять меня остались Рис, Китто и Паско. Паско прошедшей ночью приехал в отель, но провел остаток ее в соседнем номере. Длинные розоватые волосы у него спадали до колен бледным занавесом. Черное ему не идет. От этого цвета кожа у него кажется лиловой, а волосы почти коричневыми. В подходящих цветах Паско сиял, но не в тех, что сегодня. На Рисе черное смотрелось лучше, но украшала его наряд голубая рубашка под цвет его глаз. Королева ему это позволила.

Рис и Паско шли за моей спиной как отличные телохранители. Китто держался сбоку, как верный пес. Ему не разрешили показываться перед камерами на пресс-конференции. Предубеждения насчет гоблинов сильны при обоих Дворах. Китто был единственным, кому было позволено остаться в джинсах и футболке. В эту ночь мы остались при Дворе, потому что другой свободной от репортеров зоны не было на пятьдесят миль вокруг. Никто не выломает окна у королевы и не будет делать снимки через земляной холм.

Я пыталась найти свои прежние комнаты, но посреди холла была дверь — большая дверь из дерева и бронзы. За этой дверью располагалась Бездна Отчаяния. В прошлый раз когда я видела эту комнату, она была возле Зала Смертности — то есть камеры пыток. Предполагалось, что Бездна действительно бездонна, что было бы невозможно, будь она чисто физической. Но она чисто физической не была. Одним из суровейших наших наказаний было низвержение в Бездну для вечного падения — без старения, без смерти. Свободное падение навсегда.

Я остановилась посередине коридора, давая подойти Рису и Паско. Китто подвинулся в сторону, инстинктивно, подальше от Риса. Рису даже не надо было к нему прикасаться — хватало взгляда. Не знаю, что Китто в этом взгляде видел, но он его боялся.

— В чем дело? — спросил Рис.

— Что эта штука здесь делает?

Он наморщил брови, рассмотрел дверь.

— Это дверь в Бездну.

— Вот именно. Ей полагается быть на три уровня ниже как минимум. Что она делает здесь, на главном уровне?

— Ты так говоришь, будто ситхен повинуется рассудку, — сказал Паско. — Холм решил перенести Бездну на верхний уровень. Иногда он устраивает такие перестановки.

Я посмотрела на Риса — он кивнул.

— Бывает иногда.

— Иногда — это как часто? — спросила я.

— Примерно каждое тысячелетие, — ответил Рис.

— Приятно иметь дело с народом, у которого "иногда" — это раз в тысячу лет, — заметила я.

Паско взялся за большую бронзовую ручку.

— Позволь мне, принцесса.

Дверь открывалась очень медленно, снимая всякие сомнения в том, что она невероятно тяжела. Паско, как почти любой сидхе, мог бы выжать небольшой дом, если бы нашел, за что ухватиться, но дверь он открывал как имеющую приличный вес.

Расположенная за нею комната была погружена в серые сумерки, будто освещение, действующее в остальных частях ситхена, здесь слабело. Я вошла в полумрак, сопровождаемая Китто, который тут же метнулся вперед, держась подальше от Риса — как собака, которая опасается пинка. Комната была именно такова, какой она мне помнилась, — большое круглое каменное помещение с круглой же дырой в полу посередине. Дыра была ограждена невысокими перилами, сделанными из костей, серебряной проволоки и магии. И эти перила светились собственным гламором. Некоторые говорили, что перила заговорены, чтобы Бездна не хлынула наружу и не стала пожирать мир. На самом деле они были заговорены, чтобы никто не мог перепрыгнуть, то есть совершить самоубийство или упасть туда случайно. Только один был способ перейти эти перила — если тебя перебросят.

Я не стала подходить близко к светящейся груде костей, а Китто прицепился к моей руке как ребенок, который боится сам перейти улицу. В дальнем конце комнаты была еще одна дверь, и мы направились к ней. Каблуки моих туфель гулко клацали по камням пола. Дверь у нас за спиной закрылась с громким лязгом, от которого я вздрогнула. Китто потянул меня за руку — быстрее к дальней двери. Меня не надо было подгонять, но бежать на высоких каблуках я тоже не хотела. Одно растяжение лодыжки я на этой неделе уже вылечила, и пока что хватит.

Одновременно произошли два события: краем глаза я заметила мелькнувшее движение на той стороне Бездны, движение там, где никого не было. И второе — я услышала за спиной тихий звук и обернулась.

Рис стоял на коленях, бессильно опустив руки, и на лице его было недоумение. Паско склонился над ним с окровавленным ножом в руке. Рис медленно свалился вперед лицом, тяжело рухнул, все так же бессильно опустив руки, и только рот у него раскрывался и закрывался, как у рыбы на песке.

Я бросилась к двери, спиной к стене, Китто рядом со мной, но я знала — слишком поздно. Промельк на той стороне пропасти раздвоился, как невидимый занавес, открывая Розенвин и Сиобхан. Они разделились, одна налево, другая направо, обходя меня с флангов:

Сиобхан — вся бледная и призрачная, как хэллоуинский ужас, и Розенвин — розовая и голубая, как пасхальная куколка. Одна высокая, другая низенькая, такие противоположные, они двигались как две части одного целого.

Я прислонилась спиной к стене, Китто скорчился рядом, будто стараясь стать поменьше ростом и менее заметным.

— Рис не умер. Его даже удар в сердце не убьет, — сказала я.

— Зато убьет полет в Бездну, — возразил Паско.

— Я так понимаю, что и меня ждет та же судьба.

Мой голос прозвучал до ужаса обыденно. Мысль металась лихорадочно, но голос был абсолютно спокоен.

— Мы тебя сперва убьем, потом сбросим, — сказала мне Сиобхан.

— Тысяча благодарностей, как это трогательно с вашей стороны — сперва меня убить.

— Можем дать тебе умереть от жажды, пока ты будешь падать, — предложила Розенвин. — Тебе выбирать.

— Третьего варианта нет? — спросила я.

— Боюсь, что нет, — ответила Сиобхан, и шипящий звук ее голоса отдался в комнате так, будто ему естественно было здесь прозвучать.

Они обе обогнули перила и заходили на меня с двух сторон. Паско стоял над обеспамятевшим Рисом, который ловил ртом воздух. У меня были два складных ножа, а у них — мечи. При превосходстве противника в вооружении меня еще и обходили с флангов.

— Вы так меня боитесь, что убивать меня собрались втроем? Когда-то Розенвин едва не убила меня одна. У меня до сих пор на ребрах ее отметины.

Розенвин покачала головой:

— Нет, Мередит, ты нас не заболтаешь и не добьешься поединка. Нам дан строгий приказ просто тебя убить, без всяких игр, как бы ни были они приятны.

Китто прижался к полу, сбился в комок возле моей ноги.

— А что вы сделаете с Китто?

— Гоблин вместе с Рисом полетит в Бездну, — прошипела Сиобхан.

Я вынула один из ножей, и они расхохотались. Тогда я в другую руку вызвала силу, впервые намеренно вызвала руку плоти. Я ждала, что будет больно, но больно не было. Сила потекла по мне, как тяжелая вода — гладкая, живая, оживляя тело, руку, — как плотное *что-то*, достаточно плотное, чтобы метнуть.

Эти две женщины поняли, что я вызываю магию, потому что переглянулись. Это был лишь момент нерешительности, и они обе двинулись вперед. И были они всего в десяти футах от меня, когда Китто прямо с земли прыгнул на Сиобхан, как леопард. Она встретила его выпадом, и клинок прошел насквозь, но не задел ничего жизненно важного, и Китто налетел на нее, полосуюя когтями, кусаясь, дерясь, как хищный зверек.

Розенвин кинулась ко мне, подняв меч, но я ждала этого и нырнула на пол, ощутив ветер от просвистевшего клинка. Я схватила ее за ногу, за лодыжку, и нога ее съежилась. Чтобы сделать то, что я сделала с Нерис, мне надо было бы попасть в середину тела, но Розенвин никогда не дала бы мне такого шанса.

Она упала с визгом, глядя, как ее красивая ножка сжимается, перекачивается волнами кости и мяса. Я загнала лезвие складного ножа ей в горло — не убить, а отвлечь. Выдернула меч из ее вдруг онемевшей руки. Сзади послышался топот — ко мне бежал Паско. Я упала на колени, подавляя желание оглянуться, потому что на это не было времени. Лезвие

пронеслось у меня над головой, и я мечом Розенвин ударила назад и вверх, отчаянно ища его тело и находя его. Меч ушел глубоко, и я быстро прошептала молитву, откатываясь в сторону. Тяжесть собственного тела увлекла Паско на пол, и меч вошел по рукоять, пока из горла Паско рвались булькающие звуки. И тут случилось то, чего я не планировала. Паско налетел на поврежденную ногу сестры, и клубящаяся плоть залила ему лицо. У него даже времени не было вскрикнуть, когда она слилась с его кожей, и его тело начало сплавляться с нею. Руки Паско еще колотили по полу, а голову уже поглотил кусок бесформенной плоти, в который превратилась нижняя часть тела сестры.

Розенвин вытащила из горла мой нож. Рана тут же зажила, и женщина завопила:

— Мередит, принцесса, умоляю тебя, не надо!

Я попятилась к стене и только смотрела, потому что прекратить это я не могла. Не знала как. Это вышло случайно. Они были близнецами, жили когда-то в одной утробе — может быть, в этом дело. Как бы то ни было, редчайший случай. Если бы я хоть малейшее понятие имела, с чего начать, я бы попыталась прервать процесс. Такого никто не заслуживает.

Я оторвала взгляд от сплавленного ужаса Розенвин и ее брата, становящихся одной плотью, и повернулась к Сиобхан и Китто. Сиобхан была окровавлена, исцарапана и покусана, но без серьезных ранений. Однако она стояла на коленях, а меч лежал на полу перед ней. Она сдавалась мне. Китто лежал рядом с нею, тяжело дыша, и дыра у него в груди уже начинала закрываться. Она вполне могла бы меня убить, пока я наблюдала сплавление Розенвин и Паско, но Сиобхан, ночной кошмар сидхе, с нескрываемым ужасом смотрела, как сплавляются эти двое в багрово-розовый ком. Слишком она боялась, чтобы подойти ко мне на расстояние смертельного удара. Боялась меня.

Последним исчезло лицо Розенвин. Она кричала, дергалась, будто пытаюсь удержать голову над поверхностью зыбучего песка, но ее поглотила эта трясина, и на полу забились в пульсации масса плоти и органов. Слышны были голоса — два голоса на этот раз, два пойманных голоса. У меня в ушах застучала кровь, все громче и громче, и наконец все мои ощущения свелись только к ужасу этого зрелища. Не только Сиобхан была испугана.

Рис поднялся на ноги, шатаясь, со своим мечом в руке. Потом он рухнул возле меня на колени, не отрывая глаз от предмета на полу.

— Спаси нас Бог и Богиня!

Я только смогла кивнуть.

Но потом ко мне вернулся голос — низкий и хриплый.

— Разоружи Сиобхан, потом убей вот это, что на полу.

— Как? — спросил он.

— Искромсай, Рис, искромсай, пока не перестанет шевелиться.

Я посмотрела на меч Розенвин у себя в руке. Единственный в своем роде, сделанный под ее руку, с драгоценными изображениями весенних цветов на рукояти. С обнаженным мечом я пошла к ближней двери.

— Куда ты? — спросил Рис.

— Кое-кому кое-что сказать.

Огромная бронзовая дверь передо мной отворилась, будто открытая рукой великана. Я прошла в нее, и она закрылась за мной. Ситхен вокруг меня пульсировал и шептал. Я шла искать Кела.

Он был гол, прикован к полу в темной комнате. Здесь же был Езекиал, наш палач, в

хирургических перчатках и с флаконом Слез Бранвэйн в руке. Пытка еще не началась, следовательно, не начались и три месяца. Я не могла требовать жизни Кела.

Первой меня увидела королева, глаза ее обратились к мечу у меня в руке. С ней были Дойл и Холод — свидетели позора ее сына.

— Что произошло? — спросила королева.

Я положила меч на обнаженную грудь Кела. Он узнал его — видно было по глазам.

— Я бы принесла тебе по уху от Розенвин и Паско, но между ними даже уха не осталось.

— Что ты с ними сделала?

Эти слова она прошептала.

Я подняла левую руку, занесла над Келом.

— Нет, Мередит, не делай этого! — сказала королева.

— Они жили когда-то в одной утробе, теперь они живут в одной плоти. Мне следовало бросить их в Бездну, куда ты хотел бросить Риса и Китто? Следовало дать им падать вечно пульсирующим комом мяса?

Он смотрел на меня со страхом, но под страхом ощущалась хитрость.

— Я не знал, что они это хотят сделать. Я не посылал их.

Я встала и жестом подозвала Езекиала:

— Начинай.

Езекиал взглянул на королеву — она кивнула. Он склонился возле Кела и начал покрывать его маслом.

Я повернулась к Андаис.

— За это я требую, чтобы он пробыл здесь в одиночестве полный срок — шесть месяцев.

Андаис попыталась было возразить, но раздался голос Дойла:

— Ваше величество, пора начать обращаться с ним так, как он того заслуживает.

Она кивнула:

— Шесть месяцев. Да будет так.

— Мама, нет! Нет!

— Когда закончишь, Езекиал, запечатай дверь снаружи.

И она ушла, не обращая внимания на крики сына.

Я смотрела, как Езекиал покрывает его маслом, видела, как тело его оживает под прикосновением. Холод и Дойл стояли от меня по обе стороны. Кел все это время смотрел на меня, и по лицу его было видно, что мысли у него совсем не такие, с какими смотрит двоюродный брат на двоюродную сестру.

— Я хотел тебя просто убить, Мередит, но теперь передумал. Когда я отсюда выйду, я буду тебя иметь, трахать, пока ты от меня не понесешь. Я буду королем, даже если путь на трон лежит через твоё лилейное тело.

— Если ты еще раз ко мне приблизишься, я убью тебя, Кел.

С этими словами я повернулась и вышла. Дойл и Холод, как дисциплинированные телохранители, шли по обе стороны от меня. Вдоль коридора летел за нами голос Кела. Он выкрикивал мое имя: "Мерри, Мерри!" — и с каждым разом все отчаяннее и отчаяннее.

И долго после того, как эти крики уже нельзя было слышать, они отдавались у меня в ушах.

Смерть Паско означала, что королеве надо было послать со мной в Лос-Анджелес нового соглядатая. Она была несколько не уверена в себе после криков Кела, и я смогла надавить, пока мы не договорились на страже, который не был уж совсем ее лизоблюдом. Никка до дрожи боится моей тетки и потому будет ей докладывать, но именно он помог нам после того, как колючки пытались высосать меня досуха. Дойл ему доверяет, а я доверяю Дойлу. Королева говорит, что Никка — не слишком талантливый любовник, но упаковка — вполне. Отец его был из полуфей, летал на крыльях бабочки. Мать — придворная дама, чистокровная сидхе. Королева заставила его снять передо мной рубашку, показать рисунок огромных крыльев на плечах, на руках, уходящих по спине под пояс штанов. Гены попытались дать ему крылья, хотя он размером с человека. Ни один тату-художник не смог бы сделать ничего столь прекрасного, как крылья на спине у Никки. Королева готова была раздеть его полностью, чтобы я посмотрела, куда уходит эта конструкция крыльев, но я решила оставить немножко тайны. Никка все это время выглядел испуганным. Он глядел на королеву Андаис как воробей с подбитым крылом смотрит на кошку, гадая, куда придется первый укус страшных клыков. Я увела его от нее, как только вежливость это позволила. Дойл заверяет меня, что Никка — чудесный парень, когда рядом нет королевы. Хотела бы я знать, что именно она с ним сделала такое, что он так боится... а может, и не хотела бы. Чем старше я становлюсь, тем лучше понимаю, что неведение может и не быть благом, но иногда намного лучше альтернативы.

Мы улетели в Лос-Анджелес первым же доступным рейсом. Чтобы сдержать репортеров, пришлось вызвать полицию. Мои фотографии с Китто и Холодом уже обошли таблоиды. Мне говорили, что в европейских таблоидах появились обнаженные снимки, на которых ничего не завуалировано. Вопрос, на который все ищут ответа, таков: кто мой новый жених — Холод или Китто? Я отвечаю, что никто, а один сообразительный репортер спросил, не склоняюсь ли я к полиандрии. Я показала на окружающих меня красивых мужчин и спросила: "А вы бы на моем месте не склонялись?" Репортеры засмеялись, и им понравилось. Поскольку деваться нам некуда, мы стали играть в эту игру. Принцесса Мередит выбирает себе мужа. Или двух-трех.

Встречать нас в аэропорт Джереми приехал с Утером. Гигант "сердитым взглядом" проложил дорогу среди репортеров. Если у вас тринадцать футов роста, бугры мышц и двойной ряд острых бивней, то даже репортеры отодвинутся. Джереми парировал сыпавшиеся на него вопросы. Да, принцесса действительно работала в детективном агентстве Грея. Мы уже поговорили по телефону, потому что Джереми вполне ждал, что я не стану возвращаться к работе. Но детективом мне живется легче, чем принцессе фей. К тому же мне нужно кормить множество ртов. Ринго вышел из больницы и почти оправился от нападения огра в фургоне. Роан вернулся со своих морских каникул. Мне он подарил раковину — бледную, слегка опалесцирующую, как дорогой фарфор, чуть розовее обычного абелона. Для меня она значит больше любой драгоценности, потому что она столько значит для Роана. Он в качестве любовника откланялся без намеков с моей стороны, хотя я дала ему знать, что если у него от нашего секса появилась тяга к сидхе — то всегда пожалуйста. Но у него вроде бы все в порядке, тюленья шкура, очевидно, вполне исцеляет тоску по сидхе. Я рада, потому что, если честно сказать, мужчин в моей жизни сейчас хватает.

Со мной все время пребывает по крайней мере один телохранитель, хотя Дойл предпочитает, чтобы их было двое. Такой режим должен поддерживаться круглые сутки без выходных, поэтому они сменяют друг друга и составили такой график, что постороннему наблюдателю не понять, кто дежурит, а кто нет. Детали я предоставила Дойлу — это его работа. Когда ребята не хранят мое тело, они пытаются освоиться в новом мире, в который я затащила их. Рис, конечно, захотел работать в детективном агентстве и быть настоящим детективом. Джереми не возражал против присутствия в штате чистокровного воина-сидхе. Как только об этом стало известно, все знаменитости в округе хлынули к нам с требованием, чтобы их тела хранил сидхе. Бизнес пошел так хорошо и почти все время так легко, — стоять и отсвечивать как декорация, практически без реальной опасности, — что Гален с Никкой тоже подписались. Дойл сказал, что никого, кроме меня, охранять не будет. Холод вроде бы согласился. Китто просто старается от меня далеко не отходить и почти все свое время сидел бы у меня под столом, если бы я ему позволяла. Он не слишком хорошо перенес первую встречу с двадцатым веком. Бедный гоблин никогда раньше не видал автомобиля или телевизора, а теперь целые дни проводит в небоскребе в одном из самых современных городов мира. Если он не начнет осваиваться, я его отправлю обратно Курагу, что будет означать, что царь гоблинов пришлет замену. Можете назвать это интуицией, но я готова ручаться, что следующий гоблин и близко не будет так мил.

То, что полуфеи сделали с Галеном, оказалось хуже простого ранения, потому что у него в определенном месте раны не заживают так, как должны были бы. Мы вызывали к нему врача и одного из лучших магов города. Никто из них особенно не помог. Раз и наука, и магия нас подвели, придется, наверное, обращаться к самой королеве Нисевин и спрашивать, что за чертовщину они с ним сотворили. Наверное, он потому и взялся охранять другие тела, что быть со мной так близко и не иметь меня, когда всем остальным можно, для него слишком трудно. Для меня тоже. Такой накал страстей, столько лет ожидания, и надо продолжать ждать.

Детективное агентство Грея так завалено высокопрофильной и высокобаксовой работой, что Джереми проводит собеседования с новыми людьми и поговаривает о переезде в офис побольше. Между ним и стражами бывали напряженные моменты, потому что они все неблагогие, а Джереми по-прежнему таит на них обиду. Гален и Рис повели его однажды выпить. Не знаю, что там было сказано, но на следующий день никаких трений не было. Мужская дружба — великая вещь.

Фрэнсис Нортон, вдова Алистера Нортонна, и Наоми Фелпс, его бывшая любовница процветают. Они переехали в одну квартиру, и, будь это гетеросексуальная пара, я бы сказала, что нас ждет приглашение на свадьбу. Они счастливы, и Алистера никто из них не оплакивает. Полиция выследила поклонников сидхе из секты Алистера. Двое из них погибли при загадочных обстоятельствах незадолго до того, как полиция их нашла. Вряд ли в особенно добром здравии пребывают и остальные члены секты. Королева, или шестерки Кела, или они вместе прибирают разбросанное. Королева меня заверила, что из ее личного запаса пропал только один флакон Слез Бранвэйн, так что опасности для человеческого общества больше нет. Она дала мне в этом клятву, а ни один сидхе своей клятвы не преступит — даже Андаис. Среди сидхе даже нет большего оскорбления, чем слово "клятвопреступник". С тобой никто после этого не будет вести дела, никто с тобой не ляжет, не говоря уже о браке. Андаис сейчас уже в отношениях с сидхе стоит на зыбкой почве, она не станет рисковать. Шепотом расходятся слухи о революции, и я знаю, что за этими

слухами стоит Кел. Хотя некоторые полагают, что это дело Баринтуса, что он хочет сделать меня королевой, буду я беременна или нет. Баринтус Делатель Королев — называют его за глаза. Я заставила его дать мне слово, что он ничего такого не делает, но все равно он не хочет ехать в Лос-Анджелес, говоря, что нам нужен хотя бы один сильный друг при Дворе, чтобы замолвить слово. Наверное, он прав, но меня начинает интересовать, что именно он говорит при Дворе, не спрашивая меня.

Дойл разделил со мной ложе, но не тело. Мы в буквальном смысле спали вместе, но секса у нас не было. Он говорит, что предвкушение улучшает вкус. Я не знаю, что он задумал, но по взгляду его темных глаз понимаю, что какой-то план, какая-то цель у него есть. Когда я его об этом спрашиваю, он отвечает так: "Единственное мое желание — хранить твою безопасность, чтобы ты после своей тети стала королевой". Я ему не верю. Нет, я верю, что он хочет уберечь меня от опасностей, и я верю, что он хочет, чтобы я правила после Алдане, но я не верю, что это и все. Когда я начинаю настаивать, он улыбается и качает головой. Мне пора бы понять, что если Мрак королевы хочет что-то сохранить в тайне, то бесполезно вынюхивать и выпрашивать, пока он не расскажет сам. Пока мы до конца не вместе, пока я не знаю точно, что он думает, он все еще Мрак королевы и не принадлежит мне до конца. Не отсутствие секса, а избыток тайн мешает мне полностью владеть Дойлом. Если я не владею его сердцем и телом, как я могу ему доверять? Ответ простой; никак.

Я снова в Лос-Анджелесе и работаю в том же детективном агентстве, но теперь под своим именем. У меня есть все, чего я хотела, но держится напряжение, никогда не снимаемое до конца. Потому что я знаю, что, как говорится, второй сапог еще не бросили. Кел жив, и его последователи боятся, что я перебью их, если займу трон. Революции случались из-за меньшего. Репортеры ходят кругами, как акулы, и только приказы Двора удерживают их на расстоянии. Они гоняются за сексом и романтикой — знали бы они, сколько еще они не знают!

Гриффина не нашли. Может быть, он мертв, и никто мне не сказал. Хотя, зная тетушку, я думаю, что она бы поставила его на полочку в коробке, а мне прислала бы несколько любимых кусочков.

Мне следует радоваться, и я радуюсь, но мира в душе нет. Мы сейчас в затишье перед бурей, и буря будет адской. Мне придется переживать шторм в лодке из костей и мяса — тел моих стражей, и с каждой лаской, с каждым взглядом мне все меньше и меньше хочется жертвовать кем-нибудь из них. Я многих потеряла в своей жизни, и я постараюсь на этот раз никого больше не терять. Я далеко и давно ушла от религии своей семьи, но сейчас я поставила у себя в комнате алтарь и снова стала молиться. Я молюсь усердно, изо всех сил, но я лучше других знаю, что, когда ты получаешь ответ на свои молитвы, он всегда не тот, которого ты хотела. Я не хочу трона, если придется карабкаться на него по телам моих друзей и возлюбленных. Я не хочу ничего такой ценой — и никогда не хотела. Для меня всегда важнее власти была любовь, но иногда, чтобы охранить любовь, нужна власть. Я молюсь о сохранении тех, кто мне дорог. Может быть, на самом деле я молюсь о власти — власти достаточной, чтобы их защитить. Если так, то пусть так. Все, что нужно для их безопасности, пусть даже стать королевой, если это необходимо. Я не могу стать королевой, пока жив Кел, что бы там ни думала моя тетья. Я молюсь о безопасности тех, кто мне дорог, а на самом деле прошу власти, трона и смерти моего кузена. Потому что именно эти три вещи должны произойти, чтобы никому из нас не грозила опасность. Говорят: поосторожнее с

тем, чего ты желаешь. То есть будь осторожнее в своих молитвах. Проверь, много раз проверь, то ли это, чего ты воистину хочешь. Никогда не знаешь, когда божество может дать тебе именно то, о чем ты просишь.

Больше книг на сайте - Knigoed.net